

И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

БОРЬБА
РУСИ
ПРОТИВ
КРЕСТОНОСНОЙ
АГРЕССИИ
НА БЕРЕГАХ
БАЛТИКИ
В XII-XIII ВВ.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

И. П. Шаскольский

БОРЬБА РУСИ
ПРОТИВ
КРЕСТОНОСНОЙ АГРЕССИИ
НА БЕРЕГАХ БАЛТИКИ
В XII—XIII вв.

Под редакцией
А. Г. МАНЬКОВА

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1978

Монография посвящена борьбе Новгородского государства против агрессии шведских феодалов в XII—XIII вв. Автор показывает, как в результате длительной героической борьбы русский народ сумел остановить вражеское наступление и сохранить за нашей Родиной в течение столетий важнейший выход к морю в устье Невы и на побережье Финского залива. Работа основана на многочисленных источниках на русском, латинском, финском и шведском языках.

ОТ АВТОРА

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена довольно широкой теме, многократно освещавшейся в научно-популярной литературе и в соответствующих разделах общих и учебных сочинений. Однако эта тема до сих пор не подвергалась у нас монографическому исследованию. Большая зарубежная (шведская, финская, немецкая) литература по данной теме также не дает освещения всей проблемы в целом, рассматривая преимущественно частные вопросы, и к тому же дает во многом неприемлемую для нас в политическом и методологическом отношении трактовку событий.

Поставленную в монографии проблему автор начал изучать еще в конце 1930-х гг., некоторые результаты его работы нашли отражение в печати. Но давно назрела необходимость углубленно рассмотреть весь вопрос в целом, что автор и поставил задачей предлагаемой монографии, базируясь на всей совокупности источников, и русских, и западных, и стремясь к максимальному использованию накопившихся к нашему времени достижений научной литературы (отечественной и зарубежной). Каждый вопрос в рамках поставленной темы, вне зависимости от степени его прежней изученности (в том числе и вопросы, уже ранее освещавшиеся в опубликованных работах автора), заново рассматривается в монографии на основе углубленного анализа источников.

Автор вынужден был ограничить себя освещением только одной части избранной темы: в книге рассматривается борьба Руси против крестоносной агрессии только одной державы, стремившейся в XII—XIV вв. отрезать русскую государственность от Балтийского моря, — Швеции. Борьба против второй агрессивной силы на Балтике — немецких рыцарей-крестоносцев — в данной монографии не рассматривается, ибо это — тема крупного самостоятельного исследования, к тому же несравненно более глубоко разработанная в советской историографии.

За многие годы работы над своей темой автор получал полезные советы и помощь от В. В. Мавродина, В. Т. Пашуто, Н. А. Казаковой, А. Г. Манькова и от ныне покойных С. Н. Валка, М. Н. Тихомирова, Х. Х. Крууса и Е. А. Рыдзевской; всем им автор глубоко признателен.

В В Е Д Е Н И Е

В настоящей работе рассматривается борьба Руси (Новгородской республики) против наступления Шведского феодального государства на восточные берега Балтики с середины XII до второй половины XIII в.

К началу рассматриваемого времени, в XII в., Новгород занимал доминирующее положение на берегах Финского залива. Водская, Ижорская и Корельская земли — восточная половина побережья Финского залива — входили в состав основной территории Новгородского государства. Восточная Эстония и центральная часть южной Финляндии платили дань Новгороду и находились под его политическим влиянием.

С середины XII в. началась крестоносная экспансия Шведского феодального государства, стремившегося захватить в свои руки северные и восточные берега Финского залива, в том числе все принадлежавшее Руси побережье, и полностью оттеснить Русь от выхода к Балтике. С конца XII в. шведская экспансия стала сочетаться с немецкой феодальной агрессией, направленной на завоевание Восточной Прибалтики вместе с Эстонией и предпринимавшей также захват русского балтийского побережья. Русь, ослабленная феодальной раздробленностью, в XII—XIII вв. с трудом отстаивала от вражеского наступления свои позиции на берегах Балтийского моря.

Поскольку активной, наступающей стороной в ходе событий была феодальная Швеция, периодизацию рассматриваемой в книге русско-шведской борьбы (и соответственно деление книги на разделы) нам пришлось построить, следуя этапам шведской крестоносной экспансии.

Борьба Руси против наступления Швеции в XII—начале XIV в. может быть разделена на 3 основных этапа: 1) борьба против первой волны шведской экспансии, направленной на захват юго-западной Финляндии и русского Приладожья; 2) борьба против второй волны шведской экспансии, имевшей целью захват центральной Финляндии и берегов Невы; 3) борьба против третьей волны шведской экспансии, целью которой было завоевание Корельской, Водской и Ижорской земель (с берегами

Невы). В настоящей монографии дается углубленное изучение первых двух этапов; третий этап требует самостоятельного монографического исследования.

Изучению борьбы Новгорода против шведской крестоносной экспансии XII—XIII вв. посвящена весьма обширная литература на русском и особенно на финском и шведском языках.

В русской дворянско-буржуазной историографии (как и в среде большей части буржуазных ученых других крупных европейских стран в прошлом и теперь) существовало великодержавное представление о том, что настоящая наука развивается только в главных центрах европейской и мировой культуры, а наука малых стран и народов не заслуживает внимания. С позиций советских ученых подобное деление науки недопустимо; заслуживает внимания и уважения наука каждой страны, вне зависимости от ее территориальных размеров и численности населения, в частности — и наука небольшой Финляндии. Мы во многих случаях не можем согласиться с методологическими и политическими позициями финских ученых, но обязаны хорошо знать их конкретные исследования исторических источников, оспаривать или принимать их выводы, использовать все практические достижения финской науки.¹

В русской историографии наша тема рассматривалась главным образом на основе русских источников, без серьезного анализа таковых западного происхождения. Автор поставил своей задачей изучение и русских, и западных источников, русской и западной научной литературы, для того чтобы исследовать поставленную тему на основе всей совокупности источников и всех достижений русской, финской и скандинавской науки в этой отрасли.

В буржуазной исторической литературе изучались главным образом внешние события — походы, набеги, всякого рода соглашения, в этом ученые видели все содержание русско-шведских отношений. Рассматриваемый нами процесс изображался только как борьба великих держав — Руси и Швеции. Истории народов, являвшихся объектом борьбы, не придавалось значения.

Для советских историков такой подход неприемлем. С позиций марксистской науки не существует деления на «исторические» и «неисторические» народы; каждый народ, большой и малый, является субъектом исторического процесса, каждый народ сам творит свою судьбу. Для советских историков важно выявить активную историческую роль каждого большого и малого народа, установить его место в ходе исторического процесса. Это принци-

¹ Автор имел в 1971 и 1975 гг. возможность ознакомиться с богатой финской научной литературой по изучаемой проблеме в библиотеках Хельсинкского университета и Государственного архива Финляндии, в связи с чем он выражает благодарность профессорам Э. Кууйо, Х. Кирккенину, В. Нитемаа, П. Вирранкоски, оказавшим ценную помощь в ознакомлении с достижениями финской историографии.

пиальное положение прекрасно прослеживается на материале рассматриваемой нами проблемы.

Борьба между Новгородом и Швецией, разыгравшаяся в XII—XIV вв. на берегах Финского залива и в Приладожье, — сложный процесс, в котором участвовали не только Новгородское и Шведское государства, но и племена, жившие на пограничных территориях, служивших предметом борьбы, особенно емь и карелы.

Буржуазная историография, и русская, и западная, рассматривала племена, населявшие пограничные области, как безвольный объект исторического процесса, как игрушки в руках борющихся держав. Одной из задач своей работы мы считали выяснение активной роли этих племен, особенно еми и карел, в ходе политических событий. Мы стремились показать, что прибалтийско-финские племена сами участвовали в политической борьбе и являлись мощной силой, влиявшей на весь ход событий.²

Особо важное значение в нашей монографии мы придаем племени емь, одному из двух финских племен, из которых в XIII—XIV вв. сложился финский народ. Решительно расходясь с мнением большинства финских ученых об извечной враждебности финских племен к русским, мы поставили одной из своих главных задач проследить по данным источников существование давних политических и культурных связей финского племени емь с Русью и роль этих связей в политической борьбе на берегах Балтики в XIII в. Приводимые нами сведения разных видов источников достаточно ясно свидетельствуют о наличии в древности дружественных отношений между русским и финским народами.

В целом в своей монографии автор стремился показать, как русский народ в сложных и неблагоприятных условиях феодальной раздробленности, а затем и обрушившегося на нашу страну татарского нашествия и татарского ига боролся против крестной агрессии со стороны феодальной Швеции и сумел отстоять от вражеского натиска свой важнейший выход к морю — восточное побережье Финского залива с устьем Невы.

² Эта постановка проблемы была нами выдвинута в докладе «Россия и балтийский вопрос в XII—XV вв.» на III советско-финском симпозиуме в Хельсинки в ноябре 1971 г. (Saskolski I. Venäjän ja Itämeren kysymys 1100—1400-luvulla. — In: Historiallinen arkisto, 1973, 66, s. 6—25) и была поддержана передовыми финскими учеными; на IV советско-финском симпозиуме в Москве в январе 1974 г. финские историки Э. Кууйо и Х. Киркинен выступили с докладом «Участие племен, населявших Прибалтику и Финляндию, в разрешении территориальных вопросов в районе Балтийского моря в XII—XIII вв.» (Kuujo E., Kirkinen H. Baltiassa ja Suomessa asuneiden heimojen osallistuminen Itämeren alueen kysymysten ratkaisuun 1100- ja 1200-luvulla. — In: Historiallinen arkisto, 69, 1975, s. 30—46). С советской стороны на том же IV симпозиуме в поддержку той же постановки проблемы выступили с докладом на материале Восточной Прибалтики эстонские ученые А. Вассар и Э. Тарвел (Vassar A., Tarvel E. Die ostbaltischen Stämme im Kampf gegen die deutsch-skandinavische Agression im 12—13. Jahrhundert. — Eesti NSV Teaduste Akadeemia toimetised. Ühiskonnateadused. 1975, № 1, s. 26—40).

Г л а в а I

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1. Обзор литературы вопроса

Борьба Руси со Швецией на берегах Балтийского моря в XII—XIII вв. изучалась русскими, шведскими и финляндскими учеными, и за последние полтора столетия по этой проблематике накопилась уже довольно значительная литература. По странам эта литература распределяется весьма неравномерно. Шведские и до-революционные русские авторы интересующей нас темой занимались мало. В советской науке она стала освещаться только с конца 1930-х гг. и преимущественно в научно-популярной литературе. Изучением русско-шведской борьбы XII—XIII вв. и ее отдельных этапов больше всего занимались финские исследователи. И это вполне объяснимо. Для русских и шведских историков эта тема — один из весьма многих вопросов отечественной истории данного периода. Но для финских авторов русско-шведская борьба XII—XIII вв., ведшаяся главным образом за обладание Финляндией, составляла основное содержание политической истории их страны. Политическая история Финляндии XII—XIII вв. — это в значительной мере борьба Новгорода со Швецией за обладание финляндскими землями.

За полтора столетия изучения данной темы, а главным образом за последние 40—50 лет финскими авторами написано немало крупных исследований, разработано много весьма существенных вопросов этой темы и накоплен большой фактический материал. Но в работах и шведских, и финских исследователей в той или иной степени нашли свое отражение идеи буржуазного национализма. А поскольку шведский и финский буржуазный национализм всегда имел антирусскую направленность, работы шведских и финских авторов проникнуты более или менее ясно выраженной антирусской политической тенденцией и рассматривают отношения с Русью (и Россией) как отношения с соседней враждебной страной. Антирусская настроенность шведских и финских буржуазных историков находит свое выражение во многих их научных построениях, в трактовке отдельных фактов, в постоянном стремлении преуменьшить роль Древней Руси в ходе исторических событий и преувеличить роль шведов.

Наличие этих серьезных пороков в работах буржуазных авторов заставляет нас весьма осторожно и критически подходить к их использованию. Мы можем пользоваться результатами полторавековой работы этих авторов над изучением источников, использовать накопленный ими фактический материал, но одновременно должны подвергать серьезной критике политические тенденции буржуазной финской и шведской историографии.

В изучение истории русско-шведских отношений XII—XIV вв., истории Финляндии и Карелии довольно существенный вклад внес русский историк начала прошлого столетия академик А. Х. Лерберг. Он создал первое в России серьезное исследование по нашей теме, основанное на изучении известных тогда русских и западных источников, русской и западной литературы.¹

Представляет интерес также работа сотрудничавшего с нашей Академией наук историка А. И. Гиппинга, изданная посмертно.²

Работы Лерберга и Гиппинга особенно ценны для нас потому, что оба автора смотрели на проблему не предвзято, под неизменным углом пристрастного западного историка, а с позиций объективного исследователя событий. Это и дало им возможность всесторонне изучить показания источников и в ряде весьма существенных вопросов истории Финляндии и русско-шведской борьбы выявить подлинную роль Древней Руси.

Главным достижением Лерберга и Гиппинга явилось данное ими решение вопроса о политических отношениях финского племени еми с Новгородом до прихода в Финляндию шведов. Вопрос этот имеет весьма существенное значение: как теперь удастся установить, отношения еми и Новгорода до появления шведов определили позицию еми (т. е. части финского населения) во время шведского завоевания.

Лерберг и Гиппинг в результате глубокого изучения шведских, финских и русских источников выявили ряд фактов, прямо или косвенно свидетельствующих о вхождении значительной части Финляндии — земли еми — до шведского завоевания в состав русских владений. Эти факты финскими буржуазными историками обычно замалчивались, что вызвано политическими воззрениями этих ученых.

Как известно, одним из основных положений финского буржуазного национализма является утверждение о будто бы существовавшей исконной враждебности финского народа к русским и якобы исконной дружбе, культурной, религиозной и политической связи финнов со шведами. Факты, говорящие о дружбе, политических и религиозных связях финнов в самом начале их политической истории не со шведами, а с русскими, противоречат

¹ Лерберг А. Х. О жилищах еми. — В кн.: Лерберг А. Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819.

² Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц, ч. I. СПб., 1909 (впервые опубликовано на шведском языке в 1836 г.).

вышеуказанной концепции и потому замалчивался националистически настроенными историками.

Концепция Лерберга и Гиппинга не получила развития и в России, оставаясь по существу не замеченной русской дворянско-буржуазной историографией, считавшей Финляндию в XI—XIII вв. просто соседней с Новгородом страной с резко враждебным Руси населением, вскоре подпавшим под власть шведов.

В советской историографии с середины 1930-х гг. стал проявляться большой интерес к наиболее известному из событий русско-шведской борьбы XII—XIII вв. — к Невской битве. Об Александре Невском и Невской битве за последние 30—35 лет опубликовано много десятков популярных статей и брошюр. Но авторы этих работ также ограничивались пересказом летописей и сведений из устаревших трудов дворянско-буржуазных историков. Заслуживают внимания лишь общие и научно-популярные работы нескольких крупных ученых, давших серьезный анализ русских источников и использовавших некоторые достижения зарубежной историографии.³

Начиная с 1940 г. было опубликовано также несколько статей автора настоящей работы, содержащих исследование отдельных моментов истории борьбы Руси против крестоносной агрессии XII—XIV вв. и являвшихся первой попыткой широкого использования наряду с русскими и западных источников.⁴

Задача углубленного монографического исследования всей данной проблемы — важной проблемы отечественной истории феодальной эпохи — в советской историографии оставалась нерешенной.

Первые общие сочинения по истории Финляндии были созданы в середине XIX в. финскими историками Г. Рейном и

³ Тихомиров М. Н. 1) Сражение на Неве. — Военно-ист. журн., 1940, № 7, с. 96—102; 2) Борьба русского народа с немецкой агрессией в XIII—XIV вв. М., 1942; Мавродин В. В. Начало мореходства на Руси. Л., 1949; Пашуто В. Т. 1) Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII в. М., 1951; 2) Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956; 3) Внешняя политика Древней Руси. М., 1968; 4) Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XIII—XV вв. — Вопросы истории, 1969, № 6, 7; Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953; Рыбаков Б. А. Военное искусство. — В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв. ч. I. М., 1969.

⁴ Шаасковский И. П. 1) Борьба шведских крестоносцев против Финляндии (XII—XIV вв.). — Ист. журн., 1940, № 4—5, с. 102—112; 2) Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой. — Военно-ист. журн., 1940, № 7, с. 90—95; 3) Сигтунский поход 1187 г. — Ист. записки, 1949, № 29, с. 135—163; 4) Борьба Новгорода и карел против шведской экспансии в XII в. — Изв. Карело-Финск. фил. АН СССР, 1951, № 2, с. 3—23; 5) Новые материалы о шведском походе 1240 г. на Русь. — Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1951, № 3, с. 267—276; 6) Карелия в новгородское время. — В кн.: История Карелии с древнейших времен до середины XVIII в. Петрозаводск, 1952, с. 70—85; 7) Борьба Александра Невского против крестоносной агрессии конца 40—50-х гг. XIII в. Ист. записки, 1953, № 43, с. 182—200.

Г. З. Ирjö-Коскинемом.⁵ Г. Рейн специально занимался и вопросами русско-шведской борьбы в Финляндии в XIII в.⁶ Финские историки XIX—начала XX в., находившиеся под влиянием финского буржуазного национализма, трактовали русско-финские и русско-шведские отношения XII—XIII вв. с умеренно антирусских позиций.

В период между двумя мировыми войнами правящие круги буржуазной Финляндии придерживались антисоветского политического курса и в идеологической жизни страны, в науке, литературе, публицистике важную роль играли реакционные буржуазно-националистические идеи, антирусская и антисоветская пропаганда. В исторической науке большую роль приобрело реакционное националистическое направление, для которого был характерен взгляд на раннюю историю своей страны, отражающий шведскую точку зрения, точку зрения шведских завоевателей. В работах большинства финских историков шведское завоевание Финляндии XII—XIII вв. считалось важнейшим положительным событием, определившим исторические судьбы финского народа; согласно этой концепции, в результате шведского завоевания все блага культуры и цивилизации пришли в Финляндию с Запада. А отношения с восточным соседом соответственно изображались черными красками: с Востока, из России в Финляндию следовали лишь вражеские нападения, разорения, бедствия.

Приняв шведскую точку зрения, финская националистическая историография неизбежно должна была встать на путь одобрения и оправдания шведской крестоносной агрессии против Руси. Захватнические походы шведских рыцарей, ставившие целью завоевание территорий Новгородского государства и подвластных ему прибалтийско-финских племен, изображались финскими националистическими историками в положительном свете, как войны «необходимые» и «справедливые». Интересы шведских феодальных властей и интересов финнов, согласно этой концепции, совпадали: финские племена так же, как и шведские колонизаторы, были якобы всегда враждебны Руси и русскому народу, будто бы всегда «смотрели на Запад».

Наиболее видным представителем буржуазно-националистического направления в финской историографии в предвоенные и первые послевоенные годы был Я. Яккола, автор нескольких монографий и целой серии крупных обобщающих работ по истории своей страны эпохи средневековья.⁷ Для характеристики его политических взглядов достаточно отметить, что в годы второй мировой

⁵ Rein G. Föreläsningar öfver Finlands historia. I. Helsingfors, 1870; Yrjö-Koskinen G. Z. Finnische Geschichte. Leipzig, 1874.

⁶ Rein G. Biskop Thomas och Finland i hans tid. Helsingfors, 1839.

⁷ Jaakkola J. 1) Suomen varhaishistoria. Porvoo—Helsinki, 1935; 2) Suomen varhaiskeskiaika. Kristillisen Suomen synty. Porvoo—Helsinki, 1938 (II изд. — 1958); 3) Suomen sydänkeskiaika. Porvoo—Helsinki, 1944; 4) Suomen myöhäiskeskiaika. Porvoo—Helsinki, 1950.

войны он опубликовал предназначенную для массового читателя книгу «Восточный вопрос Финляндии»,⁸ в которой на историческом материале пытался «доказать» извечную враждебность русских к финнам и «обосновать» необходимость и правомерность войны Финляндии против Советской страны.

Для нашего исследования наибольшее значение имеет одна из сводных обобщающих работ Якколы — «Раннее средневековье Финляндии»,⁹ охватывающая финляндскую историю с IX—X вв. и до Ореховецкого мира 1323 г. В этой книге наряду с вопросами внутренней жизни страны рассматривается с наибольшей подробностью весь ход внешнеполитической истории Финляндии XII—начала XIV в., т. е. все этапы шведского завоевания этой страны и весь ход русско-шведской борьбы.

Разумеется, и эта книга написана в антирусском духе: автор стремится всюду, где позволяют источники и даже вопреки источникам, представить финские племена враждебными Руси, активно враждебной антирусской силой, играющей в борьбе с Русью не меньшую, а иногда и большую роль, чем шведские крестоносцы. Примечательно, что автор, по всей видимости знавший русский язык и свободно пользовавшийся летописными источниками, полностью игнорировал русскую и советскую историографию, как будто ее не существовало на свете, и использовал только сочинения западных ученых.

В первые послевоенные годы в финской историографии¹⁰ еще действовала инерция старых политических настроений. Правда, издания со столь резкой антирусской и антисоветской направленностью, какие появлялись в годы войны, стали уже невозможны, но умеренно прошведская и антирусская тенденция проявлялась и в работах, публиковавшихся в первые полтора-два послевоенных десятилетия. Из крупных научных сочинений, изданных в это время и глубоко освещающих ход внешнеполитической борьбы в Финляндии XII—XIII вв., должны быть названы «Руководство по истории Финляндии» под редакцией А. Корхонена,¹¹ коллективная «История Хяме»¹² (история земли еми), «История финского

⁸ Jaakkola J. Suomen idän kysymys. Porvoo—Helsinki, 1942. — Тогда же, во время войны Финляндии против СССР, были опубликованы и другие книги финских историков, написанные (хотя и не столь резко) с враждебных нашей стране позиций: Mikkola J. J. Idän ja Lännen rajoilta. Helsinki, 1942; Juva E. Suomen taistelu itää vastaan. Helsinki, 1942; Aminoff T. G. Karjalan lännen etuvartiona. 700-vuotinen taistelu Karjalasta. Helsinki, 1943 (то же по-шведски: Aminoff T. G. Mellan svärdet och kroksabeln. Helsinki, 1943).

⁹ Jaakkola J. Suomen varhaiskeskiaika.

¹⁰ Общий обзор финской историографии послевоенных лет дан в статье видного финского историка П. Ренвалла: Renvall P. Finska nauka historyczna po drugiej wojnie swiatowej. — Zapiski historyczne, Toruń, 1972, t. XXXVII, № 3, s. 453—480.

¹¹ Suomen historian käsikirja. Porvoo—Helsinki, 1949.

¹² Hämeen historia. I. Hämeenlinna, 1955.

народа» Э. Ювы и его сына М. Ювы¹³ и другие работы. В отличие от Якколы, выросшего еще в предреволюционные годы, во время вхождения Финляндии в состав России, и знавшего русский язык, но сознательно не желавшего использовать русскую историографию, финские историки послевоенных лет уже, как правило, не знают русского языка, и незнание русской научной литературы у них вызвано языковым барьером.

В 1960-е гг., когда значительное развитие получили добрососедские отношения между СССР и Финляндией, стали проследиваться определенные сдвиги и в финской историографии. Отдельные исследователи постепенно отходят от антирусской направленности при освещении русско-шведской борьбы в Финляндии XII—XIV вв., более серьезно и объективно трактуют показания источников. Появляются работы, свободные от прежних политических тенденций, объективно освещающие ход исторических событий. Появились исследователи, знающие русский язык и пользующиеся советской научной литературой. В пределах интересующей нас тематики первым финским ученым, изучившим русский язык и широко использовавшим результаты исследовательской работы советских ученых, явился финский историк Карелии Х. Киркинен. Его монография «Карелия в кругу восточной культуры»¹⁴ содержит серьезное исследование истории Карелии IX—XV вв., включая и исследование русско-шведской борьбы в Финляндии и Карелии этого времени. В этой книге, базируясь на материале и финской, и русской науки, автор главное внимание уделил изучению русского влияния на хозяйственную и политическую жизнь и культуру Карелии и на национальное развитие карельского народа.

Шведские историки для нашей темы дают гораздо меньше. В шведской историографии нет ни одной работы, исследующей общий ход борьбы Руси и Швеции на берегах Балтики в XII—XIII вв. Эта тематика нашла отражение лишь в статьях по отдельным частным вопросам. В общих сочинениях по шведской истории борьба Швеции с Русью XII—XIII вв. почти не затрагивается или затрагивается совсем бегло и мимоходом.

В совокупности русская, финская и шведская науки оставили за полтора столетия большое научное наследие. Сравнительно немногочисленные данные источников о событиях XII—XIII вв. изучены теперь с большой тщательностью и полнотой, что позволяет воссоздать общий ход русско-шведской борьбы указанного периода.

Однако ни в нашей, ни в зарубежной историографии нет до сих пор работы, в которой борьба Руси против шведской агрессии на восточных берегах Балтийского моря XII—XIII вв. получила бы глубокое и всестороннее рассмотрение на основе изучения

¹³ Juva E., Juva M. Suomen kansan historia. I. Helsinki, 1964.

¹⁴ Kirkinen H. Karjalan idän kulttuuriipiirissä. Helsinki, 1963.

всей совокупности источников и с использованием всех имеющихся достижений советской и зарубежной науки. Попытку решения этой задачи представляет собой данная монография.

2. Обзор источников

История русско-шведских отношений нашла свое отражение и в русских, и в западных источниках. Поскольку в памятниках XII—XIII столетий вообще содержится весьма мало сведений о внешних отношениях, до конца XIII в. русские и западные источники по данной теме не дублируют, а взаимно дополняют друг друга. Поэтому для русско-шведских отношений XII—XIII вв. оба вида источников в равной мере важны.

Основным русским источником для нашего исследования является Новгородская первая летопись;¹⁵ но ход русско-шведской борьбы она отражает весьма неполно. В ней мы находим лишь известия о шведских нападениях на коренные новгородские земли и о русских походах в землю еми (центральную Финляндию). Об активных действиях новгородцев и их вассалов — карел против шведов, о новгородско-карельских походах против шведов в Финляндию и в Швецию эта летопись ничего не сообщает.

Шведские источники¹⁶ носят иной характер. Средневековая Швеция не создала исторического памятника, подобного русским летописям и наиболее известным западноевропейским хроникам; в Швеции не велись в официальном порядке (как это было на Руси, в Византии и во многих западных странах) подробные ежегодные записи о происходивших событиях.

Основным источником для истории Швеции XII—XIII вв. является Хроника Эрика,¹⁷ написанная рифмованными стихами между 1320 и 1330 гг. Автор Хроники Эрика пользовался в качестве источников какими-то не дошедшими до нас краткими современными записями, а также для XII в. — народными преданиями, для XIII в. (особенно для его второй половины) — рассказами очевидцев. Хроника Эрика является единственным шведским источником, который дает не отдельные случайные известия, а связный рассказ о ходе шведской истории. Но поскольку ежегодные регулярные записи в стране не велись, Хроника Эрика, писавшаяся *post factum*, могла отразить только наиболее крупные события жизни Швеции XII—XIII вв. Хроника Эрика — произведение в такой же мере литературное, как и историческое, и содержит много чисто литературных приукрашиваний, вымышленных для оживления картины деталей и т. д.¹⁸

¹⁵ Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М., 1950.

¹⁶ О них см.: Norborg L.-A. Källor till Sveriges historia. Lund, 1968.

¹⁷ Svenska Medeltidens Rimkrönikor. I. Gamla eller Erikskrönikan. Ed. G. E. Klemming. Stockholm, 1865.

¹⁸ Общая характеристика Хроники Эрика и переводы ее текстов, описывающих военные действия шведов с Новгородским государством, даются

Еще беднее финские источники; до нас дошли лишь жалкие крупицы сведений, содержащиеся в двух редакциях Хроники епископов Финляндии. В основу этой Хроники были положены весьма краткие современные записи о финляндских епископах и о главных событиях, случившихся при их жизни.

Более ранней редакцией Хроники является так называемый «Фрагмент Пальмшёльда»,¹⁹ составленный в первой половине XVI в. на основании какой-то более старой и уже весьма ветхой рукописи. Более поздней редакцией памятника является «Хроника епископов Финляндских» Юстена.²⁰

Третьей группой западных источников для нашей темы являются папские буллы. Буллы — единственные документы, современные событиям и содержащие в ряде случаев довольно подробные сведения по интересующим нас вопросам. Буллы 1171, 1237 и 1256 гг. — основные источники для отдельных разделов настоящего исследования.

В отдельности перечисленные источники не дают сколько-нибудь цельной картины; но в своей совокупности русские, шведские, финские памятники и папские буллы позволяют восстановить общий ход и основные моменты борьбы Новгородского государства против шведской крестоносной экспансии в рассматриваемый период.

в кн.: Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978, с. 105—123.

¹⁹ Опубликован в «*Scriptores rerum Suecicarum*», t. III, pars 2. Uppsala, 1876, p. 132.

²⁰ Опубликована: Porthan H. G. *Opera selecta*, pars I. Helsingfors, 1859.

Г л а в а II

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ И ШВЕЦИИ В XII—XIII вв.

1. Взаимоотношения Новгорода с подвластными племенами

В отличие от других русских феодальных княжеств Новгород в течение всего периода своей самостоятельности вел активную внешнюю политику, подчиняя и осваивая огромные территории, охватывающие больше трети современной европейской части нашей страны.

Внешняя политика Новгорода и его политика на подвластных нерусских землях — единый процесс; по отдельности, вне связи друг с другом, эти две линии новгородской политики рассматривать невозможно.

Внешняя политика Новгорода в первые столетия его существования как государства (X—XIII вв.) носила активный, наступательный характер, имея своей целью подчинение все новых и новых территорий, населенных северно- и западнофинскими племенами. Когда же началась немецкая и шведская экспансия в Прибалтийских странах и когда немцы и шведы начали захват земель, входивших в сферу влияния Новгорода, первой задачей новгородской внешней политики стала борьба за сохранение своих владений и в Эстонии, и в Финляндии.¹ При этом особые черты новгородской политики на подвластных территориях обеспечили новгородцам поддержку подчиненных племен в борьбе с внешним врагом.

О внешней политике Новгорода мы знаем ничтожно мало: нам известны лишь отдельные, случайные факты. Ход подчинения колоссальных пространств русского севера, характер отношений с подвластными племенами, эксплуатация природных богатств и населения подчиненных территорий — все это восстанавливается исследователями по отдельным, случайным указаниям и намекам источников. Лишь на одной зависимой от Новгорода территории — в Эстонии во время ее завоевания немцами — новгородская политика нашла более углубленное отражение. «Хроника Ливонии»

¹ Вскоре возникла и задача обороны от немецко-шведского наступления на коренные новгородские земли.

Генриха Латвийского — единственный памятник истории нашей страны XIII в., дающий не краткие известия, а развернутый и подробный рассказ об описываемых событиях, — является незаменимым пособием для изучения политики новгородцев по отношению к подвластным народам. «Хроника Ливонии» позволяет нам по аналогии представить себе отношения новгородцев и с другими подвластными племенами.

Новгородская политика в Эстонии, Финляндии, Карелии, стране саамов носила в XI—XIII вв. совершенно особый характер² и принципиально отличалась от колониальной политики западноевропейских феодальных государств. Если, скажем, немцы требовали от покоренных племен поголовного крещения в католическую веру, особых податей для католической церкви, передачи церкви земельных угодий, если немцы-завоеватели ликвидировали старый племенной строй, вводили по всей стране немецкую администрацию и немецкую юстицию, в отдельных пунктах страны воздвигали города и рыцарские замки и стремились к превращению местного населения в феодально зависимых крестьян, то Новгород на своих западных и северо-западных подвластных территориях ограничивался только сбором дани. Лишь дань символизировала подчиненность того или иного племени Новгородскому государству.

Генрих Латвийский в своей «Хронике Ливонии» (написана в 20-х гг. XIII в.) прямо указывает на эту черту новгородской политики: «Есть обычай у королей русских, покорив какой-либо народ, заботиться не об обращении его в христианскую веру, а о сборе [с него] дани и денег».³

Новгородцы сохраняли на подчиненной территории весь местный уклад жизни, местную племенную администрацию; на землях покоренных Новгородом племен в XI—XIII вв. не было (или почти не было) русской администрации, русских войск и крепостей, русских поселков (в Финляндии, землях води, ижоры, саамов и большей части Карелии и Эстонии). Сборщики дани были здесь единственными представителями новгородских властей.

² По сути дела — более примитивный характер. В данном случае вполне уместна аналогия с отношениями между Киевом и подвластными племенами (древлянами, вятичами и др.) до конца X в. О характере новгородской политики см. также: Шааскольский И. П. Емь и Новгород в XI—XIII вв. — Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук, 1941, вып 10, с. 104—106; Šaaskolski I. Venäjän ja Itämeren kysymys 1100—1400. — In: Historiallinen arkisto. 66. Forssa, 1973, s. 10—12; Казакова Н., Шааскольский И. Русь и Прибалтика (IX—XVII вв.). Л., 1945, с. 15—19; История Эстонской ССР, т. I. Таллин, 1961, с. 81, 108, 112—114.

³ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Л., 1938, с. 341 (перевод наш). Под «обращением в христианскую веру» здесь надо понимать, разумеется, не только насильственное крещение, но и все то, чем немцы, датчане и шведы обычно сопровождали крещение покоренных племен (ликвидацию старого племенного строя, захват земель и т. д.; см. ниже, с. 35—37).

Сохранялась и местная языческая религия; в отличие от шведов, немцев, датчан новгородцы, как правило, не предпринимали государственных мер по принудительной христианизации подчиненных племенных земель.

Не опирающаяся на военную силу — на русские гарнизоны и крепости, русская власть в прибалтийских и северных землях имела опору внутри каждого племени. Племенной знати (нобилитету) было выгодно поддерживать русскую власть, укреплявшую своим авторитетом господствующее положение знати внутри племени. Как установлено советскими учеными, русская власть над прибалтийскими и северными племенами в социальном плане представляла собою союз между феодальным правящим классом Древней Руси и местной племенной знатью. В письменных источниках выявлены имена целого ряда представителей племенной знати эстов, ижоры, карел, емь и других племен, поддерживавших русскую власть (эст Лембиту, лив Ако, ижорянин Пелгусий, карел Валит и др.), а также имена племенных нобилей, переселившихся в Киев и Новгород и вошедших в состав русского боярства (видный киевский боярин эст Чудин Мпкула; новгородский тысяцкий, выходец из племени емь Семен Емин; новгородский боярин карел Иван Федорович Валит и др.).

Власть Руси на землях нерусских племен Прибалтики и Севера носила поверхностный характер,⁴ не затрагивала основ местной общественной жизни и потому оказывалась более легкой, чем пришедшая ей на смену в некоторых прибалтийских землях власть немецких, шведских, датских рыцарей. Этим и объясняется, почему прибалтийские племена — ливы, эсты, воль, ижора, карелы, емь — при вторжениях западноевропейских завоевателей боролись против них вместе с русскими.

Особый характер новгородской политики в подчиняемых землях облегчал широкое распространение новгородского господства по всему северу Восточной Европы. Благодаря тому что новгородцы ограничивались (во всяком случае в первое время, в XI—XIII вв.) лишь данью с подвластных племен, они могли подчинить при весьма ограниченных людских ресурсах (русское население Новгородской земли было сравнительно очень невелико) колоссальную территорию от Волги до Ледовитого океана и от норвежских фьордов до Оби.

Новгородская политика XI—XIII вв. имела и свою слабую сторону: подчиненная область не закреплялась путем постройки

⁴ Поверхностный, неглубокий характер новгородской власти в землях прибалтийских племен вводил в заблуждение некоторых финских историков. Например, в отношении карел не раз высказывалось мнение, что они в XII—XIII вв. не были подвластны Новгороду, а только платили ему дань (Voionmaa V. Suomen karjalaisen heimän historia. Helsingissä, 1915, s. 24, 26; Juva E., Juva M. Suomen kansan historia. I. Helsinki, 1964, s. 142, и др.). Однако ведь только в уплате дани и состояли все обязанности подчиненных племен по отношению к древнерусской власти.

опорных пунктов и крепостей, в ней не было постоянных новгородских гарнизонов. Это значительно облегчало завоевание зависимых от Новгорода территорий войсками западноевропейских государств и рыцарских орденов. Именно поэтому ими так быстро и сравнительно легко были завоеваны восточная Эстония, земля еми, западные районы Карелии.

Необходимо отметить еще один характерный момент. Наши источники не позволяют установить сколько-нибудь точное время подчинения еми, карел, чуди-эстов и всех других подвластных Новгороду племен, в частности подчиненных уже после начала новгородского летописания северных племен — чуди заволоцкой, печеры, югры, время подчинения северной Карелии, Кольского полуострова и Финмаркена. По-видимому, это не случайно, поскольку молчание наших источников о завоеваниях является правилом. Прибавим, что наряду с этим летописи сообщают о походах против уже подчиненных, но восставших против новгородской власти племен. Видимо, новгородская политика на подвластных территориях отличалась от колониальной политики западноевропейских феодальных государств также и в способах подчинения новых земель. Новгородцы подчиняли себе соседние племена не путем организации больших военных экспедиций⁵ с участием крупных вооруженных сил⁶ и с насильственным крещением покоряемых племен, как это делали, например, шведы, а иным путем.

Новгородцы завоевывали северные и западные племена силами небольших отрядов. При этом важную роль играли переговоры и соглашения с местной родо-племенной знатью. Под давлением превосходящих новгородских сил племенная знать вынуждена была признавать зависимость от Новгорода.

Что новгородские завоевания проходили именно так, подтверждают также следующие соображения: 1) вступление под власть Новгорода было выгодно для племенной знати северных и прибалтийских племен (укрепление своей власти над соплеменниками при поддержке Новгорода, облегчение торговли мехами); 2) характер зависимости не требовал организации больших завоевательных походов, поскольку подчинение племен Новгороду не сопровождалось коренными изменениями в их политическом и социальном строе; самый факт подчинения сводился к установлению чисто внешней зависимости в форме дани.

Поскольку подчинение новых племен достигалось малыми военными силами, расширение новгородских владений надо представлять себе не как скачкообразный процесс с захватом сразу

⁵ Такие крупные экспедиции, если бы они предпринимались, были бы хоть раз зафиксированы летописью.

⁶ Например, в походе шведов под руководством Тюргильса Кнутсона для завоевания берегов Невы в 1300 г. участвовало 110 военных судов.

больших территорий и целых племен, а как процесс медленного постепенного проникновения все дальше и дальше на север и запад, последовательного подчинения отдельных областей. Завладение той или иной территорией надо датировать не одним каким-нибудь годом, а многими десятилетиями.

Движение новгородцев на север и запад для подчинения все новых территорий нельзя, по-видимому, представлять себе как заранее продуманную, организованную, планомерно проводившуюся политику. Это был в значительной мере стихийный процесс. Отряды сборщиков дани и снаряжаемые боярами дружины ушкуйников продвигались на север и запад, стремясь получить новые объекты обложения, найти новые места, богатые пушшиной. И чем богаче была та или иная область, чем легче можно было там собирать дань и добывать пушшину, тем чаще туда направлялись данщики и ушкуйники, расширяя в эту сторону сферу новгородских владений.

В ходе борьбы новгородцев со шведами в XII в. также может быть прослежен известный элемент стихийности. Борьба против шведского наступления в Финляндии происходила в значительной мере в форме малых походов новгородских военных отрядов. Деятельность этих отрядов в ряде случаев не направлялась новгородскими властями, а проходила по собственной инициативе.

В значительной мере тем, что новгородские власти в XII в. и в отдельные периоды XIII в., по-видимому, мало занимались организацией борьбы против шведской экспансии, нужно, как нам кажется, объяснять неудачи новгородцев в их борьбе со шведами в Финляндии. В конце XII в., как мы покажем в своем месте, новгородские военные отряды добились в борьбе со шведами выдающихся успехов, но новгородские власти не позаботились продолжить наступление и шведам удалось удержаться на финской территории. В XIII в., во время княжения Ярослава Всеволодовича, затем — Александра Невского, роль новгородских властей в руководстве борьбой со шведами прослеживается значительно более отчетливо: в осложнившихся условиях новгородские власти должны были гораздо больше и настойчивее заниматься вопросами внешней политики.

Новгородская внешняя политика на западе и на Крайнем Севере осуществлялась не только русскими военными отрядами. Едва ли не большую роль играли военные отряды новгородских вассалов-карел. В борьбе со шведами карелы выступали в течение XII и первой половины XIII в. как представители Новгородского государства.

Новгородская внешняя политика не всегда осуществлялась под непосредственным руководством новгородских властей, но всегда имела отчетливо выраженную целеустремленность. На каждом этапе имелась определенная политическая линия и по отношению к шведам, и по отношению к западнофинским племен-

нам. Новгородские и карельские военные отряды действовали в рамках этой политической линии, энергично отстаивая интересы новгородской государственности.

2. Взаимоотношения Новгорода с емью

Для нашего исследования особенно важное значение имеет вопрос об отношениях Новгорода с финским племенем емь.⁷

В рассматриваемый период в Финляндии жили два финских племени — сумь и емь, из слияния которых составилась позднее, в XIV—XV вв., финский народ. Сумь,⁸ или собственно финны,⁹ заселяли юго-западное побережье Финляндии;¹⁰ емь¹¹ заселяла внутренние области южной Финляндии, район центральных финских озер.¹²

Согласно древним представлениям, зафиксированным в более поздних средневековых источниках, земля еми простиралась некогда «от соленого моря до соленого моря»,¹³ т. е. от берега Финского залива до берега Ботнического залива, оставляя на юго-западе территорию земли суми — юго-западную Финляндию. Однако в этой средневековой местной традиции подразумевается

⁷ Подробнее см.: Шаскольский И. П. Емь и Новгород в XI—XIII вв., с. 93—115.

⁸ Русское слово «сумь» произошло от самопазвания племени — suomi.

⁹ Первоначально в XII—XIV вв. в Швеции и других западных странах финнами называли только население юго-западной Финляндии, племя сумь; лишь после слияния суми и еми в единый народ название «финны» распространилось на весь финский народ.

¹⁰ Землю суми в XII—XIV вв. в западных источниках называли Финляндия, позднее ее стали называть «собственно Финляндия».

¹¹ Русское название «емь» (или «ямь») произошло от самопазвания племени — häme; шведское название племени — «тавасты».

¹² Поскольку вся северная половина современной территории Финляндии была незаселенной и поселения располагались только в южной части страны, мы в дальнейшем территорию еми будем называть также «центральная Финляндия». — Почти полтора столетия тому назад И. А. Шёгрэн выдвинул теорию, согласно которой емь жила первоначально к югу от Северной Двины и только в середине XII в. переселилась в Финляндию (Sjögren J. A. Über die älteren Wohnsitze der Jemen. — In: Memoires de l'Academie des sciences, vol. I. SPb., 1832, p. 263—345). Теория эта признавалась частью ученых в прошлом столетии, но в XX в. уже не принимается всерьез, как основанная на устаревших и недостоверных данных; ее критику см.: Бубрих Д. В. Не достаточно ли емских теорий? — Изв. Карело-Финск. фил. АН СССР, № 1, с. 81—92; Шаскольский И. П. О емской теории Шегрена и ее последователей. — Там же, с. 93—98; Lind J. Sjögrens Häme-teori og de russiske krøniker. Ett oppgør med finsk tradition. — Historisk tidskrift för Finland, 1927, h. 4, s. 286—323. — В финской науке XX в. теорию Шегрена признавали лишь Миккола (Mikkola J. J. Novgorodernas krigståg till Finland intill år 1311. — Historisk tidskrift för Finland, 1927, h. 2, s. 65—69) и вслед за ним Кирккинен (Kirkkinen H. Karjalan idän kulttuuripiirissä. Helsinki, 1963, s. 26—27, 66).

¹³ Jaakkola J. Suomen muinaiset valtarajat vuoteen 1323. Helsinki. 1925, s. 17; Jokipii M. Hämeen ristiretki. — In: Suomen Kirkkohistoriallisen seuran vuosikirja. 52—53. 1962—1963. Helsinki, 1965, s. 14.

обширная территория, принадлежавшая племени емь; заселенная территория была значительно меньше, охватывала лишь район центральных озер современной южной части Финляндии; прибрежные области у Финского и Ботнического заливов оставались до шведского завоевания незаселенными и лишь использовались емью для сезонной охоты и морских промыслов. С востока и северо-востока, начиная от реки Кюмийоки, с территорией эми граничили земли карел, в основном — обширные малонаселенные лесные области, простиравшиеся тоже от Финского до Ботнического заливов.

В XI—XII вв. в Финляндии еще господствовал первобытно-общинный строй. Правда, этот строй переживал уже свою последнюю стадию, стадию патриархального рода. Ко времени шведского завоевания (XII—XIII вв.) в Финляндии уже существовало в качестве особого уклада патриархальное рабство.¹⁴ Среди рядовых членов рода и племени выделяется родовая знать, родовые вожди и старейшины, управлявшие отдельными селениями и группами селений.

Какова была политическая обстановка в Финляндии до того, как эта страна была завоевана шведскими крестоносцами? По этому вопросу существуют две диаметрально противоположные точки зрения.

Поскольку в западных источниках от времени до начала шведского завоевания (до середины XII в.) не сохранилось никаких данных о политической истории Финляндии, сторонникам обеих точек зрения приходится брать сведения из единственного сохранившегося вида источников — из русских письменных памятников, прежде всего из русских летописей. И расхождения сторонников обеих противоположных концепций вызваны различными толкованием сведений русских источников. Для более позднего времени, для периода шведского завоевания (середина XII — середина XIII вв.) существуют и данные западных источников, тоже трактуемые по-разному.

Сторонники противоположных концепций расходятся в трактовке вопроса о политическом положении племени емь. Что касается племени сумь, то из имеющихся источников (источников не ранее середины XII в. и только западного происхождения) совершенно очевидно, что сумь до шведского завоевания — до середины XII в. — не имела над собой ничьей власти; в XI—XII вв. сумь оставалась единственным из всех прибалтийско-финских племен, не вовлеченным в политическую зависимость от

¹⁴ Об этом свидетельствуют неоднократные упоминания о рабах в руках «Калевалы»: рабы имелись у Ильмаринена, Лоухи, Лемминкайнена и Унтамойнена, причем положение этих рабов было не тяжелым, как это обычно бывает при патриархальном рабстве. О наличии рабства в дошведской Финляндии свидетельствуют и данные топонимики: Ориенлахти («залив рабов»), Ориенсаари («остров рабов») и др.

Древнерусского государства.¹⁵ Напротив, вопрос о положении племени емь до шведского завоевания середины XIII в. вызывает резкое расхождение во взглядах.

В финской науке еще в XIX в. прочно утвердилось мнение, что племя емь, так же как и сумь, до шведского завоевания не находилось под чьим-либо политическим влиянием и что оба финских племени были искони враждебны Руси и еще до шведских «крестовых походов» оказались под религиозным и культурным воздействием Швеции. Согласно противоположной концепции, впервые разработанной в начале прошлого века А. Х. Лербергом,¹⁶ племя емь до шведского завоевания находилось в зависимости от Древней Руси.

Рассмотрим сначала концепцию Лерберга, поддержанную в прошлом веке Гишпингом, Устряловым, Погодиным, Костомаровым; в 1941 г. эта концепция была в дополненном виде изложена в нашей статье,¹⁷ положения которой были затем приняты советскими историками, касавшимися данной проблематики.¹⁸ Концепция эта дает возможность истолковать и объяснить все данные разнообразных источников об отношениях племени емь с Русью до шведского завоевания центральной Финляндии.¹⁹

Известны три ранних источника (притом имеющих разное происхождение), в которых прямо говорится о политической за-

¹⁵ Все остальные прибалтийско-финские племена — чудь-эсты, ливы, емь, карелы, ижора, водь, веспы (весь) — в XI—XII вв. находились в зависимости от Древнерусского государства и платили ему дань (во Введении к Начальной летописи, составленном около 1113 г., прямо названы чудь, ливы, емь, весь в числе племен, платящих дань Руси; водь упоминается в той же летописи как зависимое племя еще ранее, в XI в.; карелы и ижора с первых своих упоминаний в летописях XII—XIII вв. тоже предстают как племена, подвластные Руси). Больше того, Древнерусское государство к началу XII в. (судя по сведениям Введения к Начальной летописи) вовлекло в свой состав не только все прибалтийско-финские племена (кроме суми), но и вообще почти все финно-угорские племена, занимавшие северную половину Восточной Европы от Балтики до Урала и Зауралья (где жили югра, т. е. ханты и манси), кроме покинувших в конце X в. свою родину в Приуралье и ушедших далеко в центр Европы венгров.

¹⁶ Лерберг А. Х. О жилищах еми. — В кн.: Лерберг А. Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819, с. 85—192.

¹⁷ Шаскольский И. П. Емь и Новгород в XI—XIII вв., с. 93—115.

¹⁸ Мавродин В. В. Начало мореходства на Руси. Л., 1949, с. 114—115; Пашуто В. Т. 1) Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII в. М., 1951, с. 39—40; 2) Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.), М., 1956, с. 100—101; 3) Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 29—30; 4) Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессивными немецкими, шведскими и датскими феодалами в XIII—XV вв. — Вопросы истории, 1969, № 6, с. 117—118; Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953, с. 336, 706—707; Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 93, 115, и др.

¹⁹ Подробное обоснование концепции дано нами в статье «Емь и Новгород в XI—XIII вв.», цит. в прим. 2; в данном исследовании мы лишь вкратце излагаем аргументацию.

висимости племени емь от Древней Руси в XII—первой половине XIII в. Из этих источников два относятся к XII в.

1. В составленном около 1113 г. Введении к русской Начальной летописи емь названа в числе племен, плативших дань Руси (князьям Древнерусского государства).²⁰

2. В уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. при перечислении доходов с различных местностей Новгородской земли, передаваемых князем новгородской епископии, говорится «у еми скоро»,²¹ т. е. от еми в епископскую казну должны поступать меха. Новгородский князь мог распоряжаться данью с какого-либо племени лишь в том случае, если это племя ему было подвластно.

3. Почти современно интересующей нас эпохе свидетельство шведской Хроники Эрика, писавшейся через семьдесят лет после завоевания центральной Финляндии шведскими крестоносцами, когда еще была свежа память о политических отношениях предшествовавшего периода. В этой Хронике, после рассказа о покорении шведами в 1249 г. земли еми, говорится: «Ту страну, которая была вся крещена, русский князь, как я думаю,²² потерял». ²³ Здесь явно подразумевается утрата русским князем ранее подвластной ему территории; термин «потерять» (в смысле «утратить») мог быть применен лишь в отношении той земли, которая ранее находилась во владении князя.

В трех шведских и финских источниках XVI—XVII вв. засвидетельствованы сохранявшиеся в то время у населения Финляндии глухие воспоминания о том, что когда-то в прошлом часть страны находилась под властью Руси. Эти свидетельства зафиксированы в сочинении шведского ученого первой половины XVI в. Я. Циглера «Schondia», в «Рифмованной хронике Финляндии» шведского историка начала XVII в. И. Мессения и в анонимной «Хронике Финляндии» конца XVII в.²⁴

Заслуживает внимания и свидетельство лингвистического характера. В числе слов, заимствованных некогда финским языком из русского языка, есть слово *aprakka*;²⁵ это измененное со-

²⁰ Повесть временных лет, ч. 1. М.—Л., 1950, с. 13.

²¹ Памятники истории Великого Новгорода и Пскова, под редакцией Г. Е. Кочина. Л., 1935, с. 47.

²² Слова «я думаю», нередкие у автора Хроники Эрика, когда он говорит о несомненно ему известных фактах, — лишь литературный прием, а не признак неосведомленности, заставляющий прибегать к предположениям. В данном случае эти слова придают всей фразе оттенок злорадства (примеч. пер.).

²³ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978, с. 108.

²⁴ Тексты источников и их разбор см.: Шаскольский И. П. Емь и Новгород в XI—XIII вв., с. 101—102.

²⁵ Лерберг А. Х. Указ. соч., с. 95. *Aprakka* — дань, подать, оброк. Это слово имело в давние времена и особое значение: им специально называлась подать, выплачиваемая финляндской церкви.

гласно финскому произношению русское слово «оброк»,²⁶ синоним слова «дань». Очевидно, что это слово могло войти в финский язык только в том случае, если финны когда-то действительно выплачивали называемую этим термином дань и выплачивали ее именно русским, поскольку данное слово заимствовано из русского языка.²⁷

Как и во всех остальных землях подвластных Древней Руси (Новгороду) прибалтийско-финских племен, в земле еми не было русских селений и укреплений, полностью сохранялся местный уклад жизни, местная родо-племенная организация, господствующее положение родовой и племенной знати над основной массой рядовых общинников. Политическая зависимость выражалась лишь в уплате дани. Новгородцам было выгодно поддерживать племенных вождей и старейшин, ибо через их посредство они могли держать в своих руках власть над краем.

Финской племенной знати, по-видимому, также было выгодно подобное положение вещей. Общинно-родовые отношения разлагались, финская племенная верхушка начинала превращаться в класс и стремилась сосредоточить в своих руках всю власть над племенем. Племенной знати на определенном этапе было выгодно ощущать за своей спиной могущественную поддержку Новгорода. Сохранилось прямое свидетельство о связях племенной знати еми с новгородским боярством. Новгородская I летопись под 1219 г. сообщает, что новгородским тысяцким был избран Семен Емин.²⁸ Подобный пост в Новгороде мог занимать только представитель правящего класса, боярства; слово «Емин» означает «человек племени емь».²⁹

В составе новгородского боярства было немало выходцев из финских племен, носивших финские имена или племенные прозвища. Это были, разумеется, представители родо-племенной знати, сильно разбогатевшие и переселившиеся в Новгород, где они вошли в состав боярства. Семен Емин, потомок видных вождей или старейшин земли еми, был новгородским боярином и

²⁶ Звонкий согласный «б», отсутствующий в финском языке, заменен соответствующим ему глухим согласным «р». Звук «о», согласно установленному В. Томсеном правилу перехода, изменился в краткое «а».

²⁷ Слово «оброк» в Киевской Руси имело иное значение, чем во времена крепостного права. Это слово встречается в известной статье 947 г. в Повести временных лет, где говорится, что Ольга «устави... по Лузе оброки и дани...» (Повесть временных лет, с. 43). В данном случае в слово «оброк» вложено понятие узаконенных регулярных поборов с подвластного населения. Такое же значение имело, по-видимому, и слово «оброк» в приложении к еми. С точки зрения Новгорода собираемая с еми дань была оброком — вполне законными регулярными поборами, которыми обложено население подвластной территории.

²⁸ Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 59.

²⁹ Подобным образом, прибавлением суффикса «ин», образовывались в древнерусском языке все аналогичные названия представителей племен: русь — русин, чудь — чудин, емь — емин.

достиг поста руководителя вооруженных сил Новгорода — поста тысяцкого. Если вспомнить, что пост тысяцкого был выборным, станет ясно, что Семен Емин имел большую известность и авторитет среди боярства и широких слоев новгородского населения. Это был не мелкий, безвестный боярин-чужеземец, а видный представитель новгородского правящего класса.

Факт вхождения в состав новгородского боярства (и новгородского правительства) выходца из племенной знати эми³⁰ подтверждает наше мнение о союзе новгородских властей с родоплеменной знатью центральной Финляндии. Союз этот, видимо, был настолько прочным и тесным, что отдельные, наиболее видные племенные вожди и старейшины становились иногда новгородскими боярами; происходил процесс сращивания правящей верхушки эми и других финских племен с правящим классом Новгорода.

Русско-финляндские отношения XI—XIII вв. не ограничивались областью политики. По нашим источникам прослеживаются весьма значительные культурные и религиозные связи Древней Руси и эми в период, предшествовавший шведскому завоеванию.³¹ Данные языка (языковые заимствования) свидетельствуют, что существовало значительное культурное влияние со стороны Древней Руси на финнов. Этот факт объясним лишь в том случае, если признать длительную политическую зависимость эми от Новгорода и связанное с этим достаточно продолжительное хозяйственное и культурное общение обоих народов.

Большой интерес представляют свидетельства о проникновении христианства в Финляндию (на территории эми) из Древней Руси. О наличии русского христианства, пришедшего из России в Финляндию до шведского завоевания, говорят три выше упомянутых шведских автора XVI—XVII вв. — Циглер, Мессений и аноним.³² Особую ценность для выяснения этого вопроса имеют данные языкознания. Ряд церковно-религиозных терминов финского языка оказался заимствованным из древнерусского.³³

³⁰ См. также: Очерки истории СССР. IX—XIII вв., с. 707; Древнерусское государство и его международное значение, с. 105, и др.

³¹ Подробнее см.: Шаскольский И. П. Эми и Новгород в XI—XIII вв., с. 110—115.

³² Там же, с. 112.

³³ Ahlqvist A. De vestfinska språkets kulturord. Helsingfors, 1870, s. 220; Mikkola J. J. 1) Die Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. Helsingfors, 1894, s. 31; 2) Die ältere Berührungen zwischen den Ostseefinnisch und Russisch. Helsingfors, 1938, S. 45; Wiklund K. B. Den svenska befolkningens ålder i Finland. — Fornvännen, 1933, s. 90—91; Kalima J. Die slavischen Lehnwörter im Ostseefinnischen. Berlin, 1956, S. 47, 50, 102, 114; Kirkinen H. Op. cit., s. 48; Vilkuна K. Pappi, risti, pakana. — In: Kehittyvä Itä — Suomi. 3. Mikkeli, 1969, s. 166—167. — По мнению Калима, к числу подобных слов должно быть добавлено и слово räähka — одно из старейших финских заимствований из русского языка, происходящее от слова «грех» (Kalima J. Op. cit., S. 47, 118).

parpi (священник) — от древнерусского «поп»,
raamattu (библия) — от «грамота» (письмо, книга),
risti (крест) — от «кръсть»,
rakana (язычник) — от «поганый».

Факт заимствования простейших церковно-религиозных терминов из древнерусского языка является очевидным доказательством того, что финны³⁴ впервые познакомились с христианством из русских рук. К такому выводу пришел ряд финских ученых.³⁵ Мы можем этот отвлеченный лингвистический вывод поставить на конкретно-историческую почву. Русские занесли в Финляндию христианство в годы зависимости основного финского племени емь от Новгорода, т. е. в XII и первой половине XIII в.

И ряд слов, вошедших в финский язык, и, особенно, долго сохранившиеся в народе воспоминания о русском христианстве в Финляндии могут свидетельствовать о наличии в давние времена какой-то части племени, принявшей православную религию. Наличие слоя православных финнов делало русское христианство в земле еми заметным явлением в жизни Финляндии XII—XIII столетий, нашедшим отражение и в языке, и в устных преданиях.³⁶

Особую ценность представляет для нас финское слово gaamattu («библия»). Оно означает, что финны получили из Руси первые книги, первые начатки передовой европейской культуры.

Но эти первые ростки европейской культуры восточного образца не получили дальнейшего развития. Шведское завоевание разорвало на много столетий культурные связи Финляндии с Русью.

Все приведенные нами свидетельства источников о существовании политических и культурных связей еми с Древней Русью не были тайной для финских ученых. Работа Лерберга, изданная и на русском (1819 г.), и на немецком (1816 г.) языках, была известна в Финляндии; работа Гиппинга была в первый раз издана на шведском языке в Гельсингфорсе в 1836 г. Языковые данные были впервые выявлены финскими филологами. В капитальном издании источников по истории финского средневековья первые страницы заполнены текстами из русской Начальной летописи, упоминающими племя емь.³⁷ Однако подавляющее большинство финских ученых, настроенных националистически, не хотело признавать свидетельства источников, противоречившие

³⁴ Точнее, финны центральной Финляндии, племя емь.

³⁵ См. работы, цитированные в примеч. 33. По словам Вилкунда, эти свидетельства языка «настолько очевидны и бесспорны, что никто не может в них сомневаться или отрицать их» (Wiklund K. В. Op. cit., s. 91).

³⁶ Если бы такого слоя не было и дело ограничивалось чисто внешним знакомством, т. е. знанием о существовании христианской веры у русских, указанные выше устные предания были бы невозможны.

³⁷ Finlands medeltidsurkunder. I. Helsingfors, 1910, s. 1—10.

мнению о исконной враждебности финнов России;³⁸ притом за XIX и XX вв. финскими историками не было сделано серьезной попытки опровергнуть концепцию о давних политических связях эми с Русью, сформулированную Лербергом и Гиппингом и получившую дальнейшее развитие в советской исторической науке.³⁹ Сведения источников о зависимости эми от Древней Руси вообще замалчивались. А приведенный выше (и весьма неприятный для финских ученых) текст Хроники Эрика об утрате русским князем земли эми в результате захвата этой земли шведами трактовался как утрата князем «*возможности завоевания*».⁴⁰

Из всего круга сведений источников о взаимоотношениях Руси и эми до шведского завоевания центральной Финляндии финские историки выбрали только группу известий русских летописей о походах повгородцев (без карел и вместе с карелами) в XI—XIII вв. на эми и о других столкновениях Новгорода и карел с эмью.⁴¹ Взятые в отдельности, без учета всей совокупности сведений источников, эти известия действительно могут создать впечатление длительной и упорной вражды

³⁸ Единственным исключением (за XIX и первую половину XX в.) являлась книга видного историка и археолога Ю. Айлио, где с оговорками признавался факт подвластности эми в XI—XII вв. Древней Руси: Ailio J. Hämeen linnan esi- ja rakennushistoria. — In: Hämeenlinnan kaupungin historia. I. Hämeenlinna, 1917, s. 38—40. Х. Киркинен в одной из глав своей книги в осторожной форме допускал возможность того, что восточная часть земли эми (в Финляндии) находилась в первые десятилетия XIII в. под русским политическим влиянием и платила дань Новгороду (Kirkinen H. Op. cit., s. 76—79; аналогичное мнение высказал М. Йокиппи: Jokipii M. Op. cit., s. 16); однако Х. Киркинен в другом месте той же книги (с. 26—27) отрицал наличие политического влияния Новгорода в Финляндии и, опираясь на теорию Шёгрена (см. с. 20), относил известия русских источников о зависимости эми от Древней Руси к племени эми, жившему не в Финляндии, а вблизи Северной Двины. В последней по времени работе Х. Киркинен признавал лишь наличие у Новгорода *стремления* обложить эми данью, полагая, что это стремление не было осуществлено и что эми до шведского завоевания сохранила свою самостоятельность (Kuujo E., Kirkinen H. Baltiassa ja suomessa asunciden heimöjen osallistuminen Itämeren alueen kysymysten ratkaisuun 1100- ja 1200-luvulla. — In: Historiallinen arkisto. 69. Forssa, 1975, s. 38, 41; раздел, написанный Х. Киркинемом). Как было выше сказано, все племена, оказавшиеся в зависимости от Новгорода, действительно сохраняли свою внутреннюю самостоятельность, но в то же время свидетельства источников о реальном существовании даннической зависимости эми от Новгорода не вызывают сомнений.

³⁹ Прямая критика этой концепции (изложенной в нашей статье, указанной в примеч. 2) содержалась лишь в работах: Kirkinen H. 1) Op. cit., s. 26—27; 2) Historiallista taustaa ortodoksisen uskontulolle Karjalaan. — In: Studia historica Jyväskyläensia. I. Jyväskylä, 1962, s. 31—32; однако критика велась с позиций давно устаревшей теории Шёгрена.

⁴⁰ Pipping R. Kommentar till Erikskrönikan. Helsingfors, 1926, s. 91; Niitemaa V. Hämeen keskiaika. — In: Hämeen historia. I. Hämeenlinna, 1955, s. 414; Jokipii M. Op. cit., s. 45, 49.

⁴¹ Походы из Новгорода на эми 1042, 1123, 1186, 1191 и 1226 гг., нападения эми 1142 и 1228 гг. на русские владения в Приладожье и на берегах Финского залива; столкновение эми с карелами 1143 г.

еми с Русью и карелами.⁴² Однако, если учитывать всю совокупность источников и принимать во внимание и сведения о подвластности еми до 1249 г. Древней Руси, походы и столкновения получают принципиально иное истолкование.⁴³ Эти столкновения были вызваны неоднократно возникавшими конфликтами между емью (племенной верхушкой еми) и новгородским правительством, попытками племенной знати еми отказаться от зависимости и прекратить уплату дани (вероятно, попытками использовать собираемую с племени дань для своих собственных нужд); тогда-то и совершались новгородские походы в землю еми с целью вернуть эту территорию под власть Древней Руси.⁴⁴

Если же встать на принятую нами (и основывающуюся на всей сумме показаний источников) точку зрения о существовании длительных политических связей еми с Новгородом и остальной Русью, то вся история земли еми до середины XIII в. будет выглядеть иначе. Тогда будут понятны и отмеченные языковедами факты культурного и религиозного влияния Древней Руси на центральную Финляндию, и политические события в земле еми в 30-е и 50-е гг. XIII в., когда емь восставала против шведских завоевателей и получала помощь от русского Новгородского государства.

⁴² Так изображаются отношения еми с Русью и карелами почти во всех финских исторических сочинениях XIX—XX вв., касающихся этой темы; см., например: Yrjö-Koskinen G. Z. Finische Geschichte. Leipzig, 1874, S. 10, 15—16, 29, 34; Pipping R. Op. cit., s. 89—91; Jakkola J. Suomen varhaiskeskiaika. Helsinki, 1958, s. 242—245; Niitemaa V. Op. cit., s. 169; Juva E., Juva M. Op. cit., s. 97, 132; Jutikkala E., Pirinen K. Finlands historia. I. Stockholm, 1968, s. 27, etc.

⁴³ Такое же истолкование, какое обычно в старой русской и современной советской науке давалось происходившим одновременно (в XI, XII и начале XIII в.) русским походам на чудь — в Эстонию (кстати, походам, происходившим значительно чаще и в более крупных масштабах): походы были вызваны конфликтами с племенной знатью эстов и ставили целью вернуть отпавшие эстонские области под власть Руси (Шаскольский И. П. Эстония и Древняя Русь. — In: Studia historica in honorem Hans Kruus. Tallinn, 1971, s. 127—129; см. также: Костомаров Н. И. Северо-русские народоправства, ч. I. СПб., 1863, с. 403—405, и др.).

⁴⁴ Если не принимать подобное истолкование, будет совершенно непонятно, для чего нужно было неоднократно организовывать из Новгорода трудные и дорогостоящие военные экспедиции в далеко лежащие области центральной Финляндии, и почему во главе этих экспедиций в большинстве случаев становился сам военно-политический руководитель Новгородской земли, князь. Нельзя же всерьез думать, что столь трудно выполнимые дальние походы совершались ради простого грабежа: для подобной цели не имело смысла ходить в далеко лежащую северную страну. Еще менее вероятно, что походы новгородцев имели целью лишь разорение земли еми (Niitemaa V. Op. cit., s. 408—409); если считать, что новгородцы не имели там своих собственных политических интересов, ходить в походы только ради разорения отдаленной чужой территории было просто бессмысленно; а разговоры о племенной или национальной вражде ничего не объясняют: просто из-за вражды и ненависти даже в те времена в походы (тем более в дальние походы) не ходили.

Таким образом, центральная Финляндия, земля еми, была давней сферой государственных интересов Новгорода. Когда началось шведское завоевание Финляндии, новгородцы, естественно, должны были отстаивать свои государственные интересы. Поэтому Новгород вел в XII—XIII вв. упорную борьбу против шведской крестоносной агрессии в финских землях.

3. Новгород и карелы⁴⁵

Вопрос об отношениях Новгорода и карел также трактуется по-разному в русской и финской науке. Русскими и советскими исследователями карелы всегда рассматривались как племя, с древнейших времен подвластное Древней Руси; в финской историографии существует мнение, что карелы до 1270-х гг. были независимы от Руси (от Новгорода) и являлись лишь союзниками новгородцев. Мнение это в основном базируется на содержащемся в договоре Новгорода с Ганзой 1262—1263 гг. указании о том, что новгородцы не берут на себя ответственности, если с немецкими купцами что-либо случится в Карелии. Однако это условие договора вполне согласуется с характером взаимоотношений Новгорода в XI—XIII вв. с подвластными племенами, которым новгородские власти предоставляли полную внутреннюю автономию. Все остальные известия XII—XIII вв. (до конца 1260-х гг.) свидетельствуют, что карелы всегда выступали во внешней политике как подданные Новгородского государства, энергично отстаивали интересы этого государства и совместно с русскими, и самостоятельно, без русской поддержки. Карелы участвовали и в новгородских походах против других русских княжеств (в 1149, 1270, 1316 гг.), т. е. в военных действиях, совершенно не нужных карелам с точки зрения их собственных интересов; участие в этих походах объяснимо лишь в том случае, если карелы были составной частью Новгородского государства.

Отношения Новгорода с карелами характеризуются теми же особенностями, что и отношения с остальными подвластными Новгороду племенами (см. 1-й раздел данной главы). Отличие лишь в том, что карелы были самым крупным и сильным из подчиненных Новгороду племен и с наибольшей активностью боролись за интересы Новгородской республики. В XII в., как будет ниже показано, борьба Новгорода против шведской кресто-

⁴⁵ Этот вопрос достаточно разработан в советской науке, и мы его коснемся лишь вкратце. Подробнее см.: Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941; Шаскольский И. П. 1) Карелия в новгородское время, § 3. — В кн.: История Карелии с древнейших времен до середины XVIII в. Петрозаводск, 1952, с. 59—70; 2) Политические отношения Новгорода и карел в XII—XIV вв. — В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. 10. Новгород, 1961, с. 117—136.

носпой агрессии в значительной степени проводилась силами карел.⁴⁶

Почему карелы находились в столь дружественных отношениях с Новгородом, почему они воевали за новгородские интересы? Очевидно, это происходило потому, что интересы Новгорода и карельских племенных верхов совпадали.

Карельская господствующая верхушка, по всей видимости, была заинтересована в поддержке Новгорода для сохранения и усиления своего политического и экономического могущества. Важную роль играла, вероятно, и торговля с Новгородом, возможность выгодного сбыта в Новгород наиболее ценного карельского товара — пушчины. Кроме того, и Новгород, и какие-то элементы в западной Карелии (скорее всего та же племенная верхушка) были заинтересованы в сохранении за собой господства на северном берегу Финского залива и преобладающего влияния в Финляндии. И Новгород, и карелы отлично понимали, какую опасность для них представляет шведское продвижение на Восток, и вели ожесточенную борьбу против наступления шведов.

4. О связи внешней политики и внешней торговли Новгорода

Внешняя политика Новгорода и его внешняя торговля находились в тесной взаимной связи. Некоторые особенности новгородской внешней торговли помогут нам правильно понять многие события русско-шведской борьбы.

XII век — период больших изменений в новгородской торговле. В начале столетия прекращается торговля по великому водному пути «из варяг в греки»; Новгород перестает быть центром торговли между Скандинавией и странами Ближнего Востока. Но торговые сношения самого Новгорода со Швецией, Готландом, Данией⁴⁷ сохраняются и постепенно вновь возрастают.

В середине XII в. происходят сильные сдвиги в балтийской торговле. В первой половине этого столетия немцы в результате своего *Drang nach Osten*, захватив земли прибалтийских славян, вышли на юго-западный берег Балтийского моря. Здесь, в юго-

⁴⁶ Следует еще отметить, что в XII—XIII вв. племя карел жило в основном не на территории современной Карельской АССР, а на Карельском перешейке и в северном Приладожье. Карелам принадлежали также огромные лесные пространства от Приладожья до Белого моря и Ботнического залива, включая северо-восточную половину современной территории Финляндии. Но эти пространства были почти незаселенными: основная масса карельского племени жила на Карельском перешейке и к западу от него, до реки Кюмийоки; с этой территории карелы вели борьбу против шведской агрессии, освещаемую в данной работе. Основная территория современной Карельской АССР (земли между Ладожским и Онежским озерами и к востоку и северу от них) в те времена была населена весью и в состав тогдашней Карелии, т. е. земли карел, не входила.

⁴⁷ А также, вероятно, со славянским Поморьем.

западном углу Балтики, в середине XII в. был основан город и порт Любек. Очень скоро этот город завязывает связи с восточной оконечностью Балтики — с Новгородом — и становится посредником в торговле Новгорода со странами Центральной и Западной Европы. Вторая половина XII столетия характеризуется непрерывным ростом торговых сношений Новгорода с Любеком, созданием в Новгороде специального двора для немецких купцов, установлением определенной системы торговых сношений.

Одновременно растет торговля Новгорода с Готландом. Выгодно расположенный посреди Балтийского моря, на перекрестке основных морских путей, Готланд становится важнейшим пунктом транзитной торговли. На Готланд заходили обычно все корабли, шедшие из восточной Балтики (в том числе из Новгорода) в Данию, Любек и другие пункты западного побережья.

Третьим старым, но растущим центром балтийской торговли была Сигтуна: здесь сосредоточивалась в особенности торговля материковой Швеции с Новгородом и прилегающими землями.

Говоря о новгородской торговле, исследователи обычно представляют себе ее по памятникам конца XIII и XIV вв., не учитывая, что в XII в. характер торговли был несколько иным. Эти операции совершенно правы, подчеркивая, что новгородские купцы, как правило, совершали в XIII—XV вв. свои операции с иноземными купцами на месте, в Новгороде, а сами заморской торговли почти не вели и что почти вся она находилась в руках немецких и готских купцов. Но для XII (и начала XIII) в. это представление не соответствует истине. Хотя наши источники весьма скудны, мы все же имеем ряд фактов, свидетельствующих, что в XII в. новгородцы широко участвовали в заморской торговле и их торговые корабли встречались на морских путях Балтики так же часто, как и готские, шведские, немецкие. Хорошо известны упоминания летописи о новгородских купцах в Дании (1130 и 1134 гг.)⁴⁸ и на Готланде (1130, 1188 гг.).⁴⁹

Но особенно показательно наличие в основных пунктах торговли с Новгородом русского населения. Известно, что в Висбю на Готланде существовала русская церковь,⁵⁰ следовательно, здесь имелось постоянное русское население, этой церковью пользовавшееся. Шведский археолог Арне обнаружил в другом месте на Готланде, в местечке Гарда, фресковую роспись на стенах церкви, выполненную русскими мастерами, что позволяет думать о существовании здесь второй русской церкви⁵¹ и второй группы

⁴⁸ Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, с. 125, 127.

⁴⁹ Там же, с. 125, 162.

⁵⁰ Lindström K. Anteckningar om Gotlands medeltid. II. Stockholm, 1895, s. 157; Falck W. Ryska kyrka i kv. Munken. — Gotländskt arkiv, 1971, s. 85—93.

⁵¹ Arne T. J. Rysk-byzantinska målningar i en gotlandskyrka. — Fornvännen, 1912, s. 57.

русского населения. Русская церковь и постоянное русское население имелись и в центре торговли материковой Швеции с Новгородом, в городе Сигтуне.⁵²

Наконец, постоянное русское население имелось в начале XIII в. в Линданиссе (Кольвани), древнем эстонском городе на месте будущего Ревеля (Таллина);⁵³ Линданисса была первой гаванью на пути из Новгорода на запад.⁵⁴

Наличие русских кварталов с постоянным населением в нескольких торговых центрах Балтики свидетельствует о прочной, налаженной, ведущейся в широких размерах морской торговле; русские люди на Готланде, в Сигтуне, в Линданиссе были, разумеется, участниками новгородской заморской торговли, занимались, вероятно, обслуживанием русских кораблей и продажей привозимых товаров.

Наличие в XII в. у новгородцев широко развитой заморской торговли объясняет нам в значительной мере и военную деятельность их на Балтийском море. Новгород в XII в. владел морскими торговыми судами, имел свой морской флот и своих мореходов. В те времена, разумеется, особой разницы между торговыми и военными судами, между торговыми и военными морскими не существовало. Те же новгородские торговые корабли с теми же мореходами на борту могли вместо грузов перевозить воинов и совершать не торговые рейсы, а военно-морские походы. На этих-то судах и совершали новгородцы свои морские набеги на шведские владения в юго-западной Финляндии в 60-х и 90-х гг. XII в.

Торговый путь из Новгорода на запад установился еще ранее и в XII в. приобретал все большее значение. Этот путь нам известен довольно точно. Из Новгорода через Волхов и Неву путь вел в Финский залив, мимо Котлина и вдоль эстонского берега на запад. В ревелльской бухте, первой удобной бухте на пути к Балтике, могла устраиваться стоянка. Далее корабли, шедшие на Готланд и в Любек, продолжали плыть вдоль Эстонии и мимо острова Сарема к Готланду. Маршрут кораблей, шедших в Сигтуну или далее, в Данию, нам известен еще точнее, ибо до нас

⁵² См. ниже, с. 76—77.

⁵³ В папской булле от 20 ноября 1234 г. в числе жителей Ревеля упоминаются русские, составившие довольно значительную группу населения города (Hildebrand H. Livonica. Riga, 1887, s. 43). После 1249 г., после датского завоевания, ввиду постоянной враждебности отношений русское население здесь появиться не могло. По другим источникам нам известно также, что в это время в Ревеле существовал «русский конец», Вейдефер (Харузин Н. Обзор доисторической археологии в Эстляндской, а также в Лифляндской и Курляндской губерниях. — В кн.: Временник Эстляндской губернии, ч. 1. Ревель, 1894, с. 233).

⁵⁴ В финской науке существует мнение, что и в юго-западной Финляндии, в районе современного города Турку, имелись в XII в. один или несколько торговых пунктов, где жили или куда временами приезжали русские купцы; см. ниже, с. 59—60.

дошло описание этого пути в рукописи середины XIII в.⁵⁵ Из ре-вельской бухты путь поворачивал на север к финляндскому берегу, к мысу Порккала-Удд, и затем вел через шхеры вдоль берега юго-западной Финляндии и южнее Аландских островов к Швеции и далее — к Сигтуне; из Сигтуны корабли, шедшие в Данию, продолжали путь вдоль шведского берега.

Огромное значение описанного морского пути привлекало к нему внимание всех государств Балтики. И шведы, и немцы, и датчане стремились захватить в свои руки прибрежные местности, прилегающие к этой важнейшей торговой артерии Балтийского моря. Захват датчанами северной Эстонии с ревельской бухтой, как и захват шведами юго-западного побережья Финляндии, и попытки шведов и немцев в 1240—1242 гг. захватить Неву становятся значительно понятнее в этой связи.

Значение пути из Невы по Финскому заливу на Запад (и маршрут этого пути вдоль северного побережья залива) объясняет нам и политику Новгородского государства в этом районе в XII и XIII вв. Новгород должен был упорно бороться против шведского завоевания земли суми (юго-западной Финляндии) и земли еми (включавшей в свой состав южное побережье Финляндии), чтобы не допустить перехода в руки враждебного государства важных позиций вдоль морского пути из Новгорода в страны Западной Европы.

5. Характерные черты внешней и колониальной политики раннефеодальной Швеции

Шведская экспансия в страны, лежащие на восток от Балтийского моря, была длительным и сложным процессом, затянувшимся почти на полтора столетия. Вопрос о внутренних причинах и социальных корнях шведской экспансии еще не разработан. Та мотивировка шведских завоеваний, которая имела хождение в буржуазной исторической литературе, с точки зрения советской исторической науки не выдерживает никакой критики.

Шведские завоевания на востоке носили форму «крестовых походов» и совершались под лозунгом крещения «язычников» в католическую веру. Именно так изображались эти походы в шведских средневековых исторических памятниках. Дворянские и буржуазные историки Швеции и Финляндии в этом отношении недалеко ушли от средневековых хронистов: и в их

⁵⁵ Описание пути из Дании в Эстонию в рукописи середины XIII в. в Королевской библиотеке в Стокгольме с точным указанием всех географических пунктов, мимо которых проходит этот путь, см.: *Scriptores rerum Danicarum*. V. *Hauaniae*, 1783, s. 623; *Finlands medeltidsurkunder*, I, № 100; см. также: Шаскольский И. П. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX—XIII вв. — В кн.: *Географический сборник*, вып. III. М.—Л., 1954, с. 146—159.

трудах крещение «язычников» представлялось как главная цель завоевательных походов шведских феодалов. В произведениях дворянско-буржуазной шведской и финской историографии шведские завоевания изображались как явление глубоко прогрессивное, несущее свет «передовой» европейской культуры «диким» народам Финляндии и Карелии.

Что крещение «язычников» было лишь удобной ширмой, прикрывавшей совершенно иные цели, явствует из следующих фактов.

Во-первых, сама Швеция к моменту первого «крестового похода» (1150-е гг.) отнюдь не была еще вполне христианской страной. Христианизация Швеции официально произошла около 1000 г., но в действительности окончательно завершилась лишь к началу XIII столетия. В XII в. значительная часть населения Швеции еще придерживалась языческой религии. Король Эрик святой занялся внедрением христианства среди «диких» финских племен тогда, когда в его собственной стране значительная часть населения явно или тайно продолжала еще поклоняться языческим богам.

Во-вторых, шведские «крестовые походы» направлялись не только против действительных язычников, финнов, но и против русских «язычников», хотя русские приняли христианство раньше, чем шведы.

Эти факты явно доказывают, что шведские «крестовые походы» для обращения язычников в католическую веру были лишь удобной формой, скрывавшей какие-то иные, менее благоприятные цели.

Между тем для каждого историка-марксиста совершенно ясно, что истинные причины и цели шведской экспансии надо искать не в благих побуждениях отдельных государственных деятелей, не в богоугодном стремлении шведских церковников к распространению католической веры, а в социальных отношениях внутри Швеции XII—XIII вв.

Аналогия с немецким завоеванием славянского Поморья, Пруссии и Ливонии не всегда подходит. В принципе и шведское, и немецкое завоевания были феодальной экспансией, но в деталях они отличаются друг от друга.

Германия была развитой феодальной страной, и ее завоевательная политика была вызвана потребностями захвата новых земель для растущего феодального класса, стремившегося получить новые объекты эксплуатации. В Швеции XII—XV вв. положение было иным. Здесь, разумеется, существовал настоящий феодальный строй и с крупным землевладением, и с широкими слоями феодально зависимого населения.⁵⁶ Но феодализм в Шве-

⁵⁶ Автор придерживается мнения (развитого и обоснованного им в гл. 2 коллективной монографии «История Швеции») о том, что классовое обще-

ции не достиг того высокого уровня, который был характерен для основных европейских стран.

Особенностью социальных отношений средневековой Швеции была, как известно, большая сила шведского крестьянства. Сильное и многочисленное шведское крестьянство в суровой борьбе с феодалами сумело отстоять свои права. Швеция — одна из немногих стран феодальной Европы, в которой феодальные отношения в течение всего средневековья не развились до установления крепостного права. Феодальный класс в Швеции был слабее, чем в Германии, Франции, России и других европейских странах. Это обстоятельство позволяет нам высказать мнение, что как раз слабость феодального класса в Швеции являлась предпосылкой шведской феодальной экспансии. Будучи ограничены в возможностях эксплуатации крестьянства в своей стране, шведские феодалы начали захват новых земель на восточном берегу Балтики: там они рассчитывали найти для себя свободные земли и широкие возможности для закабаления и эксплуатации местных отсталых племен, которые не смогут сопротивляться закреплению с такой силой и энергией, с какой сопротивлялись шведские крестьяне.

Разумеется, сказанное выше — лишь наше предположение. До того, как историки-марксисты глубоко изучат общественные отношения средневековой Швеции, социальные корни шведской экспансии не могут быть точно установлены.

Имелась и другая побудительная причина шведской крестоносной экспансии. Шведское завоевание юго-западной Финляндии, попытки захвата побережья Эстонии, берегов Невы и Волхова в XII—XIII вв. ставили своей целью овладение побережьями, лежащими вдоль торгового пути из Балтийского моря внутрь России, и установление шведского контроля над этим одним из важнейших торговых путей тогдашней Европы.⁵⁷

Какой характер носило шведское завоевание?

В покоряемых землях шведы, подавляя сопротивление местного населения, проводили одновременно насильственное креще-

ство и государство в этой стране сложились уже в IX—XI вв. и тогда же началось развитие феодальных отношений (История Швеции. М., 1974, с. 62—82). Концепция, согласно которой в Швеции классовое общество и государство сложились позднее всех остальных стран Европы, лишь в XII—XIII вв. (Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977), представляется нам ошибочной, основанной на неверном и неполном истолковании источников. Исследуемое нами ниже участие Швеции в XII в. наряду с такими определенно феодальными странами, как Германия и Дания, в крестоносной экспансии является дополнительным свидетельством того, что в XII в. и Швеция была уже феодальной страной.

⁵⁷ Carlgren W. M. Om Finlands relationer till Sverige och påvedömet 1216—1237. — *Historisk tidskrift*, 1950, № 3, s. 254; Attman A. Ryssland och Europa. En handelshistorisk översikt. Göteborg, 1973, s. 14.

ние в католическую веру.⁵⁸ Христианизацией открыто преследовались политические цели: крещение было формой политического подчинения. Именно так рассматривали крещение и шведы, и финны.

Вслед за крестоносцами шли шведские поселенцы. Но они ограничивались узкой береговой полосой, опасаясь углубляться внутрь страны. Шведские поселенцы-крестьяне селились в XII в. в прибрежных районах юго-западной Финляндии, где впоследствии обосновалось и существует вплоть до наших дней шведское крестьянское население. Шведские поселенцы были, вероятно, главной опорой шведских властей в покоряемой стране. Есть сведения, что шведские крестьяне были поселены и в центральной Финляндии, Тавастланде, после завоевания этой территории в 1249 г. Биргером.⁵⁹ Но здесь их численность была меньше, и в дальнейшем шведское население в этих местах не сохранилось.

О проникновении шведских феодалов в Финляндию мы знаем сравнительно мало. Но обычно считают, что многие шведские баронские фамилии в Финляндии восходят к XII—XIII вв. и являются потомками завоевателей-крестоносцев, осевших на завоеванной земле.

Больше нам известна деятельность церковных феодалов. Актовый материал XIII в. (более древних актов нет) говорит о наличии развитого церковного феодального землевладения. Об этом же свидетельствуют и папские буллы. Папа Иннокентий IV в одной из булл говорит о наличии в Финляндии каких-то довольно значительных имуществ в руках шведской церкви.⁶⁰ Церковники играли очень большую роль в первое столетие существования шведской колонии: епископ Финляндский был и духовным, и светским главой шведских владений. Поэтому церковное феодальное землевладение росло гораздо быстрее, чем светское.

Шведы внесли серьезные изменения в старый, исконный уклад жизни финского населения. В стране вводится шведская администрация, суд, податная система. Племенной уклад жизни сменяется строем классовым, феодальным. Для закрепления покоренной территории в нескольких наиболее важных пунктах страны,

⁵⁸ Хроника Эрика, описывая завоевание шведами в 1249 г. основной части Финляндии, Тавастланда, ярко изображает политику шведских рыцарей по отношению к побежденным финнам-тавастам:

«Всякому, кто подчинялся им,
становился христианином и принимал крещение,
они оставляли жизнь и добро
и позволяли жить мирно,
а тех, язычников, которые этого не хотели,
предавали смерти»

(Рыдзевская Е. А. Указ соч.,
с. 108).

⁵⁹ См. ниже, с. 204—205.

⁶⁰ Finlands medeltidsurkunder, I, № 89.

контролирующих торговлю с внутренними областями, строятся замки и укрепления.

Шведскими и финскими историками уже давно была создана концепция о якобы бескровном характере установления шведского владычества, мирных отношениях шведов и финнов после завоевания.⁶¹ При этом названные авторы ссылаются на отсутствие сведений в источниках о каких-либо столкновениях финнов (после их завоевания) со шведами. Как мы покажем в своем месте, эта концепция является тенденциозным приукрашиванием реальной действительности. Шведское завоевание было актом насилия; шведские власти в завоеванной стране опирались на военную силу. Отношение финнов к завоевателям-шведам было совершенно таким же, как и отношение покоренных ливов, эстов, пруссов к завоевателям-немцам. Мы знаем мало фактов о выступлениях финнов просто потому, что вообще располагаем лишь несколькими случайными сведениями о внутренней жизни Финляндии в первое столетие после завоевания.

⁶¹ Leinberg K. G. *De finska klostrens historia*. Jyväskylä, 1890, s. 1; Schück H. *Svenska folkets historia*. II. Lund, 1914, s. 397; Hornborg E. *Finlands kristning*. — In: *Kyrkohistorisk årsskrift*, 1930, Uppsala, 1931, s. 229; Juvelius E. *Suomen kansan aikakirjat*. I. Helsinki, 1932, s. 296—297.

Г л а в а III

ПЕРВЫЙ «КРЕСТОВЫЙ ПОХОД» ШВЕДСКИХ РЫЦАРЕЙ И НОВГОРОДСКОЕ ГОСУДАРСТВО

1. Первый «крестовый поход» шведских рыцарей и борьба со шведской агрессией в юго-западной Финляндии

Экспансия Шведского феодального государства и шведского рыцарства в страны, лежащие к востоку от Балтийского моря, начинается в 40—50-х гг. XII столетия. Захват шведами юго-западной Финляндии, первые их нападения на русские земли и борьба Новгородского государства против шведского наступления на Восток в течение второй половины XII в. составляют первый период шведской экспансии и вместе с тем первый этап русско-шведской борьбы.

Для изучения интересующих нас событий XII в. мы можем пользоваться шведскими, русскими и финскими источниками, а также данными, извлекаемыми из папских булл. Но все они дают лишь отрывочные и фрагментарные сведения и требуют весьма осторожного отношения к себе. За исключением папских булл (содержащих для XII в. мало материала) и русской летописи, все остальные источники составлены значительно позднее — в XIII, XIV и даже XV вв.; поэтому приходится тщательно изучать каждый источник, происхождение каждого известия, прежде чем решать вопрос о его достоверности. Ввиду почти полного отсутствия современных свидетельств для событий XII в. очень часто приходится пользоваться сведениями, основанными на устной традиции, на преданиях, записанных 50 и 100 и даже 200 лет спустя. Поэтому сложившееся в современной науке представление о ходе событий (представление, которого и мы в основных чертах придерживаемся в нашей работе) является в известной мере гипотетическим. Точных, абсолютно бесспорных фактов в нашем распоряжении так мало, что (по отношению к событиям XII в.) вряд ли когда-либо удастся выйти полностью из области гипотез.

О шведской агрессии в XII в. и начале русско-шведской борьбы в русской летописи (Новгородская I) содержатся лишь два известия — под 1142 и 1164 г. И второе, и, возможно, первое известие касаются шведских нападений, направленных непосредственно против Руси. Летопись умалчивает не только о шведских

походах в Финляндию, не затрагивающих русских владений, но и об ответных походах новгородцев и карел против шведов, известных нам по западным источникам; в летописи упоминаются лишь новгородские походы на емь 1186 и 1191 гг., т. е. события, относящиеся скорее к внутренней жизни Новгородского государства. Таким образом, летопись далеко не полностью отражала новгородскую внешнюю политику.

Этот факт может иметь два объяснения: 1) летопись в XII в. отмечала далеко не все события внешней политики, ибо текст летописи этого времени очень краток и неполон; летопись велась менее тщательно, чем в последующий период; или же 2) летопись отмечала только те походы, которые являлись официальными предприятиями новгородских властей; те же, которые совершались без официального участия новгородских властей и, может быть, даже своим отправным пунктом имели не Новгород, а один из его пригородов или Карелию, считались своего рода «частными предприятиями» и в летописи не фиксировались.

Какое из двух объяснений правильное, сказать трудно; может быть, оба в известной степени справедливы. Но мы более склоняемся ко второму объяснению. Например, нам известны лишь 2—3 похода новгородских дружин в Заволочье, а ведь такие походы (с большим или меньшим числом участников), без сомнения, происходили достаточно часто (по крайней мере в XII—XIII вв.); как известно, именно эти малые неофициальные походы подчинили в конечном счете Новгороду весь север Восточной Европы. В сложной и бурной жизни Новгорода того времени летописцу, вероятно, трудно было уследить за неофициальными военными предприятиями, направлявшимися на север и на запад. Играло роль, надо думать, и то обстоятельство, что (как мы увидим дальше) важной силой в походах против шведов в XII в. были карелы, подвластные Новгородскому государству. О карельских походах Новгород, вероятно, не был достаточно хорошо осведомлен, и летопись их не отражала.

Единственным современным документом для интересующего нас периода является папская булла 1171 (1172?) г. Но эта булла говорит о событиях в Финляндии, пользуясь материалами из третьих рук и содержит лишь косвенные данные. Некоторые косвенные сведения нам дает также булла 1209 г.

Для истории Швеции XII в. нет ни одного источника, в котором бы связано излагался ход исторических событий. В частности, шведские хроники и анналы не дают никаких сведений о шведской экспансии на восток в XII и первой половине XIII в. Не содержит связного изложения событий даже основной источник истории Швеции XII—XIII вв. — Хроника Эрика; из ее текста нами может быть использован для изучения событий XII в. лишь рассказ о разрушении Сигтуны. Писавшиеся в монастырях шведские анналы чрезвычайно бедны по своему содержанию; из всей восточной политики Швеции XII в. в них отмечается только то же

разрушение Сигтуны (притом только самый факт). Главным и единственным источником для так называемого «крестового похода» короля Эрика является написанное в конце XIII в. житие св. Эрика и примыкающее к нему житие св. Генриха (епископа Швеции, участвовавшего в походе), составленные не ранее конца XIII в. Оба жития имеют все недостатки житийной литературы и явились в последнее время предметом тщательной источниковедческой критики; но, по-видимому, в их тексте все же есть реальное зерно.

Финские официальные источники XII—XIII вв. погибли при пожаре Або 1318 г. В нашем распоряжении есть лишь две хроники — «Хроника Юстена» и так называемый «Фрагмент Пальмшёлда», восходящие к одному общему более раннему источнику. Обе хроники чрезвычайно бедны по содержанию, но мы все же находим в них несколько драгоценных крупиц сведений о событиях XII столетия.

Начало шведской экспансии на Восток относится к 40-м гг. XII в., ко времени правления короля Сверкера Старшего.

Первое известие об этом мы находим в Новгородской I летописи под 1142 г. Там сообщается: «Приходи Свьискей князь с епископомъ в 60 шнек на гость, иже изаморья шли в 3 лодьях; и бишася, не успеха ничтоже, и отлучиша их 3 лодье, избиша их полтораста».¹

То есть торговые корабли,² шедшие из-за моря в Новгород, подверглись нападению шведской военной флотилии. Столкновение произошло, очевидно, где-то на морском пути, ведущем из устья Невы на запад; можно почти утверждать, что это столкновение произошло в Финском заливе (сравнительно недалеко от Новгорода, что позволило летописцу получить довольно подробные сведения о происшествии).

Куда направлялась шведская флотилия, какую цель имел ее поход? Об этом можно лишь гадать. Довольно значительный раз-

¹ Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 26.

² Кому принадлежали торговые корабли, подвергшиеся нападению, были ли это новгородские или немецкие корабли, из текста летописи неясно. Но поскольку существование заморской торговли и заморских торговых поездок новгородских купцов в XII в. нам достаточно хорошо известно, поскольку, с другой стороны, летописец описывает столкновение в таких тонах, в каких он стал бы описывать нападение на русских купцов, особенно если учесть явное преувеличение числа убитых — полтораста человек, отмеченное еще Гишпингом (Гишпинг А. И. Нева и Ниеншанц, ч. 1. СПб., 1909, с. 67), можно почти с уверенностью говорить, что нападению в данном случае подверглись торговые суда новгородцев. Не указывая принадлежность судов, летописец как бы подразумевает, что здесь речь идет о своих, новгородских судах. Да и нужно ли было ему вообще фиксировать это событие в летописи, если бы нападению шведов в открытом море подверглись не русские суда? Мало ли таких нападений бывало в то время!

мер флотилии (60 шнек) заставляет думать, что здесь речь идет не о простом грабительском набеге на морские торговые караваны, а о чем-то большем. Шведский флот из 60 кораблей был, очевидно, флотом шведского морского ополчения — ледунга.³ На судах, по словам летописи, находились представители светской и духовной власти: «свейский князь» и епископ. Оба указанных обстоятельства (численность флотилии и участие «князя» и епископа) позволили некоторым авторам высказать предположение, что это был «крестовый поход» в страны к востоку от Балтийского моря.⁴ Присутствие на шведских судах епископа наводит на мысль, что поход носил не только светский, но и церковно-религиозный характер. Можно полагать, что этот поход ставил своей целью захват или какого-то участка финляндского побережья, или (что менее вероятно) захват восточной части побережья Финского залива в районе Невы.⁵ Имел ли этот поход какой-либо конкретный результат, мы не знаем. Но скорее всего в это время шведам еще не удалось закрепиться на восточном побережье Балтийского моря.⁶

³ Tunberg S. Aldre medeltiden. — In: Sveriges historia till våra dagar, bd II. Stockholm, 1926, s. 43—44; Stade A. Den store Jon Jarl. — Historisk tidskrift, 1939, h. 2, s. 115. — Такое большое число морских судов могло быть собрано только в результате государственного мероприятия, сбора ледунга — морского ополчения. Если учесть, что на каждой шнеке было до 100 человек гребцов и воинов, на 60 шнеках должно было находиться целое войско из нескольких тысяч вооруженных людей; см. об этом: Hafström G. Ledung och marklandsindelnig. Uppsala, 1949, s. 18—20, 58—60; Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977, с. 209—214.

⁴ Tunberg S. Aldre medeltiden, s. 44; Stade A. Op. cit., s. 115; Hornborg E. Sverige och Ryssland genom tiderna. Helsingfors, 1941, s. 24; Мавродин В. В. Начало мореходства на Руси. Л., 1949, с. 115. — Против этого мнения выступил Я. Галлэн, считающий, что идея организации «крестовых походов» в начале 1140-х гг. еще не могла распространиться на Прибалтийские страны (Gallén J. Erik den helige. Sveriges helgonkonung. — In: Gallén J., Lunden T. Sankt Eriks korståg. Stockholm, 1960, s. 14).

⁵ Есть даже предположение, что поход был направлен на Новгород (Jutikkala E., Pirinen K. Finlands historia. Stockholm, 1968, s. 27), но из текста источника это не вытекает.

⁶ Поэтому совершенно неправильно мнение некоторых исследователей, связывающих шведское нападение на русские суда в Финском заливе с происшедшим в том же 1142 г. нападением еми на новгородские земли в районе Невы и Приладожья и считающих оба нападения двумя звеньями одной цепи (Костомаров Н. И. Северно-русские народоправства, ч. I. СПб., 1863, с. 400; Гадзяцкий С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941, с. 87—88; Mikko J. J. Novgorodernas krigståg till Finland intill år 1311. — Historisk tidskrift för Finland, 1927, h. 2, s. 69; Gallén J. Erik den helige. Sveriges helgonkonung, s. 12. Против этого мнения выступил Р. Пиппинг (Pipping R. Kommentar till Erikstönikan. Helsingfors, 1926, s. 90, anm. 1). Поскольку шведы в тот момент еще не закрепились в юго-западной Финляндии, никаких политических связей между шведами и емью, жившей в глубине центральной Финляндии, в стороне от моря, быть еще не могло.

Шведский историк Стаде сделал интересную и довольно убедительную попытку определить, кто был тот «свейский князь», который упоминается в летописи. Почти исключено, чтобы это был сам король Сверкер,⁷ — исключено и ввиду внутренней обстановки в Швеции того времени, и потому, что летописец в этом случае вместо «князь» употребил бы слово «король». Под словом «князь» скорее всего здесь подразумевается член королевской семьи. Для того времени известен лишь один представитель династии, игравший видную роль в политической жизни, — сын Сверкера Ион, занимавший должность ярла (Jon jarl Sverkersson); допустимо предположение, что именно о нем речь идет в летописном тексте.⁸ Предположение тем более основательное, что одной из основных обязанностей ярла было именно руководство морскими и сухопутными походами, особенно руководство ледунгом (морским ополчением).⁹

Может быть, не случайно первая попытка наступления на восток произошла в правление короля Сверкера. Сверкер был первым шведским королем из данного рода, происходящего из восточной части Швеции (Эстергётланда), т. е. из той области, которая некогда, сто-двести лет назад, играла важную роль в варяжской агрессии, направлявшейся в Восточную Прибалтику и русские земли.¹⁰ Память о походах на Восток должна была в первой половине XII в. еще жить в той среде, из которой вышли Сверкер и его ближайшее окружение.

Преемственная связь между шведскими походами на Восток в середине XII в. и походами норманнов — варягов IX—XI вв. — в страны к востоку от Балтийского моря становится ясно заметной, если мы обратим внимание, откуда и куда направлялись те и другие походы. Экспедиции норманнов на восток имели отправным пунктом восточные области средней Швеции и шли мимо берегов юго-западной Финляндии и северной Эстонии к устью Невы и в Приладожье. Берега юго-западной Финляндии — первая заморская территория, которую встречали норманны на своем пути на восток, — нередко становились и первым объектом варяжских набегов.¹¹ Шведские рыцари в XII в., начав новую волну экспансии на Восток, наступали в том же направлении, по которому сто лет назад шли в походы их предки: на юго-западную

⁷ Так думают: Hornborg E. 1) Sverige och Ryssland..., s. 21; 2) Finlands hävder. I. Helsingfors, 1944, s. 167; Jutikkala E., Pirinen K. Op cit., s. 27.

⁸ Stade A. Op. cit., s. 115. — Такое же мнение высказал Лильехольм (Liljeholm A. F. Jon jarl och gravskriften över Johannes dux i Linköpings domkyrka. — Rig, 1937, 20 årgång, s. 81).

⁹ Hafström G. Op. cit., s. 57—58; Ковалевский С. Д. Указ. соч., с. 225—226. Liljeholm A. F. Op. cit., s. 225—226.

¹⁰ Tunberg S. Årdre medeltiden, s. 43.

¹¹ Как мы дальше покажем, скандинавы на этой территории в IX—XI вв. ограничивались лишь набегам, не оставив после себя никаких следов.

Финляндию и на Приладожье. Конечно, шведская экспансия носила теперь совсем иной характер: это была уже не экспансия только формирующегося государства, внутри которого происходил процесс образования классового общества, — это была захватническая политика сформировавшегося феодального государства, стремившегося развиваться вширь. Притом путь, по которому направлялись участники новых походов, был известен не только по преданиям: этот путь продолжал непрерывно и широко использоваться как главная торговая магистраль, связывающая русские земли со Швецией, Готландом и западной частью Балтийского моря.

Ближайшая к Швеции часть Финляндии — Аландские острова — отделена от шведского берега морским проливом всего в 40—50 км и имела с IX—X вв. шведское население, постоянно общавшееся со Швецией. Высадка в юго-западной Финляндии не могла поэтому представить для шведского рыцарства большого труда.

Завоевание юго-западной Финляндии (области племени сумь) явилось, как мы сейчас увидим, основным событием первого периода шведской крестовоной экспансии. Вся дальнейшая борьба, продолжавшаяся до конца XII в. (и даже позднее, до 40-х гг. XIII в.), ставила своей целью удержать в руках шведов юго-западные финские земли.

Прежде чем перейти к рассмотрению материалов о завоевании юго-западной Финляндии, нам надо выяснить, жили ли шведы в Финляндии до так называемых «крестовых походов». Этот вопрос должен быть затронут в нашей работе, ибо если признать наличие шведского населения в юго-западной Финляндии до «крестовых походов», то подчинение шведами юго-запада страны придется рассматривать не как крупное событие, меняющее политическую обстановку во всей стране, а как незначительное изменение политических отношений лишь в ее юго-западной части.

Вопрос о времени появления шведского населения в Финляндии уже давно волнует финских, шведских и финско-шведских (финских шведов по национальности) исследователей, ибо он имеет не только научное, но и политическое значение. Если доказать, что шведы живут в Финляндии чуть ли не со времен каменного века, значит их надо считать исконными жителями страны наравне с финнами; значит, шведов нельзя рассматривать как пришельцев. И каждый раз, когда в Финляндии происходил подъем националистических настроений, исследователи из числа финских шведов вновь возбуждали вопрос о древности и исконности шведского населения на юго-западе страны; так было, в частности, в 90-е гг., во время пробуждения финского буржуазного национализма в связи с «русификаторской» политикой царского правительства;¹² так было особенно в первые годы фин-

¹² Wallin W. Den svenska befolkningens i Finland härstamning. — Finskt museum, 1894, I, s. 41—45, 73—80; Appelgren H. Svenskarnas inflyttning i Finland. — Finskt museum, 1897, IV, s. 17—29; Montelius O.

ляндской буржуазной республики, когда финские шведы боролись за равные права с финнами в новом государстве;¹³ так было в начале 30-х гг., когда ясно обозначилось отеснение финских шведов с их прежних позиций в политической жизни.¹⁴

Как известно, в юго-западной части Финляндии имеется сейчас постоянное шведское население, живущее компактной массой на побережье от Нюланда до Гамла Карлебю в Остерботнии и на Аландских островах.

Когда оно здесь появилось?

Самое раннее упоминание о шведском населении содержится в предисловии Михаила Агриколы к его переводу Евангелия на финский язык (середина XVI века), но существует оно здесь с значительно более раннего времени. Шведские и финско-шведские археологи (Монтелиус, Эхкольм и др.) пытались доказать, что шведское население в Финляндии появилось еще в эпоху неолита¹⁵ и существует с тех пор. Финско-шведские лингвисты, изучая топонимику юго-западной Финляндии, собрали большой материал, свидетельствующий, по их мнению, о наличии здесь шведского населения еще в дохристианский период (до XI в.); обнаружен не только ряд названий, имеющих корни, по мнению указанных исследователей, в древнескандинавском языке IX—XI вв., но и названия, происходящие от имен скандинавских языческих богов. На основе данных топонимики, а также данных археологии эпохи неолита видный исследователь этого вопроса Т. Е. Карстен выдвинул гипотезу, по которой финские шведы представляют собой особую, четвертую¹⁶ северногерманскую национальность, образовавшуюся в эпоху неолита и развивавшуюся самостоятельно, не как часть шведского народа, а как отдельная национальная единица.¹⁷ Гипотеза Карстена, явно искажающая факты, подвер-

När kommo svenskarne till Finland. — Finsk tidskrift, 1898, t. 44, s. 81—105; Wiklund K. B. När kommo svenskarna till Finland. Uppsala, 1901.

¹³ Карстен Т. Е. 1) Varifrån har Finlands svensktalande befolkning kommit? Den fjärde nordgermanska nationaliteten. Helsingfors, 1920; 2) Till frågan om den finlandsvenska nationalitetens uppkomst. — Finsk tidskrift, 1920, t. 89, s. 189—225, 294—323; Wiklund K. B. Ett par ord i frågan om finlandssvenskarnas härkomst. — Namn och Bygd, 1920, s. 138—145; Hultman O. F. Härstamma Finlands svenskar från Sverige? — Finsk tidskrift, 1920, t. 88, s. 427—475; Карстен Т. Е. Finlandssvenskarnas härkomst. Ett svar till prof. O. F. Hultman. — Finsk tidskrift, 1921, t. 91, s. 158—176; Hultman O. F. Finlandssvenskarnas härkomst. En replik till prof. Karsten. — Finsk tidskrift, 1921, t. 91, s. 3—69.

¹⁴ Карстен Т. Е. Svenskt och finskt i Finland. — In: Folkmålsstudier, Arg. 1. Stockholm, 1933, s. 68—88; Wiklund K. B. Den svenska befolkningens ålder i Finland. — Fornvännen, 1933, s. 91—110.

¹⁵ Montelius O. Op. cit., s. 81—105. См. также: Ahlbäck O. Den finlandsvenska bosättningsens ålder och ursprung. — Finsk tidskrift, 1955, t. 157, s. 110—120.

¹⁶ Принято считать, что существуют три северногерманские национальности, — датчане, норвежцы и шведы.

¹⁷ См. уже цитированную работу Карстена 1920 г.: «Varifrån har Finlands svensktalande befolkning kommit?»

лась жестокой критике и не была принята. Но полемика¹⁸ на этом не остановилась.

Нам представляется, что решающее слово в данном случае должно принадлежать археологам. Данные о родстве шведской и финской культур эпохи неолита не являются серьезным аргументом, ибо позднее это родство не прослеживается. Решить вопрос могут лишь археологические материалы, относящиеся к эпохе, непосредственно предшествующей шведским «крестовым походам» (IX—XI вв.). Лишь наличие шведских погребений и поселений эпохи викингов может быть бесспорным свидетельством наличия в то время шведского населения. Но как раз этих памятников, несмотря на все старания финско-шведских археологов, обнаружить не удалось. Тщательное археологическое изучение юго-западных провинций Финляндии (собственно Финляндии, Нюланда и Остерботнии), проведенное в XX в., твердо установило отсутствие шведских погребений и поселений IX—XI столетий.¹⁹ Тем самым, по нашему мнению, достаточно ясно устанавливается отсутствие шведского населения в юго-западной Финляндии в IX—XI вв., в эпоху, предшествующую шведскому завоеванию. Материал топонимики сам по себе, не подтверждаемый археологическими данными, не может служить серьезным доказательством в пользу противоположного мнения, ибо топонимические данные не поддаются датировке с точностью до столетия.²⁰

Итак, Финляндия до середины XII в. не имела, кроме Аландских островов, никакого шведского населения, и захват шведами земли племени сумь (юго-западная Финляндия) должен рассматриваться как существенное изменение всей политической обстановки в стране.

В последние десятилетия выдвинута другая концепция, также (сознательно или бессознательно) ставящая своей целью доказать, что первый «крестовый поход» не нес с собой коренные

¹⁸ О ней см.: Моора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов по данным археологии. — В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, с. 97.

¹⁹ Nordman P. Finlands bebyggande. Den svenska kolonisationen. — In: Finlands kulturhistoria. Medeltiden. Helsingfors, 1908, s. 10; Hackman A. Atlas de Finlande. Texte, v. II. Helsingfors, 1910, s. 70; Hornborg E. 1) Finlands kristning. — In: Kyrkohistorisk årskrift. 1930, Uppsala, 1934, s. 234; 2) Finlands hävder, I, s. 172—174; Tallgren A. M. 1) Varsinais Suomen esihistoria (Varsinais Suomen historia. I). Turku, 1934, s. 99; 2) Finland i slutet av hednatiden. — Fornvännen, 1932, s. 401; 3) Svar till professor K. B. Wiklund. — Fornvännen, 1933, s. 184—186.

²⁰ Названия, восходящие к древнескандинавскому языку, вполне могли возникнуть и в XII столетии (когда шведский язык был еще очень близок к языку эпохи викингов). Названия, происходящие от имен языческих богов, также могли возникнуть и в XII в., ибо и тогда еще язычество не было полностью сломлено в Швеции, причем оно было сильнее как раз в той части Швеции (в Свеаланде), откуда вышел король Эрик и откуда направлялся его «крестовый поход» (и другие походы, если их было несколько), так как Свеаланд — ближайшая к юго-западной Финляндии часть Швеции.

перемены в жизни юго-западной Финляндии, не был грубым актом агрессии, насильственного завоевания и покорения шведскими рыцарями чужой страны и чужого народа. По мнению сторонников этой концепции, финское население юго-западной Финляндии уже задолго до первого «крестового похода» стало подвергаться сильному религиозному и культурному воздействию Швеции, уже в какой-то своей части восприняло проникающую с Запада христианскую религию (в ее католической форме) и находилось уже давно в дружеских отношениях со Швецией. Сторонники этого мнения, ссылаясь на археологические данные, считают, что переход к христианскому погребальному обряду произошел в северной части юго-западной Финляндии уже около середины XI в. (за сто лет до первого «крестового похода»), в остальной части юго-западной Финляндии — около середины XII в.²¹ Есть сторонники и теории более ранней христианизации, относящие массовое распространение христианства в юго-западной Финляндии уже к XI столетию.²²

Используемые сторонниками этой концепции археологические данные сами по себе достоверны. Но нет уверенности в правильности их датировки, тем более что возможность датировки с точностью до полустолетия в археологии в большинстве случаев вообще сомнительна, а при датировке XII столетием трудно с точностью доказать, относятся ли памятники со следами христианского погребального обряда к первой или второй половине века, ко времени до или после первого «крестового похода».²³

²¹ Gallén J. Erik den helige. Sveriges helgonkonung, s. 12; Ant-honi E. Korstågstiden och dess innebörd. — In: Kring korstågen till Finland. Helsingfors, 1968, s. 156—157, 166. — Сторонники этого мнения ссылаются на распространение в погребальных памятниках элементов христианского погребального обряда — ориентация могильных ям с запада на восток вместо языческой с севера на юг), появление в погребальном инвентаре крестиков или иных христианских символов, а также исчезновение бытовых вещей, сопутствующих языческим захоронениям, сосредоточение погребальных памятников у древнейших церквей (Cleve N. Spår av tidig kristendom i västra Finland. — Finskt museum, 1947—1948, LIV—LV, s. 72—84; Kivikoski E. 1) Suomen varhaisin kristillisuus muinaistateellisen aineiston valossa. — In: Novella plantatio. — In: Suomen kirkkohistoriallisen seuran toimituksia. 56. Helsinki, 1955, s. 24—28; 2) Finland. London, 1967, p. 113—120; Jutikkala E., Pirinen K. Op. cit., s. 28). При этом Э. Кивикоски, приводя доводы в пользу раннего проникновения христианства в юго-западную Финляндию, признает в то же время, что здесь и после первого «крестового похода» длительно продолжали проявляться в погребальной обрядности многие языческие черты (Kivikoski E. Finland, p. 119—121).

²² Salomies J. Kristendomens införande i Finland och grundläggningen av Finlands kyrka. — In: Här restes kristi kors. Festskrift till Finlands kyrkas 800-årsjubileum. Helsingfors, 1955, s. 9—10. (Автор — церковный историк, епископ, чем может объясняться его менее осторожная позиция в данном вопросе). См. также: Wuorinen J. The «Crusade» of 1157 in Finland. — In: Scandinavian Studies. Seattle, 1965, p. 358—359.

²³ Кроме того, примечательно также, что могильники с христианской погребальной обрядностью найдены в северной части юго-западной Фин-

Сторонники данной концепции считают недостоверными свидетельства источников о том, что перед первым «крестовым походом» финны из юго-западной Финляндии находились во враждебных отношениях с Швецией и совершали нападения на шведские побережья; напротив, делается попытка доказать, что финны до середины XII в. находились в мирных и добрососедских отношениях со своими шведскими соседями.

В приведенной концепции явно проскальзывает стремление изобразить финско-шведские отношения в идиллическом духе и показать, что первый «крестовый поход» и последующие действия шведских рыцарей в юго-западной Финляндии лишь продолжили уже давно начавшийся ход исторического развития, продолжили процесс христианизации и распространения шведского культурного влияния в земле суми. А само шведское проникновение в юго-западную Финляндию рассматривается не в политическом и социальном, а в чисто идеологическом, религиозно-культурном плане.²⁴

С такой постановкой вопроса нельзя согласиться. Даже если происходило некоторое проникновение христианства в юго-западную Финляндию до первого «крестового похода», то оно имело весьма ограниченные масштабы²⁵ и касалось только сферы идеологических представлений. В основной своей части (это признают и более объективные сторонники данной концепции) юго-западная Финляндия сохраняла языческие верования,²⁶ а с ними — и старый племенной строй и полную независимость от Швеции. Первый «крестовый поход» и последующие действия шведских крестоносцев в юго-западной Финляндии были акциями политическими, несли финнам политическое подчинение, ломку старого племенного строя и постепенную феодализацию. Это было настоящее завоевание, принесшее коренные перемены в покоряемый край.

Как же произошло завоевание юго-западной Финляндии?

По существующей издавна традиции начало завоевания Финляндии приписывается шведскому королю Эрику св., который со-

ляндии — в той местности, откуда началось шведское завоевание, где, по имеющимся данным, проходила деятельность короля Эрика и епископа Генриха. Естественно, возникает подозрение — не следы ли это христианизаторской деятельности завоевателей? А расположение подобных могил вблизи древнейших церквей имеет совсем иное объяснение (чем предлагали сторонники разбираемой концепции): в Финляндии, в самой Швеции и в ряде других стран первые церкви старались обычно строить на прежних языческих кладбищах и других местах языческого культа, чтобы там же, на месте, бороться с языческими верованиями.

²⁴ См. также: Juvellius E. Suomen kansan aikakirjat. I. Helsinki, 1932, s. 276—279.

²⁵ Оно, как уже говорилось, ограничивалось небольшим районом в северной части юго-западной Финляндии.

²⁶ Anthoni E. Op. cit., s. 156.

вершил в 1157 г. (традиционная дата) первый «крестовый поход» и подчинил шведской власти юго-западную часть страны (собственно Финляндию или землю племени сумь). «Крестовый поход» короля Эрика считался выдающимся событием шведской истории и был одним из главных оснований для последующей канонизации этого короля.

Основным прямым источником, описывающим так называемый «крестовый поход» короля Эрика, является уже упоминавшееся житие св. Эрика. До конца прошлого века житие св. Эрика считалось вполне доброкачественным источником и описание «крестового похода» давалось историками в полном соответствии с рассказом жития. Но в самом конце 90-х гг. молодой шведский исследователь Шерна, представитель гиперкритического направления в шведской исторической науке, подверг уничтожающей критике житие св. Эрика как исторический источник.²⁷ В созданном житием образе короля Эрика Шерна видел почти целиком плод фантазии, продукт народных преданий и легенд, наделенный типичными чертами средневековой житийной литературы. В частности, Шерна отвергал историчность рассказа жития о «крестовом походе» Эрика, считая и этот рассказ легендой.

Критика Шерна пробудила интерес к проблеме жизни и деятельности короля Эрика. Сразу же было опубликовано несколько статей, стремившихся опровергнуть данные Шерна, доказать реальность и историчность Эрика св. и его «крестового похода».²⁸ Завязалась полемика, превратившая вопрос о короле Эрике в одну из наиболее острых проблем средневековой истории Швеции и длившаяся несколько десятилетий.²⁹

В результате этой полемики большинство шведских ученых пришло к выводу, что король Эрик — фигура вполне историческая и основные факты его жизни и деятельности, указываемые источниками, достоверны. Однако в то же время выяснилось, что подлинная роль короля Эрика была значительно скромнее, чем пред-

²⁷ Stjerna K. Erik den helige, en sagohistorisk studie. Lunds universitets årskrift, 1898.

²⁸ Напомним, что король Эрик считается одним из основателей средневекового Шведского государства и был самым популярным национальным героем средневековой Швеции.

²⁹ За время после опубликования работы Шерна вышло несколько десятков статей, посвященных проблеме жизни и деятельности Эрика или отдельным вопросам этой проблемы. Перечень всех этих статей занял бы слишком много места, укажем лишь обобщающие работы: Weibull L. Erik den helige. Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie, række III, bd 7. Kjøbenhavn, 1917, s. 99—130; Grotenfelt K. Erik den helige och hans korståg till Finland. — Historisk tidskrift för Finland, 1920, h. 3—4, s. 111—125; Tunberg S. Erik den helige. Sveriges helgonkonung. — Fornvännen, 1941, s. 257—278; Erik den helige. Historia, kult, relikier. Stockholm, 1954; Gallén J. Erik den helige. Sveriges helgonkonung, s. 1—15.

ставлялось до недавнего времени. В свете многочисленных исследований, проведенных после выступления Шерна,³⁰ период 50-х гг. XII в. представляется нам как период острой междоусобной борьбы за власть в Швеции между Сверкером и (после его смерти) его сыном Карлом, с одной стороны, и представителем новой династии, Эриком — с другой. Борьба продолжалась около 10 лет и после смерти Сверкера (около 1156 г.) и Эрика (около 1160 г.) перешла в борьбу двух королевских родов, длившуюся непрерывно до середины XIII в. В этих событиях, тянувшихся почти сто лет, разумеется, нельзя видеть просто соперничество двух королевских фамилий из-за трона. Борьба Сверкера и Эрика, а после их смерти — борьба рода Сверкера и рода Эрика являлась конкретным выражением борьбы правящих классов двух частей Швеции — Гёталанда³¹ и Свеаланда³² за господство в Шведском государстве. Поскольку в XII столетии в стране еще не совсем стерлись племенные различия, борьба рода Сверкера и рода Эрика являлась, по-видимому, отражением давней борьбы двух шведских племен — гётов и свеев — за руководящую роль в Швеции. В ходе междоусобной борьбы и Гёталанд, и Свеаланд часто возглавлялись отдельными королями, и Эрик св. был, видимо, королем Свеаланда, правившим первые годы одновременно со Сверкером, управлявшим в это время Гёталандом; Эрик царствовал всего несколько лет, и его подлинная роль в жизни Швеции была значительно более скромной, чем можно было бы судить по позднейшей письменной традиции.³³ По скудным намекам источников удастся даже установить, что он не был особенно ревностным христианином³⁴ (да и вся его область, Свеаланд, несмотря на полтора века лет, прошедшие после принятия христианства, была более язычески настроенной частью Швеции, чем глубже христианизированный Гёталанд).³⁵ Лишь впоследствии потомки Эрика и приверженцы его династии выдвинули Эрика и его «крестовый поход» как знамя своей борьбы. Эрика объявили святым, стали складываться предания о его доблестях и чудесах. И, поскольку род Эрика победил в междоусобной борьбе, канонизация Эрика и

³⁰ Итоги их см.: Carlsson S., Rosén J. Svensk historia. I. Stockholm, 1969, s. 109—110.

³¹ Гёталанд (Götaland), «земля племени гётов» — южная половина Швеции.

³² Свеаланд (Svealand, Svitjud), «земля племени свеев» — северная половина основной территории Швеции (не включая сюда Вестерботнию, т. е. земли вдоль средней и северной части Ботнического залива, колонизованные и заселенные шведами позднее).

³³ См. примеч. 51.

³⁴ Имеются сведения, что Эрик и его жена подвергли сильным преследованиям один из первых шведских монастырей (Варнхем) и монахам пришлось, оставив монастырь, бежать в Данию (см.: Tunberg S. Erik den helige, s. 264; Weibull L. Op. cit., s. 103—104).

³⁵ Janse O. De nyaste åsikterna om Erik den helige. — Historisk tidskrift, 1898, s. 324; Tunberg S. Erik den helige, s. 269.

прославление его подвигов получили общее признание, став одной из основ официальной идеологии средневековой Швеции.

Исследования последних десятилетий³⁶ позволили в какой-то мере выяснить предысторию первого «крестового похода» шведских рыцарей. Довольно вероятно высказываемое некоторыми авторами предположение, что скромный по своим масштабам поход, организованный на севере Европы небольшим Шведским государством, был отражением развернутой в середине 1140-х гг. во многих странах Европы широкой пропаганды «крестового похода», начатой известным проповедником Бернардом Клервским и завершившейся организацией в 1146 г. второго «крестового похода» в Палестину. Уже в конце 1140-х гг. идея организации «крестовых походов» стала использоваться для прикрытия захватнических действий и в землях нехристианских народов на берегах Балтики.

В 1147 г. саксонский герцог Генрих Лев организовал первый в бассейне Балтийского моря «крестовый поход» с целью завоевания земель поморских славян. Предпринятый спустя несколько лет завоевательный поход короля Эрика был дальнейшим развитием той же идеи — завоевания чужой территории под предлогом распространения христианства среди язычников.

Весьма вероятно также предположение,³⁷ что возникновение в Швеции идеи организации «крестового похода» находится в связи с посещением Швеции в 1153 г. папским легатом Николаем Альбано.³⁸ Источники почти не сохранили сведений о его деятельности в Швеции, но весьма вероятно, что, прибыв в страну для урегулирования ее церковных дел, он не мог не рассказывать о распространившейся в предшествующие годы в Европе и поддерживаемой руководством католической церкви идее организации «крестовых походов». И очень возможно, что мысль о подготовке собственного шведского «крестового похода» против ближайшего к Швеции языческого народа возникла в стране во время

³⁶ Salomies J. 1) Suomen kirkkon historia. I. Helsinki, 1944, s. 41—57. 2) Kristendomens införande i Finland., s. 7—17; Erik den helige. Historia, kult, relik; Gallén J. 1) Erik den helige. Sveriges heldonkonung, s. 1—15; 2) Erik den helige och första korståget. — In: Credo, 1956. Uppsala, 1957, s. 66—71; Jaakkola J. Nykyisen riemuvoudan näkymiä Suomen kansalliskirkon perustamiseen. — In: Novella plantatio. In: Suomen kirkkohistoriallinen seuran toimituksia. 56. Helsinki, 1955, s. 9—20; Wuorinen J. Op. cit., p. 352—355; см. также: Grotenfelt K. Op. cit., s. 119—120; Suomen historian käsikirja. I. Porvoo — Helsinki, 1949, s. 127—134; Jaakkola J. Suomen varhaiskeskiaika. Helsinki, 1958, s. 83—93; Jutikkala E., Pirinen K. Op. cit., s. 27—30, и др.

³⁷ См. все работы, указанные в предыдущем примечании.

³⁸ Николай Альбано (Nicolaus Breakspear), англичанин родом, был виднейшим деятелем римской курии и в следующем, 1154 г., был избран папой под именем Адриана IV. См.: Pirinen K. Nikolaus Albanos legaatimatka uusien lähdelöytöjen ja tutkimustulosten valossa. — Historiallinen aikakauskirja, 1952, № 2, s. 126—143.

пребывания легата и личный представитель папы мог от имени «святого отца» дать благословение этому предприятию.³⁹ Разумеется, легат при этом должен был отлично понимать, что благочестивая форма «крестового похода» будет лишь прикрывать захватническую операцию, в которой заинтересованы феодальные правящие верхи Швеции.⁴⁰

Единственный источник, дающий сведения о первом шведском «крестовом походе», — житие св. Эрика. Это памятник довольно поздний; по мнению большинства исследователей, он составлен в последние десятилетия XIII в.,⁴¹ почти через полтора столетия после описываемых в нем событий.⁴² Но все же, по установившемуся теперь мнению, в житии содержатся достоверные зерна.⁴³

В житии св. Эрика рассказывается, что король Эрик предпринял: «крестовый поход за святую христианскую веру и против врагов своего народа, взяв с собой из Упсалы св. Генриха, который был там епископом, и двинулся в Финляндию, которая была в то время языческой и причиняла Швеции много вреда. Тогда св. Эрик принудил там народ воспринять христианскую веру и установить мир с ним. Так как они не хотели принимать ни того, ни другого, он сразился с ними и победил их мечом, отмщая му-

³⁹ В одном позднем источнике сообщается, что руководитель шведской церкви епископ Упсальский Генрих, являвшийся одним из главных участников «крестового похода» короля Эрика, прибыл в Швецию незадолго до своего назначения на пост епископа вместе с папским легатом Николаем Альбано и (что известно и из других источников) был даже его соотечественником — англичанином (*Salomies J. Kristendomens införande i Finland...*, s. 14; *Gallén J. Erik den helige. Sveriges helgonkonung*, s. 13). Известие это, базирующееся на церковной письменной или устной традиции, не бесспорно, но допустимо, но в таком случае связь между приездом папского легата и организацией шведского «крестового похода» становится еще более вероятной.

⁴⁰ Существует также мнение, что «крестовый поход» и завоевание шведскими крестоносцами юго-западной Финляндии были проведены целиком по инициативе и в интересах церкви, ради распространения христианства, и что Шведское государство не имело собственных интересов в этом предприятии (*Jaakkola J. Suomen varhaiskeskiaika*, s. 94—98, 101—103, 105, 108, 118—120; *Grotenfelt K. Op. cit.*, s. 118—119; *Salomies J. Kristendomens införande i Finland...*, s. 13—14). Мнение это, разумеется, ошибочно (*Anthoni E. Op. cit.*, s. 158, 165): завоевание земли суми преследовало вполне мирские цели — захват территории и извлечение доходов с покоренного населения.

⁴¹ *Salomies J. Kristendomens införande i Finland...*, s. 12; *Wuorinen J. Op. cit.*, p. 356.

⁴² Существует, правда, и второй источник, житие св. Генриха, но оно составлено поздно, не ранее конца XV в., и, по мнению исследователей, сведения о первом «крестовом походе», имеющиеся в этом памятнике, заимствованы из жития св. Эрика.

⁴³ *Gallén J. 1) Erik den helige. Sveriges helgonkonung*, s. 11; 2) *Synpunkter på Finlands äldsta historia*. — In: *Historianpöytäkirja Vuosikirja*. Helsinki, 1963, s. 8—9. См. также: *Grotenfelt K. Op. cit.*, s. 113.

жественно за кровь христианских мужей, которую они так долго и часто проливали...»⁴⁴

Затем в житии сообщается, что Эрик оставил в Финляндии епископа Генриха для продолжения начатого дела и отплыл в Швецию.

Если учесть, что житие является записью устной традиции, существовавшей свыше ста лет, станет очевидным, что приведенный текст дает нам лишь одно более или менее определенное известие — что «крестовый поход» Эрика действительно имел место. Видимо, достоверна еще одна подробность — участие в походе самого Эрика и епископа Генриха.⁴⁵ Все остальное в большей или меньшей степени недостоверно, является продуктом фольклора или литературного творчества автора жития.⁴⁶

Хурнборг обратил внимание еще на одно обстоятельство — на указание жития, что поход был вызван нападениями финнов на Швецию. По мнению Хурнборга, для составителя жития обращение в христианство само по себе должно было быть достаточной причиной для организации «крестового похода», автор не имел никакой нужды искать каких-либо иных причин;⁴⁷ можно думать, что здесь устная традиция сохранила память о подлинном событии — о действительно происходивших нападениях собственно финнов (племени сумь) на берега Швеции, послуживших в таком случае одной из причин похода.

Сама по себе возможность нападений финских прибрежных жителей из юго-западной Финляндии на близлежащее побережье Швеции вполне допустима;⁴⁸ подобные набеги типичны для стадии разложения родо-племенного строя, на которой находилась Финляндия. Но подозрительно, что такая же причина выдвигалась в источниках и позднее, во время второго (1249 г.) и третьего (1293 г.) шведских «крестовых походов», выдвигалась явно для оправдания действий завоевателей.⁴⁹ Скорее всего и поход короля Эрика не был вызван финскими нападениями на берега

⁴⁴ Vita sancti Erici regis et martyris. Scriptores rerum Suecicarum, t. II. Uppsala, 1828, p. 270.

⁴⁵ Об этом сообщают другие источники (правда, тоже поздние и тоже основанные на традиции).

⁴⁶ Suomen historian käsikirja, s. 110; Wuorinen J. Op. cit., p. 358.

⁴⁷ Hornborg E. 1) Finlands kristning, s. 204; 2) Finlands hävder, I, s. 156.

⁴⁸ Достоверность этого известия признают: Grotenfelt K. Op. cit., s. 116—117; Juva E., Juva M. Suomen kansan historia. I. Helsinki, 1964, s. 113.

⁴⁹ В XII—XIII вв. в кругах руководства католической церкви было широко принято объявлять причиной «крестового похода» нападения «язычников» (Pirinen K. Den kyrkliga organiseringen av det finska missionsområdet. — In: Kring korstågen till Finland. Helsingfors, 1968, s. 175). Если считать, что поход был вызван финскими набегами на Швецию и ставил целью обезопасить шведские берега от зловредных финнов, тогда он должен был рассматриваться как вполне «благородное» и чисто оборонительное предприятие.

Швеции, а имел совершенно иные причины и чисто захватнические, а не оборонительные цели.⁵⁰

Ни жития, ни другие источники не содержат вполне достоверной даты похода; ясно лишь, что поход произошел в середине 1150-х гг. Большинство исследователей склоняется теперь к дате 1155 г., хотя столь же возможна и другая дата — 1157 г.⁵¹

В качестве серьезного доказательства историчности первого «крестового похода» шведских рыцарей с конца прошлого века стал привлекаться⁵² весьма ценный для исследователей источник — булла папы Александра III от 9 сентября 1171 г.⁵³ Являющаяся единственным документом, современным рассматриваемым нами событиям, булла представляет для нас исключительный интерес.

В этом послании, направленном архиепископу Упсальскому, подчиненным ему епископам и Гутторму ярлу, папа Александр III пишет:⁵⁴

«Весьма трудная и тягостная жалоба поступила к апостоли-

⁵⁰ Выказано еще мнение (Anthoni E. Op. cit., s. 158), что одной из причин первого шведского «крестового похода» было появление в юго-западной Финляндии в середине XII в. новгородских купцов (см. ссылку на цит. на с. 60 работу Л. Пости), поставившее под угрозу давние шведские торговые интересы в этой местности: юго-западная Финляндия — давняя и законная сфера шведского влияния, русские не имели права заводить здесь торговлю, и первый «крестовый поход» был не захватническим, а вполне оборонительным мероприятием.

⁵¹ Согласно письменной традиции, епископ Генрих до похода два года пробыл епископом в Упсале; если он приехал в Швецию вместе с Николаем Альбано в 1153 г., поход должен был происходить в 1155 г., смерть Генриха относится церковной письменной традицией к 20 января 1156 г. (Salomies J. 1) Suomen kirkon historia, s. 53; 2) Kristendomens införande i Finland..., s. 12—14; Jutikkala E., Pirinen K. Op. cit., s. 30). Но в 1155 г. Эрик не был еще королем Швеции, он был в лучшем случае конунгом Свеаланда или только Упланда. Из этого следует, что Эрик выступал во время похода лишь в качестве главы Свеаланда или же поход состоялся после смерти короля Сверкера (1156 г.), когда Эрик овладел королевским тронном всей Швеции, т. е. скорее всего в 1157 г. (Weibull L. Op. cit., s. 123—127; Grotenfelt K. Op. cit., s. 119—121; Gallén J. Erik den helige. Sveriges helgonkonung, s. 14; Anthoni E. Op. cit., s. 158, 170; Jutikkala E., Pirinen K. Op. cit., s. 30).

⁵² Kjellberg K. M. 1) Erik den helige i historien och legenden — Finsk tidskrift, 1898, t. 45, s. 317—339; 2) Genmäle. — Historisk tidskrift, 1899, s. 1; Janse O. Op. cit., s. 322.

⁵³ Булла написана в Тускулуме (в окрестностях Рима) и носит дату «9 сентября» без указания года. Обычно ее на основании ряда косвенных данных относили к 1171 г., но Яркола сделал попытку доказать, что булла написана на год позже (1172 г.). Поскольку разница на один год для нас не существенна, мы будем придерживаться общепринятой датировки. Интересно также отметить, что булла 9 сентября — одна из 9 булл, направленных в течение одного только сентября этого года в Швецию; несколько ранее, в июле, была направлена еще одна (10-я) булла. Это свидетельствует о большом интересе Рима в начале 70-х гг. XII в. к делам далекой Швеции.

⁵⁴ Finlands medeltidsurkunder. I. № 24.

ческому престолу,⁵⁵ о том, что финны⁵⁶ всегда, когда им угрожают вражеские войска, обещают соблюдать христианскую веру и охотно просят проповедников и наставников христианского закона, но, когда войска уходят, отказываются от веры, презируют и жестоко преследуют проповедников...»⁵⁷

Так как булла, касающаяся отношений с финнами, адресована главе шведской церкви — архиепископу Упсальскому, подчиненным ему епископам и Гутторму ярлу, отсюда явствует, что Шведское государство и церковь ведут в это время христианизаторскую работу в Финляндии. Поскольку в булле упоминаются шведские войска, участвующие в событиях в Финляндии, и поскольку среди адресатов упомянут представитель светской власти Швеции (и, вероятно, фактический руководитель государства) Гутторм ярл,⁵⁸ очевидно, что Шведское государство активно участвует в борьбе за землю финнов (т. е. собственно финнов, племени сумь)⁵⁹ и главное место в этой борьбе скорее всего занимают не церковно-христианизаторские, а чисто политические интересы. Из текста буллы явствует, что и христианизаторы-шведы, и подвергаемые

⁵⁵ Из этих слов явствует, что папская булла написана в ответ на послание, полученное папским престолом из Швеции. Поскольку папа адресует свою буллу архиепископу Упсальскому и Гутторму ярлу, очевидно, что они и были авторами послания, присланного из Швеции. Приводимый нами далее текст буллы является пересказом сведений, содержащихся в послании архиепископа и ярла; вслед за приводимым текстом идет изложение конкретных мер, которые папа предлагает предпринять шведским властям для того, чтобы принудить «вероломных» финнов к покорности. И, кстати говоря, содержащиеся в данной части буллы предложения вряд ли удовлетворили руководителей церкви и государства в Швеции: они, обращаясь к папскому престолу, рассчитывали получить практическую помощь, но папа в своем ответе ограничился лишь словесными советами и добрыми пожеланиями. В частности, папа советовал потребовать, чтобы финны отказались от своих крепостей и передали их в качестве залога в руки шведских завоевателей.

⁵⁶ В оригинале *rhinni*. Это первое в письменных источниках упоминание этнического названия «финны».

⁵⁷ Далее в тексте буллы следуют указания, какие меры надлежит принимать, чтобы избежать подобного вероломства финнов.

⁵⁸ Конец 60-х и начало 70-х гг. XII в. — время острой борьбы между претендовавшими на шведский трон представителями династии Эрика и Сверкера, притом время, плохо освещаемое внутренними шведскими источниками. Поэтому, поскольку папа Александр III в своей булле обращается не к королю — официальному главе светской власти (наряду с обращением к главе духовной власти в стране, архиепископу Упсальскому), а к высшему государственному чиновнику, ярлу, весьма вероятно, что в момент написания полученного папой послания из Швеции (послания, на которое папа давал ответ в своей булле) фактически во главе управления государством стоял ярл Гутторм (в стране могло быть два борющихся претендента на трон и фактическая власть могла находиться в руках ярла); видимо, в данном случае Гутторм выступает не просто как ярл, а как руководитель государства.

⁵⁹ Племенное название «финны» (*rhinni*) ясно указывает, что речь идет о собственно финнах — племени сумь. В XII—XIII вв. слово «финны» употреблялось только для обозначения собственно финнов и никогда не употреблялось как общее обозначение финских племен Финляндии.

христианизации финны совершенно отчетливо видели в христианстве лишь форму политического подчинения, определенное средство политической борьбы.⁶⁰

Из текста буллы, далее, можно заключить, что христианизаторская и политическая деятельность шведов в Финляндии — явление сравнительно не очень новое,⁶¹ что эта деятельность началась недавно (поскольку она не успела пустить глубоких корней), но вместе с тем уже не вчера и не год назад, т. е. промежуток между началом шведской экспансии и моментом написания буллы как раз мог составить 15—17 лет — период между походом Эрика (1155—1157 гг.) и 1171 г. Правда, булла не говорит прямо о «крестовом походе» Эрика.⁶² Но со времени похода Эрика прошел уже определенный промежуток времени, в течение которого, вероятно, не один раз совершались новые походы в юго-западную Финляндию; надо думать, не случайно о просьбах финнов о помощи и о посылке шведами этой помощи булла говорит во множественном числе («финны всегда, когда...»). Поскольку походы совершались неоднократно,⁶³ первый из них вполне мог быть уже полузабыт.

В общем, как считает большинство исследователей,⁶⁴ булла является хотя и не прямым, но достаточно веским доказательством реальности «крестового похода» короля Эрика. По-видимому, устойчивая финская и шведская средневековая традиция,⁶⁵ относившая начало завоевания Финляндии ко времени короля Эрика, верна.

Первый поход в Финляндию вряд ли мог предприниматься в крупных размерах. Шведские походы на восток в XII в. вообще нельзя сравнивать по их масштабам с «крестовыми» походами немецких и датских рыцарей в Прибалтику в XIII в. и даже со шведскими же походами на восток 1240, 1249, 1293, 1300 гг. По-

⁶⁰ Указание буллы на то, что финны при приближении опасности просят у шведов помощи и за это обещают быть верными христианами, но, когда опасность минует и шведские вспомогательные войска уходят, отказываются от христианства.

⁶¹ Ahnfelt O. *Ännu ett bidrag till tolkningen af «påfvebrefvet om Sankt Eriks korståg»*. — *Historisk tidskrift*, 1901, s. 145.

⁶² Поскольку булла, написанная через 15—17 лет после похода Эрика, ничего не упоминает об этом походе, Шерна считает ее еще одним доказательством, опровергающим реальность похода (Stjerna K. *Påfvebrefvet om Sankt Eriks korståg*. — *Historisk tidskrift*, 1899, h. 3, s. 238). Но Шерна не учитывает, что папская булла писалась на основании сведений, полученных от Упсальского архиепископа Стефана, политического врага партии Эрика, не заинтересованного в том, чтобы упомянуть имя Эрика и его заслуги в деле подчинения Финляндии (Ahnfelt O. *Op. cit.*, s. 145).

⁶³ То, что шведами в 50—60-х гг. был совершен не один поход на восток, подтверждает и факт нападения шведского флота в 1164 г. на город Ладогу.

⁶⁴ Kjellberg K. M. *Genmäle*, s. 4; Janse O. *Op. cit.*, s. 232; Ahnfelt O. *Op. cit.*, s. 145; Grotenfelt K. *Op. cit.*, s. 112; Hornborg E. *Finlands kristning*, s. 208; Tunberg S. *Erik den helige*, s. 268.

⁶⁵ Ahnfelt O. *Op. cit.*, s. 145.

ходы середины XII в., совершавшиеся в юго-западную Финляндию, следует считать весьма скромными, расстояние от побережья Свеаланда до берегов Финляндии было весьма невелико, а путь шведам был уже ранее известен; у финнов-суми не было политического единства, и они не могли оказать серьезного сопротивления. Наконец, как вырисовывается в свете исследований нашего века,⁶⁶ в первое время была подчинена не вся земля племени сумь, а лишь небольшой район по течению реки Кокемяенйоки и вокруг местечка Ноуси, где была сооружена первая церковь и был создан первый центр шведской власти в Финляндии. Здесь возникли и первые шведские селения и отсюда стала развиваться шведская колонизация побережья.⁶⁷ Подчинение района Або явилось уже более поздним этапом распространения шведской власти и произошло, вероятно, в 60—70-е гг. XII в.

Шведские и финские историки, рассказывая об этих первых шагах покорения шведами Финляндии, любят подчеркивать преимущественно мирный характер деятельности шведов и дружелюбное отношение собственно финнов к своим покорителям.⁶⁸ Но это, разумеется, лишь сознательное приукрашивание фактов, совершаемое с чисто политическими целями.⁶⁹ Хотя наши источники почти ничего не сообщают о внутренней жизни Финляндии XII в., нам все же известны факты, свидетельствующие об упорной борьбе финнов слабого по численности и не имевшего поддержки извне племени сумь, против завоевателей — шведов. Так, нам известно, что один из организаторов первого похода и основатель католической церкви в Финляндии епископ Упсальский Генрих

⁶⁶ Исследования видного финского археолога Ю. Ринне установили густую заселенность в XII в. района Ноуси (к северо-западу от современного Або), где, по данным письменных источников, была построена первая христианская церковь в Финляндии (Rinne J. Suomen keskiaikaiset mäkilinnat. I. Helsingfors, 1914, s. 254—255; Kivikoski E. Die Eisenzeit im Auraflussgebiet. Helsinki, 1939, s. 252; Salomies J. Kristendomens införande i Finland..., s. 15—16; Juva E., Juva M. Suomen kansan historia, s. 121—125). Густая заселенность и наличие первой церкви заставляют считать именно эту местность первой территорией, захваченной шведами.

⁶⁷ См.: Suomen historian käsikirja, s. 132. — Предполагается, что уже тогда вблизи Ноуси было сооружено первое шведское укрепление Стенберга, ставшее епископским замком (там же, с. 133; Rinne J. Pyhä Henrik. Piispa ja martyyri. Helsinki, 1932, s. 73).

⁶⁸ Voionmaa V. Suomalaisia keskiajan tutkimuksia. Porvoo, 1912, s. 12; Leinberg K. G. Finska klostrens historia. Helsingfors, 1899, s. 1, 2; Rinne J. Ruotsalaisten käännytystoimen laadusta Suomessa ruotsinvalian ensimmäisellä vuosisadalla. — Historiallinen aikakauskirja, 1921, № 1, s. 39—52; Hornborg E. Finlands kristning, s. 229; Gallén J. Öst och väst i kamp om Finland. — In: Här restes kristi kors. Helsingfors, 1955, s. 50, etc.

⁶⁹ Подчеркивание мирного характера христианизаторской деятельности шведов и дружелюбного отношения финнов к своим завоевателям должно было подкреплять общую политическую тенденцию финской буржуазной исторической науки, ориентирующей прошлое Финляндии на запад, считающей союз со Швецией, подчинение шведской власти естественным, необходимым и полезным для того времени.

был убит вскоре после возвращения короля Эрика обратно в Швецию. Хотя содержащиеся в житии св. Генриха обстоятельства убийства епископа легендарны, финская традиция, вероятно, с полным основанием приписывает убийство финну Лалли.⁷⁰ Убийство, очевидно, явилось актом борьбы против христианизаторов. Второе указание на борьбу финнов против христианизации дает та же булла 1171 г., где говорится, что финны принимают христианство лишь в моменты крайней опасности от внешнего врага, а по миновании опасности жестоко преследуют и изгоняют священников и миссионеров. Но борьба финнов-суми против шведов была обречена на поражение, и не только потому, что на стороне шведов была лучшая организация и лучшее вооружение. В борьбе со шведской экспансией племя сумь заняло ошибочную позицию, само отказалось от поддержки извне.

Нам не было бы нужды так подробно останавливаться на первом шведском «крестовом походе» и захвате шведами юго-западной Финляндии, если б это было событием только шведской и финляндской истории. Но, как это становится ясно при внимательном изучении источников, указанный поход имел выдающееся значение для всей Северной Европы, в частности для внешних отношений Новгородского государства. И здесь мы снова должны обратиться к той же булле 1171 г.

Этот документ представляет исключительный интерес для нашего исследования, ибо он дает первое указание на то, как реагировало Новгородское государство на появление в юго-западной Финляндии шведов. В булле совершенно ясно говорится, что на подчиняемую шведами часть Финляндии совершали нападения (судя по тексту буллы — не один раз) какие-то вражеские войска.

Чьи это были войска?

Шведы в данном случае подразумеваться не могут.⁷¹ Эсты⁷² и тавасты⁷³ также скорее всего исключаются; нападения вражеских войск, совершавшиеся неоднократно, носили, как можно заключить из текста буллы, не грабительский, а политический характер, стремились вывести собственно финнов из подчинения шведам. Судя по тексту буллы, вражеские нападения происхо-

⁷⁰ Borenius T. St. Henry of Finland: an Anglo-Scandinavian Saint. — The Archeological Journal, 1930, p. 343; Hornborg E. Finlands kristning, s. 206—207.

⁷¹ Если бы в булле подразумевались крестоносные войска, то папа в послании к шведским властям назвал бы их, конечно, «христианские» или «Ваши», а не просто «вражеские». Совершенно невозможно предположить у папы такую объективность, чтобы он стал рассматривать явления с точки зрения язычников-финнов и без какого-нибудь разъясняющего добавления назвал христианские войска «врагами» (см.: Stjerne K. Påfvebrevet om Sankt Eriks korståg, s. 238).

⁷² Как думал Шерна (Ibid., s. 238), не отрицавший, впрочем, равную вероятность предполагать, что здесь подразумевались русские.

⁷³ См.: Leinberg K. G. Op. cit., s. 2; Ailio J. Hämeen linnan esija rakennushistoria. — In: Hämeenlinnan kaupungin historia. I. Hämeenlinna, 1917, s. 42.

дили не один раз. Следовательно, была какая-то серьезная причина, привлекавшая этих врагов, заставлявшая их нападать на юго-западную Финляндию. Как мы сейчас отметили, это была, судя по тексту буллы, причина, по-видимому, политического порядка. Отметим также, что вряд ли здесь играли роль экономические соображения (т. е. вряд ли главной целью нападений был грабеж). Для грабительских набегов слабые, только что созданные и с трудом державшиеся шведские колонии в земле племени сумь не представляли никакого интереса — слишком мала здесь могла быть добыча. Для эстов, как правильно замечает Чельберг,⁷⁴ было гораздо выгоднее грабить значительно более богатые берега самой Швеции. То же, вероятно, можно сказать и про тавастов (емь).

Нападения политического характера ни эсты, ни емь совершать, по нашему мнению, не могли. Эсты северной Эстонии и острова Сарема находились в тот момент на стадии разложения родового строя и еще не могли иметь никаких политических интересов за морем, не могли стремиться к подчинению заморских территорий. Поэтому появление новой политической силы в юго-западной Финляндии не могло затронуть политические интересы и стремления северных эстов. Подобные же соображения можно высказать и по поводу тавастов. Хотя тавасты не были отделены от юго-западной Финляндии морским заливом, страна еми-тавастов была отделена от поселений суми широкой полосой труднопроходимых лесов и сообщение между обоими племенами совершалось преимущественно кружным путем — морем.

Остаются тогда только карелы и новгородцы; на этом решении сходится большинство исследователей.⁷⁵ При этом, как станет ясно из дальнейшего хода событий, нам нет нужды вдумываться, были ли это карелы или новгородцы; карелы и новгородцы в XII в. выступают всегда совместно, карелы фактически осуществляли в XII столетии внешнюю политику Новгородского государства.⁷⁶

Итак, булла 1171 г. дает нам первые, еще не вполне точные, но уже достаточно достоверные сведения о том, что Новгородское государство очень скоро после появления шведов в земле племени сумь начало борьбу против шведов, стремясь вытеснить их из захваченной ими еще небольшой части Финляндии. Так началась

⁷⁴ Kjellberg K. M. Genmäle, s. 5.

⁷⁵ Yrjö-Koskinen G. Z. Finnische Geschichte. Leipzig, 1874, S. 28; Kjellberg K. M. Genmäle, s. 5; Hornborg E. 1) Sverige och Ryssland..., s. 22; 2) Finlands hävder, I, s. 172; 3) Kampen om Östersjön. Stockholm, 1945, s. 45—46; Мавродин В. В. Указ соч., с. 116; Wuorinen J. Op. cit., p. 357; Anthoni E. Op. cit., s. 158, и др. К этой же мысли, как уже упоминалось, пришел и Шерна (Stjerna K. Påfvebrefvet om Sankt Eriks korståg, s. 238), считая, правда, в равной мере вероятным, что здесь подразумевались эсты.

⁷⁶ В этих нападениях явно участвовали не только карелы, но и новгородцы. Безусловно связан с упоминаемыми папой нападениями шведский поход 1164 г. на Ладугу. Походы 1160-х гг. явно носили политический характер, ставили целью политическое подчинение суми, что могло исходить лишь от прямых представителей Новгородского государства.

русско-шведская борьба за обладание Финляндией, затянувшаяся на 650 лет.

Что побудило Новгородское государство предпринять ответные действия сразу же после первых шагов шведских завоевателей на финской земле? Ведь захваченные шведами участки финской территории (участки земли племени сумь) никогда не находились под властью или влиянием Новгорода и новгородская данническая область в земле еми, вероятно, отстояла довольно далеко от первых шведских поселений в Финляндии, так что никакого прямого ущерба Новгородское государство еще не потерпело. Тем не менее реакция новгородской стороны на происшедшие события вполне объяснима.

Хотя первые шаги шведской экспансии привели к захвату лишь довольно ограниченной части земли суми, само появление и начавшееся закрепление шведов в юго-западном углу Финляндии изменяло сложившуюся обстановку в стране, а также в восточной части Балтийского моря и было чревато большими последствиями для новгородской стороны. Если до середины XII в. Новгород, подчинивший себе карел и емь, занимал в Финляндии доминирующее положение и не имел политических конкурентов, то теперь в стране появилась новая сила, начавшая покорять юго-западных финнов и готовящаяся стать в Финляндии соперником Новгорода. Появление этой силы должно было осложнить отношения Новгорода с подвластными финскими племенами, в частности с емью, которая с этого момента могла начать вести себя более независимо. Уже одно это обстоятельство должно было заставить новгородских руководителей немедленно начать борьбу против первых же шагов шведских завоевателей на финляндской территории. Но было и второе, вероятно, не менее важное обстоятельство. Захватывая юго-западную часть Финляндии, шведы закреплялись как раз на основном торговом пути, связывающем Новгород с Западной Европой (как мы уже указывали, при выходе из Финского залива обычный путь морских кораблей проходил в то время вдоль юго-западного побережья Финляндии от Порккала до Алаанда и далее к Сигтуне или к острову Готланд). Таким образом, важнейший жизненный нерв новгородской торговли оказывался под ударом шведов. Это тоже заставило и новгородцев, и заинтересованных в новгородской торговле карел стремиться вытеснить шведов с финляндской территории.

Высказывалось также мнение, что новгородцы в середине XII в. имели торговые интересы и на самом побережье юго-западной Финляндии и даже свой торговый пункт на этом побережье в устье реки Ауры;⁷⁷ новгородцы называли его «торг» («търг»), местное финское население стало его называть Турку,⁷⁸ и из него

⁷⁷ Jutikkala E., Pirinen K. Op. cit., s. 27.

⁷⁸ Происхождение финского названия города Турку от древне-русского «търг» языковедами давно считается доказанным; см. также: Juva E. Turun synty. — In: Turun historiallinen arkisto. VII. Turku, 1939, s. 133;

развился к концу XII в. город Або. Существование в XII в. в столь удобном месте на важнейшем торговом пути Финского залива торгового пункта весьма вероятно.⁷⁹ хотя принадлежность этого торгового пункта новгородцам не бесспорна; скорее он принадлежал местным жителям и активно использовался новгородцами. Выказывалась также гипотеза, что новгородцы торговали во второй половине XII в. еще в двух пунктах в той же местности.⁸⁰ В общем весьма вероятно, что заинтересованность в сохранении возможности вести торговлю с финнами на побережье юго-западной Финляндии также побудила новгородцев выступить против захвата этого края шведскими крестоносцами.

На основании текста буллы можно сделать попытку выяснить, как (какими способами) новгородская государственность боролась против шведского завоевания юго-западной Финляндии.

Булла относится к тому времени, когда подчинение шведами племени суми находилось еще в начальной стадии; больше того, из текста буллы явствует, что племя сумь в то время еще не находилось под шведской властью: в приведенном тексте говорится, что финны обращаются к шведам лишь при приближении «вражеских войск», следовательно, в остальное время финны были неподвластны шведским завоевателям.⁸¹ И больше того, из источника видно, что основная масса суми была в тот момент враждебна шведам: ведь финны соглашались на принятие христианства (и тем самым — на политическое подчинение шведской власти) лишь на время опасности; а когда опасность проходила,

Кипарский В. О хронологии славяно-финских лексических отношений. — In: Scando-Slavica, IV. Copenhagen, 1958, s. 130.

⁷⁹ См. также: Kivikoski E. Die Eisenzeit im Auraflossgebiet, S. 254—258; J u v a E. Op. cit., s. 127—128.

⁸⁰ Сторонники этой гипотезы опираются на известие Новгородской I летописи под 1188 г. об аресте новгородцев в двух городах шведских владений и полагают, что речь идет о двух пунктах в юго-западной Финляндии, у устья реки Ауры; подробнее см. ниже, с. 103 и прим. 108. Л. Пости предположил также, что русским торговым пунктом в нижнем течении реки Ауры было некогда и современное селение Пааскунта, название которого автор выводит из русского «погост»; есть также гипотеза, что местное название Kupittaa внутри Або произошло от русского «купец» (Posti L. Paaskunta i S:t Karins socken och handeln vid Aura ås myning i forna tider. — In: Kring korstågen till Finland. Helsingfors, 1968, s. 103—108; см. также: Niitemaa V. Die frühen Städte Finnlands. — In: Visbysymposiet för historiska vetenskaper 1963. Visby, 1964, s. 192—193; K u j o E., Kirkinen H. Baltiassa ja suomessa asuneiden heimojen osallistuminen Itämeren alueen kysymysten ratkaisuun 1100- ja 1200-luvulla. — In: Historiallinen arkisto. 69. Forssa, 1975, s. 37—38.

⁸¹ Допустимо, правда, и другое толкование: в рассматриваемое время, примерно через полтора десятилетия после начала шведской экспансии, подверглась христианизации и оказалась под шведской властью лишь часть племени сумь, жившая вблизи первого опорного пункта завоевателей, селения Ноуси, на севере юго-западной Финляндии, около устья реки Кумо; основная же часть племени оставалась еще свободной от шведской власти (ср.: Anthoni E. Op. cit., s. 159). Но это не меняет хода наших дальнейших рассуждений.

изгоняли шведских священников и монахов (тем самым отказываясь и от подчинения власти шведов). В этой связи обращает на себя внимание указание буллы, что «вражеские войска», приближавшиеся периодически к юго-западной Финляндии, угрожали финнам (племени сумь), и это заставляло финнов обращаться к шведам за помощью, тогда как, если отвлечься от данного текста, надо было бы полагать, что свой удар русские и карелы должны были направлять на шведов, на их первые поселения и укрепления. Не приходится сомневаться, что на первые поселения и укрепления шведских завоевателей на финской земле во время упоминаемых буллой русско-карельских нападений был направлен основной удар нападающих (об этом косвенно свидетельствует сам факт обращения шведских церковных и светских властей к папскому престолу), но в булле речь идет об угрозе «вражеских войск» финнам. Обращение финнов в этот момент за помощью к шведским завоевателям и согласие принять христианство позволяют думать, что для племени сумь действительно в подобные моменты возникала какая-то серьезная опасность не грабительского набега, а акции политического характера.

В то время, как уже говорилось, принятие католического христианства было формой политического подчинения. Вряд ли из-за угрозы грабительского набега племя сумь могло пойти на такой серьезный шаг, как подчинение шведам, как утрата племенной независимости (хотя бы и на время). В случае угрозы грабительского набега достаточно было бы лишь просить военной помощи шведов; ведь после набега грабители уйдут во-свояси и он будет иметь только экономические последствия. Очевидно, племенные верхи суми знали, что нападающие войска идут не для грабежа, а ставят целью какое-то изменение политического положения племени сумь. Если племя сумь при приближении «вражеских войск» шло на утрату племенной самостоятельности и подчинение шведам, значит, в противном случае его ждало подчинение нападающим войскам.⁸² Иными словами, можно полагать, что новгородцы стремились во время этих походов подчинить своему политическому влиянию финнов-сумь, чтобы вырвать их из-под влияния шведов. А финны-сумь при приближении новгородских войск соглашались на подчинение шведам и принятие христианства, намереваясь отказаться и от подчинения шведам, и от христианства и вновь вернуть себе самостоятельность, когда новгородские войска удалятся обратно.

Позиция племени сумь⁸³ в значительной мере определила ход дальнейшей борьбы. Как уже указывалось выше, подчинение но-

⁸² И, видимо, племенная верхушка суми, добровольно соглашавшаяся пойти на утрату племенной независимости, заведомо знала, что приближающиеся войска достаточно сильны и племени сумь в одиночку, без шведской помощи, не удастся отразить нападение.

⁸³ Точнее, позиция племенной знати суми, руководившей делами племени.

вых территорий новгородцами производилось обычно путем принуждения племени к зависимости и установления союза с местной племенной знатью. По-видимому, и в ходе разбираемых нами событий новгородцы рассчитывали добиться подчинения племени сумь и заключения союза с его племенной знатью; только таким образом новгородцы могли подчинить своему влиянию юго-западную Финляндию и добиться полного изгнания шведских завоевателей с финской земли.

В сложившейся обстановке племя сумь пыталось сопротивляться обоим главным действующим силам, вступившим в борьбу за юго-западную Финляндию, рассчитывая столкнуть между собой обоих противников, сыграть на их противоречиях и путем политического лавирования сохранить свою самостоятельность. Однако позиция эта была близорукой, не учитывавшей всей сложности создавшейся ситуации. Не было учтено, что Швеция расположена во много раз ближе, чем Новгород, и потому имеет большие возможности для завоевания и систематического политического подчинения земли суми;⁸⁴ не было учтено, что без внешней поддержки, в одиночку племя сумь не сможет отстоять свою независимость от лучше организованных и лучше вооруженных военных сил соседней Швеции. Отказавшись от новгородской помощи, племенные верхи суми обрекли свое племя и свою землю на неизбежное подчинение Шведскому феодальному государству.

Таким образом, русско-карельские отряды в 60-е гг. XII в. смогли нанести лишь временный ущерб шведским завоевателям, но не смогли помешать первоначальному закреплению шведских рыцарей в юго-западной Финляндии. А затем земля племени сумь постепенно была покорена шведами.

2. Нападение шведских рыцарей на Ладугу

С упоминаемыми буллой 1171 г. русско-карельскими нападениями на юго-западную Финляндию в 60-е гг. XII в. безусловно связан зафиксированный в Новгородской I летописи шведский поход 1164 г. на город Ладугу.⁸⁵ В середине мая 1164 г., вскоре после начала весенней навигации, шведская флотилия из 55 шнек

⁸⁴ Не было понято и учтено, что подчинение шведам принесет с собой полную утрату независимости и феодальное закабаление, тогда как новгородцы ограничатся, как обычно, чисто внешней зависимостью в форме дани при сохранении всего старого племенного устройства.

⁸⁵ «В лето 6672. Придоша Свье под Ладугу, и пожьгоша ладожане хоромы своя, а сами затворишася в граде с посадникомъ с Нежатою, а по князя послаша и по новгородце. Они же приступиша под город в субботу, и не успеха ничтоже к граду, нъ большю рану възсприяша; и отступиша в реку Воронай. Пятый же день приспе князь Святослав с Новгородьци и с посадникомъ Захариюю, и наворотиша на ня, месяца мая в 28, на святого Еладия, в четвърток в час 5 дни; и победиша я божию помощю, овы исекоша, а иныя изимаша: пришли бо бяху в полустедадъсят шнек, изьмаша 43 шнек; а мало их убежаша, и ти езьви» (Новгородская I летопись, с. 31).

прошла из Финского залива через Неву в Ладожское озеро и вошла в устье Волхова. Удар шведов был направлен на Ладогу, первый русский город на великом торговом пути из Балтики в Новгород, на город-крепость, охранявший вход из Балтийского моря в русские земли.⁸⁶ Высаженные с судов шведские отряды 23 мая стали штурмовать Ладожскую крепость. Ладожане при приближении вражеских судов (очевидно, тогда, когда шведские шнеки показались в виду города и когда шведские воины стали высаживаться на берег) сожгли посад⁸⁷ и заперлись «в граде», т. е. в каменной крепости, существующей и ныне под неверным названием «Рюрикова городища». Штурм каменной крепости был отбит ладожанами с большим уроном для нападающих. Вероятно, в результате вылазки из крепости⁸⁸ шведы были отброшены от города и отошли к реке Вороньей (впадающей в Ладожское озеро между реками Пашей и Сясю), надо думать, для того, чтобы оправиться от поражения и подготовиться к новому наступлению. Но здесь шведы были настигнуты подоспевшими из Новгорода князем Святославом Ростиславичем, посадником Захарьей и новгородской дружиной. Битва, происшедшая вечером 28 мая, кончилась полным разгромом шведов. По словам летописца, 43 шнеки из 55 были захвачены, часть шведов была перебита, часть взята в плен; лишь меньшей части шведов на 12 шнеках удалось бежать обратно на запад.

Судя по тексту летописи, битва 28 мая происходила, по-види-

⁸⁶ Ладога являлась крепостью (городищем) еще в IX—X вв. Она защищала от варяжских набегов путь в севернорусские земли и, как установлено в результате последних исследований, уже с конца IX в. имела на мысу при впадении реки Ладожки в Волхов каменную крепость (К и р п и ч н и к о в А. Н. Архитектурно-археологические открытия в Старой Ладоге. — В кн.: Археологические открытия 1975 г. М., 1976, с. 18). Учитывая исключительную важность Ладоги в стратегическом отношении как первого русского города на пути из Балтики в Новгород и русские земли, новгородские власти в начале XII в. решили значительно усилить ладожские укрепления. В 1116 г. ладожский посадник Павел возвел там более мощные стены из больших валунов дикого камня. Ладожская крепость явилась первой каменной крепостью Древней Руси — одно это уже достаточно ясно показывает, какое исключительное значение имела Ладога для защиты севернорусских земель от нападений с моря. Вплоть до постройки Орешка в 1323 г. в истоке Невы Ладожская крепость была главной и единственной преградой для врага на пути к Новгороду с моря.

⁸⁷ Были сожжены «хоромы» ладожан, т. е. дома, находившиеся вне «града» на обширном неукрепленном посаде. В последние годы ленинградский археолог В. П. Петренко ведет раскопки территории ладожского посада; см. отчетные статьи Петренко В. П. в кн.: Археологические открытия за 1973 г. М., 1974, с. 27; то же за 1974 г. М., 1975, с. 33—34; то же за 1975 г. М., 1976, с. 35—37; то же за 1976 г. М., 1977, с. 28—29; то же за 1977 г. М., 1978, с. 27—28.

⁸⁸ Поскольку в то время не было ни артиллерии, ни камнеметных машин, само по себе отражение штурма крепости не могло нанести нападающим такой урон, чтобы им пришлось бросить осаду и уйти в спокойное место для, как мы теперь выразились бы, переформирования. Подобный удар мог быть нанесен только в результате вылазки сразу после отражения штурма, в результате битвы ладожан со шведами в открытом поле.

тому, в условиях, схожих с условиями Невской битвы 1240 г. Большую роль в успехе русского нападения сыграл, видимо, фактор внезапности. Шведы, отошедшие на отдых в устье маленькой речки Вороньей, вряд ли во время пятидневной стоянки оставались на тесных и неудобных шнеках; скорее всего большая часть воинов для нормального отдыха сошла на берег. Тогда будет понятно, почему новгородцам удалась столь блистательная победа. Большая часть шнеков была, вероятно, захвачена потому, что на них оставалась лишь охрана, основная же масса воинов была в момент нападения на берегу. Воины, находившиеся на берегу, были, надо полагать, застигнуты врасплох и в большинстве не успели добраться до лодок. Конечно, все нами сказанное — лишь гипотеза, но она объясняет, почему новгородцы одним ударом смогли произвести полный разгром шведов.

По поводу шведского похода 1164 г. существует несколько точек зрения. Его рассматривали как самостоятельное предприятие, лишь совпадающее по времени со шведским завоеванием юго-западной Финляндии.⁸⁹ Но более обосновано мнение исследователей, считающих поход 1164 г. и завоевание юго-западной Финляндии звеньями одной цепи. Гиппинг считает, что шведы захватом Ладоги стремились отрезать новгородцам доступ в Финляндию, чтобы затем распорядиться в Финляндии без соперников.⁹⁰ По мнению Рейна, Коскинена и Шюбергсона, поход был предпринят не из Швеции, а из шведских владений в Финляндии, без официальной санкции шведских властей и имел целью лишить русских возможности впредь нападать на упомянутые владения шведов.⁹¹

Яккола, исходя из своей концепции «исконной» враждебности финнов к России, считал ладожский поход совместным предприятием шведов и финнов.⁹²

⁸⁹ Лерберг А. Х. О жилищах еми. — В кн.: Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819, с. 105—106; Карамзин Н. М. История государства Российского, т. II. СПб., 1842, с. 182—183; Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. СПб., 1894, с. 101; Мавродин В. В. Указ. соч., с. 117; Пашуто В. Т. 1) Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956, с. 102; 2) Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 148; Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв. М.—Л., 1959, с. 82—83; Орлов С. Н. Старая Ладога. Л., 1960, с. 47, и др.

⁹⁰ Гиппинг А. И. Указ. соч., с. 74.

⁹¹ Rein G. Biskop Thomas och Finland i hans tid. — In: Kring korstågen till Finland. Helsingfors, 1968, s. 13 (впервые издано в 1839 г.); Yrjö-Koskinen G. Z. Op. cit., s. 28—29; Schybergson M. G. Finlands historia. I. Helsingfors, 1888, s. 11; Grotenfelt K. Op. cit., s. 112.

⁹² Jaakkola J. Suomen varhaiskeskiaika. Porvoo-Helsinki, 1938, s. 136 — Яккола в обоснование своего утверждения указывает, что одна Швеция без участия владений в Финляндии была не в состоянии в то время выставить флот в 55 кораблей. Этот аргумент убедительно опроверг Э. Антони, указавший, что в Швеции флот морского ополчения — ледунга — по имеющимся расчетам (Hafström G. Ledung och marklandsindelning. Stockholm, 1949, s. 60) насчитывал в общей сложности более 200 судов (Anttoni E. Op. cit., s. 158).

Наконец, в ряде исследований поход 1164 г. ставится в прямую связь с русскими нападениями на юго-западную Финляндию,⁹³ упоминаемыми в булле 1171 г. Последнее мнение, вероятно, ближе всего к истине. Скорее всего шведское нападение было предпринято после начала русских походов на землю суми и имело своей задачей лишить Новгород возможности вести активные наступательные действия против шведских завоевателей юго-западной Финляндии. Непосредственной целью похода, видимо, был захват Ладоги с целью блокировать выход из Новгорода в Ладожское озеро и к Финскому заливу, отрезать Новгороду доступ к берегам Финляндии, лишить новгородцев возможности бороться против шведского завоевания земли суми.⁹⁴

Откуда был предпринят этот подход — из Швеции или (как думали Рейн, Коскинен и Шюбергсон) уже из шведских владений в Финляндии? Нам кажется почти безусловным, что последнее мнение неверно. В первые годы после начала шведского завоевания шведы владели в юго-западной Финляндии лишь небольшим участком территории в районе Ноуси и, вероятно, нижнего течения реки Ауры. Скромные размеры шведских владений должны были заставлять власти новой колонии обращать все свои небольшие силы на расширение территории, на подчинение новых районов и на защиту уже захваченного от вражеских нападений. Вряд ли эта еще не окрепшая колония могла в 60-е гг. найти силы для военной экспедиции в далекую Россию. Скорее всего поход 1164 г. был совершен из самой Швеции.⁹⁵

Значительный размер шведской флотилии — 55 кораблей — вынуждает предполагать, что это был флот шведского морского ополчения — ледунга, собиравшийся обычно как раз в то время года, когда совершился поход на Ладогу, — в мае—июне.⁹⁶

Первая предпринятая со шведской стороны прямая попытка

⁹³ Kjellberg K. M. *Genmäle*, s. 5; Hornborg E. 1) *Finlands kristning*, s. 209; 2) *Finlands hävder*, s. 472.

⁹⁴ Рассчитывали ли в данном случае завоеватели на постоянный или на временный эффект? Можно полагать, что шведские власти должны были быть достаточно хорошо осведомлены о силе Новгородского государства и об исключительном значении Ладоги на водном пути в Балтику (не случайно же они напали именно на Ладогу) и потому могли предполагать, что Ладогу им, может быть, и удастся взять, но вряд ли удастся надолго удержать. Поэтому не исключено, что шведы рассчитывали на временный результат, намереваясь захватить и удержать Ладогу лишь на то время, которое им потребуется для покорения и закрепления за собой юго-западной Финляндии.

⁹⁵ Правда, нельзя согласиться с мнением, что этот поход был совершен тогдашним королем Швеции Карлом Сверкерссоном (*Suomen historian käsikirja*, s. 134). Участники событий, информировавшие летописца, безусловно, должны были бы узнать от пленных о присутствии в шведском войске самого короля.

⁹⁶ *Jutikkala E., Pirinen K. Op. cit.*, s. 31.

захвата русской территории кончилась полным провалом.⁹⁷ Русские власти сразу же выступили на защиту своей земли, вражеским войскам было нанесено тяжелое поражение. С тех пор на протяжении полутора веков шведские военные силы на Ладогу более не падали, видимо, зная о мощи ее укреплений и о неизбежной быстроте ответной реакции с русской стороны, из близко расположенного политического центра северо-западной Руси — Новгорода.

3. Поход против шведских владений в Финляндии в 1178 г.

Следующее, известное нам событие, обычно связываемое с ходом борьбы Новгородского государства со Швецией, относится к концу 70-х гг. Сведения о нем содержатся во «Фрагменте Пальмшёльда» и в «Хронике епископов Финляндских» Юстена. Ценность обеих хроник состоит, как уже говорилось, в том, что они являются единственными источниками, написанными в самой Финляндии.

Оба источника восходят к одному протографу, к не дошедшему до нас источнику типа анналов, подвергавшемуся нескольким редакциям и в своем первоначальном виде современному (или почти современному) событию. «Фрагмент Пальмшёльда» является, таким образом, предпоследней, а «Хроника» Юстена — последней редакцией этого источника. Юстен в своей «Хронике» иначе строит фразы, излагает те же факты другими словами, а нередко и добавляет отдельные детали, во «Фрагменте Пальмшёльда» отсутствующие. Эти различия (при полном совпадении в построении текста и в основных фактах) позволяют думать, что автор «Фрагмента» и Юстен имели перед собой разные редакции Епископской хроники; при этом уже давно отмечалось, что автор «Фрагмента» списывал, по-видимому, свой текст с ветхой, дефектной рукописи, в которой уже не все можно было разобрать.⁹⁸ «Фрагмент Пальмшёльда» о втором епископе⁹⁹ Финляндии Родульфе (Рудольфе) сообщает:

⁹⁷ По мнению Киркинена, шведы на этот раз слишком далеко зашли в глубь русских владений и потому потерпели неудачу (Kirkinen H. Historiallista taustaa ortodoksisen uskon tulolle Karjalaan. — In: Studia historica Jyväskyläensia. I. Jyväskylä, 1962, s. 44).

⁹⁸ См. комментарий издателя в «Scriptores rerum Suecicarum», t. III, pars 2. Uppsala, 1876, p. 132.

⁹⁹ Напомним, что рассматриваемые источники — и «Фрагмент Пальмшёльда», и «Хроника» Юстена — редакции Епископской хроники, сообщающей основные факты о жизни и деятельности финляндских епископов и лишь попутно о некоторых событиях жизни страны. Каждому епископу посвящены одна или несколько (для первых двух столетий) фраз, текст о каждом епископе выделен в отдельную статью. Родульф (Рудольф) был скорее даже не вторым, а первым епископом Финляндии, ибо считающийся первым епископом Генрих официально этого звания еще не имел, продолжая быть епископом упсальским.

«Родульф Вестгот,¹⁰⁰ был взят в плен Куронами и там¹⁰¹ ими убит в лето господне».¹⁰²

Приведенный текст явно дефектен, незакончен: говорится «в лето господне», но дата отсутствует. Очевидно, в ветхой рукописи, которой пользовался автор «Фрагмента», цифры настолько стерлись, что их уже нельзя было прочесть. Этот пробел восполняет «Хроника» Юстена: «Господин Рудольф, по рождению вестгот, плененный Куронами и увезенный ими, был умерщвлен в Куронии, в лето господне 1178».¹⁰³

Дату, указываемую Юстеном, можно считать достоверной. По-видимому, дата действительно указывалась в ранних редакциях Хроники, и если в экземпляре, которым пользовался автор «Фрагмента», цифры стерлись, в другом экземпляре, которым пользовался Юстен, дата сохранилась.¹⁰⁴

В приведенном известии главную сложность представляет другой вопрос: о *чем* нападении здесь идет речь?

Прежде всего необходимо отметить, что нападение 1178 г. не было простым грабительским набегом. Епископ был в то время духовным и светским главой шведских владений в Финляндии. Его резиденция (в то время — Ноуси) была центром шведской колонии в стране, которая подвергалась завоеванию, в стране, населенной или только что покоренными, или враждебными племенами; нам известно, что шведские поселения подвергались в предшествовавшие годы неоднократным нападениям с русской стороны; следовательно, епископская резиденция вероятно была достаточно хорошо укреплена, и успешное нападение на нее требовало значительных сил. Нужно также учесть, что Ноуси расположено не на побережье, а в глубине страны, в 10 км от моря; поэтому нападающие, пришедшие с моря, должны были доставить на кораблях достаточно сильный военный отряд для действия против шведов на суше.

Приведенные соображения показывают, что здесь речь идет

¹⁰⁰ Вестгот — уроженец Вестергётланда, западной части южной Швеции.

¹⁰¹ Там (ibi), т. е. в их стране.

¹⁰² «Vestgotus a Curonibus captiatur et ibi ab eisdem occiditur Anno Domini» (Scriptores rerum Suecicarum, t. III, pars 2, p. 132; Finlands medeltidsurkunder, I, № 29).

¹⁰³ Porthan H. G. Opera selecta. Pars I. Helsingfors, 1859, p. 117.

¹⁰⁴ Средневековые хронисты могли не указать даты (если ее не было), но не могли столь точную дату выдумать; сама точность даты (точность до одного года, без округления) говорит за ее подлинность — за то, что она содержалась в ранних редакциях хроники. Поэтому мы не можем согласиться с В. Шмидтом, Я. Галленом и Э. Лехтиненом, считающими эту дату позднейшей припиской (Schmidt W. Paul Juusten och Finlands gamla biskopskronika. Åbo, 1942, s. 95; Gallén J. Åbo förstörelse 1198. — In: Kring korstågen till Finland. Helsingfors, 1968, s. 150; Lehtinen E. Suomen varhaishistorian ja ristiretkikauden kuvasta uskonpuhdistus ja suurvaltaaika. Jyväskylä, 1968, s. 69).

не о случайном нападении морских пиратов, каковые в то время случались, вероятно, весьма часто. Здесь речь идет о довольно сложном военном предприятии, требовавшем значительных сил, и морских, и сухопутных. Нападение имело, по всей видимости, не грабительские, а политические цели; об этом свидетельствует захват в плен главы шведских владений в Финляндии и увоз его нападающими. Набег, безусловно, явился сильным ударом по молодой шведской колонии.

Существовало довольно вероятное предположение, что произведенное в 1178 г. взятие Ноуси привело к упадку этого первого центра шведских владений в Финляндии и к перенесению епископской резиденции в низовья реки Аурайоки,¹⁰⁵ в Коройнен — место, где первоначально находился город Або (в окрестностях современного города Турку).¹⁰⁶

Вполне естественно должен возникнуть вопрос: нужно ли было курунам совершать такое крупное военно-политическое предприятие? Могли ли они иметь серьезные причины, чтобы предпринимать подобное нападение? На этот вопрос можно ответить лишь отрицательно. Племя курунов жило в средней и южной части так называемого Курляндского полуострова (северное побережье полуострова было заселено ливами), и их территория примыкала к Балтийскому морю на западе полуострова, т. е. их выход к морю был довольно далек от юго-западной Финляндии. Никаких торговых связей у курунов с финнами (при условии, что оба племени расположены далеко друг от друга, стояли на одной стадии развития и вообще мало участвовали во внешней торговле) быть не могло. Тем более куруны не могли иметь в отдаленной Финляндии никаких политических интересов. Как известно из источников, в XII—начале XIII в. куруны действительно занимались морским пиратством, совершали грабительские набеги на Готланд и южные берега Швеции;¹⁰⁷ в начале XIII в. морские и сухопутные нападения курунов стали нередко носить политический характер — но лишь тогда, когда над их землями нависала угроза немецкого завоевания, когда требовалось вести борьбу против немецких крестоносцев.¹⁰⁸

Нападение 1178 г. как большое военно-политическое предприятие будет вполне объяснимо, лишь если его рассматривать

¹⁰⁵ Rinne J. 1) Suomen keskiaikaiset mäkivilinat, s. 257—258; 2) Pyhä Henrik. Piispa ja marttyyri, s. 144; Kivikoski E. Die Eisenzeit im Auraf-lussgebiet, S. 252, 255—257. — Впрочем, в последнее время это мнение не поддерживается и считается, что перенос епископской резиденции произо-шел лишь в 1229 г. (Kivikoski E., Gardberg C. J. Turun kaupungin historia. Turku, 1971, s. 137).

¹⁰⁶ В Коройнен сохранились валы городища Ванхалинна — первоначальной крепости города Або (Kivikoski E. Die Eisenzeit im Auraf-lussgebiet, s. 251).

¹⁰⁷ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938, с. 83.

¹⁰⁸ Там же, с. 129—133, 198; История Латвийской ССР, т. I. Рига, 1952, с. 90, 94—95, 99, 104—105.

в плане повгородской внешней политики, как акт борьбы Новгородского государства против шведской экспансии в Финляндии. Но тогда необъяснимо участие курунов. Никаких политических связей между курунами и Новгородом ни в то время, ни позднее не существовало.¹⁰⁹

Г. Рейн, один из основателей финской исторической науки, уже свыше 140 лет тому назад выдвинул другую трактовку указанного известия.¹¹⁰ Рейн показал, что в средневековой литературе имена карел и курунов нередко звучали почти одинаково и их очень легко было спутать.¹¹¹ По мнению Рейна, нужно также учесть, что автор «Фрагмента Пальмшёльда» пользовался рукописью, написанной за 200—300 лет до него, и мог не понять, о ком шла речь в старом тексте. Учитывая также, что куруны политически не были заинтересованы в подобном набеге, тогда как, напротив, если вместо курунов подразумевать карел, набег ставовится вполне понятен как акт внешней политики Новгородского государства, Рейн сделал вывод, что в Хронике в данном случае¹¹² подразумевались карелы (спутанные позднейшими переписчиками с курунами).

¹⁰⁹ Во введении к Повести временных лет, отражающем действительность конца XI—начала XII в., куруны («корсь», куриши) упомянуты в числе племен, платящих дань Руси и находящихся в зависимости от Древнерусского (Киевского) государства (Повесть временных лет, т. I. М.—Л., 1950, с. 13). Однако власть древнерусских князей над Подвиньем и Курляндией (Курземе) осуществлялась в XI—начале XII в. не через Новгород, а через Полоцк, и после распада Древнерусского государства и начала феодальной раздробленности Подвинье и Курляндия оказались в сфере влияния Полоцкого княжества. По-видимому, в течение XII в. (скорее всего в середине столетия) в связи с ослаблением Полоцкого княжества куруны вышли из зависимости (Казакова Н., Шаскольский И. Русь и Прибалтика (IX—XVII вв.). Л., 1945, с. 10; Казакова Н. А. Полоцкая земля и прибалтийские племена в X—начале XIII в. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 86); в источниках, сообщающих о немецком завоевании конца XII—начала XIII в., не содержится никаких воспоминаний о бывших политических связях курунов с Русью (и, видимо, эти связи прервались не накануне немецкого завоевания, а значительно ранее). Предполагать для 1178 г. политические связи курунов с далеко лежащим от них Новгородом совершенно невозможно.

¹¹⁰ Rein G. Periculum historicum de Curonibus saeculis XII et XIII Fenniam infestantibus. Helsingforsiae, 1829.

¹¹¹ Куруны обозначались у средневековых авторов как Curones, choriones, chariones, coeri, kyri, curi, curetes; карелы — carjali, careli, coreli, kyriali, kiriali, а также курии, kyri, kuri (Rein G. Op. cit., p. 21).

¹¹² И во втором месте текста Хроники, где упоминаются куруны в связи с бегством епископа Томаса из Финляндии в 40-е гг. XIII столетия, в этом случае ошибка переписчика еще более вероятна; по словам Хроники, епископ Томас в 1240-х гг. бежал из Финляндии на остров Готланд «из страха перед русскими и курунами». Здесь «куруны» Хроники прямо связываются с русскими, но подобный союз тем более невозможен, что в первой половине 1240-х гг. происходило завершившееся в 1245 г. завоевание и покорение земли курунов немецкими рыцарями-крестоносцами (История Латвийской ССР, т. I, с. 105), куруны были целиком заняты борьбой с завоевателями и не имели возможностей для совершения морских набегов

Трактовка Рейна была в XIX и начале XX в. принята финской,¹¹³ а в последние десятилетия — советской исторической литературой.¹¹⁴ В нашей историографии событие 1178 г. обычно рассматривается как нападение карел, как мощный удар, нанесенный Новгородским государством силами новгородских васалов — карел по шведским владениям в Финляндии. В этой связи вполне понятен и политический характер похода, и его крупные размеры, требовавшие участия и морских, и сухопутных сил.¹¹⁵

Такая трактовка¹¹⁶ довольно вероятна, но следует оговориться, что она в последние десятилетия уже не принята в финской науке. Финские историки в большинстве своем теперь отошли от концепции Рейна, принятой в прошлом в их историографии. Некоторые авторы понимают сведения хроники буквально и приписывают событие 1178 г. курунам.¹¹⁷ Другие, чувствуя малую правдоподобность совершения столь крупного похода на юго-западную Финляндию сравнительно далеко живущими курунами, приписывают нападение 1178 г. курессаарцам — предполагается, что так называли тогда эстов с острова Эзель (Са-

(тем более на Финляндию, откуда им никто не угрожал). Добавим, что к тому времени между землей курунов и новгородскими владениями лежали широкие пространства покоренной немецкими завоевателями Ливонии и связи курунов с Новгородом стали еще более неосуществимы, чем ранее. С другой стороны, для 40—50-х гг. XIII в. вассальные и союзные отношения карел и русских, их совместное участие в военно-политических предприятиях засвидетельствованы еще яснее другими источниками. Явная ошибка переписчика во втором случае подтверждает вероятность трактовки Рейна для первого случая (события 1178 г.).

¹¹³ Yrjö-Koskinen G. Z. Op. cit., s. 29; Schybergson M. G. Op. cit., s. 34; Ahtia E. Piirteitä Aunuksen ja Vienan Karjalan historiasta. — In: Karjalan kirja. I. Porvoo, 1910, s. 178; Lindqvist K. O. Suomen historia. Porvoo, 1926, s. 65; Rinne J. Pyhä Henrik. Piispa ja marttyyri, s. 144.

¹¹⁴ Шаскольский И. П. 1) Борьба шведских крестоносцев против Финляндии (XII—XIV вв.). — Ист. журн., 1940, № 4—5, с. 106; 2) Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой. — Военно-ист. журн., 1940, № 7, с. 91; 3) Сигтунский поход 1187 г. — Ист. зап., 1949, № 29, с. 141; 4) Борьба Новгорода и карел против шведской экспансии в XII в. — Изв. Карело-Финск. фил. АН СССР, 1951, № 2, с. 13—16; Мавродин В. В. Указ соч., с. 117—118; История Карелии с древнейших времен до середины XVIII в. Петрозаводск, 1952, с. 72—73; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси, с. 148, и др.

¹¹⁵ Если признать, что нападавшими были карелы, становится понятен увоз епископа Рудольфа. Нападавшие стремились таким путем обезглавить, лишити руководства шведские владения в Финляндии.

¹¹⁶ В значительной мере идущая от наших статей 1941—1950 гг., цитированных в примеч. 114.

¹¹⁷ Salomies I. Suomen kirkkon historia, I, s. 57; Gallén J. 1) Åbo förestörelse 1198, s. 150; 2) Öst och väst i kamp om Finland, s. 42; Kirkinen H. Karjalan idän kulttuuripiirissä. Helsinki, 1963, s. 69; Kivikoski E., Gardberg C. J. Op. cit., s. 133. — Э. Хурнборг приводит обе трактовки (и куруны, и карелы), осторожно высказываясь в пользу второй (Hornborg E. 1) Finlands hävder, s. 180; 2) Kampen om Ostersjön, s. 46).

рема), живущих гораздо ближе к юго-западному побережью Финляндии, чем куроны.¹¹⁸ Последняя точка зрения совсем мало вероятна, ибо нет сведений, чтобы в древности эзельских эстов называли курессаарцами.¹¹⁹

Итак, мы по-прежнему придерживаемся мнения, что поход 1178 г. скорее всего был совершен карелами и был частью внешнеполитической борьбы Новгородского государства со Швецией. Но следует признать, что мнение это все же является лишь гипотезой.

Таким образом, шведская крестоносная экспансия, развернувшаяся в третьей четверти XII в. в юго-западной Финляндии и коснувшаяся и русских земель, встретила отпор со стороны Новгородского государства. Новгороду удалось отразить попытку вражеской агрессии на коренной новгородской территории (у Ладого); борьба в юго-западной Финляндии продолжалась.

¹¹⁸ Jaakkola J. Suomen varhaiskeskiaika, s. 165—166; Schmidt W. Paul Juusten och Finlands gamla biskopskrönika, s. 93; Juva E., Juva M. Suomen kansan historia, s. 125. См. также Johansen P. Kurilaiskysymys. — Historiallinen aikakauskirja, 1938, s. 177. — Сходную позицию занимает и Р. Русен, автор главы о раннем средневековье в «Руководстве по истории Финляндии», который считает, что набег 1178 г. совершили «морские куроны» (merikurien), т. е. эсты (Rosen R. Suomen historian käsikirja. Porvoo — Helsinki, 1949, s. 137). Предположение это совсем неубедительно, ибо эстов никогда не называли куронами и это совсем не родственные народы (куроны, или курши, в отличие от эстов — народ не финской, а балтийской языковой семьи, один из предков латышского народа).

¹¹⁹ Курессааре — известное в XIX—XX вв. эстонское название города и замка, с XIV в. являвшегося административным центром острова Сарема; до 1918 г. этот город официально носил немецкое название Аренсбург, в недавние годы он переименован в Кингиссеп. Как рано (задолго ли до XIX в.) возникло эстонское название Курессааре, совершенно неизвестно. Кроме того, это название определено относилось к городу и замку, а не ко всему острову. Замок и город основаны немецкими завоевателями в середине XIV в. (История Эстонской ССР, т. I. Таллин, 1961, с. 204, 243); существовал ли этот замок в XII в. (и тем самым — могло ли существовать название замка — Курессааре), установить невозможно.

Г л а в а IV

СИГТУНСКИЙ ПОХОД 1187 г.¹

1. Обзор литературы вопроса

Морской поход 1187 г., приведший к взятию и разрушению крупнейшего города Швеции Сигтуны, является одним из наиболее выдающихся событий истории Северной Европы XII столетия. Ни одно общее сочинение по истории Швеции, России, Финляндии, Карелии, Восточной Прибалтики не могло не коснуться этого похода. Событие 1187 г. затрагивалось и в десятках специальных работ на многих языках.

Вместе с тем Сигтунский поход до недавнего времени не являлся предметом обстоятельного изучения. Ни в русской, ни в зарубежной исторической литературе не было ни одного исследования, где бы детально рассматривались все имеющиеся в нашем распоряжении материалы о данном событии и где бы предпринимались попытки рассеять туман, окутывающий этот поход. Все исследователи, касавшиеся события 1187 г., затрагивали его обычно лишь мимоходом, в нескольких строках,² не давая

¹ Этому событию была посвящена наша статья, опубликованная в 1949 г. (Ист. зап. № 29); основные положения и выводы статьи были приняты советскими историками (Ма в р о д и н В. В. Начало мореходства на Руси. Л., 1949, с. 118—121; Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953, с. 691, 709; П а ш у т о В. Т. 1) Героическая борьба русского народа за независимость. XIII век. М., 1956, с. 102; 2) Очерки истории СССР. XII—XIII вв. М., 1960, с. 91; 3) Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 148—149, и др.). Главные выводы статьи были приняты и шведским историком А. Шюкком, изложившим содержание статьи для шведского читателя (Schück A. Sigtunas förhärjning. — Fornvännen, 1953, s. 215—219). Другие шведские авторы 1950-х—начала 70-х гг. не затрагивали эту тему. В финской науке основные положения нашей статьи были приняты Х. Киркиненом (Kirkinen H. Karjala idän kulttuuripiirissä. Helsinki, 1963, s. 69—70). В предлагаемой главе дается более углубленная трактовка ряда вопросов темы, шире привлекается научная литература последних десятилетий.

² Исключение представляла лишь небольшая работа Ф. Аделунга «Описание и история так называемых Шведских врат, находящихся в новгородском Софийском соборе» (впервые опубликовано в 1823 г., в дальнейшем вошло как приложение к его труду «Корсунские врата, находящиеся в новгородском Софийском соборе». М., 1834). Так как Шведские, или Сиг-

себе труда глубже вникнуть в источники. В результате оставалось неясным подлинное значение того, что произошло без малого 800 лет тому назад: было неясно даже (и для русских, и для зарубежных историков), кто совершил поход на Сигтуну, военными силами какого народа этот поход был осуществлен.

Неясность в вопросе об участниках похода породила пемалую путаницу в исторической литературе. Различные авторы приписывают Сигтунский поход и карелам, и новгородцам, и эстам, иногда эстам и карелам, новгородцам и карелам или всем трем народам вместе; иногда к этим трем народам прибавляют еще куронов и ингров (ижор).

При этом удивительно равнодушие шведских историков к данной теме. Гибель центра Шведского государства в 1187 г. является одним из наиболее крупных событий истории Швеции XII в. Между тем в шведской исторической литературе нет ни одного исследования, специально посвященного изучению этого события. В результате для шведской исторической науки вопрос о взятии Сигтуны остается сейчас столь же темным и неясным, как и сто—полтора столетия назад.

Невнимание шведских исследователей к такому важному событию истории их страны, как нам кажется, вызвано двумя причинами. Прежде всего имеющиеся в наличии источники сложны, противоречивы и весьма неблагоприятны; легкого, ясного и четкого решения вопроса они дать не могут. Но основную роль сыграли, видимо, в данном случае соображения политического характера.

Внимательное изучение источников неизбежно (как мы дальше увидим) должно было бы привести исследователей к выводу о прямой связи похода 1187 г. с внешнеполитической деятельностью Новгородского государства. Между тем шведским историкам не хотелось признавать, что многовековая борьба Швеции с Россией уже на самых первых порах была ознаменована крупнейшей военной победой русской государственности.

С точки зрения шведского буржуазного национализма казалось менее неприятным считать, что Сигтуна погибла в результате набега одного из небольших языческих народов Прибалтики, в XIX—XX вв. уже не имевших значения в политической жизни Северной Европы. В частности, некоторые шведские авторы предпочитали приписывать взятие Сигтуны древним эс-

тунские, врата новгородской Софии, являвшиеся главным предметом названного исследования, по преданию были трофеем Сигтунского похода 1187 г., Аделунг уделил этому событию довольно много внимания. Поскольку ни шведские, ни финские историки вопросом о Сигтунском походе всерьез не занимались, исследование русского ученого начала прошлого века являлось до недавнего времени единственной работой, где взятие Сигтуны не описывалось мимоходом, а было одним из главных предметов изучения.

Вместе с тем работа Аделунга, написанная полтора века тому назад, разумеется, сейчас устарела и имеет лишь историографическое значение.

там,³ другие — вообще «язычникам»,⁴ т. е. какому-то неизвестному языческому народу. Из шведских авторов до недавнего времени никто (насколько нам известно) не хотел признавать связи похода на Сигтуну с общей линией наступательных действий Новгородского государства против шведов. А поскольку изучение источников должно было волей-неволей привести к подобному выводу, шведские исследователи, видимо, предпочли вообще не углубляться в эту проблему.

Только два исследователя XIX в. А. Х. Лерберг и А. И. Гиппинг, занимавшиеся историей Финляндии, близко подошли в прошлом к правильному решению вопроса об участниках похода на Сигтуну и поставили этот поход в связь с внешней политикой Новгорода. Лерберг впервые признал наиболее достоверным свидетельство шведской рифмованной хроники, говорящей, что Сигтунский поход был совершен карелами. В своей (не утратившей до сих пор значения) работе «О жилищах Еми» Лерберг трактует Сигтунский поход как удар Новгородского государства по Швеции, совершенный силами новгородских вассалов-карел.⁵ Трактовка Лерберга была вскоре поддержана вторым выдающимся русским историком Финляндии А. И. Гиппингом.⁶ Со второй половины XIX в. точку зрения Лерберга приняло большинство финских историков Финляндии. Финские историки при этом не вдавались в изучение источников, а просто ссылались на мнение русского ученого и без каких-либо оговорок считали Сигтунский поход военно-морским предприятием карел.⁷ Данные Лерберга были использованы и несколькими русскими исследователями.⁸

Сравнительно с финскими учеными русские историки находи-

³ Hildebrand H. Medeltiden. Sveriges historia intill tjugonde seklet, bd II. Stockholm, 1905, s. 108; Schück H. Svenska folkets historia. II. Lund, 1914, s. 397.

⁴ Sveriges historia genom tiderna. I delen. Stockholm, 1947, s. 190.

⁵ Лерберг А. Х. О жилищах еми. — В кн.: Лерберг А. Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1918, с. 108—109.

⁶ Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц, ч. I. СПб., 1909, с. 77, 80 и примеч. 53 (впервые опубликовано на шведском языке в 1836 г.).

⁷ Rein G. Föreläsningar öfver Finlands historia. I. Helsingfors, 1870, s. 99—100; Yrjö-Koskinen G. Z. Finnische Geschichte. Leipzig, 1874, S. 29; Forsström O. Suomen keskiajan historia. Jyväskylä, 1898, s. 70; Schuybergson M. G. Finlands historia. I. Helsingfors, 1902, s. 35; Voionmaa V. Suomen karjalaisen heimon historia. Helsingissä, 1915, s. 24; Mikkola J. J. Novgorodernas krigståg till Finland intill år 1314. — Historisk tidskrift för Finland, 1927, h. 2, s. 70; Gallén J. Erik den helige. Sveriges helgonkonung. — In: Gallén J., Lundén T. Sankt Eriks korståg. Stockholm, 1960, s. 12; Juvva E., Juvva M. Suomen kansan historia. I. Helsingki, 1964, s. 98, 128—129.

⁸ Беляев И. История Новгорода Великого. М., 1864, с. 273, 274; Веселаго Ф. Очерк русской морской истории. I, СПб., 1875, с. 36; Крохин В. История карел. — Русская старина, 1907, сентябрь, с. 590; Белавенец П. И. Значение флота в истории России. СПб., 1909, с. 28—30, и др.

лись в худшем положении, ибо источники, опубликованные в малодоступных скандинавских изданиях, нашим авторам были известны лишь с чужих слов. Поэтому упомянутые нами несколько русских авторов просто перелагали своими словами трактовку Лерберга.

В нескольких строках своей работы, посвященных событиям 1187 г., Лерберг мог лишь наметить правильный путь для решения проблемы. Но проблема так и осталась нерешенной. Напротив, теперь состояние исторической науки вполне позволяет разрешить все основные вопросы, связанные с Сигтунским походом 1187 г.

2. Город Сигтуна в XII в.

Сначала следует установить, что представляла собой Сигтуна во второй половине XII в. и какое значение имел этот город.

Изучение письменных источников и широкие археологические исследования достаточно ясно определили роль и значение Сигтуны.

Как известно, в норманскую эпоху политическим и торговым центром Швеции был город Бирка.⁹ На рубеже X и XI вв. Бирка пришла в упадок и ее значение переходит к расположенной неподалеку Сигтуне.¹⁰ Сигтуна становится крупнейшим торговым центром Швеции.¹¹

Сигтуна была весьма выгодно расположена на берегу озера Меларен, связанного проливом с Балтийским морем.¹²

Центральное положение по отношению к основным областям Швеции превратило Сигтуну в главный порт для внешней торговли страны. Старые, проложенные норманнами торговые пути связывали берега озера Меларен со странами восточного побережья Балтийского моря, Финляндией, Эстонией и богатыми русскими землями, и со странами, лежащими к югу от Балтики, —

⁹ Тиандер К. Ф. Город Бирка. — ЖМНП, 1910, июнь, с. 225—279.

¹⁰ В шведской науке высказывалось мнение, что первоначально Сигтуна находилась на месте так пазываемой Фурн-Сигтуна (Fornsigtuna — «Ранняя Сигтуна», теперь там — селение Сигвиласберг) и только после набега 1187 г. и разрушения города новый город был сооружен на том месте, где он существует до наших дней (Pipping R. Kommentar till Erikskrönikan. Helsingfors, 1926, s. 258; Holmberg K. A. De svenska Tunanamn. Uppsala, 1969, s. 147—150). Однако О. Ф. Фризен в результате археологических исследований установил, что Фурн-Сигтуна никогда не была городом и что на месте современной Сигтуны город существовал с начала XI в. (Friesen O. V. Om stadens Sigtuna ålder och uppkomst. — In: Upplands fornminnesföreningens tidskrift. XXXVII. Uppsala, 1922—1923).

¹¹ Ibid., s. 271.

¹² Меларен — большое озеро в центральной части Швеции с множеством (более тысячи) мелких островов. Побережье озера Меларен и его окрестности издавна являлись наиболее развитым и густо населенным районом страны. На одном из островов на озере был расположен центр Швеции эпохи викингов Бирка, на берегу озера лежала Сигтуна, на одной из рек, впадающих в озеро с севера — Упсала. На берегу пролива, связывающего Меларен с Балтийским морем, в 1252 г. основан Стокгольм.

славянским Поморьем и Германией, и с расположенными к западу Данией и пр. Но в силу географического положения и близости прежде всего к восточной Балтике именно торговля, ориентированная на восток, играла в жизни Сигтуны наибольшую роль. Сигтуна являлась основным центром торговли материковой Швеции с Новгородом и Новгородской Русью,¹³ а также с Финляндией, Карелией, Эстонией, Ливонией (хотя торговля с последними четырьмя странами в силу их социально-экономической отсталости имела значительно меньшие размеры, чем торговля с Новгородом). Сигтуна являлась, очевидно, также посредником в торговле между Русью и странами Западной Европы. О размерах и значении торговли с Русью в жизни Сигтуны лучше всего говорит тот факт, что в XII в. в этом городе имелся известный слой русского населения: по-видимому, так же как в Новгороде существовали немецкий и готский торговые дворы, в Сигтуне в XII в. существовал русский торговый двор¹⁴ с постоянно пребывающим там русским торговым людом. О наличии постоянного русского населения в Сигтуне в XII столетии свидетельствовало прежде всего существование в городе каменной русской церкви св. Николая;¹⁵ развалины ее сохранились и теперь.¹⁶ Особенно любопытен и другой факт, подтверждающий наличие в городе слоя русского населения, — находки во время раскопок на территории города многочисленных фрагментов славянской керамики¹⁷ — керамики с волнисто-линейным орнаментом, произ-

¹³ Путь из Новгорода в Сигтуну уже в первой половине XI в. был основным путем, по которому шли сношения между Русью и скандинавскими странами. По этому пути из Руси через Сигтуну и шведские земли возвращается в 1035 г. в Норвегию Магнус, сын короля Олофа св. По этому же пути из Константинополя через Новгород и Сигтуну возвратился в 1044 г. в Норвегию знаменитый Гаральд Гардрода (Friesen O. V. Om stadens Sigtuna..., s. 39; сведения заимствованы из сочинений Снорри Стурльсона). По этому же пути прибыл, по рассказу Снорри, из Азии в Скандинавию бог Один, высадившийся на шведскую землю в Сигтуне (там же, с. 34, 55). Хотя рассказ об Одине целиком принадлежит мифологии, в нем отразилось представление о том, что Сигтуна была портом, через который обычно проходили связи Швеции с восточной Балтикой.

¹⁴ Friesen O. V. Ur Sigtunas äldsta historia. — In: Upplands fornminnesföreningens tidskrift. XXVI. Uppsala, 1910, s. 19.

¹⁵ Wallin G. Sigtuna stans et cadens. Uppsaliae, 1729—1732, p. 225; Friesen O. V. Ur Sigtunas äldsta historia, s. 19. — Поскольку в городе была каменная русская церковь, то, следовательно, было и какое-то постоянное русское население, которое эту церковь посещало.

¹⁶ В начале XVIII в., по словам Валлина, еще сохранялась часть стен церкви; теперь же от здания сохранились лишь остатки фундаментов (Thordeman B. Från det äldsta Sigtuna, — In: Upplands fornminnesföreningens tidskrift. XXXVII. Uppsala, 1922—1923, s. 30).

¹⁷ Впервые наличие многочисленных фрагментов славянской керамики отметил при изучении результатов проведенных летом 1915 г. первых больших раскопок Сигтуны Б. Тордеман в той же статье «Från det äldsta Sigtuna» (s. 26). С тех пор фрагменты славянской керамики обнаруживались во время каждой последующей археологической компании в Сигтуне; при раскопках 1923 г. (Janse O. Nya arkeologiska undersökningar i Sig-

водившейся и употреблявшейся в русских землях. Нет никакого сомнения, что такой простой, дешевый и хрупкий предмет обихода, как глиняная посуда, не мог являться предметом импорта, не мог попасть в Сигтуна в результате торговли. Славянская керамика могла оказаться в шведском городе лишь вместе с людьми, которые ее производили и ею пользовались; обилие подобных находок свидетельствует, что таких людей было немало и что в данном месте они жили постоянно.

Быстрый рост города, превращение его в крупнейший торговый центр Швеции обуславливают и его политическое значение. С начала XI в. Сигтуна становится политическим центром государства.¹⁸ Шведские короли для укрепления своей власти, как известно, приступили с начала XI в. к введению христианства в стране; началась упорная борьба между христианством и язычеством, растянувшаяся на целое столетие. В этой борьбе шведские короли опирались на поддержку Сигтуны — первого города страны, где новая религия полностью победила; в течение всего XI в. Сигтуна была центром христианизаторской политики короля и церковников.¹⁹ Хотя в начале XII в. резиденция епископа была перенесена в Упсалу,²⁰ Сигтуна остается крупнейшим городом и политическим центром Швеции. И в XI и XII в. Сигтуна была известна далеко за пределами страны. *Civitas magna Sictone* («город великий Сигтуна») называет ее неоднократно Адам Бременский (1060-е гг.).²¹ При описании стран, лежащих по берегам Балтийского моря, упоминает Сигтуна арабский географ Идриси (1140-е гг.).²²

Выдающаяся роль города как крупнейшего торгового и политического центра страны объясняет нам, какое значение удар, нанесенный в 1187 г. Сигтуне, имел для всего Шведского государства.

tuna under sommaren 1923. — In: *Upplands fornminnesföreningens tidskrift*. XXXVIII. Uppsala, 1923, s. 236); при раскопках 1925 г. (Arbman H. *Bidrag till kännedomen om det äldsta Sigtuna*. — *Fornvännen*, 1926, s. 173, 186—188, 191); при раскопках 1935 г. (Anderbjörk J. E. *Sigtunagrävningar sommaren 1935*. — *Upplands fornminnesföreningens tidskrift*. XLV. Uppsala, 1936, s. 300).

¹⁸ О первенствующем политическом значении Сигтуны в это время говорит, в частности, то обстоятельство, что именно здесь чеканилась шведская монета (Тиандер К. Ф. Указ. соч., с. 273; Arbman H. *Op. cit.*, s. 174).

¹⁹ Тогда как древний религиозный центр Швеции Упсала была вплоть до конца XI в. оплотом языческой религии.

²⁰ После того как и Упсала покорилась христианству, и новая религия в стране победила.

²¹ Цитирую по статье: Friesen O. V. *Om stadens Sigtuna...*, s. 61.

²² Tallgren-Tuulio O. J., Tallgren A. M. Idrisi. *Helsingfors*, 1930, p. 35. — Идриси, писавший свой труд в Сицилии при дворе норманского короля Рожера II, получил сведения о Прибалтийских странах, по-видимому, со слов какого-либо путешественника или купца, лично посетившего Балтийское море и его побережье (*Ibid.*, p. 11). На территории Швеции Идриси называет всего 2 города, в том числе Сигтуна.

Нападающим пришлось преодолеть большие трудности. Сигтуна расположена далеко в глубине озера Меларен, в 60 км от Балтийского моря. Озеро Меларен, как отмечалось, покрыто множеством островов типа финляндских шхер, с неширокими извилистыми проливами. По пути через озерные шхеры значительному флоту трудно пройти, оставшись незамеченным; на этом пути очень легко задержать врага и не допустить его к Сигтуне. Путь по шхерам с их мелководьем, с извилистым фарватером надо хорошо знать, чтобы добраться до города.

Сама Сигтуна была хорошо защищена и искусственными укреплениями, и природой. С севера к Сигтуне примыкало непроходимое болото, с востока сухопутные подступы к городу прикрывали два укрепленных замка, к югу лежала гавань, запиравшаяся, по преданию, большой цепью, прикрепленной к двум утесам.²³ Сам город с суши был окружен стеной. В 20 км к югу, на берегу озера Меларен, на пути от Сигтуны к выходу в море, стоял мощный каменный замок Альмарстек, принадлежавший главе шведской церкви архиепископу Упсальскому;²⁴ замок Альмарстек как бы охранял путь к Сигтуне. Таким образом, нападение на Сигтуну являлось весьма сложным военно-морским предприятием. Взять хорошо укрепленный город, лежащий в глубине внутренних шведских вод, можно было лишь в результате быстрого, неожиданного и мощного удара. Для того чтобы прорваться сквозь шхеры озера Меларен к городу, нужно было иметь сильный флот; для взятия и разрушения столь крупного города нападающие должны были обладать значительным войском. Наконец, для того чтобы быстро и неожиданно пройти по извилистому шхерному фарватеру, нападающим нужно было на своих судах иметь людей, хорошо знавших его, неоднократно совершавших ранее этот путь.

Тесные торговые связи с новгородскими владениями, наличие старого постоянно функционирующего налаженного пути из восточной оконечности Финского залива в Сигтуну объясняет, почему именно Сигтуна стала в 1187 г. объектом нападения из пределов Новгородского государства. На восточных берегах Балтики хорошо знали, что Сигтуна является политическим центром Швеции и крупнейшим торговым городом Балтийского моря. Поход 1187 г. ни в коем случае нельзя считать (как это делают до

²³ Аделунг Ф. Указ соч., с. 152; Елисеев А. В. Борьба Новгорода со шведами и финнами по народным сказаниям. — Древняя и Новая Россия, 1880, октябрь, с. 269.

²⁴ Правда, существует мнение, что каменный замок был здесь сооружен в более позднее время (Schück A. Op. cit., s. 216), но архиепископская резиденция здесь уже существовала, поскольку Альмарстек упоминается в анналах в сообщении о разрушении Сигтуны. И трудно предположить, чтобы резиденция главы шведской церкви была совсем не укрепленной. Шюкк тоже допускает, что здесь в XII в. уже существовало укрепление с палисадом.

сих пор шведские исследователи) стихийным набегом полудиких язычников, грабивших и разрушавших все, что им попадет под руку, и случайно наткнувшихся на Сигтуну; нападавшие заранее выбрали для своего нападения центр вражеского государства.

Следует отметить, что внутривосточная обстановка в Швеции в конце 1180-х гг. благоприятствовала успеху нападающих.²⁵ В это время в стране развернулась острая междоусобная борьба, в которой участвовали король Кнут Эриксон и его два противника Коль и Бурислев (Бурислав); в борьбу были вовлечены все силы правящего класса. Ослабленная междоусобицей Швеция не могла противостоять внешним нападениям.

Поход был, по всей видимости, хорошо подготовлен — именно поэтому он увенчался быстрой и решительной победой.

3. Сведения письменных источников о взятии Сигтуны

Теперь рассмотрим данные письменных источников. В русских письменных источниках нет никаких сведений о походе на Сигтуну.²⁶ Для изучения этого вопроса мы можем пользоваться лишь сведениями шведских источников.

Очень краткие записи о разрушении Сигтуны содержатся в шведских анналах, дошедших до нас в редакциях XV в., но поскольку при их составлении в основу были положены записи того времени, данные анналов являются единственным современным (событиям) свидетельством о Сигтунском походе и о взятии Сигтуны.

Известие о взятии Сигтуны содержится в пяти анналах.

1) Так называемый «*Annales Sigtunensis*».²⁷

«Убит Иоанн, архиепископ Упсальский, у Альмарнум язычниками накануне августовских ид и погребен в Упсале. Тогда же сожжена Сигтуна²⁸ теми же язычниками...»²⁹

²⁵ Schück A. Op. cit., s. 217, 219.

²⁶ Некоторые исследователи хотели видеть указание на Сигтунский поход в статье 1186 г. в Новгородской I летописи, где говорится о походе новгородцев на смь. Но земля еми (центральная часть Финляндии) и Швеция лежали настолько далеко друг от друга, что летописец никак не мог их спутать.

²⁷ Название условное: по компетентному мнению издателя текста в «*Scriptores rerum Suecicarum*», данные анналы не были связаны с Сигтуной, но условное название, приписанное уже давно этому тексту, издатель сохранил (см. вводную заметку к публикации текста в «*Scriptores rerum Suecicarum*», t. I, pars I. Uppsala, 1818, p. 22).

²⁸ В этом тексте (в отличие от других анналов) дано ошибочно *Sichtonia*.

²⁹ «*MCLXXXVII occisus est Johannes archiepiscopus Upsalensis apud Almarnum a paganis pridie idus augusti et sepultus Upsalie. Tunc etiam incensa est Sichtonia a paganis eisdem*» (*Scriptores rerum Suecicarum*, t. I, pars 1, p. 24).

Приведем здесь же остальные тексты:

2) Chronologia Svecica:

«Combusta est ciuitas Sigtoniensis a paganis et Johannes secundus Archiepiscopus Upsalensis in Almarnesteck ab eisdem occisus est, et tunc ciuitas Stockholmensis edificata est».

(Scriptores rerum Suecicarum, t. I, pars 1, p. 40)

3) Chronologia Vetus:

«CIOCLX XXVII. Hierusalem vastatur a Saladino rege. Occisus Johannes Archiepiscopus Upsalensis apud Almarum, pridie idus Augusti, Sictuna combusta».

(Scriptores rerum Suecicarum, t. I, pars 1, p. 48)

4) Chronologia Anonymi Veteris:

«CIOCLXXXVII. Hierusalem capitur a Soldano. Eodem anno Johannes archiepiscopus Upsalensis interfectus est apud Almarstaeck a paganis et sepultus Upsaliae, et Sictuna robusta * est a paganis».

(Scriptores rerum Suecicarum, t. I, pars 1, p. 52)

5) Incerti Scriptoris Sveci Chronicon Rerum Sveogothicarum:

«MCLXXXVII. Occisus est Johannes Archiepiscopus apud Almarum a paganis, pridie Idus Augusti. Et civitas Sigtonensis combusta fuit ab eisdem».

(Scriptores rerum Suecicarum, t. I, pars 1, p. 84)

О убийстве архиепископа Иоанна без указания на сожжение Сигтуны сообщает также:

6) Chronicon de Episcopis et Archiepiscopis ecclesiae Upsalensis:

«Secundum archiepiscopus Upsalensis fuit dominus Johannes qui anno domini MCLXXXVII pridie idus Julii occisus est a paganis apud Almarstaeck et sepultus apud Upsaliam».

(Scriptores rerum Suecicarum, t. III, pars 2, p. 99)

Шведская хронология из францисканского монастыря в Висбю.

«В лето господне 1187 г. Сожжен город Сигтуна язычниками, и Иоанн второй Архиепископ Упсальский в Альмарстеке ими же убит, и тогда построен город Стокгольм».

Старинная хронология:

«1187. Иерусалим опустошен королем Саладином. Убит Иоанн Архиепископ Упсальский у Альмарум, накануне августовских ид, Сигтуна сожжена».

Хронология старинного анонима:

«1187. Иерусалим взят Сольданом. В тот же год Иоанн архиепископ Упсальский умерщвлен в Альмарстеке язычниками и погребен в Упсале, и Сигтуна сожжена язычниками».

Хроника деяний свеоготских неизвестного шведского автора:

«1187. Убит Иоанн архиепископ в Альмарнум язычниками, накануне августовских ид. И город Сигтуна сожжен ими же».

Все анналы сообщают очень кратко лишь два факта: сожжение (разрушение)³⁰ Сигтуны и убийство архиепископа Упсаль-

* Описка переписчика вместо combusta.

³⁰ Из пяти текстов, в которых сообщается о Сигтуне, в четырех говорится, что Сигтуна была combusta. Это слово может означать и «разорена», и «сожжена». Пятый текст, Annales Sigtunensis, слово combusta заменяет словом incensa, имевшим одно значение — «сожжена».

ского Иоанна в Альмарстеке. Различие состоит лишь в разной конструкции фраз и в отсутствии в двух текстах точной даты. Сравнение текстов анналов приводит к мысли, что все известия восходят к какому-то одному общему источнику. По-видимому, этим источником послужила не дошедшая до нас в первоначальном виде современная запись в анналах. Наличие в приведенном тексте точной даты («накануне августовских ид», т. е. 12 августа), по нашему мнению, свидетельствует, что первоначальная запись была сделана современником событий, возможно, в тот же год. Есть все основания дату события (и год, и число) считать достоверной.³¹

Первое по времени развернутое описание событий содержится в рифмованной Хронике Эрика, писавшейся в 1320-е гг., т. е. примерно 140 лет спустя.

Свое изложение Хроника начинает с 1230-х гг. При изложении событий 1250-х гг., перед тем как говорить об основании (в 1252 г.) Биргером ярлом новой шведской столицы — Стокгольма, автор Хроники поместил интересующий нас рассказ о разорении Сигтуны: этот рассказ должен был показать читателю, каким постоянным опасностям подвергалось население берегов озера Меларен до того момента, когда Биргер ярл в проливе, соединяющем Меларен с морем, основал Стокгольм и тем самым преградил доступ в озеро для врагов с моря. Таким образом, даже приблизительного указания на время события Хроника не дает.

Приводим текст Хроники (стихи 474—487).

- ⁴⁷⁴ «Swerige haffde mykin vadha
⁴⁷⁵ aff Karelom ok mykin onadha.
The foro aff haffuit oc vp i Mäle
bade i lugne ok swa i äle,
alt hemelika jnnan Svia skär
ok optast ä met stylda här.
⁴⁸⁰ En tyma fiöl them en then luna
at the brände wp Sigtuna,
ok brändo thet swa alt i röther,
at then stadhin fik ey än böther.

³¹ Pipping R. Op. cit., s. 257, anm. 2. Н. Эстман подверг сомнению достоверность даты 1187 г. для разорения Сигтуны, исходя из наличия в статье этого года в двух анналах известия о взятии Иерусалима. Комбинация Jerusalem capta—Sigtuna combusta кажется ему «слишком параллельной» (Östman N. Artalet 1187 i Stockholms historia. — In: Samfundets S. Eriks årsbok, Stockholm, 1917, s. 142). Но это сомнение излишне (Pipping R. Op. cit., s. 257, anm. 2). Известие о взятии Иерусалима, заимствованное из датских анналов (Östman N. Op. cit., s. 139), содержится лишь в двух анналах, причем в одном случае — в испорченном виде (вместо Saladin — Soldan). У нас нет оснований считать именно эти тексты более ранними, более близкими к первоначальной редакции. Здесь мы имеем просто дополнение шведских анналов, заимствованное из датских анналов.

Jon erchebiscop wart ther slägen,
485 tess war mangin hedin fäghen,
at them crismo gick swa illa i hand,
thet gledde Karela ok Rytza land». ³²

474 «Швеция имела много бед
475 от карел и много несчастий.
Они плыли от моря и вверх в Мелар
и в штиль, и в непогоду, и в бурю,
тайно проплывая внутрь шведских шхер,
и очень часто совершали здесь грабежи.
480 Однажды у них появилось такое желание,
что они сожгли Сигтуну,
и жгли все настолько до основания,
что этот город уже [больше] не поднялся.
Ион архиепископ был там убит,
485 этому многие язычники радовались,
что христианам пришлось так плохо,
это радовало землю карел и руссов». ³³

³² Svenska medeltidens rimkrönikor, t. I, Gamla eller Erikskrönikan, Ed. G. Klemming. Stockholm, 1865, s. 17; Finlands medeltidsurkunder. I. Helsingfors, 1910, № 34.

³³ Перевод С. С. Масловой-Лашанской. Далее в Хронике содержится рассказ о трагической смерти Иона ярла. Согласно этому рассказу, Ион ярл пробыл в течение девяти лет вдали от родины, воюя с русскими и ижорцами «в защиту Бога и святой веры»; в первую же ночь, когда он вернулся домой, в Асканесс на берегу озера Меларен, он был убит неожиданно напавшими язычниками. Жена Иона ярла успела убежать и сумела потом жестоко отомстить за гибель своего мужа; она

«собрала народ и большую силу
и убила их всех, как мне было сказано,
на горе, которая зовется Эста шхер,
все они потеряли там (свою) жизнь;
и велела вытащить их суда на берег и сжечь,
потому что она была тогда объята скорбью».

Рассказ о смерти Иона ярла, так же как и рассказ о разрушении Сигтуны, в Хронике не датирован: оба даются среди текста, описывающего события середины XIII в., вслед за этими рассказами говорится об основании Стокгольма Биргером. Так же, как и рассказ о разорении Сигтуны, рассказ об убийстве Иона ярла ворвавшимися с моря в озеро Меларен язычниками должен был показать, что население берегов озера подвергалось постоянным нападениям из-за моря и что для населения окрестностей Меларена (самой богатой и населенной части Швеции) постройка Стокгольма, преградившего вход из моря в озеро, была жизненной необходимостью. Оба рассказа случайно оказались рядом: в них говорится не об одном и том же набеге (как думали некоторые авторы: К р о х и н В. Указ соч., с. 590; Гадзяцкий С. Карелия и карелы в новгородское время. Петрозаводск, 1941, с. 89—90; K i r k i n e n Н. Op. cit., s. 69), а о совсем разных событиях (Schück A. Op. cit., s. 215). Поэтому нельзя согласиться с С. Болином, по мнению которого автор Хроники Эрика считал взятие Сигтуны, убийство архиепископа Иоанна, убийство Иона ярла и основание Стокгольма событиями, происшедшими одновременно, и заимствовал это представление из хронологии монастыря в Висбю (см. при-

В приведенном тексте мы находим развернутое сообщение о том, что Сигтуна была взята и разрушена нападшими с моря и что во время этого же набега был убит архиепископ Иоанн, т. е. сообщаются те же два основных факта, которые известны из анналов.

Чем объяснить, что и известие анналов, и сообщение Хроники содержат лишь эти два основных факта?³⁴ Поскольку анналы в своей основе — памятник более ранний, чем Хроника Эрика, мы неизбежно приходим к выводу, что главным источником для интересующего нас текста Хроники являются анналы.³⁵ Как уже

меч. 29), где все эти события, кроме смерти Иона ярла, датированы одним и тем же 1187 г. (Bolin S. Om Nordens äldsta historieforskning. — In: Lunds univeritets årsskrift, N. F., bd 27. Lund, 1934, s. 251—262). В действительности из текста Хроники Эрика видно, что ее автор, описывая на основе сохранившихся преданий столь давние события, вообще не думал о их соотношении во времени.

О Ионе ярле не сохранилось почти никаких данных. Р. Пиппинг считал, что во второй половине XII и первой половине XIII в. ярл с подобным именем неизвестен в источниках (Pipping R. Op. cit., s. 264); впрочем, это может быть объяснено неполнотой сведений источников (Hornborg E. Finlands hävder. I. Helsingfors, 1944, s. 182). По предположению А. Стаде, существовало два посетителя этого имени: один в середине XII в., второй — в начале XIII столетия. Приведенный нами рассказ относится, по мнению Стаде, к первому Иону ярлу: в таком случае смерть Иона ярла, описанная в Хронике, произошла, по-видимому, в 40—50-х гг. XII в. (Stade A. Det store Jon Jarl. — Historisk tidskrift, 1939, h. 2. s. 121—122).

Рассказ об убийстве Иона ярла, содержащийся в Хронике, явно является записью местного предания: об этом говорит сам автор Хроники, который, описывая месть вдовы ярла, добавляет: «как мне было сказано». По-видимому, предание о мести вдовы Иона ярла (может быть, хранившееся в форме песни или баллады — см.: Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978, с. 111) впоследствии было связано местными жителями с утесом на озере, издавна называвшимся Eesta skär («эстский утес»). Таким образом, местные жители хотели объяснить, почему утес, находившийся во внутреннем шведском озере, назван по имени живущих за морем эстов. Объяснение это явно искусственно.

Во все же время весьма возможно, что данное предание имело историческое зерно, что в его основе лежало какое-то реальное событие (Pipping R. Op. cit., s. 261; Hornborg E. Op. cit., s. 182) — еще один набег с моря на побережье озера Меларен, происшедший или до, или после Сигтунского похода. Шюкк считает, что Ион был шведским ярлом, совершавшим в течение 9 лет походы на восток, ему принадлежит могильная плита в соборе в шведском городе Линчёпинге (с надписью Johannes dux), и что, согласно одному из списков Хроники Эрика Олая, он погиб в 1206 г.; Шюкк считает вероятным, что в 1206 г. произошел новый набег с востока Балтики на берега озера Меларен и что Ион ярл пал жертвой этого набега (Schück A. Op. cit., s. 218—219). Однако С. Тунберг установил, что дата 1206 г. в рукописи Хроники не относится к рассказу о Ионе ярле (Tunberg S. Beriktigande. — Fornvännen, 1952, s. 283) и, следовательно, точно датировать данный набег невозможно.

³⁴ Прочие данные, содержащиеся в Хронике, лишь дополняют оба этих факта.

³⁵ Ср.: Kjellberg C. M. Erik den heliges ättlingar och kronpretender bland dem. — Historisk tidskrift, 1923, h. 4, s. 361; Pipping R. Op. cit., s. 257; Andersson J. Källstudier till Sveriges historia. Lund,

упоминалось выше, в результате общего изучения текста Хроники Эрика сейчас ясно установлено, что для всей Хроники (в той ее части, которая охватывает период до конца XIII в.) анналы являлись основным источником фактических данных.³⁶ Этот общий вывод вполне совпадает с нашим частным выводом, касающимся текста Хроники о разрушении Сигтуны.

Но вместе с тем наличие в тексте Хроники дополнительных данных свидетельствует, что автор ее имел какой-то добавочный источник. Внимательное изучение текста приводит к выводу, что этот источник не был письменным.

Если рассматривать текст вне зависимости от анналов, он производит впечатление записи народного предания. Нам известно, что предания об этом событии жили очень долго среди окрестных жителей и дошли почти до наших дней; в дальнейшем тексте мы к этим преданиям не раз будем обращаться. Взятие и разрушение крупнейшего города Швеции должно было, конечно, явиться событием, произведшим огромное впечатление на современников, событием, рассказы о котором должны были затем передаваться из поколения в поколение. Есть все основания думать, что перед нами запись предания, притом первая по времени. Предание об этом событии спустя 130—140 лет должно было сохраняться именно в таком виде, какой предстает перед нами в Хронике, — уже без мелких подробностей и деталей, но с сохранением главных фактов.

Итак, текст Хроники основывается, очевидно, на краткой первоначальной записи, сделанной около 1187 г. и сохранявшейся в анналах, и на предании. И в анналах, и в предании сохранилось, по-видимому, только одно, общее для обоих источников известие о разрушении Сигтуны. Известие об убийстве архиепископа Иоанна заимствовано автором Хроники скорее всего из текста анналов.³⁷ Все остальные сведения, содержащиеся в рассматриваемом нами тексте Хроники, должны быть отнесены к преданию.

В какой же мере сведения предания достоверны?

1928, s. 32—33. — Наблюдения, которые были сделаны шведскими исследователями при рассмотрении (совершавшемся походом и мимоходом) текста о разрушении Сигтуны в Хронике Эрика, ограничиваются лишь указанием на зависимость этого текста от анналов. Глубже вникать в данный текст, выяснить, не было ли у него других источников кроме анналов, шведские авторы не стали.

³⁶ Andersson J. Op. cit., s. 43—44.

³⁷ Сохраняло ли местное предание память об убийстве архиепископа Иоанна или известие об убийстве содержалось только в анналах, мы точно установить, разумеется, не можем. Но все же сомнительно, чтобы среди местного населения в районе Сигтуны долго удерживалась память об убийстве архиепископа, совершенном в результате того же нападения 1187 г. Сравнительно с гибелью крупнейшего города страны убийство одного человека (хотя и весьма известного в свое время, но лично ничем особенно не выдававшегося и, вероятно, скоро забытого последующими поколениями) было фактом явно второстепенным.

Кроме основного факта (взятия Сигтуны) предание содержало указания на национальную принадлежность нападавших, на неожиданность нападения и на неоднократность подобных набегов.³⁸ Все эти указания, по нашему мнению, нужно считать вполне достоверными. Автор Хроники Эрика³⁹ мог в молодые годы слышать рассказы очевидцев события и во всяком случае должен был знать рассказы стариков, которые знали и помнили людей, бывших свидетелями падения Сигтуны.⁴⁰

К 1320 г. прошло уже достаточно времени, чтобы народная память забыла мелочи, но сохранилось впечатление о неожиданном, как буря, налетевшем вражеском набеге, сохранилось ясное воспоминание о том, кто были эти враги.⁴¹

Более поздние источники представляют для нас значительно меньшую ценность; они лишь пересказывают своими словами текст Хроники Эрика, добавляя в двух-трех случаях некоторые детали, заимствованные из преданий. К этим преданиям мы должны относиться уже иначе. Через 300—400 лет рациональное зерно в преданиях настолько должно было обрасти приукрашиваниями, что сами предания начинают превращаться в легенду.

Следующим по времени источником является Хроника Эрика Олая, писавшаяся в середине XV в.,⁴² т. е. спустя почти триста лет после описываемого события. Текст этой Хроники, касающийся нападения на Сигтуну, целиком⁴³ восходит к соответствующему тексту Хроники Эрика.⁴⁴ Новым, сравнительно с Хро-

³⁸ Четвертое новое указание, которое (как мы уже говорили) дает Хроника Эрика, указание на то, что Сигтуна после разорения уже не могла подняться, не заимствовано из предания. Это была живая действительность, современная автору Хроники. Он сам (и, наверно, не раз) видел развалины города, бывшего когда-то гордостью Швеции. Слова автора Хроники являются прямым свидетельством того, что в начале XIV в. на месте Сигтуны были лишь жалкие остатки города и что город подвергся такому уничтожающему разгрому, от которого он за 130 лет не мог оправиться. Судя по более поздним данным, в XVI в. Сигтуна ненадолго возродилась (хотя и в значительно меньших масштабах). Затем снова наступил упадок, превративший Сигтуну в небольшой поселок. Современная Сигтуна насчитывает всего несколько тысяч жителей, вокруг нее высятся древние курганы.

³⁹ Хотя автор Хроники Эрика нам неизвестен (как неизвестны и авторы большинства других произведений литературы и искусства того времени), но, судя по зрелости художественной манеры, по широкой осведомленности в событиях недавнего прошлого (50—80 предшествующих лет), он был уже немолодым человеком.

⁴⁰ Нас могут спросить: почему мы считаем, что автор Хроники был (или бывал) на месте Сигтуны? Но тут нужно учесть, что район Сигтуны, как и все побережье озера Меларен, — это сердце средневековой Швеции; район Сигтуны — это также окрестности Стокгольма, и невозможно, чтобы автор Хроники Эрика не бывал в соседней Сигтуне.

⁴¹ Вопрос о национальности нападавших мы будем специально разбирать ниже.

⁴² Закончена в 1464 г.

⁴³ Östman N. Op. cit., s. 141.

⁴⁴ Из второстепенных источников наибольшее значение для Эрика Олая имели анналы. От этих двух источников непосредственно происхо-

никовой Эрика, в тексте Эрика Олая являются лишь слова о пиратских судах, тайно скрывавшихся в засаде среди приморских скал, и указание на две вражеские национальности вместо одной. Первый элемент мог быть заимствован из преданий, мог принадлежать и перу самого автора; в обоих случаях этот элемент является чисто литературным приукрашиванием ранее известных фактов. Второе, новое, указание Хроники (о национальной принадлежности нападавших) мы будем специально разбирать ниже.

Еще меньшую ценность представляют тексты о событиях 1187 г. у исторических писателей XVI в. Олая Петри и Лаврентия Петри, перелагающих соответствующие места Хроники Эрика и Хроники Эрика Олая.⁴⁵

Разрушения Сигтуны касались и авторы общих исторических трудов XVII в. — Мессениус, Локцениус и др., также переска-

дят два текста в Хронике Эрика Олая, касающиеся события 1187 г. Так же, как и в Хронике Эрика, в Хронике Эрика Олая рассказ о разрушении Сигтуны предшествует описанию основания Биргером ярлом в 1252 г. Стокгольма. Приводим интересующий нас текст:

«Quia vero his temporibus Kareli et Rutheni, Regnum Sueciae occultis et continuis oppugnationibus infestabant, die noctuque inter rupes maritimas navigio furtivo in insidiis latitantes, et damna intolerabilia regnicolis inferentes; — nam et Archiepiscorum Johannem circa Almarnum occiderunt, et Sighthoniam combusserunt».

«Дело в том, что в те времена карелы и русские тревожили тайными и непрерывными нападениями королевство Швеции, днем и ночью скрываясь в засаде на пиратских судах между приморских скал и принося нестерпимый вред подданному королю: ибо [они] и архиепископа Иоанна у Альмарнум убили, и Сигтуну сожгли...»

(Scriptores rerum Suecicarum, t. II, pars 7, p. 55).

Кроме того, в Хронике Эрика Олая о разрушении Сигтуны говорится еще раз в хронологически верном месте (при описании событий XII в.); но этот второй текст не представляет для нас интереса, ибо в данном случае автор просто переписал почти дословно известие о гибели Сигтуны из монастырских анналов.

«Anno Domini MCLXXXVII occisus est Johannes Archiepiscopus Upsalensis apud Almarnum, a paganis pridie idus augusti, et sepultus Upsaliae. Tunc etiam combusta est Sigtuna a paganis eisdem».

«В лето господне 1187 г. убит Иоанн архиепископ Упсальский у Альмарнум язычниками, накануне августовских ид, и погребен в Упсале. Тогда же сожжена Сигтуна этими же язычниками».

(Scriptores rerum Suecicarum, t. II, pars 1, p. 49).

Данный текст почти полностью совпадает с приводившимся нами выше текстом *Annales Sigtunensis*.

⁴⁵ Olai Petri Svenska Chronica (1534) — In: Scriptores rerum Suecicarum, t. I, p. 243; Laurentii Petri Svenska Chronica (1541). — In: Scriptores rerum Suecicarum, t. II, pars 2, p. 68. — Поскольку тексты о разрушении Сигтуны у обоих авторов совершенно идентичны текстам более ранних источников, мы их здесь не приводим. О разрушении Сигтуны упоминается (без подробностей) и в сочинении третьего шведского исторического писателя XVI в. Иоанна Магнуса (Magnus Johannes. Gothorum Sveonumque historiae. Romae, 1553, p. 24).

зывавшие тексты более ранних источников. Исторические писатели XVI—XVII вв. расходятся с Хроникой Эрика и Хроникой Эрика Олая лишь в одном пункте — о национальности нападавших на Сигтуну, но это расхождение, как мы дальше увидим, не имеет серьезного значения. Пока для нас важно констатировать полное совпадение во всех остальных деталях рассказа о разрушении Сигтуны у авторов XV—XVII вв. с рассказом, содержащимся в Хронике Эрика и анналах, совпадение, свидетельствующее, что никакими неизвестными нам дополнительными письменными источниками поздние авторы не располагали.

У трех авторов, писавших в XVII в., — Асханеуса, Оксешерны, Локцениуса — новым для нас моментом является запись предания о Сигтунских вратах, предания, неизвестного более ранним сочинениям (предание будет рассмотрено ниже); сведения о нем мы находим и в XVIII в. (Бреннер, Валлин).⁴⁶

Предания и легенды о грозном нападении воинов, пришедших из-за моря, из пределов России, сохранялись на берегах озера Меларен в течение многих столетий. Еще сравнительно недавно, в конце прошлого века (в 1878 г.) русский путешественник Елисеев записал со слов местных жителей вблизи развалин Сигтуны предание о нападении русских судов на побережье Меларена.⁴⁷ Предания и легенды XVIII—XIX вв. носят уже чисто фольклорный характер и никаких сведений для изучения событий 1187 г. нам, разумеется, дать не могут.

Таковы наши источники о Сигтунском походе.⁴⁸

4. Кем был предпринят поход?

Теперь, на основании источников, попытаемся ответить на более всего интересующий нас вопрос: кто совершил этот выдающийся поход, войскам и флоту какого народа принадлежит крупнейшая победа над Швецией в XII столетии?

По этому вопросу в научной литературе существует наибольшая неясность. Исследователи, касавшиеся Сигтунского похода, отмечали,⁴⁹ что различные источники приписывают нападение на Сигтуну разным народам. А авторы, не гнавшиеся особенно за точностью, выбирали из источников указание на тот народ, который был им нужен для их научного построения (карельские

⁴⁶ Аделунг Ф. Указ. соч., с. 157. — Здесь приводится письмо Бреннера и соответствующее место из сочинения Валлина «Sigtuna stans et cadens», излагающие предание о Сигтунских вратах.

⁴⁷ Елисеев А. В. Указ соч., с. 269.

⁴⁸ Мы здесь не упомянули еще один источник особого рода — предание, согласно которому главные врата новгородского Софийского собора — трофей Сигтунского похода. Этим источником мы займемся ниже.

⁴⁹ Гиппинг А. И. Указ. соч., примеч. 53; Мюллер Р. Б. Комментарий к разделу «Летописные известия о карелах». — В кн.: Материалы по истории Карелии XII—XVII вв. Петрозаводск, 1941, с. 64—65 (в дальнейшем цитируем: Мюллер Р. Б. Комментарий).

историки — карел, эстонские — эстов, русские — русских). Но ими не учитывалось, что источники составлялись в различное время (и 130—140, и 300—400 лет спустя) и основывались на сведениях весьма различной достоверности. Необходимо рассмотреть каждый источник в отдельности и выяснить происхождение его сведений, прежде чем делать вывод о его научной значимости.

Единственный современный событию источник-анналы дает нам как раз наиболее неопределенное указание: *ragani* — язычники. Понятие *ragani* могло включать в себя в то время и языческие финские племена, и русских — последние, принадлежавшие к греко-православной церкви, с точки зрения католических монахов XII—XIII вв. также считались язычниками.

Что говорят более поздние источники?

По Хронике Эрика народом, напавшим на Сигтуну, были карелы; по Хронике Эрика Олая — карелы и русские; по словам писателей XVI в. Олая Петри и Лаврентия Петри, — эсты, по словам Иоанна Магнуса (тоже XVI в.), — эсты или финны. Писатели XVII в. еще более разноречивы: Локций приписывает нападение на Сигтуну эстам, карелам и русским,⁵⁰ Мессений (описывающий это событие в двух сочинениях, входящих в состав его многотомной работы «*Scondia illustrata*») упоминает в одном случае эстов,⁵¹ в другом — курляндцев.⁵² Асханеус и Оксеншерна приписывают нападение на Сигтуну русским, и т. д.

Наибольшее внимание должна, естественно, привлечь Хроника Эрика, как наиболее ранний источник, в котором впервые было зафиксировано предание.

В Хронике Эрика карелы по данному поводу упоминаются трижды. Как уже говорилось, рассказ о разрушении Сигтуны в Хронике предпослан тексту, описывающему основание Биргером ярлом Стокгольма; рассказ о гибели Сигтуны должен показать, от каких бедствий избавил внутренние районы Швеции Биргер, построив Стокгольм у входа в озеро Меларен и закрыв тем самым врагам доступ внутрь озера. Рассказ начинается словами: «Швеция имела много бед от карел и много несчастий», а заканчивается указанием, что бедствие, нанесенное шведам сожжением Сигтуны, «радовало землю карел и руссов». Рассказав о гибели Сигтуны, Хроника повествует затем, как Биргер ярл, основав Стокгольм, закрыл «замок перед тем озером, так что карелы не приносят им⁵³ [теперь] никакого беспокойства».⁵⁴

⁵⁰ *Johannis Lossenii Rerum Svecicarum Historia*. [Stock]Holmiae, 1654, p. 43.

⁵¹ *Johannis Messenii Scondia illustrata*. XII. Stockholmiae, 1700, p. 107.

⁵² *Ibid.*, II, p. 13.

⁵³ Т. е. жителям окрестностей озера Мелар.

⁵⁴ Приведем текст об основании Стокгольма полностью:

«Такие труды приложил он,
Биргер ярл, мудрый муж;
он велел строить город Стокгольм

В первом и третьем текстах (содержащих упоминания о карелах), безусловно, речь идет о людях, совершивших нападение. Третье упоминание как бы еще раз подчеркивает, что опасность берегам Швеции и ее внутренним водам угрожала именно от карел, что именно карелы проникали ранее внутрь озера Меларен и для прекращения именно их набегов Биргер постройкой Стокгольма закрыл путь в озерные шхеры со стороны моря.

Менее ясно по смыслу содержащееся в конце рассказа о гибели Сигтуны второе упоминание о радости, охватившей «землю карел и руссов». Возможно, что здесь автор в косвенной форме указывает на участие русских в нападении. Но можно также предположить, что автор, говоря о радости в земле и карел и русских, имел в виду политическую связь обоих народов и подразумевал, что победа карел была тем самым и русской победой, ибо карелы (как было хорошо, вероятно, известно шведам и в XII, и в XIV вв.) были частью русской государственности.

Последнее предположение нам кажется более вероятным. Автор в данном случае явно стремится обращаться осторожно с фактами, которые он не вполне точно знает. Что карелы были виновниками сожжения Сигтуны, это автор знает точно и пишет прямо. Но об участии русских он, видимо, точно не знает и не упоминает их рядом с карелами в тех двух случаях, где прямо говорится о набеге внутрь озера Меларен. Упоминание о радости в земле «карел и руссов» говорит о тесной политической связи обоих народов, но не свидетельствует прямо об участии русских в описываемом событии.

Указание на карел как виновников разорения Сигтуны явно принадлежит народному преданию.⁵⁵ Во время написания Хроники, спустя 130 лет после события, произведшего, безусловно, огромное впечатление на современников, в народной памяти еще должно было сохраниться представление о том, каким именно народом была разрушена шведская столица. Указание на карел тем более достоверно, что в момент написания Хроники карелы уже

с обширным умом и большим расчетом,
красивый дом и хороший город,
все так сделали, как он велел,
это замок перед тем озером,
так, что карелы не приносят им [теперь] никакого беспокойства.
Это озеро хорошо, я скажу почему:
там расположено девятнадцать церковных приходов,
и вокруг озера — семь торговых городов;
там теперь радость и много веселья,
где прежде было горе и много страданий,
язычниками безжалостными причиненных».

(Erikskrönikan, p. 18;
перевод С. С. Масловой-Лашанской)

⁵⁵ Как мы уже знаем, письменная традиция ко времени составления Хроники сохранила лишь факты разрушения города и убийства архиепископа.

давно не являлись серьезным врагом Швеции, а, напротив, частично (в западных районах Карелии, захваченных шведами в 1293 г.) стали шведскими подданными. Бурная внешнеполитическая активность карел на Балтийском море, известная нам и по данным XII в., и по данным первой половины XIII в., во второй половине XIII столетия прекращается.⁵⁶ Последний крупный поход против шведов, в котором существенную роль играют карелы, относится к 1256 г. Таким образом, в течение по крайней мере 60 лет до написания Хроники карелы не нападали на шведские владения ни в Финляндии, ни в метрополии; на собственно шведские земли карелы не нападали, вероятно, даже значительно дольше (скорее всего со времени Сигтунского похода). Поэтому в представлении шведского населения в 20-х гг. XIV в. карелы уже не являлись врагом на востоке; врагом на востоке, хорошо известным и отнимавшим постоянно много сил, тогда были русские. И если бы народная память уже забыла, кто именно совершил нападение 1187 г., естественно было бы, чтобы это нападение стало приписываться не карелам, а русским. Если тем не менее местная традиция в 1320-х гг. разрушителями Сигтуны называла карел, то это значит, что она сохранила еще к тому времени подлинный факт — нападение именно карельских военных сил.⁵⁷

По-видимому, народная традиция к 20-м гг. XIV в. не имела ясного представления, участвовали ли в набеге на Сигтуну и русские. Поскольку карелы как враг забывались, забывались и нападения (в XII и начале XIII в.) других восточных народов (финны, эсты, куроны), также уже давно не являвшихся врагами, и главным и единственным противником на восточных берегах Балтики оставались только русские; традиция в XIV в.

⁵⁶ Мы здесь не касаемся внешнеполитической активности карел на Крайнем Севере, в стране саамов, в XIII и начале XIV в., ибо карельское наступление в стране саамов велось другой частью карельского народа — карелами Беломорья.

⁵⁷ Единственный автор, высказавший противоположное мнение, — Э. Хурнборг (*Hornborg E. Op. cit., s. 180*). Он считает, что во время написания Хроники Эрика, через 135 лет после описываемого события, в 1320-е гг., «наиболее актуальными врагами Швеции» были карелы и новгородцы и потому могло возникнуть мнение, что и в 1187 г. нападение на Швецию совершили карелы. Хурнборг высказал это предположение в одной фразе, не развернув аргументации, и его точка зрения не может быть принята. Карелы не были в конце XIII—начале XIV в. серьезными противниками Швеции. В ходе борьбы за территорию Карелии главным противником шведских завоевателей были русские — Новгородское государство; и если предполагать, что автор Хроники Эрика в рассказе о гибели Сигтуны решил заменить имевшееся в анналах неопределенное обозначение врагов *pagani* на более точное этническое обозначение, то в свете современной автору политической ситуации на Балтике скорее надо было бы ждать, чтобы он предположил, что нападение на Сигтуну совершили русские. Между тем, как будет дальше показано, из текста Хроники видно, что автор явно не знал, участвовали ли русские в походе; об участии карел он, напротив, говорит вполне определенно.

постепенно, видимо, уже начала переносить на русских те представления о грозных набегах на шведские берега, которые до сих пор были связаны с именем карел. Изучение позднейших источников показывает, как затухала в традиции память о карелах и на их место в народных представлениях утверждаются русские.⁵⁸

Указание Хроники Эрика на участие русских, данное в осторожной форме, может быть, и вовсе не относится к устному преданию; может быть, это продукт творчества автора Хроники, правильно представлявшего (как уже говорилось), что набег на Сигтуну был успехом всего Новгородского государства и русские люди должны были радоваться этой победе независимо от того, участвовали ли они в ней или нет.

Следующий по времени источник, Хроника Эрика Олая (середина XV в.), говорит, что на Сигтуну напали в 1187 г. два народа — *Careli et Rutheni*.⁵⁹ Но, как уже отмечалось, Эрик Олай, говоря о данном событии, лишь пересказывал Хронику Эрика и

⁵⁸ Это явление может быть прослежено и в поздних списках Хроники Эрика. В двух поздних списках (всего имеется 15 списков) в приводившихся нами текстах в двух местах вместо карел упомянуты русские. В списке, посвящем условное название «*Codex Lagerbringianus*» (№ 11 по изданию «*Scriptores rerum Suecicarum*»), в рассказе о разрушении Сигтуны вместо *aff Karelom* (во второй строке цитированного нами выше текста) поставлено *aff rytsar*. В списке, посвящем условное название «*Codex Lincopensis*» (№ 12 по тому же изданию), в тексте также цитированного уже нами рассказа о постройке Стокгольма слово *carela* заменено словом *rydzser* (*Scriptores rerum Suecicarum*, t. I, pars 2, p. 10, примеч. а и в). Было бы, конечно, весьма соблазнительно объявить именно это чтение текста единственно правильным, и на основании его считать участие и ведущую роль русских в Сигтунском походе доказанным. Но, к сожалению, при ближайшем рассмотрении такое решение вопроса оказывается невозможным. Как мы уже говорили, в тексте Хроники, посвященном разрушению Сигтуны и постройке Стокгольма (на протяжении всего 40 строк), имя карел упоминается трижды: в начале текста, в конце рассказа о гибели Сигтуны (здесь упоминаются и карелы, и русские) и в рассказе о постройке Стокгольма. В «*Codex Lagerbringianus*» из трех упоминаний карел заменено лишь первое (оставлены второе и третье), в «*Codex Lincopensis*» заменено лишь третье упоминание (оставлены первое и второе). В обоих случаях замена трехсложного *carela* и *karelom* двухсложным *rytsar* (*rydzser*) привела к нарушению ритма стиха. Видимо, переписчики поздних списков, жившие в то время, когда о воинственных походах карел уже никто не помнил, сочли, что упоминание карел в рассказах о гибели Сигтуны и постройке Стокгольма противоречит существующим в их время представлениям (приписывающим разрушение Сигтуны русским), и поэтому решили исправить текст Хроники. Но один из переписчиков обратил внимание лишь на первое упоминание карел, не заметив второго и третьего; другой заметил и исправил лишь последнее упоминание, не коснувшись первого и второго. Таким образом, поздний и искусственный характер этих исправлений не подлежит сомнению.

Оба исправления показывают лишь еще раз, что в XVI—XVII вв. уже забыли о военных походах карел и что народная традиция стала приписывать совершавшиеся в древности нападения на берега Швеции и, в частности, разрушение Сигтуны главному противнику на востоке — русским.

⁵⁹ *Scriptores rerum Suecicarum*, t. II, pars 1, p. 55.

никаких дополнительных письменных источников не имел. Вероятно, в его время устная традиция уже забывала (или уже забыла) карел и стала приписывать нападение на Сигтуну русским — единственному в XIV и XV вв. противнику Швеции на востоке Балтики. Упоминание карел, имевшееся в Хронике Эрика, Эрик Олай сохранил, но рядом с карелами назвал русских. В данном случае Эрик Олай или действовал под влиянием устной традиции, или же не разобрал осторожного тона Хроники Эрика по поводу участия русских и прямо (исходя из приводившейся нами строчки «о радости») поставил русских рядом с карелами.⁶⁰ Возможно также, что оба объяснения в равной мере верны. Во всяком случае Эрик Олай не располагал никакими источниками, которые были бы более надежны, чем Хроника Эрика.

Еще менее заслуживают внимания исторические писатели XVI в. Олай Петри, Лаврентий Петри и Иоанн Магнус и историк XVII в. Иоанн Мессениус, приписывавшие нападение на Сигтуну эстам (*ester*).⁶¹ Их сведения основываются на уже перечисленных нами трех источниках (анналы, Хроника Эрика, Хроника Эрика Олая). В XVI в. о политической активности карел (к тому времени небольшого и совсем не воинственного народа) давно забыли и приписывать им разрушение древней шведской столицы казалось уже совсем неправдоподобным. Поэтому Олай Петри и Лаврентий Петри, видимо, взяли за основу анналы и имевшиеся там *pagani* расшифровали как *ester* — название, под которым в средневековой Швеции подразумевались не только эсты, но вообще все племена, живущие на восточных берегах Балтийского моря,⁶² в том числе и карелы. Писавшие в период, когда уже зарождалась научная критика, оба писателя стремились в данном случае дать определение, возможно более близкое к истине. Судя по анналам и хроникам, виновником гибели Сигтуны было одно из языческих племен, живших к востоку от Балтики; поскольку было уже неясно, какое именно племя, указанные авторы решили, видимо, дать сводное название всех восточных прибалтийских племен — «эсты».

Так как понятие *ester* (племена Восточной Прибалтики) было гораздо более определенным, чем совсем расплывчатое *pagani* (язычники вообще), вслед за братьями Петри этой трактовки стали придерживаться и некоторые более поздние писатели (Иоанн Магнус, Мессениус и некоторые другие). Как нами уже упоминалось выше, из текста сочинений исторических писателей XVI—XVII вв. совершенно явственно видно, что никаких неизвестных ранее дополнительных письменных источников о гибели Сигтуны эти авторы не имели; поэтому упоминание эстов в качестве народа, совершившего нападение на Сигтуну, является, очевидно,

⁶⁰ Ср.: Kirkinen H. Op. cit., s. 69.

⁶¹ Иоанн Магнус, правда, считает в равной мере возможным, что это нападение было произведено финнами.

⁶² Yrjö-Koskinen G. Z. Op. cit., s. 16.

домыслом авторов XVI столетия, и придавать этому упомянутому какое-либо научное значение мы не можем.⁶³

По-видимому, упоминание эстов в качестве народа, разрушившего Сигтуну, у авторов XVI в. не было связано с устной традицией, ибо последняя известна нам для XVI и XVII столетий по нескольким источникам, прямо указывавшим, что они излагают народное предание. Это «Описание Сигтуны» Асханеуса, письмо Оксеншерна и сочинение Локцениуса, впервые зафиксировавшие предание о Сигтунских вратах. Особенно интересны здесь данные Асханеуса, записанные им со слов матери своего отца, умершей 120 лет от роду и сохранившей в памяти предания о Сигтуне конца XV в.⁶⁴ Асханеус рассказывает, что, согласно преданию, русские, которые разрушили Сигтуну, увезли красивые городские врата в Москву или в Новгород.⁶⁵

Предание об увозе Сигтунских врат относится, очевидно (поскольку Асханеус записывал предания более раннего времени), к XVI или даже XV столетию.⁶⁶ То же предание зафиксировано и в двух других источниках — в письме Оксеншерна к Делагарди 1611 г.⁶⁷ и в сочинении Локцениуса 1677 г.⁶⁸

⁶³ Таково же мнение А. Шюкка (Schück A. Op. cit., s. 217) и Х. Кирккнена (Kirkinen H. Op. cit., s. 69). В качестве подтверждения того, что именно эсты разрушили Сигтуну, приводилось указание Хроники Эрика на наличие внутри озера Меларен в XIV столетии утеса, посвященного названию *Eesta skär* — «Эстонская скала» (см. главу «Отношения...», написанную Х. Крусом (H. Kruus) в I томе коллективной монографии «Eesti ajalugu» (Tartu, 1935, s. 263)). Это название действительно происходит скорее всего от имени эстов или других племен Восточной Прибалтики, безусловно, посещавших с мирными или военными целями озеро Меларен. Но когда и по какому поводу возникло это название, конечно, определить невозможно. Таким образом, мнение некоторых эстонских историков, приписывающих разрушение Сигтуны своим предкам (*Eesti rahva ajalugu*. I. Tartu, 1932, s. 83; см. также сочинения ряда эстонских писателей XIX—первых десятилетий XX в., о них: *Salu H. Sigtunas förstöring i estnisk prosalitteratur*. — In: *Svio-Estonica*. XIII. Lund, 1956), ошибочно, ибо основывается на поздних, недостоверных и неверно толкуемых источниках. Это мнение поддерживали также К. Ф. Тиандер (Указ. соч., с. 275) и Я. Галлен (Gallén J. *Öst och väst i kamp om Finland*. — In: *Här reste kristi kors*. Helsingfors, 1955, s. 42).

⁶⁴ *Aschaneus M. Beskrifning om Sigtuna*. — In: *Upplands fornminnesföreningens tidskrift*. XL. Uppsala, 1925—1926, s. 8. — Сочинение написано в 1612 г. и было до 1925 г. известно лишь нескольким исследователям в рукописи.

⁶⁵ *Aschaneus M. Op. cit.*, s. 25. — К XVIII в. в Швеции уже стали забывать, что политическим центром той части русской государственности, с которой приходилось иметь дело шведам 4—5 столетий назад, был Новгород, и что Москва значительно позднее стала центром России. Поэтому Асханеус предполагает, что Сигтунские врата могли быть увезены и в Москву, и в Новгород.

⁶⁶ Асханеус называет его в тексте «древнее предание».

⁶⁷ Опубликовано: Альмгрен О. К легенде о Сигтунских вратах в новгородском Софийском соборе. — В кн.: *Сборник Новгородского общества любителей древности*, вып. 6. Новгород, 1912, с. 23—24.

⁶⁸ *Lossenius Joh. Descriptio totius regni Sveciae Geographico-Historica* (рукопись, хранящаяся в университетской библиотеке в Упсале). Цит. по: Альмгрен О. Указ. соч., с. 25.

Все три источника единодушно называют разрушителями Сигтуны русских. Народная традиция давно забыла о карелах, и разрушение древней шведской столицы и в XVI, и в XVII в. считалось делом русских — исторического противника Швеции на востоке Балтики. Такие же сведения дают записи предания XVIII в. (Бреннер⁶⁹) и в конце XIX в. (Елисеев⁷⁰).

Таким образом, из всех перечисленных источников только один заслуживает доверия — это Хроника Эрика. Основанная на устной традиции, еще сохранившей ясное представление о народе, совершившем разрушение шведской столицы, Хроника Эрика прямо называет этот народ — карелы. Поскольку все остальные источники относятся к более позднему времени и основываются лишь на Хронике Эрика и на все менее достоверной традиции, уже перешедшей в фольклор, их показания принимать всерьез мы не можем.

Учитывая все сказанное выше, мы должны решительно отвергнуть компромиссное решение, предлагаемое некоторыми авторами: карелы и эсты.⁷¹ Историки, предложившие такое решение, знали, что в одних древних сочинениях в качестве народа, совершившего нападение на Сигтуну, упоминаются карелы, в других — эсты, и предпочли, не вдаваясь в глубь вопроса, попросту объединить оба упоминания в формулировке «карелы и эсты». Эти исследователи не учли, что, как мы уже говорили, древние сочинения, касающиеся разрушения Сигтуны, далеко не равноценны и что упоминание эстов, появляющееся в сочинениях XVI в., не основано на более ранних письменных источниках и потому недостоверно.⁷²

⁶⁹ См. выше, с. 87, примеч. 46.

⁷⁰ Елисеев А. В. Указ. соч., с. 269. — Народная традиция во всех этих случаях даже не особенно ошибалась: в народных представлениях Швеции и Финляндии «русскими» назывались в XVI—XVIII вв. русские подданные вообще, вне зависимости от их национальности, в том числе и карелы.

⁷¹ Juvelius E. Suomen historian pääpiirteet. Helsinki, 1927, s. 25; Stomberg A. A History of Sweden. New York, 1931, p. 145; Kruus H. Op. cit., s. 263; История Эстонской ССР, т. I. Таллин, 1961, с. 89; Рыдзевская Е. А. Указ. соч., с. 110 и др.

⁷² Кроме приведенных соображений возможности совместного участия эстов и карел в Сигтунском походе противоречит и историческая обстановка в Прибалтике в конце XII в. Мореходством и морским пиратством занимались эсты с острова Сарема и в значительно меньшей мере жители западного морского побережья Эстонии; только они и могли (теоретически) участвовать в морском походе на Сигтуну. Но эсты острова Сарема с западного побережья материковой Эстонии не имели никаких ни политических, ни экономических связей с основным центром Карелии, находившимся по другую сторону Финского залива и по другую сторону Карельского перешейка (ближе к Ладожскому озеру, в районе Кексгольма, где жила основная масса карельского населения). Поэтому нельзя предполагать, чтобы между этими отдаленными и не имевшими никаких связей территориями мог быть заключен военный союз для похода на Швецию.

Тем более нужно отвергнуть мнение некоторых исследователей, считавших, что Сигтунский поход был совершен военными силами нескольких прибалтийских племен: эстов, карел и куров⁷³ или даже эстов, карел, куров и ингров.⁷⁴ Эсты все же упоминаются источниками, хотя и недостоверными; куров и ингров в связи с событием 1187 г. источники не упоминают вовсе.⁷⁵

Участвовали ли в Сигтувском походе русские?

Данные более поздних источников по этому вопросу, как мы уже показали, нами не могут учитываться, ибо в связи с ранним уходом карел с международной политической арены в памяти шведского народа карелы должны были, естественно, вытесниться привычным противником на востоке — русскими. Но Хроника Эрика не дает нам ясного ответа. Ее упоминание русских, как мы уже показали, дано в весьма осторожной форме; Хроника говорит

Понимая, видимо, весьма малую вероятность возникновения такого союза, ряд авторов прибавляет к карелам и эстам третью объединяющую силу — новгородцев (Карамзин Н. История государства Российского, т. III. СПб., 1842, с. 52; Висковатов А. Краткий исторический обзор морских походов русских. Изд. 2-е. М., 1946, с. 44; Егоров В. Русская летопись о карелах. — В кн.: «Карелия» за 1928 г. Петрозаводск, 1931, с. 72; Мюллер Р. Б. Комментарий, с. 64, и др.). Возможность возникновения союза эстов и карел для похода на Сигтуву при наличии организующего участия новгородцев кажется на первый взгляд вполне допустимой; ведь, как известно, и карелы, и эсты в XII в. находились под политическим влиянием Новгорода. Казалось бы, новгородцы вполне могли в 1187 г. повести карел и эстов в морской поход на Швецию так же, как они не раз вели с собой в походы карел, карел и ижор, карел, ижор и воль. Но при ближайшем рассмотрении и это предположение приходится совершенно откинуть. Под властью новгородцев (постоянно или периодически) находились лишь эсты восточных и юго-восточных областей Эстонии, жившие вдали от моря и незнакомые с мореходством. На эстов острова Сарема и западного побережья Эстонии (на эстов-мореходов, которые только и могли участвовать в морском походе на Швецию) политическое влияние Новгорода не распространялось.

Приведенные соображения не имеют для нас, разумеется, решающего значения. Решающее значение в вопросе об участниках похода, в частности в вопросе об участии в походе эстов, имеет, как мы уже показали, анализ источников.

⁷³ Зутис Я. Я. Русско-эстонские отношения в IX—XIV вв. — Историк-марксист, 1940, № 3, с. 41. — В другой статье того же автора в связи с разрушением Сигтувы упоминаются «эсты совместно с карелами и другими восточными народами» (Зутис Я. Я. Борьба за Балтийское море и исторические судьбы Латвии и Эстонии. — Ист. журн., 1940, № 7, с. 61).

⁷⁴ Wallin G. Op. cit., p. 236; Далин О. История Шведского государства, ч. II, кн. 1. СПб., 1805, с. 185 (кроме названных четырех народов здесь упомянуты и русские).

⁷⁵ Если мы отрицаем для конца XII в. возможность заключения союза эстов и карел для совместного нападения на Швецию по чисто историческим соображениям, тем более мы должны отрицать возможность заключения союза трех или нескольких племен восточной Балтики. Кто мог объединить эти отделенные друг от друга морем племена для совместного похода на Сигтуву? Политическое влияние Новгорода не распространялось ни на приморских эстов, ни на куршей. С другой стороны, весьма трудно предполагать для XII в. возможность объединения нескольких далеко живущих племен по их собственной инициативе.

о возможности участия русских в набеге вместе с карелами, но не утверждает, что русские в набеге действительно участвовали.

Нельзя не отметить еще раз в данной связи молчание новгородской летописи. Об особо крупных официальных предприятиях новгородских войск летопись большей частью сообщала. Поэтому, если новгородцы и участвовали в походе, то как в неофициальном предприятии, в порядке частной инициативы.⁷⁶

Один из исследователей XVIII в.⁷⁷ в качестве доказательства того, что именно русские произвели в 1187 г. разрушение Сигтуны, приводил два местных названия на озере Меларен: бухта Rysseviken⁷⁸ и мыс Rysseudden.⁷⁹ Но данные топонимики нельзя датировать обычно даже с точностью до столетия, не то что с точностью до года. Наличие этих названий показывает лишь, что русские бывали на озере Меларен с торговыми целями или с целями военно-политического характера, но подтверждением участия русских в разрушении Сигтуны служить не может.

Весьма соблазнительно к решению вопроса об участии русских в Сигтунском походе привлечь еще один источник, притом источник особого рода — так называемые Сигтунские врата новгородского Софийского собора; по преданию, эти врата привезены в Новгород из Сигтуны в результате набега 1187 г. Если бы удалось доказать, что они действительно происходят из Сигтуны, мы получили бы прямое доказательство участия в Сигтунском походе новгородских дружин.

Детальному рассмотрению этого вопроса мы посвятили специальную работу;⁸⁰ здесь же достаточно воспользоваться полученными нами выводами.

Поскольку за последние полвека не было проведено капитальных исследований о Сигтунских вратах, поскольку памятник в целом не подвергался с начала прошлого столетия глубокому изучению,⁸¹ сейчас еще нельзя делать окончательных заключений. Очень может быть, что новое фундаментальное исследование памятника заставит решительно пересмотреть все наши старые воззрения. Но пока что уже имеющиеся наблюдения не позволяют вполне точно установить, откуда и как эти врата попали в Новгород.

Предание об увозе русскими городских врат из Сигтуны после разорения города зафиксировано в Швеции, как мы уже показали, с конца XV и с XVI в. В новгородской Софии с начала

⁷⁶ Ср.: Зутис Я. Я. Русско-эстонские отношения в IX—XIV вв., с. 41.

⁷⁷ Fant E. M. De Esthonum in Maelaro piratica. Uppsaliae, 1791, p. 7—8; см. также: Pipping R. Op. cit., s. 262.

⁷⁸ Дословно «Русский залив».

⁷⁹ Дословно «Русский мыс».

⁸⁰ Шаскольский И. П. Предание о «Сигтунских вратах» и его достоверность. — Учен. зап. ЛГУ, Сер. ист. наук, 1949, вып. 14, с. 120—135.

⁸¹ Единственная работа, где капитальному изучению был подвергнут весь памятник в целом, это уже упоминавшаяся выше монография Ф. Адельунга «Курсунские врата новгородского Софийского собора», опубликованная впервые в 1823 г.

XVIII в. известно существование врат, называемых Сигтунскими, причем название возникло, по-видимому, намного раньше.⁸² По мнению большинства исследователей, когда-то в прошлом это название по ошибке было перенесено с главных врат собора (после этого называемых Корсунскими) на врата бокового придела, изготовленные в Византии.

Главные ворота собора (Корсунские), как показывает изучение их особенностей, могут быть поставлены в связь с Сигтунским походом.⁸³ Изготовленные (в своей основной части) в 1152—1154 гг. в Магдебурге и представляющие собой своего рода скульптурный иконостас, эти врата были смонтированы после привоза в Новгород не в первоначальном виде, а с нарушением прежней композиции. Многие части при перевозке были потеряны и заменены рельефами и украшениями из другого памятника подобного рода, несколько отличавшегося по стилю.⁸⁴ Все это говорит за то, что врата привезены в Новгород не в результате покупки (в этом случае была бы тщательно зафиксирована первоначальная композиция и были бы сохранены все детали), а как военная добыча.

Поскольку врата являлись исключительно ценным предметом католического церковного культа, невозможно предполагать, чтобы католики продали их неверным «схизматикам», и, с другой стороны, новгородцы вряд ли стали бы покупать предмет католического культа для украшения своей главной святыни (тем более, что ряд изображений на вратах неприемлем в качестве оформле-

⁸² Существование в Софийском соборе предания о Сигтунских вратах Киркинен считает аргументом в пользу мнения об участии новгородцев в Сигтунском походе (Kirkinen H. Op. cit., s. 69).

⁸³ Шведская наука с начала XX в. категорически отрицала возможность подобной связи. Шведский археолог Оскар Альмгрен выступил с двумя статьями, ставившими своей целью доказать, что предание о Сигтунских вратах безусловно недостоверно и является продуктом фольклора XVI—XVII вв. (Альмгрен О. Указ. соч., и Almgren O. Sägner om Sigtunaporten i Novgorod. — *Upplands fornminnesföreningens tidskrift*, XXXVII, 1922—1923). Аргументация Альмгрена была принята шведской наукой, вопрос о предполагаемом привозе главных врат Софийского собора из Сигтуны был признан окончательно решенным в отрицательном смысле. Между тем (как мы показывали в упоминавшейся уже нашей работе по данному вопросу) при ближайшем рассмотрении аргументация Альмгрена оказывается довольно слабой, в ряде пунктов противоречит совокупным показаниям источников. Резкий категорический тон обеих статей (притом что автор не особенно углубляется в суть вопроса) уже сам по себе показывал, что автор руководствовался не столько стремлением разрешить запутанную научную проблему, сколько желанием во что бы то ни стало доказать предвзятую идею. Опровергая связь главных врат Новгородского Софийского собора с Сигтунским походом, Альмгрен тем самым стремился непременно разбить наиболее веский аргумент, говоривший об участии в Сигтунском походе новгородцев.

⁸⁴ Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, вып. VI. СПб., 1899, с. 122—123; Анисимов А. И. Автопортрет русского скульптора Авраама. — *Изв. АН СССР. Сер. VII*, 1928, № 3, с. 177; Krause N. J., Schubert E. Die Bronzetür der Sophienkathedrale in Nowgorod. Leipzig, 1968, S. 47, и др.

ния православного собора). Врата могли быть помещены в Софийский собор скорее всего как военный трофей, напоминающий о какой-либо славной победе новгородских войск.

Как трофей врата могли быть захвачены при взятии новгородцами какого-либо крупного города, принадлежащего католическому государству. Новгородцы за время своей независимости трижды брали такие города: Дерпт в 1262 г. и Або в 1198 и в 1318 гг. Но нет никаких данных, которые связывали бы эти врата с Дерптом или с Або, тем более что анализ сведений в источниках о взятии Дерпта отрицает возможность захвата там указанных врат.⁸⁵ Остается еще один город, в захвате которого могли участвовать новгородские дружины, — Сигтуна.

Наконец, в самом памятнике имеются отдельные черты, которые могут быть увязаны с шведским искусством XII в. и даже (правда, не бесспорно) с религиозным культом св. Зигфрида, почитавшимся особенно в Сигтуне.⁸⁶

Все эти наблюдения свидетельствуют в пользу того, что доставка врат из Сигтуны в результате похода 1187 г. весьма вероятна,⁸⁷ но не является безусловным фактом. Слишком много еще в

⁸⁵ В ливонской рифмованной хронике, где описывается взятие новгородскими войсками Дерпта в 1262 г., говорится, что новгородцы заняли городской посад, но не заняли «замок». Между тем если бы врата, о которых идет речь, были тогда в Дерпте, они могли находиться (как исключительно ценный предмет католического культа) только в городском соборе, стоявшем внутри «замка».

⁸⁶ Ahrenberg J. Några meddelanden om Sigtunaportarna i Novgorod. — Fornvännen, 1907, s. 42.

⁸⁷ Данная трактовка, развернутая в цитированной выше нашей статье (см. примеч. 80), стала с конца 1940-х гг. общепринятой в Новгороде; и в экспозиции Новгородского музея, и в популярной литературе о Новгороде и о Софийском соборе данный памятник стал рассматриваться как Сигтунаские врата, как трофей Сигтунаского похода (Семенов А. И. 1) Экскурсия по Новгородскому Кремлю. Новгород, 1957, с. 22; 2) Новгородский Софийский собор — исторический памятник XI в. Новгород, 1958, с. 44—48; 3) Софийский собор — древнейший исторический памятник Новгорода. Новгород, 1962, с. 25—26; Константинова Т. М. Новгород. Новгород, 1958, с. 90—91; Андрушина Н. И. и др. Новгород. Путеводитель. Новгород, 1966, с. 32; Каргер М. К. Новгород. М., 1970, с. 79; Новгород. Путеводитель. Л., 1975, с. 36—37, и др.). Трактовка эта принята и историками (Мавродин В. В. Начало мореходства на Руси, с. 120—121; Пашуто В. Т. 1) Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII в. М., 1951, с. 42; 2) Внешняя политика Древней Руси, с. 149; Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953, с. 709, и др.). Однако в последние годы появилась другая точка зрения, выдвинутая А. Гольдшмидтом (Goldschmidt A. Die Bronzetüren von Novgorod und Gnesen. Marburg, 1932, S. 8) и поддерживаемая польскими историками и искусствоведами: врата не имеют никакого отношения к Сигтуне, были изготовлены для собора в польском городе Плоцке и оттуда попали в Новгород (Askanaś K. Brązowe drzwi płockie w Nowogrodzie Wielkim. Płock, 1971; Poppe A. O napisach ruskich na Drzwiach Płockich. — Notatki płockie. 1971, № 5, s. 16—19; Chojnacki J. Romańskie Drzwi Płockie w piśmiennictwie polskim (1582—1974). — Ibid., 1974, № 4, s. 51—52; Поппе А. К истории романских дверей Софии Новгородской. — В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 191—200; см. также: Schück A. Op. cit., s. 217—218).

приведенном построении неясностей и догадок, и как доказательство бесспорного участия новгородцев в походе мы эти врата использовать не можем.

Таким образом, в результате рассмотрения всех наличных источников можно говорить лишь о *возможности*⁸⁸ участия новгородцев в Сигтунском походе.⁸⁹

Для нашей темы эта неопределенность не имеет серьезного значения. Нам не так важен самый факт, участвовали новгородские дружины во взятии Сигтуны или не участвовали. Принципиально это ничего не меняет. Карелы выступают в рассматриваемом событии как представители новгородской государственности. Сигтунский поход явился актом внешнеполитической деятельности Новгородского государства, крупнейшим событием в ходе борьбы Новгородского государства со Швецией в XII в. Именно так, как мы дальше покажем, и оценили это событие шведские власти. Так же рассматривал это событие спустя 130 лет и автор Хроники Эрика.⁹⁰

И если мы не можем твердо говорить о вхождении в состав войска, напавшего на Сигтуну, новгородских дружин, то возможно, что в этом походе участвовало несколько новгородцев, в предшествующее время регулярно совершавших торговые поездки в Сигтуну и хорошо знавших и маршрут через шведские шхеры, и внутреннее расположение города.

Итак, флот и войско, напавшие на Сигтуну, состояли полностью или в основном из карел, в походе могли участвовать новгородские отряды или отдельные новгородские мореходы.

Основанием для подобного мнения служит помещенная на одном из рельефов новгородских врат фигура плочного епископа Александра (1129—1156 г.), которая могла быть портретом заказчика. Но сторонники этой точки зрения не учитывают, что Новгород никогда не вел военных действий с Польшей и потому врата не могли стать военным трофеем; предполагать же приобретение врат новгородцами в Польше путем покупки, как уже было сказано выше, невозможно (тем более что в источниках совершенно не сохранилось сведений о торговых или каких-либо иных связях Новгорода с Польшей в XII—XIV вв.). Была, правда, давно высказана догадка, что врата были вывезены из Плоцка разграбившим этот город в 1282 г. литовским войском и затем подарены литовским князем Миндовгом в Новгород (об этом см.: Поппе А. Указ. соч., с. 192). Но эта догадка не может быть ничем подтверждена, нет никаких указаний источников о дружеских сношениях Миндовга с Новгородом (к тому же Миндовг умер задолго до литовского похода на Плоцк, в 1263 г.). А позднее, когда Литва (в XIV в.) приняла католичество, передача столь ценного предмета католического культа католическим государством Новгороду, исповедовавшему враждебную религию, стала невозможной по религиозным причинам.

⁸⁸ Ср.: Kirkinen H. Op. cit., s. 69.

⁸⁹ Потому неправы наши авторы, прямо приписывающие совершение Сигтунского похода новгородцам, даже утверждающие, что «для похода на Сигтуну новгородцы создали большой флот с многочисленным экипажем» (История военно-морского искусства, т. I. М., 1953, с. 85). Источники не дают нам оснований для подобных утверждений.

⁹⁰ Говоривший, как мы помним, о «радости в стране» и карел, и русских (т. е. в пределах всего Новгородского государства) при известии о разрушении Сигтуны.

Как карелам удалось собрать столь крупные силы для совершения похода? Каким образом они оказались способными совершить столь грандиозное военное предприятие?

Как мы уже знаем из предыдущего материала, Сигтунский поход был не первым морским походом карел. В середине XII в. карельские дружины совершили несколько крупных морских набегов на шведские владения в Финляндии, совершали они набеги также против еми.⁹¹ По археологическим данным нам известно, что карелы примерно в это время (точно, разумеется, мы установить не можем, но приблизительно в XII в.) совершали набеги и на остров Готланд.⁹² Скорее всего и на берега Швеции карелы в 1187 г. произвели набег не в первый раз. В Хронике Эрика говорится, что карелы часто совершали плаванья в шведских шхерах и нападали на берега озера Меларен, умели тайно пробираться внутрь шведских шхер и в штиль, и в непогоду, а это предполагает хорошее знание сложных фарватеров шхер морского побережья и озера Меларен.⁹³ Вся предшествующая бурная внешнеполитическая деятельность карел на Балтийском море подготовила карельские военные силы к совершению своего самого крупного военно-морского предприятия — Сигтунского похода.⁹⁴

⁹¹ Новгородская I летопись под 1143 и 1191 гг.

⁹² Свидетельство о том, что карелы примерно в XII в. совершали набеги на остров Готланд, дает нам любопытная находка, сделанная в западной Карелии (ныне область Саволак в Финляндии), в могильнике Тууккала. Там найдена круглая фибула с рунической надписью, состоящей из двух женских имен; оба имени встречаются только на острове Готланд (Ailio J. Karjalajset soikeat kupurasoljet. — Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja, 1922, t. XXXII, s. 75). Такое украшение изготовлялось не для продажи на сторону — оно было специально сделано для какой-то женщины Готланда (носившей одно из двух выгравированных на фибуле имен). Из того факта, что фибула найдена в Карелии, можно заключить, что она была захвачена во время набега.

⁹³ Рыдзевская Е. А. Указ. соч., с. 111.

⁹⁴ По мнению А. Шюкка, Сигтунский поход 1187 г. был не единственным нападением на берега озера Меларен и на Сигтуну. Поскольку в одном из источников — в Упсальской епископской хронике — убийство архиепископа Иоанна в Альмарстеке отнесено не к 12 августа 1187 г., как во всех остальных аналах, а к 14 июля 1188 г. и в этом источнике (тоже в отличие от остальных аналов) не упоминается гибель Сигтуны, Шюкк выдвинул предположение, что здесь речь идет о двух разных нападениях из-за моря на пределы Швеции — о набеге на Сигтуну в 1187 г. и о набеге на Альмарстек в 1188 г. (Sch ü ck A. Op. cit., s. 217). Гипотеза эта допустима, но спорна: большинство источников явно связывает вместе оба события — взятие Сигтуны и убийство архиепископа Иоанна в Альмарстеке. Шюкк высказал также предположение (Sch ü ck A. Op. cit., s. 218—219), что вскоре после рассматриваемых событий был совершен с восточных берегов Балтики еще один набег, описанный Хроникой Эрика в связи с гибелью Иона ярла (см. выше, прим. 33), и что в этом набеге участвовали карелы. Правда, Хроника в этом случае не называет этническую принадлежность нападавших, и лишь из ее указания о войне в предшествующие годы Иона ярла с русскими и ижорцами можно предположить, что из тех же мест пришли и вражеские корабли, напавшие на его усадьбу. Близкое родство ижорцев с карелами (ижорцы до сих пор сами называют

Откуда был совершен этот поход, откуда вышли в море карельские суда? Морские походы производились карелами со своей основной племенной территории — из района Карельского перешейка, прилегавшего к Ладожскому озеру. В море карельские суда вышли, очевидно, через старое устье Вуоксы, впадавшей в то время в Финский залив вблизи пункта, где теперь стоит Выборг.

С какой целью карелы совершили поход на Сигтуну? К. Вилкуна высказал мнение, что в XII в. интересы карел и жителей города Сигтуны столкнулись в северо-восточном углу Ботнического залива, в районе самых богатых лососиных ловель на берегах Балтики, в устьях реки Кемийоки и соседних рек; косвенным указанием на существование каких-то древних связей Сигтуны с северным Ботническим побережьем Вилкуна считает наличие в низовьях реки Кемийоки селения Сихтуна (Sihtuna или Sihtuuna). Вилкуна предположил, что карелы совершили свой поход на Сигтуну, чтобы уничтожить этот город и избавиться от конкуренции со стороны сигтунских жителей, занимавшихся рыболовством в Приботнии, чтобы полностью овладеть богатейшим рыбным промыслом севера Ботнического залива.⁹⁵ Однако одно лишь наличие названия Сихтуна, возникшего в неизвестное время, не может служить достаточным доказательством того, что именно в 80-е гг. XII в. развернулась столь острая конкурентная борьба карел и сигтунцев на приботническом побережье; да и вообще нет прямых сведений о том, чтобы жители города Сигтуны когда-либо занимались рыбным промыслом в районе реки Кемийоки. Правильнее будет рассматривать Сигтунский поход в общем плане борьбы Новгородского государства со Швецией как активное предприятие Новгородской республики, совершенное силами новгородских подданных — карел (интересы которых в ходе борьбы со Швецией совпадали с интересами Новгорода).

5. Последствия Сигтунского похода

Жестокий удар, нанесенный Новгородским государством Швеции в 1187 г., не мог не иметь серьезных последствий в дальнейшем развитии отношений между двумя странами.⁹⁶ И действи-

себя карелами) позволяет допустить, что в набеге участвовали и карелы. Но все это не выходит из сферы догадок; видимо, в данном случае предание не сохранило память о национальности нападавших.

⁹⁵ Vilkuна K. Onko varsinaissuomalaisilla ollut kaukaisia nautintaluoneita? — In: Varsinais-Suomen maakuntakirja, 1948, t. 10, s. 146—150; Kirkinen H. Op. cit., s. 70; Kuujo E., Kirkinen H. Baltiassa ja Suomessa asuneiden heimojen osallistuminen Itämeren alueen kysymysten ratkaisuun 1100- ja 1200- luvulla. — Historiallinen arkisto, 1975, 69, s. 40.

⁹⁶ Нужно иметь в виду, что, хотя отношения между Швецией и Новгородским государством всю вторую половину XII в. были враждебны и

тельно, уже в следующем году новгородский летописец фиксирует событие, которое исследователями с полным основанием ставится в прямую связь с Сигтунским походом.⁹⁷

По словам летописца, «в то же лето рубоша Новгородьце Варязи на Гьтех, Немьце в Хоружьку и в Новотържеце; а на весну не пустиша из Новагорода своих ни одного мужа за море, ни съла въдаше Варягом, нъ пустиша я без мира».⁹⁸

Это известие исследователям казалось первое время непонятным:⁹⁹ кто кого заключил в тюрьму¹⁰⁰ — новгородцы варягов или варяги новгородцев, что означают названия Хоружек и Новоторжец. Из текста вытекает, что активную роль, по-видимому, играли варяги, но как они тогда могли оказаться в далеком от моря русском городе Торжке (называвшемся в то время Новый Торг или Новоторжец)?

Сейчас приведенное известие в главных своих чертах стало нам более ясным. Словом «варяги» во второй половине XII в. новгородцы обозначали жителей Готланда,¹⁰¹ да летописец сразу же и поясняет, что дело происходит именно на Готланде («на Гьтех»). Кроме готландских варягов здесь упоминаются и жители материковой Швеции, в отличие от жителей Готланда названные «немцами».¹⁰²

Странные для Швеции русские названия городов скорее всего являются в действительности переводом на русский язык непонятных для новгородцев скандинавских названий. По мнению И. И. Миккола, Новоторжец это Нючепинг (Nyköping),¹⁰³ Хору-

оба государства вели все это время борьбу, выражавшуюся в постоянных нападениях на суше и на море, торговые сношения до рассматриваемого момента не прекращались и даже, вероятно, росли.

⁹⁷ Лерберг А. Х. Указ соч., с. 109; Yrjö-Koskinen G. Z. Op. cit., s. 29; Forsström O. Op. cit., s. 70; Mikkola J. J. Op. cit., s. 70; Зутис Я. Я. Русско-эстонские отношения в IX—XIV вв., с. 41; Бернадский В. Н. Новгород и Приладожская Карелия в XII—XV вв. Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. Герцена, 1941, т. XXXIX, с. 185; Мавродин В. В. Указ. соч., с. 121; Juva E., Juva M. Op. cit., s. 128. См. также: Schück A. Op. cit., s. 218. — Связывает оба события и Н. М. Карамзин (Указ. соч., т. III, с. 52—53), но он смешивает причину и следствие: из его изложения вытекает, что сначала произошло столкновение новгородцев с варягами, а затем — поход на Сигтуну.

⁹⁸ Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М., 1950, с. 39, 229—230.

⁹⁹ Карамзин Н. М. Указ. соч., примеч. 84. — А. Х. Лерберг ошибочно понял, что новгородцы заточили варягов (Указ. соч., с. 109).

¹⁰⁰ «Рубоша» означает: посадили в «поруб» — в тюрьму.

¹⁰¹ В Новгородской летописи за XII—XIII вв. варяги кроме указанной статьи упоминаются лишь в четырех случаях. В летописной статье 1201 г., где упоминаются варяги, речь также идет о жителях Готланда. В летописных статьях 1152, 1181 и 1217 гг. упоминается «Варяжская божница» — церковь на готском дворе в Новгороде. Шведы материковой Швеции в XII в. уже назывались новгородцами «свеи».

¹⁰² Слово «немцы» понимается здесь как «свейские немцы», т. е. шведы.

¹⁰³ Новоторжец — прямой перевод на русский язык шведского названия Nyköping.

жек — это, по-видимому, Торсхэлла (Thorshälla) ¹⁰⁴ — города на восточном побережье Швеции. ¹⁰⁵ Мнение это представляется наиболее вероятным. ¹⁰⁶

Существует и другое мнение: что Хоружек — это Koroisten (или Коройское Або), т. е. Або на его первоначальном месте (вблизи позднейшего города); Новоторжец — это новое Або (Uusi Turku), ¹⁰⁷ т. е. тот же город, перенесенный на новое место в район Абоского собора. ¹⁰⁸ Эта гипотеза менее вероятна, по-

¹⁰⁴ Thorshälla — в древности Thorsharg. Th в старосведском языке было спирантным согласным, и русские должны были его передавать через ch («х»); так же случилось с некоторыми греческими словами, которые содержали этот звук. Шведское звуко сочетание rs должно было пониматься и передаваться русскими как «ш». Поэтому шведское Thorsharg могло дать русское Хоружек (Mikkola J. Op. cit., s. 70, anm. 1).

¹⁰⁵ Исследователей до сих пор вводила в заблуждение неверная расстановка знаков препинания, сделанная в свое время издателями текста Новгородской I летописи в ПСРЛ и в издании 1888 г., а также содержащаяся в Синодальном Харатейном списке (положенном в основу обоих изданий) неверное окончание слова «немцы», являющееся скорее всего просто ошибкой летописного сводчика. Издатели текста, видимо, предполагали, что события происходят «на Готланде у немцев», и потому слова «на Гьтех Немьце» выделены запятыми. Тогда возникло недоумение по поводу странных названий городов; таких городов на Готланде нет. Теперь же, когда удалось установить, что речь идет о городах не на Готланде, а в материковой Швеции, становится ясно, что слово «Немьце» относится не к предшествующему, а к последующему тексту и все предложение означает (в переводе): «порубили новгородцев варяги на Готланде, [а] немцы в Хоружке и Новоторжеце». И более правильно не написание «Немьце» в Синодальном Харатейном списке, а написание «немцы», содержащееся в трех более поздних списках Новгородской I летописи — Комиссионном, Академическом и Толстовском (см.: Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, изд. 1888 г., с. 162, примеч. 25).

¹⁰⁶ Эту трактовку приняли: Hognborg E. 1) Sverige och Ryssland genom tiderna. Helsingfors, 1941, s. 23; 2) Kampen om Östersjön. Stockholm, 1945, s. 47; Шаскольский И. П. Сигтунский поход 1187 г. — Ист. записки, 1949, № 29, с. 162; Мавродин В. В. Указ. соч., с. 121; Пашуто В. Т. 1) Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII в., с. 83; 2) Внешняя политика Древней Руси, с. 149; Очерки истории СССР, IX—XIII вв., с. 691, и др.

¹⁰⁷ Напомним, что финское название Або — Turku — общепризнанно происходит от древнерусского «търг» («торг»), и тогда Новое Турку (Новое Або) должно по-русски звучать «новый торг».

¹⁰⁸ Bolin G. Stockholms uppkomst. Uppsala, 1933, s. 219; Jaakola J. — Suomen varhaiskeskiaika. Porvoo—Helsinki, 1938, s. 159—160; Suomen historian käsikirja. I. Porvoo—Helsinki, 1949, s. 121—122; Galén J. Erik den helige, Sveriges helgonkonung, s. 12; Juva E., Juva M. Op. cit., s. 127; Niitemaa V. Die frühen Städte Finnlands. — In: Visby-symposiet för historiska vetenskaper 1963. Visby, 1964, s. 192—193; Posti L. Paaskunta i S:t Karins socken och handeln vid Aura ås mynning i forna tider. — In: Kring korstågen till Finland. Helsingfors, 1968, s. 105—106; Kuujo E. Inkerin varhaisemman historian keskeisiä kysymyksiä. — In: Suomalaisen Tiedeakatemia esitelmät ja pöytäkirjat 1969. Helsinki, 1970, s. 234; Kivikoski E., Gardberg C. J. Turun kaupungin historia. Turku, 1971, s. 141. — Но есть и противники этой гипотезы (Kirkinen H. Historiallista taustaa ortodoksisen uskon tulolle Karjalaan. — In: Studia historica Jyväskyläensia. I. Jyväskylä, 1962, s. 45).

сколькx содержащиеся в тексте летописи два названия двух явно разных городов приписываются здесь по существу одному и тому же городу; оба поселения лежали так близко друг от друга, что для приезжавших издалека, из-за моря новгородцев они должны были восприниматься как одно целое.¹⁰⁹ Да и в лингвистическом плане эта гипотеза уязвима.¹¹⁰

На Готланде и в двух шведских материковых городах местные власти заключили в тюрьму новгородцев, находившихся там с торговыми целями. Арест новгородских торговых людей был, разумеется, ответным действием шведов против Новгорода после Сигтунского похода.¹¹¹ Арест мирных новгородцев, находящихся в Швеции, был самым простым способом мести.

Исключительный интерес для нас представляет политическое значение этого акта. Данный акт показывает, как расценивали шведские власти политический смысл Сигтунского похода. Если после разрушения Сигтуны, совершенного (в основном или целиком) карелами, шведские власти стали мстить новгородцам, то очевидно, что поход на Сигтуну они расценивали как военное предприятие всего Новгородского государства.

Новгородцы в ответ на враждебный акт шведских властей по отношению к русским купцам прервали торговые сношения с Готландом. Русским купцам, ведшим заморскую торговлю, было запрещено отправляться за море.¹¹² Ведшиеся в тот момент с гот-

¹⁰⁹ Кроме того, в финской историографии обычно предполагалось, что поселения в Кориис (Коройнен) и на месте современного Або существовали не одновременно, а последовательно, т. е. административный и торговый центр сначала находился в Кориис, а затем был перенесен на место Або (и Кориис был оставлен жителями).

¹¹⁰ Сторонникам этой гипотезы казалось, что написанное латинскими буквами название *Koruzk* как будто оказывается лингвистически близким латинской форме названия *Koroisten*—*Korusum*, *Kurusum*. Но в действительности *Korusum* было письменной латинской формой этого имени, новгородцы же имели дело не со шведской латинской письменностью, а с живой шведской или финской речью, с звучащими там *Korois*, *Koroisten*, далекими от летописного *Хоружек*; маловероятен переход «к» в «h», как признает и Л. Пости (*Posti L. Op. cit.*, s. 106), особенно переход *s* в звонкое «ж».

¹¹¹ Арест новгородских купцов нельзя объяснить в данном случае никакими другими причинами. Ведь надо иметь в виду, что этот арест привел (и не мог не привести) к разрыву торговли с Новгородом, имевшей жизненно важное значение для Готланда. Если шведы на Готланде и в городах материковой части страны пошли на разрыв торговых отношений с Новгородом, значит, они имели достаточно веские политические причины; вероятно, они поступили так по приказу государственной власти Швеции.

¹¹² В то время Готланд был главным транзитным пунктом, в который заходили все корабли, шедшие из Новгорода в Балтийское море (и в обратном направлении). Исключение составляли лишь корабли, направлявшиеся в Сигтуну, но весной 1188 г., после гибели Сигтуны этот торговый маршрут уже не существовал. Поэтому все новгородские корабли, идущие за море, заходили в гавани Готланда и, разрывая сношения с Готландом, новгородские власти должны были вообще запретить отправку русских кораблей за море.

ландцами переговоры о торговом соглашении были прерваны, и готландцы были отправлены обратно «без мира».¹¹³

Интересно отметить хронологические указания летописи по поводу рассматриваемых событий. Разрыв сношений с готландцами произошел «на весну» 1188 г. Следовательно, арест новгородцев произошел раньше, зимой 1187/88 г. или скорее осенью 1187 г.,¹¹⁴ т. е. вскоре (через несколько месяцев) после взятия Сигтуны, как прямая реакция на разрушение шведской столицы.

Разрыв торговых сношений продолжался целых 13 лет. Весной 1201 г. готландцы попытались возобновить сношения, но их посольство не сумело ничего добиться и вынуждено было уехать обратно.¹¹⁵ Новое посольство прибыло с Готланда в том же году осенью по суше и вынуждено было подписать соглашение на тех условиях, которые были продиктованы новгородцами.¹¹⁶ Новгородцы, видимо, в эти годы научились вести заморскую торговлю без посредничества Готланда, и готландскому купечеству, страдавшему от прекращения торговли с Новгородом, пришлось принять все условия новгородских властей, лишь бы только торговые сношения возобновились.

Совершенный (в основном или полностью) новгородскими подданными, карелами, Сигтунский поход явился самым крупным военно-политическим предприятием Новгородского государства на Балтийском море. Длившаяся несколько столетий борьба Древней Руси со Швецией уже в самом начале была ознаменована блестящей победой русской государственности, уничтожением политического центра вражеской страны.

Трудно думать, чтобы такое положение продолжалось все 13 лет, пока существовал разрыв сношений Новгорода с Готландом. Вероятно, новгородские суда вскоре научились совершать путь до Любека и других западных балтийских портов, не заходя на Готланд.

¹¹³ Последние два предложения приведенного нами выше летописного текста 1188 г. не вполне понятны. Неясно, о каком «сле» (после) идет речь. Или же здесь подразумевается действительно посол с Готланда, находившийся в этот момент в Новгороде для торговых переговоров, или же новгородский посол, который должен был быть отправлен на Готланд. В первом случае надо понимать текст таким образом, что готландский посол, приехавший для переговоров о заключении торгового соглашения, был после вести о событиях на Готланде отправлен обратно ни с чем. Во втором случае была отменена поездка новгородского посла вместе с готландскими купцами (или послами) на Готланд для заключения соглашения и были высланы обратно готландцы, находящиеся для торговли и для заключения соглашения в Новгороде. Ясно, что переговоры о заключении торгового соглашения были прерваны.

¹¹⁴ Поскольку русские купцы приезжали в портовые города Швеции и Готланда по морю, они могли там находиться скорее всего в период навигации (маловероятно, чтобы новгородцы зимовали за морем), т. е. вероятнее осенью 1187 г., что соответствует началу 1188 г., если считать год с 1 сентября (известие находится в летописной статье 6696 = 1188 г.).

¹¹⁵ (1201 г.) «а Варягы пустиша без мира за море» (Новгородская I летопись старшего и младшего изводов, с. 45, 240).

¹¹⁶ (1201 г.) «на осень придоша Варязи горою на мир, и даша им мир на всей воли своей» (там же, с. 45, 240).

Глава V

РУССКО-ШВЕДСКАЯ БОРЬБА В ФИНЛЯНДИИ В КОНЦЕ XII в.

Конец XII в. характеризуется общим усилением политической активности Новгородского государства и к северу, и к югу от Финского залива. Сигтунский поход был только звеном в целой цепи военно-политических предприятий, носивших наступательный характер и в известной мере проходивших под руководством новгородских властей. Один беглый перечень этих предприятий уже будет достаточно показателен.

1186 г. — поход новгородских «молодцов» на емь.

1187 г. — Сигтунский поход.

1188 г. — разрыв торговых сношений с Готландом.

1190 г. — победа псковичей над «чудью поморской» на Чудском озере.

Лето 1191 г. — поход новгородцев и карел на емь.

Зима 1191 г. — поход князя Ярослава с новгородцами и псковичами на чудь и взятие Юрьева.

1192 г. — поход новгородцев и псковичей по приказу Ярослава на чудь и взятие Медвежьей Головы (Отепя).

Далее, в 1193 г., новгородцы ходили в поход на югру. В 1195, 1196, 1198 гг. новгородские войска участвовали в междоусобных войнах внутри Руси. Около 1198 г. был совершен поход против шведских владений в Финляндии, которым мы займемся дальше.

Таким образом, в течение двух последних десятилетий XII в. почти непрерывно происходят новгородские походы на запад, в земли подвластных финских племен или в шведские владения. В конце XII в., видимо, обостряются отношения Новгорода с двумя главными племенами западной периферии государства — с чудью-эстами и емью. Процесс общественного развития Эстонии к этому времени вплотную подвел страну к переходу на стадию классового общества.¹ Племенная знать восточных об-

¹ Šaskolski I. Vene rahva ajaloolised sidemed Baltimaade rahvastega. Tallinn, 1946, lk. 15—16; История Эстонской ССР, т. I. Таллин, 1961, с. 98—103.

ластей Эстонии, начавшая уже превращаться в класс феодалов, в конце XII в. стала, по-видимому, тяготиться русской властью и вступила в конфликт с Новгородом. Походы новгородских князей в Эстонию были вызваны стремлением вернуть под свою власть отпавшие области.² В менее сильно выраженной форме тот же процесс общественного развития, распада общинно-родовых отношений и складывания предпосылок классового общества должен был сказываться и в Финляндии. И в отношении Финляндии (точнее — земли эми, Тавастланда) остается в силе то же объяснение, которое мы даем походам новгородцев в Эстонию. Походы новгородцев в землю эми также вызывались выходом отдельных областей страны из-под власти Новгорода и имели целью восставление даннических отношений.

Многие исследователи ставили русские походы в страну эми 1186 и 1191 гг. в связь с закреплением шведов в юго-западной Финляндии. Эта мысль заслуживает серьезного внимания. Правда, мы не можем принять ее целиком: по нашему мнению, те авторы, которые объясняют русские походы 1186 и 1191 гг. в землю эми распространением шведского влияния в центральной Финляндии и переходом эми под влияние шведов,³ сильно преувеличивают возможности небольшой шведской колонии в земле племени сумь. Шведские владения в Финляндии были еще слишком слабы, и шведские власти еле-еле справлялись с задачей удержания уже захваченной узкой прибрежной территории. Для распространения своего влияния на внутренние, центральные области, для подчинения и христианизации сильного и многочисленного племени эми шведы в то время сил и возможностей еще не имели.⁴ Но вместе с тем определенная связь между закреплением шведов в юго-западной Финляндии и обострением отношений эми с Новгородом, безусловно, была. Хотя шведского политического влияния на эми еще не могло быть, сам факт появления в Финляндии

² Šaskolski I. Op. cit., lk. 16—17; Шаскольский И. П. Эстония и Древняя Русь. — В кн.: *Studia historica in honorem Hans Kruus*. Tallinn, 1971, s. 128.

³ Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц, ч. I. СПб., 1909, с. 80; Мюллер Р. Б. Комментарий к разделу «Летописные известия о карелах». — В кн.: *Материалы по истории Карелии XII—XVII вв.* Петрозаводск, 1941, с. 65; Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941, с. 90. И. Миккола в соответствии с заимствованной им у Шёгрена теорией о двух ветвях племени эми (см. выше, с. 20, примеч. 12) считал, что поход 1186 г. был направлен против эми Заволочье. Поход он ставил в связь с развернувшейся в это время в Заволочье борьбой новгородцев с суздальскими князьями (Mikkola J. J. *Novgorodernas krigståg till Finland intill år 1311*. — *Historisk tidskrift för Finland*, 1927, h. 2, s. 70). Оснований для этого мнения так же мало, как и для всей теории о пребывании эми в Заволочье.

⁴ Еще Лерберг указывал, что шведская колония была в то время слишком слаба и не была в состоянии подчинить землю эми (Лерберг А. X. *Исследования, служащие к объяснению древней русской истории*. СПб., 1819, с. 108).

новой, враждебной Новгороду политической силы должен был внести серьезные изменения в общую политическую обстановку в стране. С этого момента позиции Новгорода в Финляндии стали уже не так сильны, как раньше. Кроме того, на обострение политической обстановки в Финляндии в 90-е гг. XII и в первые годы XIII в., видимо, оказало влияние появление в стране третьей внешней силы — датских крестоносцев. В источниках сохранились глухие сведения о том, что в 1191 и 1202 гг. датские рыцари совершили два похода в Финляндию. Сообщения об этих походах даны в датских анналах в предельно сжатой форме,⁵ более никаких подробностей об этих предприятиях в письменных источниках не сохранилось.

Финские ученые усиленно старались найти в письменных источниках, археологии, топонимике, фольклоре какую-либо дополнительную информацию о датской экспансии в Финляндию конца XII—начала XIII в., однако вполне достоверных данных получено не было.⁶ Остается неизвестным, какие пункты (или участки)

⁵ Сообщение о походе 1191 г. содержится в 15 анналах (Finlands medeltidsurkunder. I. Helsingfors, 1910, № 111 a—o; Neovius A. Akter och undersökningar rörande Finlands historia intill år 1401. — In: Historiallinen arkisto, 1912, XXIII, 1, 3, s. 50), известие о походе 1202 г. — в одних анналах (Neovius A., Op. cit., s. 54). В обоих случаях в анналах сообщается в нескольких словах лишь о самом факте похода в Финляндию, при этом в четырех анналах говорится, что поход 1191 г. завершился завоеванием (захватом) финской территории; согласно сведениям трех анналов, поход 1191 г. был возглавлен самим королем Канутом (Кнутом VI); в единственном известии о походе 1202 г. сообщается, что экспедиция была возглавлена главой датской церкви, архиепископом Андреасом Сунессоном. Источниковедческий анализ этих известий, устанавливающий их достоверность, дается в работах: Ruuth J. W. 1) Tanskalaisten kronikkojen maintsemista tanskalaisten retkistä Suomeen vuosina 1191 ja 1202. — In: Suomalaisen Tiedekatemian Esitelmät ja pöytäkirjat 1910. I. Helsinki, 1910, s. 1—16; 2) Lisiä esitelmään tanskalaisten retkistä Suomeen vuosina 1191 ja 1202. — Ibid., II, Helsinki, 1911, s. 57—63; 3) Tanskalaisten annalien merkintä Suomeen retkestä, v. 1191. — Historiallinen arkisto, 1925, XXXIV, I, s. 1—29; 4) Några ord om de äldsta danska medeltidsannaler som innehålla uppgifter om tågen till Finland 1191 ja 1202. — In: Kring korstågen till Finland. Helsingfors, 1968, s. 61—71; Kerkkonen G. De danska korstågens hamnar i Finland. — Ibid., s. 111—113.

⁶ Финский археолог Ю. Ринне, исследуя городища в южной прибрежной области Ньюланд (Уусимаа), высказал мнение, что по своим конструктивным особенностям городища Борго и Сиббо похожи на аналогичные датские памятники XII—XIII вв. и могли быть возведены датчанами во время их военных экспедиций в Финляндию конца XII—начала XIII в. (Rinne J. Tanskalaisten ristiretket Suomeen linnatutkimuksen valossa. — In: Historiallisia tutkimuksia J. R. Danielson-Kalmarin kunniaksi. Porvoo, 1923, s. 1—23; Kerkkonen G. Op. cit., s. 117). Поскольку между шведскими и датскими укреплениями в те времена не было особенно разительных отличий, мнение это может рассматриваться лишь как гипотеза. Столь же гипотетичны и попытки Керкконена найти в топонимике той же прибрежной области Ньюланд географические названия, свидетельствующие о былом пребывании здесь датчан (Kerkkonen G. Op. cit., s. 125—135). Не очень убедительны и попытки найти в фольклоре Ньюланда следы воспоминаний о былом пребывании здесь датчан (Ru-

финляндского побережья были местом высадки датских войск, как далеко смогли датские войска проникнуть в глубь Финляндии; можно говорить лишь предположительно, что датчане скорее всего высаживались на побережье Нюланда (Усимаа), на северном берегу Финского залива. И, по всей видимости, попытки датских крестоносцев принять участие в борьбе за Финляндию и закрепиться на финской земле довольно быстро кончились неудачей, и если даже датским рыцарям и удалось захватить какой-то кусок финляндского побережья, то лишь на сравнительно короткое время; после начала второго десятилетия XIII в. в источниках (которые в XIII в. становятся более богатыми и содержательными) не прослеживается никаких даже косвенных сведений о пребывании в предшествующее время датчан на финской земле.

Однако, хотя в конечном итоге датская экспансия в Финляндии не дала значительных результатов, походы датских крестоносцев 1191 и 1202 гг. должны были все же стать заметным фактором, осложнявшим и без того напряженную обстановку в этой стране. Участие в 1190-х гг. в борьбе за Финляндию двух не союзных, но враждебных Новгороду политических сил ослабляло политические позиции Новгорода в Финляндии. Для подвластных Новгороду областей Финляндии легче становилась возможность выхода из зависимости. Этой возможностью, видимо, и воспользовалась в некоторых областях племенная верхушка еми. Походы 1186 и 1191 гг. носили характер карательных экспедиций⁷ и имели своей задачей восстановление новгородского влияния в центральной Финляндии. Осложнение общей политической обстановки в Финляндии тем более требовало сохранения русского влияния в центральных районах страны.

u th J. W. 1) Tanskalaisten kronikkojen mainitsemista..., s. 15; 2) Lisiä esitelämään tanskalaisten retkistä Suomeen..., s. 60—61). Единственное более или менее достоверное косвенное указание на то, что датские походы в Финляндию временно имели какие-то реальные последствия, дает булла папы Иннокентия III от 30 октября 1209 г. лундскому архиепископу Андреасу Сунессону (Finlands medeltidsurkunder, I, № 48). Тот факт, что папа поручает назначить епископа в недавно обращенной Финляндии главе датской церкви (а не руководителю шведской церкви, архиепископу Упсальскому), видимо, следует рассматривать как свидетельство имевшихся у папской курии сведений, что в предшествующее время Дания достигла определенных результатов в деле завоевания и христианизации Финляндии (Pipping R. Kommentar till Erikskrönikan. Helsingfors, 1926, s. 87; Jaakkola J. Suomen varhaiskeskiaika. Porvoo—Helsinki, 1938, s. 177, 189, 194; Hornborg E. 1) Finlands hävder. I. Helsingfors, 1944, s. 182; 2) Kampen om Östersjön. Stockholm, 1945, s. 51; Suomen historian käsikirja. Porvoo—Helsinki, 1949, s. 138—139; Kerkkonen G. Op. cit., s. 136). Иную позицию занял Я. Галлен, по мнению которого известие о датском походе 1202 г. не вполне достоверно, а поход 1191 г. был случайным эпизодом, не имевшим серьезных последствий в политической жизни Финляндии; приведенное выше толкование текста буллы 1209 г. он отвергает (Gallén J. Öst och väst i kamp om Finland. — In: Här restes kristi kors. Helsingfors, 1955, s. 42—43).

⁷ «...воеваша землю их, и пожьгоша, и скот исекоша» (Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М., 1950, с. 39).

Показательно, что и в этих военно-политических предприятиях вместе с новгородцами участвовали карелы; поход 1191 г. был проведен совместно новгородцами и карелами.

В исторической литературе до недавнего времени было принято считать, что в самом конце XII столетия произошло последнее крупное событие первого периода русско-шведской борьбы — русский поход против шведских владений в Финляндии, датируемый обычно 1198 г.

Сведения об этом событии содержатся только в Финляндской епископской хронике обеих редакций, т. е. «во Фрагменте Пальмшёльда» и в «Хронике» Юстена.

«Фрагмент Пальмшёльда» (более ранняя редакция Хроники) о третьем епископе Финляндском Фольквине сообщает, что от него «никаких дел не сохранилось вследствие первого опустошения, произведенного русскими».⁸

«Хроника» Юстена сообщает, что в правление епископа Фольквина «около Лета Господня 1198, говорят, что русские пожаром опустошили Або. Это произошло в праздник Пятидесятницы».⁹

Оба свидетельства даны в весьма осторожной форме и не могут быть приняты на веру без тщательного изучения. Обе хроники (или обе редакции Хроники) сообщают по сути дела только один факт: что во время правления епископа Фольквина произошел опустошительный набег русских на шведские владения в Финляндии. Юстен сообщает дополнительные факты, но дает понять, что он за их точность не может вполне поручиться (к известию добавлено слово *dicuntur* — «говорят»)¹⁰

Известие более раннего источника, «Фрагмента Пальмшёльда», сохранилось (в дошедшем до нас списке) в явно неполном виде: в конце известия имеются слова *anno Domini*, но далее текст обрывается, обозначение года отсутствует. Скорее всего при написании протографа сохранившегося списка год был указан (иначе слова *anno Domini* не имели никакого смысла), но к моменту написания сохранившегося до нашего времени списка из-за ветхости протографа обозначение года стало невозможно прочесть, и позднейший переписчик хроники, дословно переписывая сохра-

⁸ *Folquinus svecus; huius acta nulla reperiuntur propter primam depellaciam per Ruthenos stictam: obiit anno Domini* (Finlands medeltidsurkunder, I, № 36). Слово *depellaciam* (низвержение, изгнание, удаление) издатель считает ошибкой переписчика дошедшего до нас списка (вместо должествующего здесь *stictam* *depopulationem*); *stictam*, не имеющее никакого смысла — такой же ошибкой (вместо *factam*).

⁹ *Cogimur igitur horum tempora silentio praeterire; nisi quod circiter annum Domini 1198 dicuntur Rutheni incendio devastasse Abo. Id factum est feriis Pentecostes* (M. Pauli Juusten Chronicon Episcoporum Finlandensium. — In: H. G. Porthan. Opera selecta. Pars I. Helsingfors, 1859, p. 119—120).

¹⁰ Törne P. [Рец. на кн.: Ruuth J. W. Åbo stads historia]. — Historisk tidskrift för Finland, 1917, s. 224. — П. Тёрне полагает, что Юстен имел в своем распоряжении лишь устную или непрочную письменную традицию.

нившийся (и доступный для прочтения) текст, после слов *anno Domini* оставил пустое место.

Учитывая эти обстоятельства, тем больше внимания заслуживает приведенный текст из более поздней редакции той же Епископской хроники — из «Хроники» Юстена. Этот текст вызывал резко различное отношение со стороны исследователей.

Большинство ученых сочли это известие достоверным, считают русский поход 1198 г. одним из главных событий политической истории Финляндии и истории русско-шведской борьбы XII в.¹¹ Напротив, Я. Галлэн в специальной статье стремится доказать полную недостоверность этого известия.¹²

Приводимое в конце известия у Юстена указание на день, когда произошел русский набег, могло быть более достоверным, чем указание на год. Можно было бы думать, что эта точная дата, подсказанная до XVI в. традицией, как-то отмечалась в Абоском соборе (или в более древней церкви св. Марии в Рентемяки, стоявшей на том месте, где город Або находился первоначально). Но в тексте «Фрагмента Пальмшёльда» второй русский набег на Або (произведенный в 1318 г.) также связан с днем Пятидесятницы (т. е. с Троицыным днем).¹³ На это обстоятельство обратил внимание Я. Галлэн; он считает подобное совпадение¹⁴ явно подозрительным и полагает, что Юстен, создавая в середине XVI в. свою редакцию Финляндской епископской хроники, неправильно понял текст имевшейся в его распоряжении более ранней редакции Хроники («Фрагмента Пальмшёльда») и сдублировал изве-

¹¹ Лерберг А. X. Указ. соч., с. 110; Гиппинг А. И. Указ. соч., с. 80; Rein G. *Föreläsningar öfver Finlands historia*. I. Helsingfors, 1870, s. 101; Yrjö-Koskinen G. Z. *Finnische Geschichte*. Leipzig, 1874, S. 29; Hornborg E. 1) *Finlands kristning*. — In: *Kyrkohistorisk årsskrift*. Uppsala, 1930, s. 209—210; 2) *Sverige och Ryssland genom tiderna*. Helsingfors, 1941, s. 23; 3) *Kampen om Östersjön*, s. 47; Мавродин В. В. Начало мореходства на Руси. Л., 1949, с. 122; История Карелии с древнейших времен до середины XVIII в. Петрозаводск, 1952, с. 75; Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953, с. 709; Juva E., Juva M. *Suomen kansan historia*. I. Helsinki, 1964, s. 129—130; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 149, и др.

¹² Gallén J. *Abo förstörelse 1198*. — *Historisk tidskrift för Finland*, 1954, h. 1—4, s. 213—220. См. также: Gallén J. 1) *Öst och Väst i kamp om Finland*, s. 41; 2) *Synpunkter på Finlands äldsta historia*. — In: *Historianopettajan Vuosikirja*. V. Helsinki, 1963, s. 10; Kirkinen H. *Karjala idän kulttuuripiirissä*. Helsinki, 1963, s. 70.

¹³ В «Хронике» Юстена, как уже было показано, о взятии русскими Або в 1198 г. сказано: «*Id factum est feriis Pentecostes*». Во «Фрагменте Пальмшёльда» говорится, что при епископе Рагвальде II «*ecclesia Aboensis a Ruthenis spoliatur feria 2: a Pentecostes Anno...*» (Finlands medeltidsurkunder, I, № 282; В «Хронике» Юстена это событие датировано 1318 г.).

¹⁴ Кстати, здесь нет полного совпадения в датах: событие 1198 г. «Хроника» Юстена относит на день праздника Троицы; событие 1318 г., согласно «Фрагменту Пальмшёльда», произошло на второй день Троицы; согласно одному из списков «Хроники» Юстена (см. об этом: Gallén J. *Abo förstörelse 1198*, s. 219), событие 1198 г. произошло «в неделю после Троицы».

стие о сожжении Або, отнеся первое подобное событие ко времени епископа Фольквина. В действительности же, по мнению Я. Галлена, никакого известия о русском нападении и о сожжении Або во время епископа Фольквина ранняя редакция Хроники не содержала, подобного события в конце XII в. вообще не происходило.¹⁵

Для подтверждения своего мнения Я. Галлен приводит сведения русских летописей и других источников о том, что Новгород в последние годы XII в. раздирался внутренними междоусобицами, вел тяжелую и упорную борьбу с суздальскими и черниговскими князьями, вынужден был совершать походы на Литву, эстов и емь и потому стал стремиться к примирительной политике с немцами и скандинавами, выразившейся в заключении в 1197/99 г. торгового договора с немцами, готландцами и латинянами; все эти обстоятельства, по мнению Галлена, не позволяют предполагать, чтобы Новгород в такой обстановке мог предпринимать в 1198 г. большой морской поход против шведских владений в юго-западной Финляндии.¹⁶

С основательно аргументированным мнением Я. Галлена нельзя не считаться, ибо имеющиеся у нас известия источников о походе 1198 г. действительно во многом неясны и допускают разные толкования. Однако мнение Галлена, хотя и имеет свои сильные стороны,¹⁷ не бесспорно.

Прежде всего нельзя согласиться с его мнением о невозможности для Новгорода ввиду внутрирусской и международной ситуации конца XII в. предпринимать поход против шведских владений в юго-западной Финляндии. Заключение договора с немецкими городами и Готландом не говорит о повороте к примирительной политике с Западом (с Западом в целом). Договор заключался с ганзейцами (Готланд выступал здесь как член Ганзейского союза) и имел ограниченные рамки — сферу торговли; Швеция в целом в договор не включалась; притом в советской науке теперь принята более широкая датировка договора — не 1197—1199, а время между 1189 и 1199 гг.¹⁸ Участие во внутренней борьбе на Руси не мешало Новгородскому государству вести в последние 15 лет XII в. весьма активную политику на западной и северной периферии своей государственной территории (о чем

¹⁵ По мнению Галлена, в цитированном нами выше известии «Фрагмента Пальмшёльда» о епископе Фольквине (о том, что от него «никаких дел не сохранилось вследствие первого опустошения, произведенного русскими») подразумевается русский поход на юго-западную Финляндию 1318 г., именно этот поход считается здесь первым русским нападением на шведскую колонию в Финляндии; Галлен указывает также, что, как известно из других источников, во время нападения 1318 г. был действительно уничтожен епископский архив (Gallén J. Åbo förstörelse 1198, s. 219).

¹⁶ Ibid., s. 215—216, 218.

¹⁷ Особенно в источниковедческой аргументации.

¹⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, № 28, легенда.

уже говорилось выше). Как раз большая внешняя активность Новгородского государства последних 15 лет XII в. позволяет считать вполне возможным и осуществление похода в юго-западную Финляндию.¹⁹

Не бесспорны и другие аргументы Галлена. Совпадение дат взятия русскими Або в 1198 г. в «Хронике» Юстена и взятия русскими Або в 1318 г. в «Фрагменте Пальмшёльда» — отнесение обеих дат на день Пятидесятницы — действительно вызывает подозрение в какой-то путанице, в перенесении даты из одного известия в другое на каком-то этапе редактирования Хроники. Но это совпадение дат не может свидетельствовать против подлинности всего известия обеих редакций Хроники о русском походе конца XII в.²⁰

То обстоятельство, что Хроника в обеих ее редакциях имеет специальную часть, посвященную периоду правления епископа Фольквина,²¹ показывает, что в Хронике изначально имелось вполне определенное упоминание о существовании этого третьего по счету финляндского епископа.²² Текст статей о епископе Фольк-

¹⁹ В этой связи неубедительным оказывается еще один аргумент Галлена — его указание на молчание о походе 1198 г. Новгородской летописи, в других случаях скрупулезно отмечающей каждую военную экспедицию новгородцев (Gallén J. Abo förstörelse 1198, s. 219). Между тем как раз изучение русско-шведской (и русско-немецкой, русско-норвежской) борьбы XII—XIV вв. показывает, что Новгородская летопись смогла зафиксировать далеко не все военные события этого времени, ряд событий известен нам лишь из западных источников, и многое, наверное, осталось вовсе неизвестным.

²⁰ Возможно, в день Пятидесятницы в Абоском соборе или в более древней церкви св. Марии в Рентемяки совершалось какое-то богослужение памяти погибших при происшедшем некогда в этот день взятии Або русскими войсками, но посвящено ли было это богослужение погибшим при первом (1198) или втором (1318) походе русских, церковная традиция уже не помнила. Поэтому в разных редакциях Хроники событие дня Пятидесятницы отнесено к разным годам.

Следует еще добавить, что само по себе совершение морского похода на Балтике около Троицына дня весьма вероятно: это наиболее благоприятное время для навигации (вскоре после начала навигации, обычно благоприятная погода для судоходства), и потому морские походы обеих сторон, вероятно, чаще всего совершались именно в это время (например, шведский поход 1300 г.). Это же время года наиболее благоприятно и для сбора ополчения (основной военной силы и в Швеции, и на Руси), ибо к концу мая—июню кончается цикл посевных работ и устанавливается перерыв до времени сенокоса и жатвы, т. е. наступает возможность отвлечь на несколько недель крестьян от полевых работ для участия в морском походе.

²¹ Напомним, что весь текст Епископской хроники в обеих его редакциях («Фрагмент Пальмшёльда» и «Хроника» Юстена) состоит из последовательного ряда отдельных статей, посвященных событиям времени правления каждого из финляндских епископов с середины XII в. до середины XVI в.

²² В действительности Фольквин был вторым по счету, ибо считающийся первым финляндским епископом Генрих пробыл на финляндской земле недолго и до конца дней имел официально сан епископа Упсальского; в первые месяцы завоевательной деятельности шведских кресто-

вине в обеих редакциях не совпадает дословно, но в обеих статьях содержится представление о происшедшем в период правления Фольквина крупном нападении с русской стороны на шведскую колонию в Финляндии. Дополнительные подробности этого нападения, сообщаемые «Хроникой» Юстена, не очень надежны (и сам Юстен, судя по оговорке *dicuntur* — «говорят», не очень в них уверен), но представление о происшедшем во время правления епископа Фольквина русском походе было, по-видимому, достаточно определенным у автора древнейшего текста Хроники (а оттуда было заимствовано Юстеном).²³

Сообщаемые в «Хронике» Юстена дополнительные (по сравнению с текстом «Фрагмента Пальмшёльда») сведения — год русского похода (1198 г.), цель похода (город Або) и день взятия Або (день Троицы) — менее достоверны, на что указывает сам Юстен словом *dicuntur*. Однако и эти сведения нельзя полностью отвергать. По поводу точного указания даты взятия Або (день Троицы) уже говорилось выше. Следует серьезно отнестись и к указанию года. Если бы приводимая Юстеном цифра была округленной (например, «около 1200 года») или имела бы какое-нибудь

носцев в Финляндии церковные власти еще не могли успеть учредить для Финляндии отдельную епископскую кафедру.

Здесь мы не будем вдаваться в интересовавший ряд финских ученых вопрос о возможном тождестве известного из Финляндской епископской хроники епископа Финляндии Фольквина (*Folquinus'a*) с известным из ряда западноевропейских источников лотарингским монахом *Fulco*, официально назначенного католической церковью в те же последние десятилетия XII в. епископом еще не завоеванной и не христианизированной Эстонии. Близость, почти тождество обоих имен действительно бросается в глаза, и это дало основание некоторым ученым утверждать, что Фулько и Фольквин — одно лицо (*Jaakkola J. 1 Suomen ensimmäinen piispa. — Turun historiallinen arkisto, 1951, XI, s. 82—411; 2) Suomen varhaiskeskiaika, s. 166—467; Salomies J. Suomen kirkkon historia. I. Helsinki, 1944, s. 57—58*). Более вероятно все же, что эстонский Фулько и финляндский Фольквин были разными людьми, ибо о втором прямо сказано в Финляндской епископской хронике, что он был «швед» (тогда как Фулько был уроженцем Лотарингии); см.: *Schmidt W. A. 1) Paul Juusten och Finlands gamla biskopskrönika. Åbo, 1942, s. 95; 2) Finlands medeltidskyrka. — Finsk tidskrift, 1945, № 138, h. 1, s. 47; Suomen historian käsikirja, s. 137*.

²³ Поэтому все же нельзя согласиться с Галлёном, когда он считает, что в статье о епископе Фольквине во «Фрагменте Пальмшёльда», в сообщении об утрате всех бумаг времени правления этого епископа из-за «первого опустошения, совершенного русскими», подразумевается не русский поход конца XII в., а русский же набег на ту же шведскую колонию в 1318 г. Ведь если бы в данном случае подразумевалось сожжение епископского архива, происшедшее в 1318 г., то непонятно, почему об отсутствии сохранившихся письменных сведений говорится только в статье о епископе Фольквине, действовавшем на 100 с лишним лет ранее, и не говорится в статьях о других первых епископах, в статьях тоже весьма мало содержательных. Между тем известно, что в епископском архиве в средние века сохранялись документы только начиная с середины XIII в. (*Gallén J. Åbo förstörelse 1198, s. 219*), отсутствовали документы всего первого столетия существования финляндской церкви (и шведской колонии).

мифологическое, фольклорное значение, можно было бы прямо говорить о ее сомнительности. Однако цифра 1198 — не округленная, с мифологией и фольклором никак не связана; не похоже, чтобы Юстен эту цифру сам выдумал: все даты он заимствовал из источников, прежде всего из предшествующей редакции Епископской хроники. Видимо, и эту дату Юстен заимствовал из какого-то источника, может быть, из другой редакции Епископской хроники, не совпадавшей с той наиболее достоверной редакцией, которая была взята им за основу при составлении нового текста «Хроники епископов Финляндских». Во всяком случае очевидно, что дата «1198 год» содержалась в каком-то письменном источнике — в устной традиции столь точная дата долго сохраняться не может. О достоверности этого письменного источника в целом мы судить не можем, но он был скорее всего явно старше XVI в., и дата «1198 год» вполне могла восходить к каким-то письменным сведениям начала или середины XIII столетия. Одним словом, 1198 год — дата не бесспорная, но возможная и даже довольно вероятная.

Иначе дело обстоит с упоминанием Або.²⁴ Это уточнение могло быть внесено в текст самим Юстеном. Весьма возможно, что, сообщая о происшедшем в правление епископа Фольквина русском нападении на юго-западную Финляндию и зная, что с памятью об этом событии связано какое-то богослужение в Абоском соборе, Юстен предположил, что нападение скорее всего должно было быть направлено на центр шведской колонии в Финляндии, город Або.²⁵ Само по себе такое предположение довольно правдоподобно, но трудно судить, только ли это предположение или оно основано на каких-то письменных данных.

Таким образом, работа Я. Галлена содержала основательную критику источников, сообщающих о походе 1198 г., показала уязвимые стороны этих источников, однако не смогла доказать полную недостоверность данного известия. Есть все же основания считать сведения двух редакций Епископской хроники о походе 1198 г. если не совершенно бесспорными, то довольно вероятными.²⁶

²⁴ Со времени Портана это известие считается первым письменным свидетельством существования города Або. В последнее время ряд финских исследователей оспаривают эту (ставшую традиционной) дату, считая, что в 1198 г. Або еще не существовал. Полагают, что здесь подразумевается не Або, а его предшественник, укрепленный торговый пункт Коройс (или Коройнез, Коройское Або), расположенный выше по течению реки Ауры (Hornborg E. Finlands kristning, s. 209) и носивший имя «Або» до того момента, когда город и порт были перенесены на место нынешнего Або.

²⁵ V. Törnе P. Op. cit., s. 224.

²⁶ Отметим также, что финские ученые, писавшие после опубликования статьи Галлена, не приняв его доказательств и по-прежнему продолжают говорить о русском походе 1198 г. как о действительно происшедшем событии (Jaakkola J. Suomen varhaiskeskiaika. Porvoo—Helsinki, 1958, s. 145, 456; Juvа E., Juvа M. Op. cit., s. 129—130).

За достоверность известий о походе 1198 г. говорят и имеющиеся у нас другие сведения источников о политической ситуации в Финляндии в конце XII в. и особенно в первые полтора десятилетия XIII в. Из этих сведений можно заключить, что шведская колония в Финляндии находилась тогда в очень тяжелом положении, и по всей вероятности это было следствием удара, нанесенного шведским владениям русским походом 1198 г.

По-видимому, нападение новгородцев было обычным военным набегом. Новгородские отряды, возможно, вместе с карелами,²⁷ прибыли, очевидно, по морю и, высадившись где-то в районе нынешнего Або (Турку), в центре шведских владений, прошли по немногочисленным еще тогда шведским селениям на береговой полосе земли суми, уничтожая вражеские пункты и укрепления.²⁸

Из известий Епископской хроники можно заключить, что русское нападение имело весьма крупные масштабы и привело к столь тяжелым последствиям для шведов, что память о событиях сохранялась в районе Або в течение нескольких столетий. О масштабах нападения говорит и факт, отмеченный «Фрагментом Пальмшёлда», — гибель всех бумаг времени епископа Фольквина, т. е., вероятно, гибель накопившегося за полвека существования шведских владений в Финляндии архива епископской кафедры. Возможно, что во время этого набега погиб и сам епископ Фольквин,²⁹ духовный и светский глава шведской колонии.

Многие исследователи, касавшиеся этих событий, сходятся в оценке похода 1198 г. и его результатов. По мнению Лерберга, «немногие из поселенцев в юго-западной Финляндии спаслись от бури, поднявшейся на них; они погибли или рассеялись, а заведения их истреблены».³⁰ По-видимому, шведской колонии в Фин-

²⁷ Судя по данным обоих источников, поход 1198 г. был произведен русскими (новгородскими дружинами). Но весьма возможно, что в состав войска, совершившего поход на шведскую колонию, входили и отряды карел, обычно участвовавшие в конце XII в. в походах вооруженных сил Новгородского государства в Финляндию и Швецию; так, поход 1187 г. и, возможно, поход 1178 г. были совершены карелами, поход 1191 г. — новгородцами при участии карел.

²⁸ Финскими археологами и историками указывается в юго-западной Финляндии несколько древних крепостей (остатки их сохранились до сих пор), относящихся, по-видимому, к первому этапу шведского завоевания; см.: Rinne J. Suomen keskiaikaiset mäkikinnat. I. Helsinki, 1914, s. 201 f.; Kivikoski E. Die Eisenzeit im Aurflusgebiet. Helsinki, 1939, S. 251, 257—258; Anthoni E. Korstågstiden och dess innebörd. — In: Kring korstågen till Finland. Helsingfors, 1968, s. 160—161.

²⁹ Так по крайней мере довольно убедительно предполагает Ирью-Коскинен (Yrjö-Koskinen G. Z. Op. cit., s. 29). После этого события никаких сведений о Фольквине мы не имеем. Из буллы 1209 г. явствует, что в Финляндии уже в течение ряда лет не было епископа. Правда, Яккола придерживается другого мнения и считает, что епископ Фольквин пережил события 1198 г.; но серьезно обосновать это мнение Яккола не смог (Jaakkola J. Suomen varhaiskeskiaika, s. 457, not. 9).

³⁰ Лерберг А. X. Указ. соч., с. 110. — По словам Г. Рейна, «то, что в течение полустолетия было сделано апостолами христианства, было этим нападением полностью разрушено, и работа должна была начи-

ляндии был нанесен сокрушительный удар, от которого она не могла оправиться в течение двадцати лет.

Булла папы Иннокентия III от 30 октября 1209 г. рассказывает, в каком состоянии находились шведские владения в Финляндии спустя десять лет после русского набега. «Страна Fialanda,³¹ — говорится в булле, — которая с помощью Бога и стараниями нескольких славных мужей была обращена в христианство, после смерти предшествующего епископа никакого епископа не получила, потому что как вследствие новизны [церковного] насаждения, так и вследствие упорства населения и суровости климата тот, кто назначается туда [епископом], принимает на себя не почетное звание, а мученический венец».³²

Действительно, первые два епископа Финляндии, Генрих и Рудольф, погибли насильственной смертью (первый — от руки финна из племени сумь, второй — от рук карел). Булла дает косвенное указание, что третьего епископа, Фольквина, постигла такая же участь. После насильственной смерти трех первых епископов шведские церковники боялись идти на тяжелый и опасный пост, не суливший выгод и почестей, но определенно обещавший рано или поздно «мученическую» кончину. В течение двух десятилетий финляндская церковь оставалась без епископа,³³ шведская колония — без своего главы.³⁴

Из текста буллы явствует, что положение шведской колонии на рубеже XIII в. было критическим. Лишь прекращение русских походов, происшедшее в начале XIII в.,³⁵ спасло ее от полного уничтожения. Новых ударов колония, вероятно, перенести бы не смогла.

Прекращение активных действий не позволило Новгородскому государству использовать плоды выдающихся побед, достигнутых им в борьбе со Швецией; владения шведских завоевателей в Финляндии могли быть в первые годы XIII в. ликвидированы, но новгородцы прекратили активные действия после достигнутых успехов, и шведская колония смогла пережить этот кризис.

наться заново» (Rein G. Biskop Thomas och Finland i hans tid. — In: Kring korstågen till Finland. Helsingfors, 1968, s. 14, 26). По мнению Э. Хурнборга, в период около 1200 г. и в последующие годы «в материковой части Финляндии произошел более или менее полный упадок христианства». Под «упадком христианства» и Рейн, и Хурнборг подразумевают упадок шведской колонии. См также: Yrjö-Koskinen G. Z. Op. cit., s. 29.

³¹ В такой форме мы здесь имеем первое в письменных источниках упоминание Финляндии.

³² И далее добавляется: «Обычно никто не стремится занять этот пост, если он не зажжен духом божественного слова и не стремится мученически страдать во имя Христа» (Finlands medeltidsurkunder, I, № 48).

³³ Rein G. Biskop Thomas..., s. 15.

³⁴ Напомним, что епископ был до конца XIII в. и духовным, и светским главой шведской колонии в Финляндии.

³⁵ Насколько мы можем об этом судить по молчанию и русских, и западных источников.

Походом 1198 г. заканчивается первый период борьбы Новгородского государства со Швецией. После похода 1198 г. в русско-шведской борьбе наступил временный перерыв на два десятилетия — до начала 20-х гг. XIII в.

Русско-шведская борьба XII в. имела большое значение для исторических судеб Финляндии. В ходе этой борьбы решался вопрос: смогут ли шведские рыцари прочно закрепиться на финляндской земле, или же новгородско-карельским военным силам удастся уничтожить шведскую колонию и уберечь Финляндию от шведского крестоносного завоевания.

В ходе военных действий русские и карельские дружины смогли добиться ряда выдающихся военных успехов, но все же им не удалось достичь конечной цели — вытеснения шведских завоевателей из юго-западной Финляндии. Шведским рыцарям удалось удержаться на юго-западном побережье; впоследствии эта территория была использована ими как плацдарм для завоевания всей Финляндии и для наступления на русские земли.

Почему Новгородское государство не смогло добиться окончательной победы над шведскими завоевателями?

Наиболее важной причиной, не позволявшей тогда Новгороду направить все внимание на борьбу против шведской крестоносной экспансии и добиться полной победы, была внутренняя обстановка на Руси.³⁶ Феодалная раздробленность Руси, непрерывные княжеские междоусобицы, в которых принимали участие и новгородцы, социально-политическая борьба в самом Новгороде постоянно отвлекали внимание правящих кругов Новгородской республики от вопросов внешней политики.

Кроме того, одновременно с борьбой против шведской экспансии нужно было поддерживать свою власть на огромном пространстве новгородских владений от Балтики до Уральских гор. В последние десятилетия XII в. новгородцы для удержания подчиненных племен в зависимости почти ежегодно должны были совершать походы то в Эстонию, то в центральную Финляндию, то в Заволочье или в предгорья Северного Урала. В силу необходимости одновременно решать различные военно-политические задачи во многих местах гигантской подвластной территории новгородцы не могли сосредоточить свои силы на борьбе со Швецией. Напротив, шведское феодальное рыцарство занималось в то время захватом и подчинением только одной близко расположенной и небольшой по размерам территории — юго-западной Финляндии,³⁷

³⁶ Мавродин В. В. Указ. соч., с. 122—123.

³⁷ Для второй половины XII в. известна только одна попытка шведских рыцарей организовать нападение на другую часть балтийского побережья — участие шведского «герцога» в 1197 г. в походе немецких рыцарей на северо-восточное побережье Эстонии — область Вирумаа (Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938, с. 75); но в отличие от немецких участников похода шведский «герцог» не стремился

поэтому шведское рыцарство могло сконцентрировать на этой территории все силы, пригодные для осуществления внешней экспансии.³⁸

Еще одной причиной, помешавшей новгородцам добиться в конце XII в. решительной победы в Финляндии, было несовершенство новгородской военной организации, не приспособленной к задачам длительного удержания занятых территорий. Новгородцам приходилось иметь дело с противником, который вводил постоянные гарнизоны в наиболее важные пункты юго-западной Финляндии и начал заселение побережья колонистами из метрополии, стремясь прочно закрепиться на захваченной земле. В такой обстановке для того, чтобы добиться прочного изгнания шведских завоевателей из юго-западной Финляндии, следовало бы занять эту территорию новгородскими войсками и установить там постоянные гарнизоны, дабы иметь возможность и в будущем препятствовать попыткам шведских рыцарей вновь высаживаться в Финляндии. Но новгородцы в XII в. (и позднее) не имели постоянного войска.³⁹ Собиравшиеся на время похода новгородские военные силы способны были нанести удар шведским рыцарям, но по окончании похода не могли оставаться в Финляндии и должны были возвращаться домой.⁴⁰ Поэтому новгородско-карельские походы XII в. в юго-западную Финляндию и не ставили и не могли

к завоеванию и ограничили данью и грабежом. Захватнические цели во второй половине XII в. преследовало, видимо, лишь шведское нападение на Ладогу в 1164 г.

³⁸ Для внешней экспансии правящий класс Швеции в последние десятилетия XII и начале XIII в. не мог выделить значительные силы, ибо внутри страны происходила длительная ожесточенная междоусобная борьба между сторонниками династий Эрика и Сверкера. (Gallén J. Öst och väst i kamp om Finland, s. 42—43).

³⁹ В Новгородской республике постоянно несла военную службу лишь небольшая (из нескольких сот воинов) княжеская дружина, стоявшая в самом Новгороде и использовавшаяся для борьбы с внешними и внутренними врагами в ближайших к Новгороду землях. Для далеких походов, в том числе и для походов в Финляндию, создавалось ополчение из крестьян и горожан, на несколько месяцев бросавших свои хозяйственные дела, или же использовались набравшиеся лишь на время похода отряды новгородских молодцов — ушкуйников. Карельские военные отряды, участвовавшие в походах в Финляндию и Швецию, тоже набирались лишь на время военных действий.

Все сказанное, правда, не означает, что организация военных сил в Новгородском государстве была менее совершенной, чем в Швеции. В Шведском государстве тоже не было сколько-нибудь значительного постоянного войска. Но поскольку шведская экспансия в то время ограничивалась небольшой территорией юго-западной Финляндии, Шведское государство все же могло на этой территории держать постоянные гарнизоны, вероятно, из наемных воинов, кормившихся за счет поборов с местного населения.

⁴⁰ Воинами новгородских военных сил — ополчения — были простые крестьяне и горожане, которые могли лишь на время отрываться от мирного сельскохозяйственного и ремесленного труда, от добывания хлеба насущного для себя и своих семей.

ставить своей целью завоевание и длительное удержание указанной территории.

В связи с указанными выше особенностями новгородской политики новгородцы могли прочно взять в свои руки юго-западную Финляндию только одним путем — подчинив своему влиянию племя сумь; ведь именно таким образом они подчинили себе огромные территории севера Восточной Европы, населенные нерусскими племенами. И, как уже говорилось, в 60-е гг. XII в. (судя по сведениям буллы 1171 г.) новгородцы неоднократно пытались подчинить сумь. Но племя сумь, как было выше показано, уже в 60-е г. XII в. заняло враждебную позицию по отношению к Новгороду и затем было прочно покорено шведскими рыцарями, подвергнуто шведской католической пропаганде и настроено против Руси. Подобная позиция суми сыграла важную роль в ходе борьбы за юго-западную Финляндию и в немалой степени предопределила ее результаты. Не имея возможности подчинить своему влиянию юго-западную Финляндию, Новгородское государство стремилось путем военных походов затормозить развитие шведской экспансии и нанести возможно больший ущерб шведским завоевателям, закрепившимся на финской земле. Новгородско-карельские походы XII в. поставили шведскую колонию на край гибели, и только прекращение русского натиска в начале XIII в. дало возможность шведам удержаться на финляндском побережье.

Прекращение активных действий с русской стороны после победоносного похода 1198 г. было вызвано обстоятельствами, которые отвлекли внимание новгородцев от финляндских дел.

Во-первых, в начале XIII в. произошло значительное обострение международной обстановки на берегах Финского залива в связи с началом немецкого завоевания Восточной Прибалтики. Продвижение немцев в Эстонию, давнюю и очень важную сферу влияния Новгорода, лежавшую у самых пределов собственной территории Новгородской земли, вынудило Новгород направить основное внимание и силы на борьбу против немецкой агрессии в Эстонии. Во-вторых, в первые годы XIII в. произошло обострение борьбы новгородцев с суздальскими князьями, отвлекшее внимание новгородских властей от вопросов внешней политики.

Тем не менее, хотя новгородские и карельские отряды во второй половине XII в. в конечном итоге не смогли остановить шведскую экспансию и воспрепятствовать закреплению шведских завоевателей в юго-западной Финляндии, рассмотренные нами события являются одной из важнейших страниц внешнеполитической истории Новгородского государства. Проведенное выше изучение новгородских военных походов XII в. заставляет отказаться от традиционных представлений о Новгородском государстве как о слабом государственном образовании, которое едва было в состоянии отбивать нападения врагов на свои пределы. Исследованные нами события свидетельствуют, что, несмотря на ряд неблагоприятных факторов, Новгородское государство уже в XII в. ве-

ло активную внешнюю политику и энергично отстаивало свои государственные интересы в далекой Финляндии, у ворот Балтики.

Борьба русских и карельских военных отрядов против шведской крестоносной экспансии могла сыграть важную роль для всей истории Финляндии. Сейчас, конечно, трудно сказать, в какой мере карелы и новгородцы сознавали значимость производившихся ими военных операций, но объективно действия новгородских и карельских военных отрядов ставили целью защитить финские племена от завоевания и покорения их шведскими феодалами.

Особо должна быть отмечена важная роль в описанных событиях военных отрядов карел. Карелы выступали в этих событиях не только вместе с новгородцами, но и самостоятельно, ощущая себя частью русского Новгородского государства и активно борясь за общие государственные интересы. Свое первое выступление на арену истории карельский народ ознаменовал победоносными военными походами, покрывшими славой карельских воинов. В ходе борьбы против шведской крестоносной агрессии XII в. было положено начало исторической дружбе русского и карельского народов, существующей с тех пор и до наших дней.

Глава VI

БОРЬБА ПРОТИВ ШВЕДСКОЙ ЭКСПАНСИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ФИНЛЯНДИИ В 20—30-х гг. XIII в.

1. Политическая обстановка на востоке Балтики в первые десятилетия XIII в.

В 20-е гг. XIII в. началась вторая волна шведского наступления на Восток, затянувшаяся на три десятилетия. Борьба Новгородского государства против шведского наступления в эти годы составила второй период русско-шведской борьбы.

В отличие от событий XII в. вторая волна шведской экспансии затрагивает уже непосредственные владения Новгородского государства — зависимые от Новгорода области центральной Финляндии, Водскую и Ижорскую земли.

В начале XIII в. политическая обстановка в странах, лежащих к востоку от Балтийского моря, значительно осложнилась. Во второй половине XII столетия новгородцам приходилось сталкиваться на западе только с одним враждебным государством — Швецией, причем шведы еще не угрожали непосредственно русским владениям и еще не делали серьезных попыток поколебать русское влияние в центральной Финляндии (в земле еми). В начале XIII в. выступает на сцену новая мощная политическая сила — немцы. С первых лет XIII столетия развертывается немецкое завоевание Восточной Прибалтики.¹ Подчинив без особого труда слабые и разрозненные ливско-латышские племена, не получавшие серьезной помощи от своего сюзерена, полоцкого князя, немцы к концу первого десятилетия XIII в. вплотную подошли к эстонским землям, к области государственных интересов Великого Новгорода. Началась борьба Новгородского государства против немецкого завоевания Эстонии, затянувшаяся на 15 лет и потребовавшая от новгородцев небывалого ранее напряжения сил.

Немецкое наступление на страны Восточной Прибалтики проходило под общим руководством и при постоянной поддержке католической церкви. Папский престол и ранее, в XII в., следил за продвижением северных католических государств, Швеции и

¹ Начавшееся, как мы знаем, еще в конце предшествовавшего столетия, но широко развернувшееся лишь в первые годы XIII в., после основания Риги и создания Ордена меченосцев.

Дании, на восток, поддерживая и подталкивая шведскую экспансию в Финляндии, неудачные попытки датской экспансии в Финляндии и Эстонии. Еще большую активность Ватикан стал проявлять с первых шагов немецкой экспансии в Прибалтике. Католическая церковь явилась той организующей силой, которая объединила толпы «крестоносцев», создала в Прибалтике духовно-рыцарское государство и возглавила завоевание прибалтийских народов, официальной целью которого (так же, как и во время шведского завоевания Финляндии) было крещение «язычников» в католическую веру.

Немецкая экспансия в Эстонии затрагивала настолько существенно интересы Новгорода и проводилась в таких масштабах, что борьба против нее не могла проводиться небольшими военными отрядами. В отличие от борьбы против шведской экспансии в Финляндии в XII в. Новгород неоднократно посылает в Эстонию многотысячное войско, во главе которого почти всегда выступает новгородский князь. И русские походы, и упорное сопротивление эстонского народа, пользовавшегося все время русской поддержкой, привели к тому, что в течение первых десяти лет завоевания (1208—1218) немцам не удалось добиться решающего превосходства в Эстонии.

Тогда глава немецкой Ливонии, епископ Альберт, обратился за помощью к Дании, одной из сильнейших держав Северной Европы. В результате в борьбу вмешивается еще одна политическая сила, также начавшая с 1219 г. завоевание Эстонии и своим вмешательством еще более осложнившая политическую обстановку в Прибалтике. Совместными усилиями Дании и немецкого ордена вся Эстония к 1220 г. была, наконец, покорена. Но ненадолго.

В конце 1222 г. на острове Сарема вспыхнуло восстание эстов, вскоре охватившее всю страну. Восставшие пригласили на помощь русские войска из Новгорода и Пскова.

В ходе последующих событий во главе новгородской внешней политики впервые выступает Ярослав Всеволодович (отец Александра Невского),² с именем которого мы столкнемся и при изучении борьбы против шведской экспансии. В рамках настоящей работы мы не можем подробно изучать всю его внешнеполитическую деятельность. Но одно только перечисление военно-политических мероприятий по борьбе с немцами, проведенных Яросла-

² Ярослав был вторым сыном Всеволода Большое Гнездо и после смерти отца стал удельным князем в Переславле-Залесском. Но сидевшему в Новгороде князю Всеволоду Юрьевичу, сыну великого князя Юрия и племяннику Ярослава, было всего 11 лет, и Ярослав был в трудный момент (1223 г.) вызван в Новгород, где фактически возглавил внешнюю политику. Позднее, с 1225 г., Ярослав становится уже и де-юре новгородским князем вместо Всеволода. Фигура Ярослава как, пожалуй, первого выдающегося руководителя новгородской внешней политики незаслуженно забыта нашими историками. Его обычно никак не выделяют из длинной вереницы часто сменявшихся новгородских князей.

вом, характеризует его как выдающегося руководителя внешней политики Новгородской Руси, как организатора активной обороны против немецкого наступления.³ И мы считаем нужным хоть вкратце показать роль Ярослава в борьбе с немецкой агрессией, ибо после этого нам более понятна будет его роль в борьбе со шведами.

В 1223 г. Ярослав решил воспользоваться эстонским восстанием, чтобы попытаться восстановить новгородское влияние в Прибалтике. С двадцатитысячным войском Ярослав двинулся через Эстонию на Ригу. Но в середине похода ему пришлось изменить маршрут и вместо удара на Ригу заняться осадой неприступного ревелльского замка. Реальных результатов Ярослав добиться не смог, поход кончился неудачей.

Ярослав продолжал борьбу и дальше: скорее всего именно ему принадлежит идея посылки в Юрьев князя Вячко с русской дружиной.⁴ Подавление эстонского восстания немцами и взятие Юрьева в 1224 г. завершали немецкое завоевание Прибалтики и явились крупным поражением Новгородского государства. Граница, установившаяся по миру 1224 г. по Чудскому озеру и реке Нарове, превратила немецкий рыцарский орден в непосредственного соседа коренных новгородских земель.

Русская государственность не сразу примирилась с утратой своих владений в Прибалтике. В 1228 г. Ярослав сделал попытку организовать новый поход на Ригу, но правящая верхушка Новгорода и Пскова выступила против князя, не желая нарушать уже налаживающиеся торговые связи с рижскими немцами.⁵ В 1234 г. Ярослав добился все же организации успешного похода в Ливонию, но изменить границы в пользу Новгорода он уже был не в силах.

Завоевание Прибалтики немцами, захват северной Эстонии (до Наровы) датчанами создали постоянную угрозу вражеского нападения на западных рубежах Новгородского государства южнее Финского залива. Частые нападения и непрерывные мелкие столкновения на ливонской границе с начала второй четверти XIII в. и почти вплоть до самого конца существования Новгородского государства отвлекали и внимание, и силы новгородцев от решения других внешнеполитических задач.

Таким образом, немецко-датское завоевание Прибалтики явилось наиболее крупным фактором, осложнившим новгородскую политику в районе Финского залива. В XIII в. больше, чем в XII в., сказывался и другой фактор — феодальные междуусо-

³ См. также: A m m a n n A. M. Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski's. Roma, 1936, s. 172, 199—207.

⁴ Посылка русского отряда во главе с князем Вячко в Юрьев явилась запоздалой попыткой применить в борьбе с немцами новые методы — методы вооруженного закрепления территории. Отряд Вячко, не поддержанный в дальнейшем новгородскими войсками, не мог уже спасти положение и целиком погиб при взятии Юрьева немцами.

⁵ Новгородская I летопись под 1228 г.; A m m a n n A. M. Op. cit., s. 202.

бицы на Руси, постоянно отвлекавшие внимание новгородцев от активной борьбы на западе. Новгород не мог последовательно проводить свою линию ни в Эстонии, ни в Финляндии, ибо его военные силы через каждые несколько лет должны были участвовать в очередной междукняжеской войне.

Ареной борьбы Руси и Швеции в 20—30-е гг. XIII в. явилась центральная Финляндия, земля еми (Тавастланд).

По мнению почти всех финских ученых, земля еми до шведского завоевания не имела над собой ничьей власти, обладала политической самостоятельностью и находилась во враждебных отношениях с Русью. Однако, как уже было выше показано,⁶ в действительности с XI в. земля еми (наряду с землями всех остальных прибалтийско-финских племен, кроме суми) находилась под властью Древней Руси. Сведения источников о длительной зависимости еми от Новгорода, противоречащие концепции финских ученых, обычно замалчивались или отвергались.

В последние десятилетия в финской историографии появилась и другая тенденция — стремление показать, будто земля еми-тавастов уже задолго до шведского завоевания 1249 г. оказалась под распространявшимся из шведских владений влиянием католической церкви, уже давно была христианизирована, с давних пор находилась и под политическим влиянием Швеции, и «крестовый поход» Биргера ярла не внес коренных изменений в жизнь населения этой территории, а лишь официально закрепил здесь давно уже фактически совершившееся соединение земли еми со шведским (западным) культурным миром.⁷ Данная идея обосновывается при помощи археологического материала. Финские археологи на основе анализа погребальных памятников высказывают мнение, что территория еми уже за сто лет до шведского завоевания была христианизирована и что уже с середины XII в. здесь старые языческие погребальные обряды — обряды трупосожжения или трупоположения со значительным погребальным инвентарем (с вещами, необходимыми покойнику в загробной жизни) и с ориентацией погребений с севера на юг — сменяются христианским обрядом захоронения — трупоположением без погребального инвентаря и с ориентацией погребений с запада на восток.⁸ Полемика с этим утверждением требует анализа конкретного археологического материала, что да-

⁶ См. с. 22—29.

⁷ Niitemaa V. Hämeen keskiaika. — In: Hämeen historia. I. Hämeenlinna, 1955, s. 408—409; Jokipii M. Hämeen ristiretki. — In: Suomen kirkkohistorialisen seuran Vuosikirja. 52—53. Helsinki, 1965, s. 13—14.

⁸ Kivikoski E. 1) Suomen varhaisin kristillisuus muinaistieteellisen aineiston valossä. — In: Novella plantatio. In: Suomen kirkkohistorialinen seuran toimituksia. 56. Helsinki, 1955, s. 35—38; 2) Hämeen rautakausi. — In: Hämeen historia. I. s. 65—68, 159; 3) Suomen esihistoria. Helsinki, 1961, s. 233—234; Jokipii M. Op. cit., s. 13; Jutikkala E., Pirinen K. Finlands historia. Stockholm, 1968, s. 35.

леко выходит за рамки настоящей работы. Однако уже сейчас можно сказать: утверждение о завершившейся еще в XII в. христианизации эми находится в коренном противоречии с данными письменных источников⁹ — папских булл 20—50-х гг. XIII в., из которых с полной очевидностью явствует, что распространение католического христианства из шведских владений в земле эми началось в широком плане лишь в 1220-е гг. и что в 30-е и в 50-е гг. XIII в. в среде подавляющей массы эми были еще очень прочны языческие верования.

В финской историографии в 1960-е гг. появилась еще одна концепция, ставящая в конечном итоге (сознательно или бессознательно) своей целью как-то согласовать противоречивые показания источников о политическом статусе земли эми накануне шведского завоевания (т. е. в первые десятилетия XIII в.).

До недавнего времени среди ученых господствовало представление, что земля эми представляла собой единую племенную территорию¹⁰ и что в ходе политической и военной борьбы за обладание этой землей в 20—50-е гг. XIII в. спор шел из-за всей территории в целом. В недавние годы появилась новая точка зрения, в основном разработанная финским историком М. Йокипи.¹¹ Согласно этой концепции, земля эми в первой половине XIII в. и, видимо, с какого-то более раннего времени состояла из двух отдельных областей, причем каждая из них развивалась в политическом и культурном плане своим особым путем.

В основу своей концепции М. Йокипи положил обнаруженный М. Керкконеном в одной архивной рукописи XVI в. текст описания какой-то ранее неизвестной пограничной линии, пересекавшей центральную часть территории Тавастланда с юго-востока на северо-запад.¹² Эта пограничная линия шла сначала по реке Кюмийоки — по направлению древней границы между карельскими землями и прибрежной областью Уусимаа (Нюланд, в древности входившей в состав земли эми); однако от реки Кюмийоки данная линия не шла далее на север вдоль старинной племенной границы земель эми и карел, а поворачивала на запад, затем — на северо-запад и проходила параллельно границе Ореховецкого мира (но значительно западнее этой границы) в направлении к Ботническому заливу. В результате территория земли эми делилась этой границей на 2 части — юго-западную (включавшую в себя половину внутренней территории земли эми и южную прибрежную область Уусимаа), прилегавшую к ранее всего оказавшейся под шведской властью юго-западной

⁹ На это обратили внимание К. Пиринен и Э. Антони (Pirinen K. Den kyrkliga organiseringen av det finska missionsområdet. — In: Kringkorstågen till Finland. Helsingfors, 1968, s. 188—189; Anthoni E. [Рец. на кн.: Hämeen historia. I.] Historisk tidskrift för Finland, 1956, h. 2—3, s. 109).

¹⁰ См., например: Niitemaa V. Op. cit., s. 405.

¹¹ Jokipii M. Op. cit., s. 12—49.

¹² Kerkkonen M. Länsimaisen Suomen vanhin itäraja. — Historiallinen aikakauskirja, 1962, № 4, s. 243—268; Jokipii M. Op. cit., s. 14—16.

Финляндии, и северо-восточную, соседствовавшую с карельскими землями. Керкконен и за ним Йокипии пришли к выводу, что эта пограничная линия относится к весьма раннему времени; поскольку никаких государственных границ, пересекавших Тавастланд, начиная с момента проведения первого русского-шведского разграничения по Ореховецкому договору 1323 г. и до XVI в. не существовало, да и ранее, со времени похода 1249 г., завоеванный Биргером ярлом Тавастланд целиком входил в состав шведских владений в Финляндии, Керкконен и вслед за ним Йокипии относят время установления этой границы к периоду, предшествовавшему походу Биргера ярла (поход, в результате которого вся земля эми была завоевана шведами). По мнению Керкконена, наиболее вероятным временем установления данной разграничительной линии является начало XIII в.¹³ В таком случае, как полагает вслед за Керкконеном Йокипии, земля эми (Тавастланд) уже в десятилетия, предшествовавшие походу 1249 г., состояла из двух частей (областей): 1) юго-западной, уже подвергшейся христианизации, уже входившей в сферу политического влияния шведской церкви и уже получившей свою церковную организацию, и 2) северо-восточной, еще не подвергшейся полной христианизации и не находившейся под шведским политическим влиянием; обнаруженная Керкконеном линия границы являлась рубежом христианизированной части Финляндии (т. е. рубежом сферы распространения шведского политического влияния в этой стране). Северо-восточная часть Тавастланда, находившаяся вне сферы шведского церковного (и политического) влияния, по мнению Йокипии, «образовала полунезависимую варварско-христианскую охранную область, которая когда-то входила в сферу влияния восточной церкви и государства».¹⁴

Иными словами, несмотря на очень осторожный тон и оговорки Йокипии, здесь изложена концепция, согласно которой уже в 20—40-е гг. XIII в. земля эми состояла из двух областей — юго-западной, находившейся с 1220-х гг. (или еще ранее) под шведским политическим влиянием, и северо-восточной, независимой от Швеции и ранее находившейся под церковным и политическим влиянием Древней Руси.¹⁵

¹³ Kerkkonen M. Op. cit., s. 267.

¹⁴ Jokipii M. Op. cit., s. 16; см. также: Kerkkonen M. Op. cit., s. 267.

¹⁵ В данном случае Йокипии является чуть ли не единственным за последние полвека финским ученым, который, хотя и со всевозможными оговорками, все же признал существование русского политического влияния на эми в период до шведского завоевания 1249 г. Правда, он относит существование русского влияния к более раннему времени (до XIII в.) и в конце той же работы специально подчеркивает, что непосредственно перед 1249 г. территория эми не находилась под властью русских (Jokipii M. Op. cit., s. 49); считая северо-восточную область эми «варварско-христианской», он, видимо, намекает на какое-то начальное распространение здесь христианской религии с Запада, из шведских владений. Но все же примечательно, что этот исследователь, специально и углубленно

Однако нельзя отделаться от впечатления, что автор данной концепции (вольнo или невольнo) создал ее в качестве какого-то компромисса, стремясь таким путем согласовать и традиционное утверждение финской историографии об «исконной» враждебности еми (и суми, т. е. всех финнов) к Руси и об «исконных» политических и религиозных связях еми со Швецией, со шведской церковью и культурой, и достаточно убедительные показания русских и шведских источников о наличии до середины XIII в. политических связей еми с Древней Русью. Концепция Йокипии давала возможность как-то примирить обе точки зрения, показывая, что действительно существовала и емь, находившаяся под влиянием Швеции, и емь, не признававшая шведского влияния (и ранее испытывавшая влияние Древней Руси), и это были две разные части одного племени, а не одно и то же племя, как предполагалось прежде.

Против изложенной концепции свидетельствует то обстоятельство, что во всех источниках, говорящих о политической истории еми до середины XIII в., определенно содержится представление о племени емь и его земле как о едином целом — и в известиях летописей, и в текстах папских булл, и в тексте Хроники Эрика,¹⁶ и т. д.¹⁷

С решительной критикой концепции Керкконена и Йокипии выступил С. Суванто, который заново провел историко-географическое исследование документа XVI в., положенного в основу этой концепции.¹⁸ Суванто убедительно показал, что найденное Керкконеном описание границы не может относиться ко времени ранее XV в. и не может служить базой для реконструкции древних государственных рубежей XIII столетия.¹⁹

заявившийся политической историей еми XIII в., не смог полностью игнорировать показания источников о характере отношений еми и Древней Руси.

¹⁶ Автор «Хроники Эрика», считавший, что походом Биргера ярла была завоевана вся земля еми, основывался на представлениях, имевшихся у его современников, у шведского рыцарства 1320-х гг., спустя всего три четверти века после похода Биргера, когда должны были быть живы дети многих участников похода; кроме того, учеными уже давно установлено, что одним из главных информаторов автора Хроники был видный государственный деятель Матте Кетильмундссон, видимо, являвшийся родственником Биргера, в начале 1320-х гг. в течение нескольких лет управлявший Финляндией и, по всей вероятности, посещавший и Тавастланд (Jokirii M. Op. cit., s. 22), где он должен был познакомиться с хранящимися там в памяти шведского населения воспоминаниями о походе Биргера ярла.

¹⁷ По мнению В. Ниитемаа, представление о территории еми-тавастов как о единой земле существовало еще в XI в. и содержится в шведской рунической надписи, где упомянута страна тавастов — Tafstalont (Niite-maa V. Op. cit., s. 405).

¹⁸ Suvan to S. Rajankäynnin Hämeessä 1400-luvun puolimaissa ja alueen vanhat valtarajat. — Historiallinen aikakauskirja, 1973, № 3, s. 177—189.

¹⁹ Ibid., s. 189. Керкконен не согласился с аргументацией Суванто, но не смог привести новых убедительных доводов в пользу своей концепции (Kerkkonen M. Hämeen vanhimman maakirjan litteet ja kysymys val-

2. Русско-шведская борьба в Финляндии в 20-е гг. XIII в.

Русско-шведская борьба в 20—30-е гг. XIII в. освещена источниками полнее, чем в предшествующий период. Богаче становятся русские источники — Новгородская I, Лаврентьевская летописи. Ничего не дают нам шведские источники. Зато особенно ценный материал содержат папские буллы, значительно более многочисленные для этого периода, когда папский престол стал вплотную заниматься делами европейского севера.

Во втором десятилетии XIII в. в Швеции после многолетней междоусобной борьбы между двумя королевскими родами (и между двумя феодальными группировками) временно наступает спокойствие, продолжающееся до середины 20-х гг. За это время шведские власти смогли несколько привести в порядок внутреннюю жизнь в стране и вновь начать думать о наступательных действиях на востоке. В 1220 г. король Иоанн Сверкерссон совершил неудачную экспедицию на западное побережье Эстонии с целью завоевания области Вик.²⁰ В предшествующие годы пра-

tarajasta. — *Historiallinen aikakauskirja*, 1973, № 4, s. 314—316); Суванто вновь подверг критике аргументы Керкконена (*Su v a n t o S. Vielä vähän Hämeen (valtarajisto)*. — *Historiallinen aikakauskirja*, 1974, № 1, s. 54—55). Здесь же следует отметить существование в древности загадочной пограничной линии, следы которой были прослежены по источникам Я. Яккола (*J a k k o l a J. Suomen muinaiset valtarajat vuoteen 1323. Porvoo—Helsinki*, 1925, s. 40—43). Эта линия шла по Перхон-йоки к Ботническому заливу параллельно границе Ореховецкого мира 1323 г., но проходила значительно юго-западнее этой границы; от устья Перхон-йоки пограничная линия пересекала Ботнический залив в его узкой части до мыса Бьюррокулбб и затем продолжалась от берега залива далее на северо-запад по течению реки Шеллефтео. В источниках XV в. отразились сохранившиеся у населения на берегах Ботнического залива представления о том, что такая граница существовала когда-то в прошлом, отделяя русские владения. В одном из поздних источников упоминается пункт на этой линии, называвшийся *Rysserån* (буквально — «русская граница»). Эта пограничная линия не находилась в связи с границей Ореховецкого договора 1323 г. п, поскольку она проходила юго-западнее, явно относилась к более раннему времени. По справедливому мнению Я. Яккола, нельзя относить ее установление и ко времени похода Биргера ярла 1249 г., поскольку известно, что река Перхон-йоки уже в 1270 г. перестала быть границей расположенной юго-западнее на берегу Ботнического залива (и с XII в. подвластной шведам) области Сатакунта; существовавшая всего два десятилетия пограничная линия не могла бы столь надолго (на несколько веков) запечатлеться в народной памяти. Скорее всего (согласно весьма вероятному предположению Яккола) эта пограничная линия установилась задолго до похода Биргера 1249 г. (*J a k k o l a J. Op. cit.*, s. 40, 43). Однако Яккола остановился на полпути и не сделал вывода из своих наблюдений. Если эта пограничная линия существовала до 1249 г., то, следовательно, она являлась границей территории подвластной Новгороду земли еми, а за Ботническим заливом проходила граница русских государственных интересов, юго-западная граница распространения русского политического влияния в XII и первой половине XIII в.

²⁰ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938, с. 210—214; см. также: *Carlgrén W. M. Om Finlands relationer till Sverige och påvedömet 1216—1237*. — *Historisk tidskrift*, 1950, № 3, s. 254—259; История Эстонской ССР, т. I. Таллин, 1961, с. 163—164.

вительство и церковные власти впервые после долгого перерыва всерьез занялись и финляндскими делами.

В течение двух десятилетий после русского набега 1198(?) г. шведские владения, как мы помним, находились в жалком состоянии. После смерти епископа Фольквина шведская колония осталась без руководства; среди шведских церковников не нашлось охотников занять опасную должность главы финляндской церкви. Длительное отсутствие руководства усугубляло трудность положения колонии.

В конце второго десятилетия XIII в. папе и скандинавским прелатам, наконец, удалось подыскать подходящего человека на пост епископа Финляндии. Это был англичанин Томас, бывший каноник Упсальского собора.²¹ Томас сразу проявил себя на посту епископа как способный организатор и крупный политический деятель. С приходом Томаса к власти шведское владычество в юго-западной Финляндии впервые становится прочным.²²

Папа Гонорий III в своей булле епископу Финляндскому от 13 января 1221 г. (через 2—3 года после назначения Томаса) прямо говорит, что с приходом нового епископа финляндская церковь вышла из того глубокого упадка, в котором она пребывала в течение 20 лет: «Из писем достопочтенного брата нашего архиепископа Упсальского нашему апостолическому престолу стало ясно, что церковь, тебе порученная, снова пришла к познанию истины...»²³

Укрепление внутреннего положения шведской колонии, вос-

²¹ Orregerman J. The English Missionaries in Sweden and Finland. London, 1937, p. 210.

²² Деятельности епископа Томаса и его роли в деле создания шведской церкви и шведской колонии в Финляндии еще сто сорок лет тому назад посвятил специальное исследование Г. Рейн (Rein G. Biscop Thomas och Finland i hans tid. In: Kring korstågen till Finland. Helsingfors, 1968, s. 11—59; впервые издано в 1838 г.). После выхода данной работы в финской историографии высокая оценка исторической роли Томаса в значительной мере основывалась на этом исследовании. Только в последние десятилетия шведские и финские ученые стали более осторожно оценивать значение епископа Томаса в жизни шведской Финляндии в 20—40-е гг. XIII в. (Carlgren W. M. Op. cit., s. 261, и др.).

²³ Finlands medeltidsurkunder. I. Helsingfors, 1910, № 64. — Последние слова приведенной нами цитаты являются еще одним подтверждением установленного в конце предыдущей главы факта глубокого упадка, пережитого шведской колонией и шведской церковью в Финляндии в конце XII и первые 15—18 лет XIII столетия. Назначение Томаса на пост финляндского епископа произошло, видимо, за 3—4 года до написания данной буллы (булла является ответом на ходатайство архиепископа Упсальского утвердить Томаса на посту епископа, причем Томас фактически уже некоторое время исполнял обязанности епископа без утверждения из Рима). И лишь к 1221 г., судя по словам папы, шведская колония в юго-западной Финляндии под энергичным управлением Томаса была вновь поставлена на ноги.

становление шведской власти на всей территории племени сумь (юго-западная Финляндия) создало возможность для начала нового наступления шведов, для продвижения в глубь финляндских земель. В 20-х гг. XIII в. стала разворачиваться новая волна шведской экспансии, начинается новый, второй период борьбы Новгородского государства со Швецией (продолжавшийся до 50-х гг. XIII в.). Как уже было сказано, объектом борьбы стала территория центральной Финляндии, земля еми (тавастов).

В отличие от первого периода (XII в.), за второй период русско-шведской борьбы, вплоть до Невской битвы, нам не известны факты открытых русско-шведских столкновений. И все же источники позволяют проследить ожесточенную борьбу обоих государств.

В финской и шведской историографии, обычно рассматривавшей политическую историю Финляндии XII—XIII вв. как результат действий двух больших держав — Швеции и Новгорода, не признавалась самостоятельная роль финских племен и в событиях 20—50-х гг. XIII столетия и считалось, что племя емь было безвольным объектом исторического процесса, покорным орудием в руках Шведского государства. В действительности, как будет дальше показано, емь сыграла в этот период весьма важную активную, самостоятельную роль в ходе политической борьбы Новгорода и Швеции.

В упомянутой выше булле папы Гонория III епископу Финляндскому Томасу от 13 января 1221 г. говорится, что живущие рядом с его епархией варварские народы жестоко притесняют и желают вырвать с корнем «новое насаждение» (т. е. недавно христианизованную и подвластную шведам юго-западную Финляндию); булла призывает Томаса запретить христианам вести торговлю с язычниками. Какие именно «варварские народы» здесь подразумеваются? Это могла быть емь, но могли быть и карелы, и русские.²⁴

Из текста буллы нельзя заключить, предпринимали ли в непосредственно предшествующие годы «варварские народы» прямые вооруженные действия (что из буквального смысла цитированных слов не исключается) против шведской колонии в Финляндии, но во всяком случае эти соседи, находившиеся под влиянием Руси, были настроены явно враждебно и могли в любой момент взяться за оружие. Поэтому одновременно с укреплением внутреннего положения шведской колонии Томас начал вести в широком масштабе католическую пропаганду во внутренних областях Финляндии — в земле еми (Тавастланде).

Если верить булле 1237 г., католическая пропаганда в Тава-

²⁴ Carlgren W. M. Op. cit., s. 261; Yrjö-Koskinen G. Z. Finnische Geschichte. Leipzig, 1874, S. 34. — Г. Рейн считал, что это могла быть и часть племени сумь, бежавшая от шведской власти из подчиненной шведами юго-западной Финляндии (Rein G. Op. cit., s. 27).

стланде началась еще до Томаса.²⁵ Но во всяком случае только при Томасе она принимает широкие размеры. Под руководством Томаса шведские миссионеры сумели, по-видимому, склонить большую часть племени емь к принятию католической веры. Такое предположение подтверждается следующими фактами: во-первых, прямым указанием папы Григория IX в булле 1237 г.;²⁶ во-вторых, косвенным указанием того же папы в булле от 23 января 1229 г.;²⁷ в-третьих, зафиксированным в русских летописях под 1226—1228 гг. глубоким конфликтом между емью и Новгородом. Этот конфликт вполне объясним, если допустить переход большей части еми в католицизм.

Источники (папские буллы) не содержат прямых сведений о том, какими — мирными или насильственными — средствами было проведено обращение еми в католическую веру и подчинение ее шведскому влиянию, но тексты источников создают впечатление, что указанные результаты были достигнуты в ходе мирной пропагандистской работы шведских церковников.²⁸

Поскольку на последнем этапе родо-племенного строя, пере-

²⁵ В булле 1237 г., адресованной архиепископу Упсальскому Ярлеру (занимавшему этот пост с 1234 г.), говорится, что обращение тавастов в католическую веру проведено заботами Ярлера и его предшественников (см. примеч. 26); до Ярлера пост архиепископа занимали Валериус (1206—1219) и Олоф Басатёмер (1219—1234), т. е. в булле подразумевается, что католическая пропаганда в Тавастланде началась еще в первом и втором десятилетиях XIII в.; впрочем, указание на «предшественников» (во множественном числе) могло быть и просто стилистическим оборотом (Donner G. A. Om missionsmetoderna vid tavasternas kristning. — In: *Kringkorstågen till Finland*. Helsingfors, 1968, s. 74; *Anthony E. Korstågstiden och des innebörd.* — *Ibid.*, s. 162; *Jokipii M. Op. cit.*, s. 14).

²⁶ Папа Григорий IX в булле 1237 г., обращаясь к архиепископу Упсальскому, говорит, что «тавасты... когда-то трудом и заботами вашими и ваших предшественников были обращены в католическую веру...» (*Finlands medeltidsurkunder*, I, № 82; см. также: *Pipping R. Op. cit.*, s. 88—89; *Carlgren W. M. Op. cit.*, s. 283).

²⁷ По словам папы, епископ Финляндский (очевидно, совсем недавно) приобщил к христианской вере большой языческий народ в Финляндии (в собственно Финляндии) и в соседних с нею землях, которые недавно были объектом русских нападений; соседние земли — это явно земля еми, языческая область, лежавшая рядом с собственно Финляндией и в 1227 г. бывшая целью русского похода (см.: *Åbo domkyrkas svartbok*. Helsingfors, 1890, № 3; см. также: *Ailio J. Hämeen linnan esi- ja rakennushistoria.* — In: *Hämeenlinnan kaupungin historia*. I. Hämeenlinna, 1917, s. 43—44; *Pipping R. Op. cit.*, s. 88; *Jaakkola J. Suomen varhaiskeskiaika*. Porvoo—Helsinki, 1938, s. 246; *Donner G. A. Op. cit.*, s. 74; *Niitemaa V. Op. cit.*, s. 409; *Jokipii M. Op. cit.*, s. 13).

²⁸ *Donner G. A. Op. cit.*, s. 73—77, 83. — Впрочем, высказывалось предположение (Ю. Айлио), что в 1220-е и начале 1230-х гг. наряду с мирными стали (может быть, не сразу, а после перехода большинства населения края под шведское влияние) применяться и военные средства для закрепления подчиненной территории; предполагается, что уже в это время в земле еми было возведено первое шведское укрепление — замок Хакойстенлинна (*Ailio J. Op. cit.*, s. 46, 102—103; см. также ниже, с. 205, примеч. 21). С этим мнением спорит Доннер (*Donner G. A. Op. cit.*, s. 77).

живавшемся племенем еми, ведущую роль играла знать, можно полагать, что шведские церковники сумели добиться согласия еми принять католическую веру, склонив на свою сторону племенную знать.²⁹

Распространение христианства, по всей вероятности, должно было вестись шведскими церковниками путем борьбы с исконными языческими верованиями тавастов (еми). Прямых данных о борьбе с язычеством в земле еми у нас нет, но есть косвенные сведения. В одной из 7 булл 1229 г., посвященных Финляндии, папа Григорий IX закрепляет за епископом Финляндским и подвластной ему церковью право владения языческими жертвенными местами и священными рощами, поскольку новообращенные добровольно выразили желание подарить эти места церкви.³⁰ Из текста буллы неясно, идет ли речь о собственно Финляндии или о земле еми; но, по мнению ряда ученых, вероятнее второе, поскольку в годы, непосредственно предшествующие написанию буллы, обращение в христианство велось шведскими церковниками в земле еми, а ранее христианизированных жителей земли еми уже нельзя было называть «новообращенными»; к тому же папа в своей булле явно говорит о язычниках, обращенных в христианство самим епископом Томасом.³¹

Неясно, идет ли речь действительно о добровольном желании тавастов, которых шведские миссионеры убедили стать христианами³² и уговорили передать церкви места языческих жертвоприношений,³³ или (что в равной мере возможно) под видом добровольного желания отдать церкви священные места фактически скрывалось принуждение, шведские церковники стремились насильственно захватить в свои руки языческие святилища — средоточия искореняемой ими «поганой» племенной религии.³⁴

²⁹ Donner G. A. Op. cit., s. 75—77.

³⁰ Abo domkyrkas svartbok, № 6 (булла от 31 января 1229 г.).

³¹ Культурные места дарят церкви люди per te conuersi — «тобою обращенные» в христианство; поскольку булла адресована епископу Томасу, речь идет о финнах, принявших христианство в годы его правления, т. е. в 1220-е гг. См.: Donner G. A. Op. cit., s. 74; Niitemaa V. Op. cit., s. 212, 255; Jokipii M. Op. cit., s. 13; Pirinen K. Op. cit., s. 188.

³² Весьма вероятно, что это были не рядовые тавасты, а племенные нобили (Donner G. A. Op. cit., s. 77) — только они и были правомочны передавать местные святилища в чужие руки.

³³ Чему вполне верят финские исследователи (Donner G. A. Op. cit., s. 74—77; Pirinen K. Op. cit., s. 168).

³⁴ Существует предположение, что речь идет в булле не только о местах расположения языческих святилищ (по площади они не могли быть велики), но и о землях, принадлежащих этим святилищам, возможно, о землях с крестьянами; в таком случае шведские церковники в 1220-е гг. уже стремились создать себе земельную собственность в Тавастланде. Есть также предположение, что уже тогда, в 1220-е гг., на месте языческих святилищ или около них стали строиться в Тавастланде первые католические церкви (Pirinen K. Op. cit., s. 189; Suvanto S. Birger jarls livsverk. — In: Kring korstågen till Finland. Helsingfors, 1968, s. 226).

Одновременно с религиозной пропагандой шведские миссионеры постарались подчинить своему политическому влиянию и настроить против русских правящую верхушку еми-тавастов; в результате в середине 20-х гг. XIII в. происходит временное отпадение значительной части земли еми от Новгорода.

Возглавлявший новгородскую внешнюю политику князь Ярослав Всеволодович хорошо понимал, какую опасность представляет отпадение еми на этот раз, когда за ее спиной стоят шведы. Решено было прибегнуть к самым крутым и решительным мерам, чтобы восстановить зависимость отпавших областей от Новгорода. Князь Ярослав сам встал во главе похода и двинулся в землю еми.³⁵

Лаврентьевская и Новгородская I летописи сохранили яркие рассказы об этом походе.³⁶

Перейдя по льду Финский залив,³⁷ Ярослав со своей дружиной прошел через всю землю еми, дошел до самых отдаленных местностей (вероятно, на западе и северо-западе), еще не видавших русских воинов. Новгородцы предали суровому наказанию непокорные области. Судя по летописи, Ярославом было захвачено много пленных.

Сопротивление еми было подавлено, очевидно, без большого труда, поскольку летописи ничего не сообщают об этом.³⁸ Подобный факт не может быть объясним слабостью еми-тавастов по сравнению с войсками Русского феодального государства. Мы увидим впоследствии, какой страшной силой представлялись та-

³⁵ Не признавая существования в XI—середине XIII в. зависимости еми от Новгорода, финские и шведские историки не признают и наличие указанной нами политической цели похода Ярослава в землю еми (Rein G. Op. cit., s. 28—29; Pipping R. Op. cit., s. 89; Niitemaa V. Op. cit., s. 408, etc.); поход изображается просто как акт вражды.

³⁶ Лаврентьевская летопись под 1226 г. дает развернутое описание похода: «Тое же зимы Ярослав, сын Всеволожь, ходи из Новгорода за море на Емь, где же ни един от князь Руских не взоже бывати, и всю землю их плени; и възвратися Новгороду, слава и хваля Бога...» (Полное собрание русских летописей, I, с. 190; в дальнейшем — ПСРЛ). В Новгородской I летописи под 1227 г. то же описание дается сокращенно, в одной фразе, «Иде князь Ярослав с новгородци на Емь, и повоева всю землю, и полон приведе бешисла...» (Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М., 1950, с. 65, 270). Исследователи обратили внимание на разную датировку похода в обеих летописях; у некоторых авторов сложилось мнение, что речь идет о двух походах Ярослава на емь — в 1226 и 1227 гг. (Jaakola J. Suomen varhaiskeskiaika, s. 242—243; Carlgren W. M. Op. cit., s. 265—266; Niitemaa V. Op. cit., s. 408, и др.). Эту ошибку отмечает Киркинен (Kirkinen H. Historiallista taustaa ortodoksisen uskon tulolle Karjalaan. — In: Studia historica Jyväskyläensia. I. Jyväskylä, 1962, s. 47). В действительности был один поход, происходивший зимой 1226/27 г., один летописец отнес известие о походе к 1226, второй — к 1227 г.

³⁷ В одной из работ ошибочно предполагается, что Ярослав двинулся в Финляндию на кораблях (Juva E., Juva M. Suomen kansan historia. I. Helsinki, 1964, s. 133).

³⁸ Rein G. Op. cit., s. 29, 53, ann. 79.

васты в 1237 г. папе Григорию IX. Нам кажется, что быстрый и легкий успех Ярослава в 1227 г. можно объяснить тем, что католицизм не проник еще глубоко в народные массы, а затронул лишь господствующую верхушку еми.³⁹

Сделав такое допущение, мы сможем представить себе, кем могли быть захваченные Ярославом пленные. Брали в плен и уводили на Русь людей, пребывание которых в стране было опасно с точки зрения новгородских интересов. Такими людьми были, вероятно, те представители знати и рядового населения, которые решительно перешли на сторону шведов и отказались вернуться под власть Новгорода.

Любопытно, что в весьма скудных и отрывочных западных источниках мы находим отражение похода 1227 г. Безусловно, именно этот поход подразумевает папа Григорий IX, когда он в своей булле от 27 января 1229 г. (через два года после похода Ярослава), говоря о крещеных финнах в Финляндии, отмечает: «... русские, которые живут с ними по соседству, питают к ним огромную ненависть, потому что они приняли католическую веру, часто в ярости нападают на них и принимают все, какие могут, меры к их упадку и гибели...»⁴⁰

Судя по рассказам летописей, поход Ярослава в 1227 г. кончился полным успехом. Но в тех же летописях под следующим, 1228 г. зафиксированы события, которые приводят нас к совершенно другому выводу. В 1228 г. большой отряд еми (2 тысячи воинов) нападает на русские приладожские села. Правда, нападение кончилось неудачей, было отражено ладожанами, карелами и ижорой.⁴¹ Но самый факт нападения, притом такого крупного отряда, говорит о многом. Очевидно, Ярослав, добившись в 1227 г. большого стратегического успеха, не смог все же восстановить политическую зависимость земли еми от Новгорода. Возможно, что для виду, чтобы избавиться от русских войск, племенная знать многих областей страны изъявила покорность Ярославу. Но, как только новгородские войска ушли из Финлян-

³⁹ Г. Рейн предположил, что часть тавастов, не подчинившаяся шведам, помогала русским войскам во время похода Ярослава (Rein G. Op. cit., s. 29).

⁴⁰ Rydberg O. S. Sverges traktater med främmande magter. I. Stockholm, 1877, № 75. — Здесь в булле на основе сведений, полученных из Финляндии, об активных русских выступлениях говорится во множественном числе. Трудно сказать, было ли это сознательное преувеличение, содержащееся в послании епископа Томаса папе (для того чтобы создать более мрачное впечатление о положении шведской колонии в Финляндии и добиться более эффективной помощи от курии), или действительно с русской стороны вооруженное противодействие шведской экспансии в Финляндии производилось не один раз — не только в 1226/27 г., а были и другие, менее крупные и не отраженные в летописи походы.

⁴¹ Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц, ч. I. СПб., 1909, с. 83—84; Бернадский В. Н. Новгород и Приладожская Карелия в XII—XV вв. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. Герцена, 1941, т. XXXIX, с. 185.

дии, большая часть областей снова отпала и выслала большой военный отряд в набег на русские села, чтобы отомстить за поход 1227 г.⁴²

Ярослав, очевидно, сам понимал непрочность достигнутого им в 1227 г. успеха и неизбежность возвращения еми под влияние шведов, поэтому он считал необходимым принять чрезвычайные меры для закрепления за Русью западных областей Карелии, прилегающих к земле еми, чтобы обеспечить эти области от проникновения шведского влияния.

Такой чрезвычайной мерой явилось массовое крещение.⁴³ В первый и единственный раз новгородцам пришлось прибегнуть к единовременному крещению населения зависимой территории.⁴⁴

⁴² Высказывалось предположение, что идея проведения этого набега еми исходила от епископа Томаса; Г. Рейн считал даже, что это был «крестовый» поход, организованный епископом Томасом, и что в походе участвовали кроме еми также крестоносцы из юго-западной Финляндии и Скандинавии (Rein G. Op. cit., s. 30—34; Yrjö-Koskinen G. Z. Op. cit., s. 34; Juva E., Juva M. Op. cit., s. 134). О необоснованности подобной гипотезы см.: Ailio J. Op. cit., s. 45.

⁴³ Р. Мюллер ошибается, объясняя крещение карел Ярославом тем, что «к этому времени католические миссионеры, крестив еми, должны были начать проникать в Карелию» (Мюллер Р. Б. Комментарий к разделу «Летописные известия о карелах». — В кн.: Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941, с. 65). Католические миссионеры были далеки от завершения своей «работы» в стране еми и не могли думать о проникновении в Карелию, тем более что в представлениях шведов карелы в то время были еще верными подданными Новгорода.

⁴⁴ Первая попытка проведения подобного мероприятия была принята новгородцами на 17 лет ранее, в давно (с IX—X вв.) зависимой от Новгорода, но сохранявшей языческую религию эстонской области Унгавнии (Уганди), которая в 1208—1209 гг. стала объектом захватнических устремлений немецких рыцарей. В 1210 г., восстановив свою власть над центром области городом Оденпе (Медвежья Голова), новгородцы крестили некоторых жителей города и собирались прислать сюда своих священников для обращения в православие населения города и близлежащей местности, чтобы воспрепятствовать здесь распространению немецко-католического влияния; однако задуманная мера не смогла быть проведена из-за вскоре происшедшего подчинения Унгавнии немецкими завоевателями (Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, с. 129—130; Казакова Н. А., Шаскольский И. П. Русь и Прибалтика (IX—XVII вв.). Л., 1945, с. 33). Высказывалось вероятное предположение, что, проводя крещение карел, Ярослав заимствовал «немецкий метод» закрепления власти над подчиненным племенем; именно путем христианизации населения закрепляли в предшествующие десятилетия свою власть немцы и датчане в Ливонии, шведы в Финляндии (Rein G. 1) Op. cit., s. 29; 2) Föreläsningar öfver Finlands historia, bd I. Helsingfors, 1870, s. 106; Ammann A. M. Op. cit., s. 207; Jaakkola J. Suomen varhaiskeskiaika, s. 244; Carlgren W. M. Op. cit., s. 266). Однако Х. Киркинен справедливо подчеркивает и отличия: скорее всего крещение карел с новгородской стороны производилось путем единовременной, но мирной миссионерской деятельности, в результате действий священников и монахов, без применения вооруженного насилия (как это делали немецкие и шведские крестоносцы); насильственная христианизация вообще была чужда новгородской политике, а в данном случае могла даже восстановить против Новгорода насе-

Слова летописи «Ярослав Всеволодичь, послав, крести множество карел, мало не все люди»,⁴⁵ разумеется, нельзя понимать как крещение всего племени.⁴⁶ Ведь крещение всего племени вовсе не было необходимо. Карелы северного Приладожья и Беломорья, недоступные для шведского влияния, не требовали такого рода закрепления за Новгородом. Нуждались в нем лишь основные карельские земли на Карельском перешейке и к западу от него, которые могли стать в близком будущем ареной борьбы; к тому же именно через эту территорию проходили русские войска во время походов в Финляндию, отсюда же рекрутировались вспомогательные отряды для этих походов. Основная карельская территория как раз, очевидно, и явилась районом принудительной христианизации со стороны новгородских властей.⁴⁷

Если крещение карел по приказу Ярослава Всеволодовича было действительно таким крупным и массовым мероприятием, как оно изображается в летописи, оно не могло не найти своего отражения в памятниках материальной культуры. И действи-

ление Карелии (Kirkinen H. Karjala idän kulttuuripiirissä. Helsinki, 1963, s. 73—74).

⁴⁵ ПСРЛ, ч. I. Лаврентьевская летопись, с. 149.

⁴⁶ Бернадский В. Н. Указ. соч., с. 187; Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941, с. 191; Мюллер Р. Б. Комментарий, с. 65; Егоров В. «Карельские люди» в древнем Новгороде. — Бюллетень ЛОИКФУН, 1929, вып. 1. Последний правильно указывает, что невозможно было в течение одного года крестить сразу все карельское племя. Но предлагаемая им трактовка известия, связывающая слово «люди» с современным термином «людинцы» — самоназванием вепсов, слишком искусственна. Кстати, примечательно, что это известие имеется только в Лаврентьевской летописи, писавшейся во Владимиро-Суздальском княжестве, и отсутствует в Новгородских летописях (Мюллер Р. Б. Комментарий, с. 67). Тем самым делается еще более очевидным, что крещение карел как политическое мероприятие, проводившееся князем Ярославом, руководителем внешней политики Новгородского государства, осуществлено было по его инициативе и распоряжению; потому и зафиксировали это событие летописцы в Суздальской земле, на родине князя более внимательно следившие за его деятельностью, чем в Новгороде, где он был человеком пришлым (и как каждый князь — временным).

⁴⁷ Было ли проведено крещение также и в Саволаксе, самом западном из погостов основной территории карельского племени (лежащем к северозападу от Выборгского залива), неясно; по мнению М. Руута, на Саволаксе христианизаторская деятельность Ярослава в 1227 г. не распространилась ввиду удаленности этого погоста от Новгорода (Ruuth M. Kristillinen pohja Savossa ennen Pähkinäsaaren rauha. — Historiallinen aikakauskirja, 1940, № 4, s. 311—314). Однако по данным Ю. Ринне в Саволаксе найдено несколько ранних христианских погребений XIII в.; у части жителей этой области и после шведского завоевания сохранялись православные имена (Rinne J. Savolahden pogosta ja kirkkopittäjä. — In: Historiallinen arkisto. XLV. Helsinki, 1939, s. 9—21; Anthoni E. Korstågstiden och dess innebörd, s. 165; Pirinen K. Op. cit., s. 190). О распространении православия среди карел Саволаксы см. также: Kuujo E., Kirkinen H. Baltiassa ja suomessa asuneiden heimojen osallistuminen Itämeren alueen kysymysten ratkaisuun 1100- ja 1200-luvulla. — In: Historiallinen arkisto. 69. Helsinki, 1975, s. 41.

тельно, в могильниках и материальной культуре XIII—XIV вв. в Приладожской Карелии мы можем ясно проследить проникновение христианства с русской стороны.⁴⁸

В могильнике Кекомаки в районе Кексгольма, изученном Швиндтом в конце прошлого века, почти в каждом мужском погребении был найден на шее крест;⁴⁹ кресты были обнаружены Швиндтом и в других могильниках.⁵⁰ На многих круглых серебряных фибулах основным элементом орнамента является крест; на одной круглой фибуле из могильника Кекомаки выгравировано изображение святого.⁵¹ Среди подвесных украшений наиболее распространена подвеска, имеющая форму креста, составленного из изгибающихся бронзовых лент.⁵² Поскольку особенно много изображений креста найдено в могильнике Кекомаки,⁵³ из этого факта Швиндт с полным основанием заключает, что по крайней мере часть погребенных в Кекомаки была крещена.⁵⁴ Правда, перемена религии была чисто внешней: обряд погребения остался старым, языческим.⁵⁵

Археологическое изучение крестов и других предметов с христианскими изображениями, найденных в западнокарельских могильниках, установило, что эти предметы являются прямым свидетельством проникновения в Карелию XIII—XIV вв. христианства из Древней Руси. Часть названных предметов была прямо привезена из Руси.⁵⁶ Но даже те предметы с христианскими изображениями, которые не были доставлены из русских земель, изготовлены в Карелии по русским образцам или под русским художественным влиянием.⁵⁷

О наличии православного христианства в западной Карелии в XIII—XIV вв. свидетельствует и единственный на этой терри-

⁴⁸ Kirkinen H. 1) *Historiallista taustaa*, s. 37—41; 2) *Karjalan idän kulttuuripiirissä*, s. 71—72; 3) *Byzance et la Finlande*. — In: *Etudes finnoougriennes*, t. V. Paris, 1968, p. 148—150.

⁴⁹ Schwindt Th. *Tjetojan Karjalan rautakaudesta*. — In: *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja*. XIII. Helsinki, 1893, s. 205; fig. 225, 226.

⁵⁰ В могильниках Ховинсаари (*ibid.*, fig. 227), Сеппеис, Суотньеми (fig. 229; 3 экз.) и Лапинлахти (fig. 230). Кроме того, известны два резных бронзовых шейных креста из случайных находок (fig. 517, 518).

⁵¹ Из 7 круглых фибул, найденных Швиндтом, на 4 выгравирован крест (*ibid.*, fig. 231, 232, 234, 237) и на одной — изображение святого (fig. 235). Из 6 фибул, найденных Гейкелем, у 4 в основе орнамента лежит крест (Heikel A. O. *Tuukkalan löitö*. — In: *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja*. X. Helsinki, 1889, fig. 42, 43, 45, 46).

⁵² Schwindt Th. *Op. cit.*, fig. 267, 272, 274; Heikel A. O. *Op. cit.*, fig. 63—65, 69.

⁵³ Четыре креста, две фибулы с изображением святого и крестовидная подвеска.

⁵⁴ Schwindt Th. *Op. cit.*, s. 205.

⁵⁵ *Ibid.*

⁵⁶ Например, на одном бронзовом шейном кресте из могильника Кекомаки имеется русская надпись «ИС ХС» «НИК».

⁵⁷ Nordman C. A. *Karelska järnåldersstudier*. — In: *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja*. XXXIV. Helsinki, 1924, s. 17—27; Kirkinen H. *Karjala idän kulttuuripiirissä*, s. 71.

тории памятник русского монументального искусства — каменный крест, стоявший на перекрестке дорог близ Кильпола.⁵⁸ Этот крест имеет ближайшие аналогии в целом ряде новгородских каменных дорожных крестов указанной эпохи.

У нас есть все основания думать, что Ярослав в результате крещения западных карел действительно добился на долгие годы (до последней трети XIII в.) закрепления западнокарельской территории в составе Новгородского государства. В ходе последующих событий вплоть до конца 60-х гг. карелы неоднократно выступают как новгородские подданные, участвуя в борьбе против шведов и немцев вместе с новгородцами.

3. Восстание еми против шведов в 30-е гг. XIII в.

Как мы видели из предыдущего изложения, в конце 20-х гг. XIII в. большая часть земли еми (или даже вся земля) находилась во враждебных отношениях с Новгородом и в дружеских отношениях со шведами. Но такое положение продолжалось недолго. Уже в середине 30-х гг. мы снова видим союз русских и еми и ожесточенную вражду еми-тавастов со шведами.

Чем объяснить такую быструю и разительную перемену?

Дружественные отношения еми со шведами продолжались, вероятно, до тех пор, пока шведы ограничивались распространением христианства. Когда же шведы стали переходить от религиозной пропаганды к установлению политического господства,⁵⁹ еми быстро стала ощущать разницу между владычеством шведских феодалов и зависимостью от Новгорода. Дружба и покровительство шведов были нужны племенной знати еми только для того, чтобы выйти из-под власти Новгорода. Но ни племенная знать, ни широкие слои населения не желали замены новгородской власти более тяжелой — шведской.

Было высказано довольно вероятное мнение, что одним из поводов к обострению отношений еми со шведами было обращение шведских церковников с языческими культовыми местами.⁶⁰ Нетрудно себе представить, что, получив во владение (по указанию

⁵⁸ Schwindt Th. Op. cit., fig. 521; Nordman C. A. Op. cit., s. 196; Зап. отд-ния рус. и слав. археол. Имп. рус. археол. о-ва. СПб., 1903, т. V, вып. I, с. 219.

⁵⁹ Высказано допустимое предположение, что население земли еми после установления шведского господства стали облагать повинностями — принуждать к уплате каких-то поборов (десятины или поборов в пользу священников и епископов), а возможно, и принуждать строить церкви (Jokipii M. Op. cit., s. 17; см. также: Kuujo E., Kirkinen H. Op. cit., s. 42).

⁶⁰ Niitemaa V. Op. cit., s. 255—256; Juva E., Juva M. Op. cit., s. 135—136; Pirinen K. Op. cit., s. 189; Anthoni E. 1) Korstågstiden och dess innebörd, s. 163; 2) [Рец. на кн.: Hämeen historia, I], s. 115—116; 3) [Рец. на статью М. Йокипии]. — Historisk tidskrift för Finland, 1966, h. 2, s. 83; Suvanto S. Birger jarls livsverk, s. 226.

папской буллы 1229 г.) языческие святилища,⁶¹ шведские церковники принялись ревностно уничтожать все принадлежности ненавистного им языческого культа, а это должно было вызвать недовольство местного населения, традиционно привыкшего к почитанию своих священных мест.

Когда исконный уклад жизни еми оказался под угрозой, когда на ее земле появились представители шведской администрации, еми поднялась на борьбу против пришельцев; вспыхнуло восстание, охватившее широкие массы населения края.

Успеху восстания еми в тот момент способствовала международная обстановка, сложившаяся на Балтике.⁶² Объединенный фронт крестоносных завоевателей в середине 1230-х гг. стал терпеть поражения от балтийских племен, выступавших на борьбу за свою свободу. В 1236 г. орден немецких рыцарей-меченосцев понес сокрушительное поражение от литовских войск в битве при Сауле, и вслед за этим вспыхнули восстания в Семигалии, Курляндии и на острове Эзель. Возможно, что вести об этих восстаниях ускорили назревший взрыв массового движения в Тавастланде.⁶³ От Литвы до внутренней Финляндии сложился широкий фронт борьбы балтийских племен против крестоносных захватчиков.

О событиях 30-х годов XIII в. мы знаем из важного исторического документа — буллы папы Григория IX от 9 декабря 1237 г. Буллой занимались неоднократно и русские, и западные авторы,⁶⁴ но не было сделано углубленного анализа ее содержания. Между тем в ней находятся сведения, представляющие исключительную ценность.

Булла, как уже отмечалось, была адресована главе шведской церкви архиепископу Упсальскому Ярлеру и являлась ответом на его письмо папской курии.⁶⁵ В первой части текста буллы пере-

⁶¹ См. с. 133.

⁶² Suvanto S. Birger jarls livsverk, s. 226.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ Гиппинг А. И. Указ соч., с. 84—85; Yrjö-Koskinen G. Z. Op. cit., s. 35; v. Törne P. O. Medeltidsstudier. III. — Historisk tidskrift för Finland, 1920, h. 3—4, s. 150—152; Jaakkola J. Suomen varhaiskeskiaika, s. 269—274; Carlgren W. M. Op. cit., s. 279—284; Niitemaa V. Op. cit., s. 410—412; Anthoni E. Korstågstiden och des innebörd, s. 162—163; Juva E., Juva M. Op. cit., s. 135—136; Jokipii M. Op. cit., s. 17—18.

⁶⁵ В Ниитемаа высказал предположение, что папа получил послание архиепископа Упсальского через посредство прибывшего в 1237 г. в Прибалтику представителя римской курии папского легата Вильгельма Моденского, занимавшегося в то время организацией католических сил для борьбы с «языческими» народами, жившими к востоку от Балтийского моря; в зону деятельности Вильгельма входила и Финляндия. Отправка письма шведских церковников папской курии где-то во второй половине 1237 г. (но за несколько месяцев до первых чисел декабря — требовалось время на дорогу) как раз совпадает по времени с началом организаторской деятельности Вильгельма в Ревеле и других местах Прибалтики, куда легат прибыл летом 1237 г. (Niitemaa V. Op. cit., s. 410).

сказываются сведения о положении в Финляндии, содержащиеся в послании шведского архиепископа.

Ввиду важности этой буллы для всего рассматриваемого нами периода, мы приводим ее текст почти целиком (кроме первой фразы, содержащей обычную формулу обращения):

«Как сообщают дошедшие до нас ваши⁶⁶ письма, народ, называемый тавастами, который когда-то трудом и заботами вашими и ваших предшественников был обращен в католическую веру, ныне стараниями врагов креста, своих близких соседей, снова обращен к заблуждению прежней веры⁶⁷ и вместе с некоторыми варварами, и с помощью дьявола с корнем уничтожает молодое насаждение церкви Божией в Тавастии. Малолетних, которым при крещении засиял свет Христа, они, насильно этого света лишая, умерщвляют; некоторых взрослых, предварительно вынув из них внутренности, приносят в жертву демонам, а других заставляют до потери сознания кружиться вокруг деревьев;⁶⁸ некоторых священников ослепляют, а у других из их числа жесточайшим способом перебивают руки и прочие члены, остальных, обернув в солому, предают сожжению; таким образом, яростью этих язычников владычество шведское ниспровергается, отчего легко может наступить совершенное падение христианства, если не будет прибегнуто к помощи Бога и его апостолического престола.

Но, чтобы с тем большей охотой поднялись бы мужи богобоязненные против наступающих отступников и варваров, которые церковь Божию столь великими потерями привести в упадок жаждут, которые веру католическую с такой отвратительной жестокостью губят, поручаем братству вашему апостолическим посланием: где бы только в означенном государстве или соседних островах ни находились католические мужи, чтобы они против этих отступников и варваров подняли знамя креста и их силой и мужеством изгнали, по побуждению благодетельного учения».⁶⁹

Папская булла, ставящая целью призыв к крестовому походу, — источник сложный и весьма тенденциозный; это — острый агитационный документ, который должен зачитываться в церквях перед тысячами слушателей, он должен был возбудить негодование против врагов христианства, поднять сотни людей для участия в походе с целью «защиты христианской веры»; поэтому в булле должны были быть в максимально черных красках показаны злодеяния «врагов креста».⁷⁰ Учитывая эти обстоятельства, в последние годы в среде финских ученых возникли сомнения в достовер-

⁶⁶ Подразумевается архиепископ Упсальский.

⁶⁷ Дословно: «к заблуждению прежнего неверия» (*ad antiqui erroris... perfidiam*).

⁶⁸ Это, вероятно, священные деревья, о которых речь идет в одной из булл 1229 г. (см. с. 133).

⁶⁹ *Finlands medeltidsurkunder*, I, № 82 (см. также: *Diplomatarium Svecanum*. I. Stockholm, 1829, № 298; *Sverges traktater med främmande magter*. I. Stockholm, 1877, № 86).

⁷⁰ *Niitemaa V. Op. cit.*, s. 412.

ности той картины, которая дается в приведенном тексте буллы. Высказывалось мнение, что подобные жестокости несвойственны финнам, описания жестоких мучений заимствованы папской канцелярией из средневековой церковной литературы.⁷¹ С мнением этим все же нельзя согласиться.⁷² Прежде всего, как уже указывалось выше, первая половина буллы, содержащая описание положения в Финляндии, не была продуктом самостоятельного творчества папской канцелярии, а являлась прямым пересказом (весьма вероятно, даже дословной передачей) текста послания, полученного курией от архиепископа Упсальского; скорее всего и послание шведского архиепископа базировалось на сведениях, поступивших в Упсалу из Финляндии от епископа Томаса,⁷³ находившегося в прямом подчинении архиепископа и обязанного сообщать главе шведской церкви о положении дел (тем более об опасном положении) в своей епархии. Следовательно, сведения буллы исходят из достаточно достоверных источников.

Могут быть приведены и некоторые общие соображения. Племя емь находилось на стадии конца первобытнообщинного строя — на стадии развития, для которой у всех народов земли подобные жестокости обычны и типичны; в частности, вопреки утверждениям названных ученых подобные явления известны и из другого источника по истории Финляндии XIII в. — из буллы 1257 г.⁷⁴ И даже если некоторые частности в нарисованной буллой картине были не вполне точны, это не имеет серьезного значения. В целом картина, изображенная в булле, весьма достоверна и обычна для периода конца родо-племенного строя. Это находит полную аналогию в описаниях восстаний эстов против немецких и датских крестоносцев во втором и третьем десятилетиях того же XIII в. — эстонские восстания также проходили под лозунгом восстановления язычества и сопровождалась жестокими преследованиями служителей католической церкви.⁷⁵

⁷¹ Pentti S. J. Ristiretkien kauhupropagandaa. — In: Suomen kirkkohistoriallisen seuran vuosikirja. XXXV—XXXVI. 1945—1946. Helsinki, 1948, s. 3—11; Niitemaa V. Op. cit., s. 411—412; Juva E., Juva M. Op. cit., s. 136; Jokipii M. Op. cit., s. 17—18; Suvanto S. Birger jarls livsverk, s. 226. — С. И. Пентти указывает, что некоторые виды описанных в булле жестокостей, судя по средневековой литературе, типичны для германских стран (Англия, Германия и Дания). М. Йокиппи предполагает даже, что некоторые ужасы просто выдумала папская канцелярия из пропагандистских соображений.

⁷² Anthoni E. 1) Korstågtiden och dess innebörd, s. 163; 2) [Рец. на кн.: Hämeen historia, I], s. 115—116; 3) [Рец. на ст. М. Йокиппи], s. 83. — Целиком признает достоверность сведений буллы о силе восстания и ярости восставших П. Тёрне (v. Törne P. O. Op. cit., s. 150—152).

⁷³ V. Törne P. O. Op. cit., s. 150—151.

⁷⁴ См.: с. 217—221. И вообще, разумеется, нельзя предполагать, что подобные явления, типичные для всех народов на последней стадии первобытнообщинного строя (на стадии варварства), почему-либо были бы несвойственны финским племенам.

⁷⁵ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, с. 224—228, 236; Казакова Н. А., Шаскольский И. П. Указ. соч., с. 40.

Булла 1237 г. дает замечательную по своей яркости картину политической борьбы в центральной Финляндии — в Тавастланде — в 30-е гг. XIII в.⁷⁶ В тексте довольно ясно прослеживаются борющиеся политические силы. С одной стороны, это шведы и небольшое число крещенных ими и оставшихся верными католицизму тавастов. Среди шведов мы видим не только священников, но и лиц, по-видимому, недуховного звания, которые фигурируют под неопределенными понятиями «других», «остальных». С другой стороны, мы находим тавастов (в первый раз под своим именем, в других местах — под именем «отступников») и их союзников, которых булла не называет по имени. Из текста буллы можно заключить, что у восставших тавастов имелись два вида союзников; одни упоминаются под неопределенным названием «врагов креста», «близких соседей» тавастов, другие столь же неопределенно названы «некоторыми варварами».⁷⁷ Правда, в дальнейшем тексте булла не делит союзников тавастов на две категории и дважды называет их общим словом — «варварами».

Союзникам тавастов папа придает важное значение. Само выступление тавастов против шведов он объясняет влиянием («стараниями») этих «врагов креста».

Кто из числа «близких соседей» тавастов мог быть их союзниками, догадаться нетрудно. На берегах Финского залива в XIII в. была только одна политическая сила, которая могла оказать тавастам помощь в их борьбе против шведов, — Новгород, Новгородское государство, включавшее в себя и карельские земли.

Видимо, в излагаемом в булле письме шведских церковников под двумя категориями союзников восставших тавастов подразумевались новгородцы и подвластные им карелы. «Враги креста», «близкие соседи» тавастов — это, очевидно, карелы,⁷⁸ земля которых прямо граничила с землей еми. Под «некоторыми варварами», очевидно, подразумевались новгородцы (только они могли действовать на политической арене вместе с карелами).

Вопрос о соотносительной роли карел и новгородцев в изучаемых событиях решить очень сложно,⁷⁹ поскольку в булле изла-

⁷⁶ Отметим кстати, что в булле содержится определенное представление о едином племени и о единой территории земли еми — Тавастланде.

⁷⁷ Carlgren W. M. Op. cit., s. 280, ann. 2.

⁷⁸ Примечательно, что папа (и, следовательно, сообщившие ему эти сведения шведские церковники) называют карел «врагами креста», хотя они были крещены еще в 1227 г., за 10 лет до описываемых событий.

⁷⁹ Некоторые исследователи считают, что под союзниками восставших тавастов подразумевались русские, новгородцы (Rein G. Biskop Thomas och Finland i hans tid, s. 40—41; Schybergson M. G. Finlands historia. I. Helsingfors, 1887, s. 38; v. Törne P. O. Op. cit., s. 150—151; Ammann A. M. Op. cit., s. 214; Niitemaa V. Op. cit., s. 410), другие — что это были карелы (Forsström O. A. Suomen keskiajan historia. Jyväskylä, 1898, s. 107; Kirkinen H. Karjalan idän kulttuuripiirissä, s. 79); третьи авторы называли и новгородцев, и карел (Ailio J. Op. cit., s. 46—47; Donner G. A. 1) Om missionsmetoderna, s. 78; 2) Kardinal Wilhelm von Sabina. Helsingfors, 1929, s. 222; Carlgren W. M. Op. cit., s. 280, ann. 2; Anthoni E. [Рец. на кн.: Hämeen historia, I],

гаются сведения, полученные из третьих рук (в письме архиепископа Упсальского, использованном в булле, пересказывались сведения, полученные от епископа Финляндского). Буквально из текста буллы следует, что наиболее важную роль во время восстания эми сыграли карелы, но нет уверенности в точности передачи сведений, поступивших из Финляндии. Да в общем это и не существенно, поскольку (как многократно было уже выше показано) в борьбе против шведской крестоносной экспансии карелы всегда выступали как часть Новгородского государства.

Из изложенного очевидно, что в 30-е гг. XIII в. Новгороду удалось восстановить свое политическое влияние в земле эми.

Мы знаем из предшествующего материала, что в Новгороде в 20-х и первой половине 30-х гг. был государственный деятель, внимательно следивший за политической обстановкой в Финляндии и дважды предпринимавший меры для борьбы против шведской экспансии, — уже упоминавшийся нами Ярослав Всеволодович. Если в Новгороде своевременно узнали о возникших среди эми антишведских настроениях, если новгородцы сумели поддержать эти настроения, способствовать восстанию эми против шведов и добиться восстановления своего влияния в центральной Финляндии, то во всем этом, как нам кажется, можно предполагать организующую руку Ярослава. Стихийным путем новгородцы не смогли бы добиться столь крупных успехов.

Вместе с тем роль новгородцев в данном случае не надо и преувеличивать, к тексту буллы и здесь следует подойти критически. Шведским церковникам, сообщавшим папскому престолу сведения о восстании эми, было важно возложить вину за организацию восстания на зловередных «врагов креста» и представить дело так, будто недавно крещенная эми просто поддалась враждебному влиянию (иначе пришлось бы прямо или косвенно признать, что работа по христианизации эми в предшествующее время была проведена неэффективно, что шведская церковь не сумела превратить финнов центральной Финляндии в верных христиан). Учитывая это, есть все основания полагать, что роль Новгорода и подвластных ему карел в письме шведских церковников была намеренно преувеличена и что эми сама подняла восстание против шведского господства. Никакая агитация, пришедшая извне, не могла бы вызвать массовое восстание большого и сильного племени,⁸⁰ переживавшего еще последнюю стадию первобытнообщин-

s. 116; Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв. М.—Л., 1959, с. 129). М. Йокиппи, исходя из своей концепции о двух частях земли эми, предположил, что в булле речь идет о восстании христианизированной юго-западной части эми и о поддержке ее со стороны нехристианизированной северо-восточной (Jokipii M. Op. cit., s. 17).

⁸⁰ Нужно иметь в виду, что в Новгородской республике государственный аппарат был очень невелик, а у приглашаемого на новгородский стол князя число служилых людей было еще более ограничено и у новгородских властей не было реальных возможностей организовывать массовые движения в пограничных землях.

ного строя; подобное массовое движение могло быть вызвано лишь очень серьезными обстоятельствами политической обстановки внутри племенной территории.

Правомерна аналогия с событиями, происшедшими в предшествующем десятилетии к югу от Финского залива, в Эстонии. В 1223 г. на всей территории Эстонии, завоеванной в 1219 г. датскими и немецкими рыцарями, вспыхнуло грандиозное восстание против завоевателей. Восстание было поднято самими эстами, стремившимися избавиться от датско-немецкого господства; добившись победы почти на всей территории Эстонии, восставшие обратились за помощью в Новгород и Псков, восстановили давние политические связи с Новгородским государством.⁸¹ Весьма вероятно, что и в земле эми спустя десять лет события развивались в такой же последовательности: эми подняла восстание и обратилась за помощью в Новгород.

Показательно, что из врагов христианской католической веры папа называет в тексте буллы по имени только тавастов и намеренно не называет имени их союзников. Булла с призывом к крестовому походу должна была точно указать врагов — против кого надо идти в поход. Военные операции крестоносцев против союзников тавастов в тот момент — в 1237 г. — не предполагались (ни шведскими властями, испрашивавшими папскую буллу, ни самой панской курией), и потому незачем было отвлекать внимание будущих слушателей буллы от конкретного имени врагов — тавастов.⁸²

Описанные в булле 1237 г. с большой тщательностью мучительные казни, которым тавасты предают священников и своих соотечественников, упорствующих в следовании новой религии, показывают, что установление шведского политического господства в предшествующее время проводилось через посредство шведских церковников; быстрый и резкий отход тавастов от новой веры и возврат к язычеству говорят о том, что тавасты в предшествовавший период были, видимо, лишь поверхностно затронуты католицизмом: католическая религия не успела пустить в стране эми сколько-нибудь глубоких корней. И те же самые новгородцы,⁸³ которые еще за несколько лет до того крестили в христианскую веру ближайших родичей эми — карел, в 30-е гг. в стране эми поддержали борьбу против христиан-шведов, проходившую в форме языческой реакции, в форме реставрации язы-

⁸¹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, с. 224—226; см. также: Казакова Н. А., Шаскольский И. П. Указ. соч., с. 39—41; История Эстонской ССР, т. 1, с. 165—169.

⁸² В булле содержался прямой призыв в отлучению восставших тавастов-отступников от христианской веры; изгнание из Тавастии пришедших туда извне союзников восставших, фигурирующих в булле под именем «варваров», «врагов креста», было второй по значению задачей и не должно было отвлекать внимание от главной цели.

⁸³ Вероятно, с ведома и по указанию того же Ярослава Всеволодовича, по идее которого в 1227 г. было проведено крещение карел.

чества⁸⁴ и уничтожения всех следов христианства.⁸⁵ Как мы видим из текста буллы, все тавасты поднялись на борьбу против шведов, с помощью Новгорода изгнали их из своей земли и поставили под угрозу само пребывание шведов в Финляндии.⁸⁶

Убедившись, что положение в шведской колонии в Финляндии крайне опасно и своими силами Шведскому государству не справиться, руководство шведской церкви обратилось за помощью к папскому престолу. Булла 1237 г. передает сложившееся в правящих кругах Швеции и дошедшее до Рима убеждение, что шведские владения в Финляндии не могут быть прочными, пока основное финское племя — емь-тавасты — не покорено шведами. Более того, из буллы явствует, что если не будут приняты экстренные меры, емь скоро сможет вообще изгнать шведов из Финляндии. И папа, идя навстречу просьбам шведских церковников, потребовал немедленного принятия этих экстренных мер: он обратился к населению Швеции с призывом к «крестовому походу» для покорения племени емь. Участникам «крестового похода» было обещано отпущение грехов (как и крестоносцам, отправлявшимся в Палестину).

Начало «крестового похода» против тавастов-еми было задержано событиями на Руси. Уже готовившаяся шведами военная экспедиция в Тавастланд в 1240 г. была осуществлена в другом направлении — против русских земель.⁸⁷

⁸⁴ Во время эстонского восстания против немцев и датчан 1222—1224 гг., которое также проходило под лозунгом борьбы против христианства и реставрации язычества, новгородцы при участии того же Ярослава Всеволодовича также без колебаний поддержали движение, проходившее в форме языческой реакции. Эти факты свидетельствуют о политической гибкости новгородских властей и, в частности, князя Ярослава.

⁸⁵ К. Пиринен, предположивший наличие в 1220-е гг. в земле еми первых католических церквей, считал возможным, что во время восстания 1230-х гг. ярость восставших была направлена и против этих церквей, которые были сожжены (Pirinen K. Op. cit., s. 189). Гипотеза допустима, но в источнике об этом не говорится.

⁸⁶ «...легко может наступить совершенное падение христианства, если не будет прибегнуто к помощи бога и его апостолического престола» (булла 1237 г.).

⁸⁷ В. Ниитемаа указывает, что собранное по призыву буллы крестовое войско не обязательно должно было быть использовано против тавастов, но могло быть направлено также и против их союзников (Niitemaa V. Op. cit., s. 412); булла призывает вести борьбу против «отступников и варваров»; под «отступниками» подразумеваются тавасты, под «варварами» — их восточные союзники, так что использование войска крестоносцев против Новгородской Руси (что и произошло в действительности в 1240 г.) не находилось в решительном противоречии с текстом буллы. Иными словами, шведский поход на Неву 1240 г. по всей видимости находился в связи с буллой 1237 г., тем более что никаких иных документов папской курии, призывающих к походу на побережье Финского залива, накануне 1240 г. написано не было (Niitemaa V. Op. cit., s. 411), но в то же время поход на Неву не был прямым осуществлением призывов буллы 1237 г., поскольку он был направлен не против еми, а против Руси (см. также примеч. 28 на с. 152).

Г л а в а VII

НЕВСКАЯ БИТВА

1. Организация шведско-немецко-датской агрессии против Руси и роль папской курии

Великие события 1240—1242 гг. уже более полутора столетия служат предметом изучения и русских, и западных исследователей; только за последние десятилетия у нас вышло множество статей и брошюр о Невской битве и Ледовом побоище. Однако многочисленные работы советских авторов по этому вопросу, написанные в основном в научно-популярном стиле, базируются лишь на русских и прибалтийских исследованиях конца прошлого века. Достижения зарубежной науки в данной области за последние шестьдесят лет нашим историкам, к сожалению, были плохо известны. На Западе за это время вышло несколько исследований, давших новый материал для изучения событий 1240—1242 гг. Среди них нужно отметить работы Доннера и Аммана, капитальные исследования, позволяющие значительно глубже проникнуть в сложную обстановку Прибалтики 30-х и начала 40-х гг. и яснее представить себе ход и значение интересующих нас событий.¹

Уже давно немецко-шведскую агрессию против Руси начала 40-х гг. XIII в. исследователи связывали с деятельностью папской курии.² Но только теперь, после работ Доннера, Аммана

¹ Перу финского историка Г. А. Доннера принадлежит капитальное сочинение, посвященное деятельности кардинала Вильгельма, папского легата в странах Северной Европы в 1234—1251 гг., руководившего всей политической деятельностью католической церкви в Прибалтийских землях и сыгравшего выдающуюся роль в ходе событий 20—50-х гг. этого столетия (Donner G. A. Kardinal Wilhelm von Sabina. Helsingfors, 1929). Книга католического историка Аммана (Ammann A. M. Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski's. Roma, 1936) является одним из наиболее крупных западноевропейских исследований о внешней политике Древней Руси первой половины XIII в. Книга тенденциозна (об этом: Пашуто В. Т. О политике папской курии на Руси (XIII в.). — Вопросы истории, 1949, № 5, с. 52—54), но при изучении новгородской внешней политики автор сумел сделать ряд наблюдений, дополняющих данные, которыми располагали русские исследователи.

² Об этом писали еще русские историки середины прошлого века, но они путали и имена пап, и даты папских булл (Устрялов Н. Г.

и других исследователей, картина немецко-шведского наступления, организованного при непосредственном участии руководства католической церкви, вырисовывается достаточно отчетливо.³

Папская курия уже с конца XII в. внимательно следила за продвижением шведских и особенно немецких завоевателей в Прибалтийских странах и оказывала им постоянную помощь и поддержку.⁴ И хотя Ливония все время оставалась главным плацдармом крестоносной экспансии, направленной против прибалтийских и русского народов, с 20-х гг. XIII в. большое внимание курии стало обращаться и на Финляндию как на второй плацдарм подготовляемого папским престолом широкого наступления на русские земли.

30 октября 1209 г., получив сведения, что в Финляндии (подразумевается собственно Финляндия), где население недавно обращено в христианство, длительное время нет епископа, папа Иннокентий III поручил Лундскому архиепископу назначить достойного клирика на этот пост.⁵ 4 апреля 1216 г. тот же Иннокентий III в булле на имя шведского короля Эрика Кнутсона подтвердил его права на владение землей, которую его предшественники⁶ отобрали у язычников (опять же подразумевается покоренная во второй половине XII в. собственно Финляндия),⁷

Русская история, ч. 1. СПб., 1837, с. 223; Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. III. СПб., 1853, с. 186; Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства, ч. 1. СПб., 1863, с. 356—357). Следует при этом подчеркнуть, что вопреки наивному мнению многих малокомпетентных историков (особенно авторов популярных работ последних десятилетий) в нашем распоряжении *нет* документов папской курии, в которых *прямо* говорилось бы об организации походов на Русь 1240 г.; роль папского престола в организации крестоносной агрессии 1240 г. против Руси может быть установлена лишь путем сопоставления ряда *косвенных данных*.

³ Более подробно эта тема рассматривается в работе: Шаскольский И. П. Папская курия — главный организатор крестоносной агрессии против Руси 1240—1242 гг. — Ист. записки, 1951, № 37, с. 169—188; см. также: Eesti ajalugu. II. Tartu, 1937, s. 4—11, 14—18 (глава написана Х. Круусом). Ниже мы рассматриваем лишь документы папской курии, ставившие целиком или частично своей целью поддержку шведской экспансии к северу и востоку от Финского залива; аналогичные документы направлялись в первые десятилетия XIII в. и для поддержки немецкой и датской экспансии в Ливонии.

⁴ См. также: Пашуто В. Т. 1) О политике папской курии на Руси, с. 53—57; 2) Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 240—241; Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв. М.—Л., 1959, с. 97—132.

⁵ Finlands medeltidsurkunder. I. Helsingfors, 1910, № 48.

⁶ «Предшественники» (predecessores) короля Эрика Кнутсона — это, очевидно, его отец, король Кнут Эрикссон и его дед, король Эрик святой (Pipping R. Kommentar till Erikskrönikan. Helsingfors, 1926, s. 88), чем косвенно подтверждается роль Эрика св. в организации первого шведского «крестового похода».

⁷ Carlgren W. M. Om Finlands relationer till Sverige och påvedömet 1216—1237. — Historisk tidskrift, 1950, № 3, s. 252; Anthoni E. Korstågs-

а также на те земли, которые король сам сможет приобрести⁸ (т. е. на соседние финские области, на землю еми).

В 1221 г., узнав из послания финляндского епископа Томаса об опасном положении финляндской епархии, окруженной враждебными «варварскими» народами (подразумевались, видимо, новгородцы, карелы, емь), папская курия прибегла к новому средству поддержки шведской Финляндии: папа Гонорий III потребовал под угрозой отлучения от церкви запретить христианам⁹ вести торговлю с этими «варварами».¹⁰

Особенно выросла активность Рима с избранием на папский престол Григория IX, одного из самых выдающихся церковных деятелей, занимавших этот пост, человека огромной энергии, одержимого идеей о всемирном господстве католической церкви. Григорий IX большое внимание обращал на Ливонию и Финляндию, на вновь завоеванные и еще не до конца покоренные страны, в которых власть находилась в руках князей церкви,¹¹ подчи-

tiden och dess innebörd. — In: Kring korstågen till Finland. Helsingfors, 1968, s. 160; Pirinen K. Den kyrkliga organiseringen av det finska missionsrådet. — Ibid., s. 198.

⁸ Finlands medeltidsurkunder, I, № 52.

⁹ Подразумеваются все христианские народы, т. е. и шведы, и немцы, и датчане, и жители Готланда, которые вели оживленную торговлю с русскими — с Новгородом и с находившимися под его влиянием карелами и емью (Rein G. Biskop Thomas och Finland i hans tid. — In: Kring korstågen till Finland. Helsingfors, 1968, s. 27; Carlgren W. M. Op. cit., s. 261, анм. 3).

¹⁰ Finlands medeltidsurkunder, I, № 64.

¹¹ В Ливонии главой немецкого рыцарского государства официально и фактически являлся епископ, глава ливонской церкви, подчинявшийся папе. В 1225—1233 г. представители римской курии пытались создать в Ливонии (в Эстонии, Семигалии, Курляндии) непосредственные владения папского престола (Шаскольский И. П. Указ. соч., с. 174—176). Во главе шведской колонии в Финляндии также стоял епископ, сочетавший светскую и духовную власть и довольно мало зависевший от Швеции. Существует мнение, что и здесь во время правления епископа Томаса курс политики этого прелата был направлен на превращение Финляндии в самостоятельное церковное княжество (Rein G. 1) Biskop Thomas..., s. 24—48; 2) Föreläsningar öfver Finlands historia. I. Helsingfors, 1870, s. 105; Yrjö-Koskinen G. Z. Finnische Geschichte. Leipzig, 1874, S. 33—36); по мнению Я. Яккола, этот курс был реально осуществлен и Финляндия в 1220—1230-е гг. стала церковным княжеством, фактически независимым от Швеции (Jaakkola J. Suomen varhaiskirkkoihin. Porvoo—Helsinki, 1938, s. 247—250, 255, 258; см. также: Wuorinen J. The «Crusade» of 1157 in Finland. — In: Scandinavian Studies. Seattle, 1965, p. 359—360). Однако большинство современных исследователей не согласилось с этой концепцией (Ailio J. Hämeen linnan esi- ja rakennushistoria. — In: Hämeenlinnan kaupungin historia. I. Hämeenlinna, 1917, s. 42—43; Suomen historian käsikirja. Porvoo—Helsinki, 1949, s. 146; Carlgren W. M. Op. cit., s. 263, 270—284; Gallén J. Synpunkter på Finlands äldsta historia. — In: Historianopettajien Vuosikirja. V. Helsinki, 1963, s. 11; Anthoni E. Op. cit., s. 161). В действительности шведская колония в Финляндии была еще слишком слаба, чтобы существовать без постоянной помощи из Швеции и чтобы вести самостоятельную внешнюю политику, политику экспансии во внутренних областях Финляндии.

нявшихся Риму. Завоевание и покорение центральной Финляндии, завершение покорения племен Ливонии постоянно было предметом заботы папы, стремившегося к расширению господства католической церкви в обеих странах.¹²

Уже через 1½ года после своего избрания в начале 1229 г. Григорий IX занялся вплотную делами далекой финляндской епархии. Поводом для этого послужило полученное папой письмо епископа Томаса, жаловавшегося на постоянные нападения русских на шведские владения и на то, что крещенных финнов (в Тавастланде) и просившего папскую курию о помощи. В течение нескольких дней января 1229 г. Григорием IX было написано и отправлено 7 булл, касавшихся Финляндии.¹³ Зная из упомянутого письма, что главным врагом шведской церкви в Финляндии является Новгород, папский престол вновь решил прибегнуть к единственному имевшемуся в его распоряжении невооруженному средству борьбы — попытке организовать экономическую блокаду Новгорода, чтобы подорвать этим путем военное могущество русских. В булле, написанной 23 января 1229 г., папа потребовал от рижского епископа, от пробста рижской соборной церкви и от аббата Дюнамюнде принять меры, чтобы купцы под угрозой церковного проклятия (анафемы) порвали всякие торговые сношения с русскими¹⁴ «до тех пор, пока последние не прекратят все враждебные действия против новоокрещенных

¹² Политика папской курии в 20—30-е гг. XIII в., руководимой с 1227 г. Григорием IX, получила своеобразное истолкование в цитированной выше книге Я. Яккола. Исходя из своих позиций крайнего национализма, Яккола попытался показать, будто Финляндия в это время стояла в центре международной жизни Северной Европы. Утверждая (см. примеч. 11), будто Финляндия была тогда почти самостоятельным государством, находившимся в непосредственном подчинении римскому престолу, Яккола вместе с тем старался доказать, что Финляндия в 1220—1230-х гг. была в центре внимания папской курии и что именно для защиты Финляндии от русской опасности римская курия предприняла в 1230-х гг. организацию агрессивного наступления на русские земли (Jaakkola J. Op. cit., s. 255—256). В действительности папская курия подготавливала во всех странах Балтийского моря крестоносную агрессию против Руси отнюдь не ради защиты небольшой шведской колонии в Финляндии, а преследуя гораздо более широкие цели. Шведская Финляндия и по численности населения, и по уровню экономического развития тогда значительно уступала Эстонии, землям латышей и ливов; кроме того, к 30-м гг. XIII в. завоевание Восточной Прибалтики (кроме Курляндии) было уже завершено и владения крестоносных завоевателей уже вплотную подошли к коренным русским землям, тогда как в Финляндии к тому времени было прочно захвачено шведами лишь юго-западное побережье страны. Поэтому в центре внимания курии была не Финляндия, а Восточная Прибалтика (Ливония).

¹³ Мы далее касаемся содержания 4 из этих 7 булл. Пятой буллой папа брал финляндскую церковь и ее членов под свое личное покровительство. 6-я и 7-я буллы посвящены внутренним вопросам финляндской церковной жизни.

¹⁴ Åbo Domkyrkas Svartbok. Helsingfors, 1890, № 3.

финнов». ¹⁵ Это требование распространялось на торговлю оружием, железом, медью, свинцом, лошадьми и продовольствием. Спустя 4 дня, 27 января папа послал аналогичное требование шведскому епископу Линчёпингскому (которому подчинялся в церковном отношении Готланд), ¹⁶ аббату римского цистерцианского аббатства на Готланде и пробсту соборной церкви в Висбю ¹⁷ и 16 февраля повторил это требование. ¹⁸ Четвертая подобная булла была послана 27 января 1229 г. епископу Любекскому. ¹⁹ Таким образом, Григорий IX рассчитывал прекратить всю европейскую торговлю с Новгородом и Северной Русью, шедшую по морю через Любек и Готланд, через Финский и Рижский заливы, и лишить новгородцев подвоза оружия, а также металлов, из которых оружие может быть произведено. Контролировать ведение торговой блокады должны были церковные руководители всех торговых центров на берегах Балтийского моря. ²⁰

Была ли в действительности осуществлена объявленная главой католической церкви торговая блокада Новгорода, из источников неизвестно. Исследователи вполне резонно высказывают свои сомнения в том, что эта мера смогла осуществиться на практике — слишком важна и выгодна была торговля с Новгородом для купцов Ганзы и Готланда; само повторение этих строгих предписаний показывает, что они не достигали цели. ²¹

24 ноября 1232 г., получив вести о новом ухудшении положения шведской колонии в Финляндии, Григорий IX обратился с посланием к ливонским рыцарям-меченосцам, призывая их к походу в Финляндию для защиты «нового насаждения веры»

¹⁵ Т. е. этот запрет торговли был ограничен во времени — не навсегда, а только пока продолжаются враждебные действия (запрет торговли, объявленный Гонорием III в 1221 г., не был ограничен во времени). Предполагается (хотя в текстах данной и следующих булл прямо не говорится об этом), что запрет торговли распространялся только на Новгород и не затрагивал Пскова, Полоцка, Витебска, Смоленска (Carlgen W. M. Op. cit., s. 261, 269).

¹⁶ Епископ Линчёпингский был вторым (после архиепископа Упсальского) по значению прелатом в шведской католической церкви; существует предположение, что, поскольку в его ведении находился Готланд, ему принадлежало до 1220-х гг. право духовной юрисдикции над всеми западными (католическими) купцами в Новгороде (в большой своей части являвшимися выходцами из Готланда); к главе шведской церкви, архиепископу Упсальскому, папа не обращался, возможно, ввиду неспокойного в 1229 г. внутреннего положения в Швеции (Carlgen W. M. Op. cit., s. 268).

¹⁷ Rydberg O. S. Sverges traktater med främmande magter. I. Stockholm, 1877, № 75; Diplomatarium Suecanum, t. I. Stockholm, 1829, № 250.

¹⁸ Rydberg O. S. Op. cit., № 76; Diplomatarium Suecanum, I. № 253.

¹⁹ Åbo Domkyrkas Svartbok, № 5.

²⁰ Carlgen W. M. Op. cit., s. 269.

²¹ Rein G. Biscop Thomas..., s. 27; Гишпинг А. И. Нева и Ниеншанц, ч. I. СПб., 1909, с. 82; Тихомиров М. Н. Сражение на Неве. — Военно-ист. журн., 1940, № 7, с. 97—98; Carlgen W. M. Op. cit., s. 268, 273—274.

от нападений неверных русских.²² Хотя эта булла не имела практических результатов,²³ она интересна нам по двум причинам. Во-первых, булла дает еще одно подтверждение, что новгородцы в начале 30-х гг. активно боролись против шведов в центральной Финляндии²⁴ за вытеснение шведского влияния из земли эми (булла была, очевидно, написана после нового обращения епископа Томаса к папе с жалобой на русские нападения). Во-вторых, мы здесь впервые встречаемся с проектом объединения сил немецких и шведских рыцарей для совместной борьбы против русских.

В 1232 г. папскому легату в Прибалтийских странах Балдуину Альнскому было поручено в пределах вверенной ему области запрещать всем христианам (подразумеваются католические государства и рыцарские ордена) без его разрешения вести переговоры и заключать мир или перемирие с русскими или с языческими народами.²⁵ В 1234 г. в пределы легатской области Балдуина была включена папой Финляндия,²⁶ таким образом легату вменялось в обязанность поддерживать финляндскую церковь и шведскую политику экспансии, базирующуюся на Финляндию.

По справедливому мнению Доннера, все эти мероприятия папской курии ставили целью использовать и Финляндию в своей политике, стремившейся к подчинению Руси и в первую очередь Новгорода.²⁷

Спустя пять лет, в 1237 г., получив известие от архиепископа Упсальского о выступлении тавастов, поддержанных русскими, против шведов и католической церкви, Григорий IX направил в Швецию уже цитированную нами буллу с призывом к организации «крестового похода» против тавастов.²⁸

²² Liv-, Est- und Kurländische Urkundenbuch. Ed. F. Bunge, Bd I. Reval, 1863 (далее — LUB), № 128; Rydberg O. S. Op. cit., I, № 83; Diplomatarium Suecanum, I, № 276.

²³ Rein G. Biscop Thomas..., s. 39; Donner G. A. Op. cit., s. 220.

²⁴ Под «новым насаждением веры» имелись, конечно, в виду новоокрепленные финские области. Следовательно, речь идет о центральной Финляндии, о Тавастланде, население которой было недавно обращено в католическую веру, а не о юго-западной части страны, обращенной в христианство уже 6—7 десятилетий тому назад.

²⁵ LUB, № 121; Donner G. A. Op. cit., s. 218.

²⁶ LUB, № 118.

²⁷ Donner G. A. Kardinal Wilhelm von Sabina, s. 218 (см. также: Рамм Б. Я. Указ. соч., с. 126). Поэтому Доннер подверг критике концепцию И. В. Руута, считавшего, что папа Григорий IX стремился превратить финляндское епископство в церковное княжество, непосредственно подчиненное римской курии и неподвластное Швеции (Ruuth J. W. Suomi ja raavilliset legaatit 1200-luvun alkupuolella. — Historiallinen aikakauskirja, 1909, s. 95—96); в действительности Григорию IX для подготавливаемого им большого наступления на Новгородскую Русь важнее было использовать участие сильного Шведского государства, чем слабого епископства в юго-западной Финляндии (Donner G. A. Op. cit., s. 219—220).

²⁸ Finlands medeltidsurkunder, I, № 82. После Костомарова, по ошибке указавшего, что булла 1237 г. призывала к «крестовому походу» против русских (Костомаров Н. И. Указ. соч., с. 356—357), многие русские

Таковы основные мероприятия папской курии по оказанию поддержки шведской экспансии в Финляндии. Как мы видим, глава вселенской католической церкви уделял большое внимание финляндским делам, и не его вина, если его предписания в силу различных причин не были претворены в жизнь.

С 1234 г. папским легатом в Прибалтийских странах становится кардинал Вильгельм Сабинский; в его легатскую область была включена и Финляндия;²⁹ Вильгельм (по поручению папы Григория IX) поставил одной из своих задач примирение католических государств, борющихся в Прибалтике, чтобы объединить их силы и направить их на завоевание русской земли и подчинение ее католической церкви.³⁰

В 1237 г. при участии папской курии было произведено объединение ливонского Ордена меченосцев с Тевтонским орденом, владевшим Пруссией. В результате немецкий рыцарский орден в Ливонии стал частью более мощного объединения немецкого рыцарства и обрел возможность получать постоянную поддержку из Пруссии.

Спустя год закончилась борьба датчан и немецких рыцарей из-за северной Эстонии. Под давлением легата Вильгельма немецкий орден должен был по Стенбийскому договору возвратить северную Эстонию Дании.³¹ Как показал в своем исследовании Доннер,³² кардинал Вильгельм сумел добиться примирения обеих сторон, направив их стремления на будущие завоевания.³³

Уже тогда, при заключении Стенбийского договора папская курия имела в виду организацию большого завоевательного похода объединенных сил немцев и датчан на Северную Русь. В Стенбийском договоре датскому королю Вальдемару было предоставлено право на новые завоевательные походы в «языческие» страны и на передачу Дании $\frac{2}{3}$ всех земель, которые будут завоеваны на востоке.³⁴ Из принадлежавшей датчанам северной

авторы, писавшие о Невской битве, считали поход шведов на Неву и даже поход немцев 1240 г. прямым осуществлением буллы 1237 г. Ошибочность подобного мнения явствует из приведенного нами выше содержания буллы, в которой о русских говорится лишь иносказательно и содержится призыв к «крестовому походу» не против русских, а против тавастов. Столь же ошибочна содержащаяся в той же работе Костомарова (с. 357) ссылка на буллу папы Гонория 1239 г. с призывом к крестоносцам соединиться со шведами и напасть на Русь. В действительности булла эта датируется 1232 г., написана папой Григорием IX и не имеет прямого отношения к событиям 1240 г.

²⁹ Доннер G. A. Kardinal Wilhelm von Sabina, s. 162—164, 222.

³⁰ Ibid., s. 217, 222—223; Шаскольский И. П. Указ. соч., с. 177—187; Рамм Б. Я. Указ. соч., с. 122—129.

³¹ Северная Эстония была завоевана в 1219—1220 гг. датчанами, но в 1228 г. немецкий орден вооруженным путем отобрал у датчан эту территорию. Дания не примирилась с немецким захватом, и спор продолжался до 1238 г.

³² Доннер G. A. Kardinal Wilhelm von Sabina, s. 217, 222—223, 233.

³³ Подробнее см.: Шаскольский И. П. Указ. соч., с. 181—185.

³⁴ LUB, I, № 160.

Эстонии можно было совершить поход только в одну сторону — в сторону русских владений, земли води³⁵ (ибо на юг шли владения союзников Дании — немцев). Таким образом, Стенбийским договором, заключенным при участии папского легата, уже прямо предусматривался в ближайшем будущем совместный поход немцев и датчан против русских земель.³⁶

Татарское нашествие в 1237—1238 гг. создало чрезвычайно выгодную обстановку для нападения на Русь.

Опустошенная и обескровленная нашествием Русь, казалось, была уже не способна к сопротивлению. Правда, Новгород и Псков не были затронуты татарами, но жесточайший удар, нанесенный всей стране, не мог не сказаться и на северных русских землях. Сила Новгородского государства в его борьбе с врагами на западе основывалась не только на собственных военных формированиях; за спиной Новгорода стояла вся Русь, и в трудную минуту на помощь новгородцам всегда приходили полки из центральных русских областей. Новгородские границы были границами всей русской государственности, и правящие круги соседних держав, думая о нападении на новгородские пределы, должны были учитывать не только новгородские военные силы, но и вооруженную помощь, которую новгородцы могут получить из Центральной Руси. С этой стороны на Новгороде как раз и должны были сказаться результаты татарского нашествия. Центральные русские земли, обескровленные татарскими полчищами, теперь, казалось, уже не могли оказать помощь Новгороду в его борьбе с силами католического мира. И хотя ни один источник подобных указаний нам не дает, совершенно ясно, что именно приведенные соображения побудили немцев и датчан выбрать 1240 г. для давно (с 1237 г.) намечавшегося похода на Северную Русь.

Безусловно, эти же соображения повлияли и на шведские власти.³⁷ Уже несколько лет готовившуюся военную экспедицию.

³⁵ A m m a n n A. M. Op. cit., p. 219.

³⁶ Шаскольский И. П. Указ. соч., с. 183—185. — Правда, договоренность о совершении в ближайшем будущем похода против русских земель в 1238 г. была, по-видимому, установлена лишь в принципе, без деталей. По словам Доннера, можно считать только лишь возможным, что в Стенби кардиналом Вильгельмом совместно с королем Вальдемаром и магистром Германом Балком были запланированы те «крестовые походы», которые в 1240 г. были произведены шведскими и немецко-датскими войсками против Новгорода (Donner G. A. Kardinal Wilhelm von Sabina, s. 223).

³⁷ С ослаблением Руси в результате татарского нашествия связывали выбор 1240 г. для шведского похода многие авторы: Лерберг А. Х. О жилищах еми. — В кн.: Лерберг А. Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1849, с. 125—126; Гиппинг А. И. Указ. соч., с. 88—89; Rein G. 1) Biskop Thomas., s. 41—42, 2) Föreläsningar öfver Finlands historia, I, s. 110—111; Yrjö-Koskinen G. Z. Op. cit., s. 34; Forsström O. A. Suomen keskiajan historia. Jyväskylä, 1898, s. 108; Ailio J. Op. cit., s. 48; Donner G. A. Kardinal Wilhelm von Sabina, s. 223; Eesti ajalugu, II, s. 18; Тихомиров М. Н. Сражение на Неве, с. 98; Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в нов-

предназначавшуюся для похода на тавастов, шведские власти решили направить на своего главного врага — Новгород.

Довольно давно у историков возникла мысль, что шведы и немцы согласовали в 1240 г. свои удары, что оба нападения были звеньями одной цепи. Эта мысль приковывала к себе внимание каждого серьезного исследователя, изучавшего события 1240 г.³⁸ Но прямых указаний на шведско-немецкие переговоры и соглашение о совместном нападении на Русь источники не дают.³⁹

Тем не менее в нашем распоряжении имеется теперь ряд доказательств, подтверждающих старую мысль о согласованности обоих походов.

городское время. Петрозаводск, 1944, с. 92; Niitemaa V. Hämeen keskiaika. — In: Hämeen historia. I. Hämeenlinna, 1955, s. 410—411; Рамм Б. Я. Указ. соч., с. 129—130; Jokipii M. Hämeen ristiretki. — In: Suomen kirkkohistorialisen seuran vuosikirja. 52—53. 1962—1963. Helsinki, 1965, s. 18; Juva E., Juva M. Suomen kansan historia. I. Helsinki, 1964, s. 139—140; Jutikkala E., Pirinen K. Finlands historia. Stockholm, 1968, s. 39.

³⁸ Rein G. Biskop Thomas..., s. 43—44; Yrjö-Koskinen G. Z. Op. cit., s. 37; Forsström O. A. Op. cit., s. 108; Donner G. A. Kardinal Wilhelm von Sabina, s. 223—224; Gallén J. Öst och väst im kamp om Finland. — In: Här reste kristi kors. Helsingfors, 1955, s. 46; Kirkinen H. Karjala idän kulttuuripiirissä. Helsinki, 1963, s. 80, etc.; Устрялов Н. Г. Указ. соч., с. 221, 223; Энгельман А. Хронологические исследования в области русской и ливонской истории в XIII и XIV столетиях. СПб., 1858, с. 133; Костомаров Н. И. 1) Указ. соч., ч. I, с. 356—357; 2) Князь Александр Ярославич Невский. — В кн.: Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, т. I. СПб., 1912, с. 126; Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 98; Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953, с. 840; Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956, с. 175; Рамм Б. Я. Указ. соч., с. 127—128, и др. — Лишь прибалтийско-немецкий историк Остен-Сакен решительно выступил против этого мнения, считая шведский и немецкий походы совершенно самостоятельными предприятиями. (Osten-Sacken P. Der erste Kampf des Deutschen Ordens gegen die Russen. — Mitteilungen aus der livländischen Geschichte, Riga, 1910, XX, s. 93—94).

³⁹ В Житии Александра Невского сохранилось представление о наличии каких-то сношений между немцами и шведами накануне похода 1240 г. На это указывает известие о приезде к Александру рыцаря «Андреяша», помещенное в Житии в начале рассказа о Невской битве. «Андреяш», по словам Жития, был «некто от Западные страны, иже нарицаются слуги божия»; божьими слугами называли себя немецкие рыцари-меченосцы в Ливонии. Андреяш будто бы ездил в Новгород посмотреть на Александра и, вернувшись, стал рассказывать всем на западе, какой замечательный князь правит в Новгороде. Услышав это, «король части Римьския», — продолжает Житие, — решил померяться силами с Александром и захватить его владения (Полное собрание русских летописей, т. IV, с. 35; далее — ПСРЛ). Иными словами, по представлению автора Жития, шведский предводитель решил совершить нападение после каких-то сношений с немцами. Но в данном рассказе более или менее достоверно только это представление, сохранившееся у составителя Жития; весь рассказ об Андреяше в целом недостоверен, является чисто литературным приукрашиванием Жития и возник довольно поздно. Поэтому совершенно напрасно многие авторы работ об Александре Невском ссылаются на этот рассказ как на реальный факт.

Как показал Доннер в своей работе, в Прибалтийских странах в этот момент был человек, по заданию папы стремившийся подготовить завоевание русских земель и имевший и желание, и возможность согласовать и объединить действия всех католических сил, заинтересованных в нападении на Русь: это был папский легат Вильгельм, в легатскую область которого входили и Швеция, и Дания, и немецкая Ливония. Кроме того, по источникам прослеживается крупная роль в организации и руководстве обоими походами шведских и немецких церковников. В составе шведского войска, пришедшего на Неву, летописью упоминаются «пискушы»; по данным рифмованной Хроники, организатором немецкого похода 1240 г. был дерптский епископ Герман.⁴⁰ Шведским и немецким католическим епископам, подчиненным папской курии и ее легату в Прибалтийских странах, было, конечно, легче договориться между собой, чем светским властям. Весьма вероятно поэтому, что именно легат Вильгельм, используя свои связи со светскими и особенно духовными властителями немецкой Ливонии, Швеции и датской Эстонии,⁴¹ в начале 1240 г. мог организовать связь шведов, немцев и датчан для договоренности об одновременном нападении на русские земли.⁴²

Важным аргументом Доннер считал и сам факт немецкого выступления летом. Немецкие походы в Ливонии всегда предпринимались зимой, когда замерзали болота и реки и облегчалось передвижение войск.⁴³ Если поход 1240 г. был организован летом, для этого должна была иметься какая-то необычная причина; таковой могла быть необходимость согласовать время похода с морской экспедицией шведов.

В нашем распоряжении имеется еще один факт, безусловно свидетельствующий, что договоренность между шведами и немцами действительно имела место. Этот факт — одновременность нападения. Шведский флот вошел в Неву в середине июля 1240 г., немецкие войска вместе с отрядом датчан вступили на русские земли в конце августа. Такое совпадение во времени⁴⁴ начала

⁴⁰ Ditlebs von Alnpecke Livländische Reimchronik. — In: *Scriptores rerum Livonicarum*, I, 1853; см. также: *Donner G. A. Op. cit.*, s. 224.

⁴¹ Вильгельм во время своего пребывания в Ливонии и в северной Эстонии в 1225/26 и в 1237/38 гг. встречался со всеми правящими деятелями немецких и датских владений в Прибалтике.

⁴² Доннер считал также вероятным, что овладение берегами Невы нужно было католическим церковникам Швеции и Прибалтики для принуждения Новгорода перейти в римско-католическую веру (*Donner G. A. Kardinal Wilhelm von Sabina*, s. 224, 225).

⁴³ *Engelhardt H. Beitrag zur Entstehung der Gutsherrschaft während der Ordenszeit*. Leipzig, 1897, S. 57—59; *Donner G. A. Kardinal Wilhelm von Sabina*, s. 226—227.

⁴⁴ Одним из главных аргументов П. Остен-Сакена против обычного мнения о согласованности обоих походов является разница почти на два месяца в датах шведского и немецкого нападений: шведы напали в июле, немцы и датчане — в конце августа—сентябре. Но, по представлениям того времени, оба нападения надо считать одновременными, ибо о точ-

двух завоевательных походов сил католической Европы против одного и того же противника, против Новгородской Руси, не могло быть случайностью.⁴⁵

Таким образом, походы шведского и немецко-датского войск на Русь в 1240 г. были, по всей видимости, заранее согласованы, явились результатом заключенного при участии папской курии соглашения трех активных сил феодально-католической Европы об одновременном нападении на русские пределы с целью завоевания северо-западных русских земель.

Немецкие и датские рыцари должны были нанести удар Руси с суши, из своих ливонских владений. Шведы решили нанести удар с моря, через Финский залив,

Детальное изучение всего хода борьбы Руси против немецко-шведской агрессии 1240—1242 гг. не входит в задачи нашего исследования. Нам важно было лишь установить международную обстановку, в которой происходил шведский поход на Русь 1240 г.

2. Шведский поход на Русь 1240 г.

О шведском походе на Русь в 1240 г. сообщают нам только русские источники (Новгородская I летопись старшего извода и Житие Александра Невского); в шведских источниках нет ни малейших намеков на это событие. Они для середины XIII в. сообщают нам только об одном шведском походе на восток — о походе Биргера ярла в 1249 г. для завоевания Тавастланда (земли еми).

Задача, поставленная организаторами похода, — завоевание берегов Невы и Ладоги (низовьев Волхова). Захватом Невы и Ладоги сразу должны были быть достигнуты две цели. Во-первых, в руки шведов переходил единственный для Новгорода (и для всей Руси) выход к морю, в их руки попадала важнейшая жизненная артерия новгородской торговли — путь из Волхова через Неву в Финский залив; шведы в этом случае должны были получить экономическое господство над Новгородом и Новгородской землей. Во-вторых, в руки шведов переходили земли, связанным совпадением в датах тогда, конечно, не могло быть и речи при отсутствии постоянной связи (сношений) между руководителями нападающих сторон. Поскольку дата выступления должна была зависеть от целого ряда причин (от того, как быстро соберутся воины, сходящиеся и из близлежащих, и из весьма отдаленных местностей, как быстро немцам удастся подготовить лошадей, шведам — суда для морского похода и тому подобных обстоятельств, которые заранее в те времена нельзя было предусмотреть), шведские и немецкие власти могли договариваться заранее лишь о выступлении в одно и то же лето, с точностью до одного-двух месяцев.

⁴⁵ Высказано также мнение, что руководители Шведского государства, имея общую договоренность с немецким рыцарским орденом в Ливонии о нападении на Новгородскую землю, решили выступить раньше немецких крестоносцев, чтобы успеть захватить в свои руки особо важные в стратегическом отношении берега Невы (Suomen historian käsikirja, s. 152).

вавшие Финляндию с собственно новгородской территорией, и в результате емь была бы совершенно отрезана от Новгорода;⁴⁶ Новгород не смог бы больше участвовать в борьбе за Финляндию и были бы созданы условия для покорения земли еми; лишенное могущественной поддержки русских, население центральной Финляндии (емь-тавасты) не сможет далее сопротивляться шведско-завоевателям.

Можно ли брать на веру слова летописца, приписывавшего шведам стремление захватить не только Ладогу, но Новгород и всю новгородскую землю? Шведские правящие круги, конечно, знали, что Новгород — большой, сильно укрепленный город и захват его — задача весьма сложная. Мы имеем все основания полагать, что захват Новгорода и Новгородской Руси являлся конечной целью шведско-немецкой экспансии 1240 г. Но, вероятно, и шведы, и немцы не рассчитывали, что их походы немедленно приведут к полной победе. Скорее ближайшей целью шведского похода был захват берегов Невы и Ладоги и закрепление на этой территории, чтобы затем, опираясь на Ладожскую крепость, нанести удар по Новгороду.

Таким образом, шведский поход 1240 г. по своим целям и задачам носил откровенно захватнический характер.⁴⁷ Поход должен был по замыслу его организаторов стать решающим и поворотным моментом в общем ходе русско-шведской борьбы. Задуманным ударом шведские власти рассчитывали поставить на колени своего главного противника — Новгород и, победоносно закончив вековую борьбу с ним, предрешить и окончательное покорение Финляндии.

В литературе неоднократно высказывалось мнение, что шведская военная экспедиция 1240 г. носила характер «крестового похода».⁴⁸ В пользу этого мнения могут быть приведены некото-

⁴⁶ Törne P. O. Medeltidsstudier. III. — Historisk tidskrift för Finland, 1920, h. 3—4, s. 152. См. также: Ailio J. Op. cit., s. 48.

⁴⁷ Реакционный финский историк Я. Яккола сделал попытку дать этому походу диаметрально противоположное толкование. Не признавая, что емь находилась в XI—XIII вв. в зависимости от Новгорода, Яккола изображал борьбу Новгорода за землю еми в 20—30-х гг. XIII в. как стремление захватить *чужую* территорию, законную сферу влияния шведов; шведская феодально-католическая экспансия 20—30-х гг. в земле еми соответственно изображалась как... оборона от русских. Отсюда следует, что и шведский поход на Неву не был агрессией; это было своего рода контрнаступление против «угрожающего давления Русского государства» (Jaakkola J. Op. cit., s. 278). Аналогичное мнение высказал еще ранее Г. Доннер: поход на Неву должен был сдержать экспансию Новгорода на запад (Donner G. A. Om missionsmetoderna vid tavaster-nas kristning. — In: Kring korstågen till Finland. Helsingfors, 1968, s. 78; см. также: Juva E., Juva M., Op. cit., s. 139). Между тем даже если считать, что емь к 1240 г. вновь подпала под влияние Швеции (об этом мнению см. с. 164—166, 197—199), поход с откровенной целью завоевания русских земель невозможно признать оборонительным.

⁴⁸ Rein G. A. Biskop Thomas..., s. 41—44; Ailio J. Op. cit., s. 47; Donner G. A. Kardinal Wilhelm von Sabina, s. 225; Jaakkola J. Op. cit.,

рые доводы. Как уже говорилось, есть основания думать, что этот поход первоначально предполагалось направить в землю еми для ее покорения и что он должен был служить прямым осуществлением призыва папы Григория IX (в булле от 9 декабря 1237 г.) к населению Швеции подняться на «крестовый поход» против тавастов-еми; весьма возможно, что войско было уже собрано для этого похода и лишь вести о татарском вторжении и тяжком бедствии, постигшем Русь в 1238—1240 гг., побудили шведское правительство придать походу другое направление. На то, что поход носил характер «крестового», указывает и отмеченное летописью наличие в войске, пришедшем на Неву, нескольких «пискупов» (упомянуты летописью во множ. числе);⁴⁹ в обычном походе, не носившем религиозной окраски, нескольким епископам было нечего делать. На крестonosный характер похода указывает и предполагаемое участие в его подготовке папского легата в Прибалтийских странах Вильгельма. Возможно, что официальной целью похода было крещение в католическую веру еще пребывавшего в язычестве населения русских приморских владений — води и ижоры⁵⁰ (а также и русских, давно крещенных, но с позиций католической церкви тоже считавшихся «погаными»). Все эти обстоятельства говорят о большей вероятности мнения о крестonosном характере похода 1240 г., но мнение это все же остается гипотезой в силу недостатка сведений в источниках.

Каков был состав шведского войска, двинувшегося в поход на русские земли? Сведения об этом содержатся в единственном источнике — в Новгородской I летописи старшего извода,⁵¹ в летописной статье 1240 г. Поскольку текст данной статьи был написан явно в тот же год со слов участников и очевидцев Невской битвы,⁵² исследователи, особенно финские, считали его абсолютно достоверным. Между тем, как и всякий источник, этот текст нуждается в критическом рассмотрении. В нем говорится,

s. 279; Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 97—98; Гадзьяцкий С. С. Водская и Ижорская земли Новгородского государства. — Ист. записки, 1940, № 6, с. 133; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси, с. 293; Niite ma a V. Op. cit., s. 411; Anthoni E. [Рец. на кн. Hämeen keskiaika. I]. — Historisk tidskrift för Finland, 1956, h. 2—3, s. 116; Juva E., Juva M. Op. cit., s. 139—140.

⁴⁹ В тогдашнем Шведском государстве было всего 6 епископов (включая епископа Финляндского) и архиепископ Упсальский. Поэтому присутствие в войске даже двух (тем более трех) епископов означало участие в походе значительной части руководителей шведской церкви.

⁵⁰ Так полагал Айлио J. Op. cit., s. 48). О том, что ижора была в 1240 г. еще языческой, имеется прямое свидетельство в Житии Александра Невского (см. ниже, с. 187).

⁵¹ Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М., 1950, с. 77. — О составе шведского войска сообщается под 1240 г. и в других летописях, но все эти данные восходят к известию Новгородской I летописи старшего извода.

⁵² См. ниже, с. 179—180.

что в 1240 г. на Неву пришли «своей в силе велице и мурмане»⁵³ и сумь и емь», т. е. шведское войско состояло из воинов четырех разных народов, говоривших на четырех разных языках.⁵⁴ Подобное войско могло быть управляемым и боеспособным только, если оно состояло из четырех отрядов, сформированных по этническому признаку, — из отрядов шведов, норвежцев, суми и еми, притом что в каждом отряде команда осуществлялась на своем языке. И для того чтобы установить существование в шведском войске четырех этнических отрядов, нужно было увидеть это войско, выстроенное в боевом порядке. Однако, по данным источников,⁵⁵ в начале битвы шведское войско было застигнуто новгородцами врасплох в лагере на берегу Невы, построиться в боевой порядок не успело; новгородцы, неожиданно напавшие на врага, видели вражеских воинов считанные часы в ходе ожесточенного сражения; можно ли было в такой обстановке установить наличие в составе шведского войска отрядов из четырех разных народов?⁵⁶

Привлечение общих данных по истории Норвегии и Финляндии подтверждает законность наших сомнений. Прежде всего не внушает доверия упоминание в составе шведского войска норвежцев (мурман). Русские и финские буржуазные авторы не пытались подвергнуть это упоминание научной критике. А норвежский историк П. А. Мунк (основатель норвежской буржуазной исторической науки) в своей «Истории норвежского народа» изображает участие норвежцев в шведском походе на Неву как важный факт внешнеполитической истории Норвегии в XIII в.⁵⁷ Между тем сообщаемые им же самим сведения по внутренней истории Норвегии 20—30-х гг. XIII в. и первых месяцев 1240 г. показывают, что Норвежское государство не могло участвовать в шведском походе на Русь.

1239 и особенно 1240 годы — время острой междоусобной борьбы внутри Норвегии между королем и его сторонниками,

⁵³ Мурмане — норвежцы.

⁵⁴ Племенные диалекты суми и еми должны были тогда иметь отличия.

⁵⁵ См. ниже, с. 191.

⁵⁶ Установить этническую принадлежность иноязычных врагов можно было по одежде и вооружению; но во время сражения вряд ли было возможно определить количество воинов каждой этнической группы, выяснить, были ли среди врагов 4 разноэтничных отряда, или были только 2 отряда (шведов и суми) и отдельные воины из числа норвежцев и еми.

⁵⁷ Munch P. A. Det norske Folks Historia. Deel IV, bd I. Christiania, 1858, с. 54—55. — Некритический подход Мунка в данном случае является, вероятно, проявлением его норвежского национализма. Политически ослабевшая Норвегия в XIII в. уже не вела большой внешней политики, как это было в эпоху викингов, и не вела крупных внешних войн и походов. Поэтому Мунку был весьма важен факт участия норвежцев в походе 1240 г., как бы говорящий, что и в XIII в. норвежцы были способны совершать большие заморские походы, что и в XIII столетии Норвегия являлась крупным фактором международной жизни Северной Европы.

с одной стороны, и варбельгерами — сильной группировкой норвежских феодалов — с другой. На 1240-й год приходится самый разгар этой междоусобной войны. В марте этого года король Хакон понес сильное поражение от варбельгеров в битве при Лаака и, лишь собрав все силы своей партии, смог в конце апреля разбить противников в сражении вблизи Осло. Преследование остатков разгромленных войск продолжалось целый месяц — лишь в конце мая движение варбельгеров было окончательно разбито.⁵⁸ Борьба с варбельгерами была столь упорной и длительной, что обе стороны должны были исчерпать свои силы. Сразу же после окончания междоусобицы Норвежское государство, ослабленное междоусобной борьбой, не могло, по-видимому, и думать об участии в крупном военном предприятии шведов на Балтийском море.⁵⁹ Поскольку шведский флот пришел в Неву в 1240 г. в начале июля и по дороге еще заходил в шведскую колонию в юго-западной Финляндии за вспомогательными отрядами финнов, выход флота из шведских портов мог происходить не позже первой половины июня. Чтобы успеть присоединиться к шведам до их посадки на суда, норвежское войско должно было бы быть собрано и выступить со сборного пункта во всяком случае в мае, т. е. тогда, когда в Норвегии еще продолжалась междоусобная борьба и когда сбор войска для заморского похода был просто невозможен.

Внешнеполитическая обстановка 30-х и начала 40-х гг. также не позволяет думать о возможности участия Норвегии в шведском походе. Норвегия с 20-х гг. XIII в. находилась во враждебных отношениях со Швецией. В 1225 г. король Хакон совершил поход в шведскую провинцию Вермеланд, и с этого времени мелкие враждебные действия на границе не прекращались. Летом 1241 г. шведское правительство сделало попытку примирения; в Грандхейм к Хакону был послан для переговоров зять шведского короля Биргер, сын Магнуса (будущий Биргер ярл). Но переговоры оказались безрезультатными, отношения между странами остались враждебными.⁶⁰

Политическая борьба в Восточной Прибалтике, на берегах Финского залива, ни в какой мере не затрагивала интересы Норвежского государства. Норвегия не участвовала в завоевании прибалтийских земель; норвежские границы лежали на огромном расстоянии от Невы, и не было реальных оснований посылать норвежские коронные войска в такой далекий и опасный поход.⁶¹

⁵⁸ Munch P. A. Op. cit., Deel III, bd. 2. Christiania, 1857, s. 931—981.

⁵⁹ См. также: Gallén J. Kring Birger jarl och andra korståget till Finland. — Historisk tidskrift för Finland, 1946, h. 2—4, s. 68, anm. 1.

⁶⁰ Munch P. A. Op. cit., deel III, bd. 2, s. 1012.

⁶¹ Аргументом против участия Норвегии в походе 1240 г. является также полное отсутствие упоминаний об этом событии в норвежских источниках. Для Швеции и Новгорода ввиду неполноты их источников

Таким образом, Норвегия как государство в шведском походе на Русь, по всей видимости, не участвовала и самостоятельного норвежского отряда в шведском войске быть не могло.⁶²

Недостоверность упоминания норвежцев в летописной статье 1240 г. показывает, что все известие о составе шведского войска требует проверки. Упоминание в этом известии племени емь тоже вызывает серьезные сомнения.

Дореволюционная наука (и русская, и финская) в данном случае, не задумываясь, доверяла летописи; по ее примеру также поступали и советские историки. Между тем современная финская буржуазная историческая литература обратила на этот вопрос внимание и в недавние годы использовала его в своих политических целях.

Два финских историка буржуазно-объективистского направления 1920-х гг. Доннер и Хурнборг заметили, что участие еми в составе шведского войска в 1240 г. совсем не вяжется с теми

XIII в. подобный аргумент мы бы не могли выдвинуть. Совсем иное дело — Норвегия. Время правления короля Хакона, сына Хакона (20—50-е гг. XIII в.), освещено в источниках с такой тщательностью и полнотой, что мы знаем обо всех более или менее крупных событиях часто с мельчайшими подробностями. Автор главного источника этой эпохи, саги о Хаконе, сыне Хакона, сам бывший активным участником политической жизни Норвегии и современником описываемых событий, не мог в своем подробном, с точностью до дней, описании деятельности короля в 1240 г. забыть упомянуть об организации похода против далекой Новгородской Руси. Тем более что в XIII в. (в отличие от эпохи викингов) норвежцы уже не предпринимали больших заморских походов, и участие Норвежского государства в подобном походе должно было привлечь большое внимание, стать выдающимся событием политической жизни.

⁶² Можно предложить два объяснения, каким образом упоминание норвежцев-мурман могло в этом случае попасть в русскую летопись в статье 1240 г.

1. Упоминание мурман — ошибка летописца. Летописец знал о существовании норвежцев как народа, родственного шведам, и упомянул их в составе шведского войска, может быть, для того, чтобы более грозной казалась опасность и более величественной — победа Александра.

2. Если участие Норвегии исключается, то, может быть, норвежские рыцари могли участвовать в походе в порядке частной инициативы. Поскольку поход носил, по всей видимости, характер «крестового», группа норвежских рыцарей могла принять участие в этом предприятии с религиозно-политическими целями. Подобное объяснение вполне вероятно, но против него говорит внутренняя обстановка в Норвегии. В походе в порядке частной инициативы должны были участвовать рыцари южных, соседних со Швецией норвежских провинций. Но как раз южные провинции Норвегии были в 1240 г. основной ареной междоусобной борьбы и местные рыцари-феодалы вряд ли могли помышлять об участии в заморских походах. Может быть, речь шла здесь всего лишь о нескольких рыцарях-норвежцах со своими вооруженными слугами, отправившихся в поход по собственной воле, вне зависимости от отношений между государствами. А летописец со слов участников Невской битвы внес в свой текст упоминание норвежцев, не зная, был ли в составе шведского войска отряд норвежцев или всего несколько норвежских воинов.

представлениями о политической позиции еми, которые дает папская булла от 9 декабря 1237 г.⁶³ и источники 40-х гг. XIII в.⁶⁴ Действительно, булла 1237 г. говорит о массовом всенародном восстании еми, о изгнании шведов с территории еми и о страшном ожесточении восставших против шведских захватчиков.⁶⁵ В ходе своего восстания, по данным буллы 1237 г., еми получила поддержку Руси и восстановила дружественные политические связи с ней. Как уже говорилось, восставшая еми и по мнению шведских властей, и по мнению папы могла перейти в дальнейшее наступление на шведскую колонию в юго-западной Финляндии и лишь чрезвычайные меры способны были эту колонию спасти. Положение шведской колонии оставалось критическим ввиду опасности со стороны еми и в 40-е гг. В 1245 г. глава шведской колонии епископ Томас вынужден был бежать из Финляндии,⁶⁶ а в 1249 г. шведское правительство должно было организовать в землю еми «крестовый поход» и только благодаря крупным силам и превосходству вооружения добилось к весне 1250 г. покорения всего племени. Спустя 6 лет, при вступлении русских войск в землю еми в 1256 г., еми вновь поднимает восстание против шведов.⁶⁷ По всем этим данным позиция еми в конце 30-х и в 40-е гг. XIII в. была настолько враждебна шведам, что участие племени еми в шведском походе на Русь было невозможно. Упоминание еми в летописи в составе шведского войска было, по-видимому, ошибкой летописца.⁶⁸

Наиболее вероятное объяснение причин этой ошибки можно дать по аналогии с отмеченным выше ошибочным упоминанием в шведском войске норвежцев-мурман. Не исключено, что в швед-

⁶³ О ней см. выше, с. 140—143.

⁶⁴ Donner G. A. 1) Kardinal Wilhelm von Sabina, s. 235; 2) Om missionsmetoderna vid tavasternas kristning, s. 78; Hornborg E. 1) Finlands kristning. — In: Kyrkohistorisk årsskrift. 1930. Uppsala, 1931, s. 215; 2) Finlands hävder. I. Helsingfors, 1944, s. 186.

⁶⁵ См. выше, с. 141—146.

⁶⁶ Hornborg E. Finlands kristning, s. 215.

⁶⁷ См. ниже, с. 222—226.

⁶⁸ Доннер и Хурнборг (исходя из общего положения финского национализма о якобы исконной враждебности финнов к русским) объясняли ошибочность указания летописи тем, что русский летописец, вероятно, привык видеть упоминание еми в составе шведских войск, привык причислять еми к врагам Новгорода (Donner G. A. Kardinal Wilhelm von Sabina, s. 235; Hornborg E. 1) Finlands kristning, s. 215; 2) Finlands hävder, s. 186). Такое объяснение не может быть принято. В летописях еми в составе шведского войска упоминается лишь дважды (под 1240 и 1256 гг.) и оба раза скорее всего ошибочно, ибо и в 1256 г. еми была настроена враждебно к шведам (см. ниже, с. 211, примеч. 44). Кроме того, летописец должен был знать о происшедшем в 30-е гг. XIII в. восстановлении политических связей еми с Новгородом.

Хурнборг предложил и второе, более правдоподобное объяснение: летописец стремился назвать побольше врагов, участвовавших в нападении, чтобы казалась более значительной достигнутая победа (Hornborg E. Finlands hävder, s. 186).

ском войске могло участвовать несколько воинов из племени емь, перешедших на службу к шведам⁶⁹ и находившихся в составе отряда племени сумь. А летописец, стремившийся как можно более точно охарактеризовать вражеское войско, но писавший текст о Невской битве с чужих слов,⁷⁰ отметил по показаниям участников битвы, что в шведском войске была и емь, не зная, участвовало ли в битве несколько воинов из еми или целый отряд этого племени; напомним при этом еще раз, что шведское войско не успело в начале битвы выстроиться в боевой порядок и потому установить наличие в этом войске отдельного отряда еми новгородцы в ходе боя практически не имели возможности.

Между тем для буржуазно-националистической, антирусской концепции ранней финской истории, издавна сложившейся в финской науке, упоминание еми в составе шведского войска, напавшего на Неву, оказалось особенно важным и нужным и этот вопрос был в большей или меньшей степени затронут несколькими авторами. Для сторонников концепции, которая не признавала существовавшие с XI в. политические связи еми и Древней Руси и считала емь извечным врагом русских (и подвластных Руси карел), было весьма неприятно антишведское восстание еми середины 1230-х гг., происшедшее с помощью Руси; если же считать, что к 1240 г. емь вновь вернулась в стан врагов Русского государства, восстание, так ярко описанное в булле 1237 г., следовало рассматривать как совсем кратковременный и случайный эпизод в истории исконной дружбы еми со Швецией. Поэтому в финской историографии 1920—60-х гг. появилось несколько научных построений, ставивших целью истолковать в желательном духе отмеченное Хурнборгом и Доннером странное противоречие в позиции еми в 1237 и 1240 гг.

Достоверность сведений буллы 1237 г. о восстании еми и его направленности не могла вызывать сомнений. Но и известие Новгородской I летописи, записанное в 1240 г., представлялось столь же абсолютно достоверным большинству финских ученых (не имевших возможности проделать тот критический анализ летописного текста, который был произведен нами выше).⁷¹ Построения ряда финских историков исходили из убеждения о правильности обоих известий (1237 и 1240 г.).

Наиболее откровенно выступили историки крайнего националистического направления 1930-х—начала 1940-х гг. (Яккола

⁶⁹ По мнению П. Тёрне, это могло быть несколько людей (мужчин) из племени емь, оставшихся во время восстания 1230-х гг. сторонниками шведов (v. Törn e, P. O. Op. cit., s. 152).

⁷⁰ Летописец явно не был свидетелем битвы — в летописной статье 1240 г. нет никаких сведений о самом ходе сражения.

⁷¹ В более сжатом виде о недостоверности летописного известия об участии еми в Невской битве было уже давно сказано в статье: Ша с к о л ь с к и й И. П. Новые материалы о шведском походе 1240 г. против Руси. — Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1951, № 3, с. 270—271; однако эта работа осталась неизвестной финским ученым.

и др.). Для них как раз необходимо было во что бы то ни стало подтвердить истинность известия летописи, ибо под 1240 г. единственный раз летопись упоминает и сумь, и емь в качестве участников большого завоевательного похода против Руси⁷² и участие обоих финских племен в шведском походе можно было представить как результат единодушного стремления всей Финляндии⁷³ бороться против русских, как важное доказательство тезиса о «исконной» враждебности финнов к России и неизменных дружественных чувствах к Швеции. Правда, Яккола и его последователи не могли отвергнуть данных буллы Григория IX о враждебности еми в 1237 г. к шведам; слишком бесспорны были эти данные. Тогда названные авторы решили представить ход событий таким образом, будто бы племя емь в течение последовавших за написанием буллы 1238 и 1239 гг. было подчинено шведам и потому уже могло в 1240 г. участвовать в походе.⁷⁴ А отсутствие в источниках каких-либо сведений о таком подчинении Яккола, ничтоже сумняшеся, использовал как... доказательство: раз не имеется сведений о подчинении еми силой оружия значит подчинение произошло мирным путем.⁷⁵ Участие еми в походе на Неву Яккола считал бесспорным и использовал в своей концепции (которая будет в полном виде рассмотрена ниже).

Исходя из представления о достоверности участия еми в шведском войске в 1240 г., Я. Галлэн также разработал в 1946 г. довольно сложное построение⁷⁶ с целью доказать, что накануне 1240 г., в 1238 или 1239 г. из Швеции был совершен «крестовый поход» на емь (обычно датируемый 1249 г.) и земля еми была покорена шведскими крестоносцами;⁷⁷ эта концепция была поддержана несколькими финскими учеными.⁷⁸ Хотя в отличие от Якколы Галлэн при создании своего построения руководствовался не политическими мотивами, а поиском научной истины, объективно его построение должно было лишь обстоятельно обосновать правильность летописного известия об участии еми в 1240 г. в шведском походе на Русь и тем самым — правильность общей

⁷² В летописи имеется, правда, и второе совместное упоминание о суми и еми в составе шведского войска — под 1256 г., но поход 1256 г. имел меньшие размеры и не сыграл сколько-нибудь серьезной роли в ходе русско-шведской борьбы.

⁷³ Коренное население Финляндии составляли два упомянутых финских племени — сумь и емь, которые впоследствии слились в единый финский народ.

⁷⁴ Juvelius E. Suomen sotahistorian pääpiirteet. I. Helsinki, 1927, s. 36; Jaakkola J. 1) Suomen varhaiskeskiaika, s. 277; 2) Suomen historian ääriivivat. Porvoo—Helsinki, 1941, s. 72; см. также: Donner G. A. Kardinal Wilhelm von Sabina, s. 225; Jokipii M. Op. cit., s. 18.

⁷⁵ Jaakkola J. Suomen varhaiskeskiaika, s. 277.

⁷⁶ Подробнее см. с. 197—199.

⁷⁷ Gallén J. Kring Birger jarl, s. 55—70. — Галлэн попытался доказать, что второй шведский «крестовый поход», в шведской науке датируемый 1249 г., произошел на самом деле в 1238 или 1239 гг.

⁷⁸ См. с. 197, примеч. 2.

националистической концепции финской историографии о извечной дружбе эми со шведами.⁷⁹ Ошибочность построения Галлена рассматривается нами ниже.⁸⁰

Другое построение предложил М. Йокипии, исходя из своей рассмотренной выше⁸¹ концепции о существовании в 1220—1230-е гг. двух частей племени эми (и двух частей земли эми); по мнению Йокипии, антишведское восстание 1230-х гг., описанное в папской булле, охватило юго-западную часть эми, давно бывшую в сфере шведского церковно-политического влияния и потому быстро вновь вернувшуюся под это влияние: эта часть эми участвовала в шведском войске, отправившемся в 1240 г. в поход на Русь.⁸² При рассмотрении этого построения невольно возникает мысль — не для того ли автор (сознательно или бессознательно) создал свою концепцию о двух частях племени, чтобы обосновать правильность упоминания эми в составе шведского войска, вторгшегося в пределы Новгородской земли?

Таким образом, все изложенные построения финских исследователей исходят из тенденциозного стремления подтвердить участие эми в шведском походе 1240 г. на Неву, но не учитывают всей совокупности показаний источников о политической позиции эми в XI—XIII вв., особенно в 1230-е и 1240-е гг., и основаны на некритическом отношении к летописному известию о составе шведского войска в 1240 г.; мы считаем очевидным, что эми как племя в шведской экспедиции на Неву, по всей видимости, не участвовала.

Итак, войско, отправившееся в 1240 г. в поход на Русь, очевидно, состояло только из шведов и из финнов племени сумь. Подобный вывод отнюдь не означает, что шведское войско было в действительности слабее, чем предполагалось, если исходить из буквального чтения текста летописи; напротив, шведское войско, состоявшее из самих шведов и давно подвластной суми и не включившее в свой состав враждебных Швеции норвежцев и эми, было более однородным, чем полагали раньше, и потому более сильным.

Откуда был предпринят поход: из самой Швеции или из шведских владений в Финляндии? Кто был инициатором и руководителем похода? Эти два взаимно связанных вопроса в русской дворянско-буржуазной историографии не вызывали сомнений. Со времени Карамзина считалось, что шведское войско отправи-

⁷⁹ Надо, правда, отметить, что Галлен, как серьезный исследователь, проявил необходимую осторожность и счел также возможным, что упоминание эми и норвежцев в составе шведского войска в летописи под 1240 г. было преувеличением летописца (Gallén J. Kring Birger jarl. . . , s. 68, anm. 1).

⁸⁰ См. с. 199.

⁸¹ См. с. 126—128.

⁸² Jokipii M. Op. cit., s. 18.

лось на кораблях из самой Швеции и что во главе войска (как указывают некоторые источники) стоял Биргер, фактический руководитель Шведского государства в середине XIII столетия.⁸³ С русскими исследователями были согласны и шведские буржуазные авторы.⁸⁴ Так же стали трактоваться эти вопросы в 1930-е и 1940-е гг. и советскими историками.

В финской буржуазной исторической литературе была выработана совсем иная концепция, впервые выдвинутая более ста лет назад финским буржуазным историком периода финского буржуазно-национального подъема Г. Рейном в монографии «Епископ Томас и Финляндия в его время».⁸⁵ Рейн использовал мнение шведского историка XVIII в. Лагербринга, считавшего, что в период правления короля Эрика Эриксона (1222—1250) продолжительная борьба с враждебной группировкой феодалов внутри страны не позволяла шведскому правительству организовывать походы за пределы Швеции.⁸⁶ Полное молчание шведских источников о походе 1240 г., по мнению Рейна, также доказывает, что в походе не принимали участие официальные власти Швеции.⁸⁷ Следовательно, считает Рейн, поход был частным предприятием, организованным шведскими прелатами (поскольку в летописи в составе шведского войска упомянуты «пискупы»), и важнейшим инициатором похода был, конечно, руководитель шведской колонии в Финляндии епископ Томас, ибо шведская колония была особенно заинтересована в борьбе против Руси.

Мнение Рейна в первое время, в середине XIX в., не имело успеха в финской буржуазной науке,⁸⁸ и даже сам Рейн в написанной им в конце жизни сводной работе по истории Финляндии на своей гипотезе не настаивал.⁸⁹ Но в конце XIX в. и начале XX в. гипотеза Рейна была принята всей финской буржуазной исторической литературой;⁹⁰ с этого времени шведский поход на Неву

⁸³ Карамзин Н. М. История государства Российского, кн. I, т. IV. СПб., 1842, с. 17—18.

⁸⁴ Sveriges historia från äldsta tider till våra dagar. I. Stockholm, 1877, s. 400; Schück H. Svenska folkets historia. I. Lund, 1914, s. 396; Tunberg S. Äldre medeltiden. — In: Sveriges historia till våra dagar. II. Stockholm, 1926, s. 83—84, и др.

⁸⁵ Rein G. Biskop Thomas..., s. 43.

⁸⁶ Lagerbring S. Svea rikets historia. II. Stockholm, 1773, s. 371.

⁸⁷ См также: Forsström O. A. Op. cit., s. 109.

⁸⁸ Финские историки в этот период по-прежнему считали, что поход 1240 г. был организован в Швеции; см.: Salenius J. M. Ruotsolaisten ristiretkistä. Porvoo, 1868, s. 46; Yrjö-Koskinen G. Z. Op. cit., s. 35; Renvall F. F. Finlands historia i sammandrag. Åbo, 1876, s. 25.

⁸⁹ Rein G. Föreläsningar öfver Finlands historia, I, s. 111—112.

⁹⁰ Hauser R. Kuustö slott. Helsingfors, 1881, s. 4; Forsström O. A. Op. cit., s. 109; Vest E. Finlands historia. Helsingfors, 1906, s. 21; Ahlta E. Piirteitä Aunuksen ja Vienan Karjalan historiasta. — In: Karjalan kirja. I. Porvoo, 1910, s. 182; v. Törne P. O. Op. cit., s. 152; Pipping R. Op. cit., s. 99; Lindqvist K. O. Suomen historia. Porvoo, 1926, s. 69; Mikko J. J. Novgorodernas krigståg till Finland intill år 1311. — Historisk tidskrift för Finland, 1927, h. 2, s. 71—72; Donner G. A. Kardinal Wilhelm

1240 г. финские авторы стали называть «походом епископа Томаса». Особенно широко теорию Рейна стали применять в 1920—1940-е гг. финские историки крайне националистического направления.⁹¹

Для подтверждения концепции Рейна финские авторы конца XIX и XX в. использовали содержащееся в летописи упоминание обоих финских племен, суми и еми, в составе шведского войска, пришедшего на Неву; поскольку для похода были собраны отряды со всей Финляндии, следовательно, заключают финские историки, именно Финляндия явилась базой для организации похода, и руководителем похода мог быть только руководитель шведской колонии в Финляндии — епископ Томас.

Нетрудно понять, почему гипотеза Рейна получила распространение среди финских историков именно в конце XIX в. и почему она широко применялась в финской буржуазной исторической литературе в 1920—1940-е гг. В конце XIX в. финский буржуазный национализм принял неприкрыто антирусскую направленность и антирусская тенденция в изображении истории Финляндии, ранее существовавшая в сильно завуалированной форме, была значительно усилена. Тогда-то и пригодились концепция Рейна, позволившая представить крупнейший за все раннее средневековье поход со шведской стороны на русские земли как предприятие, организованное шведской Финляндией. Благодаря этой теории создавалась возможность представить дело так, будто бы Финляндия уже тогда, в XIII в., была мощной политической силой, способной совершать поход даже на Русское государство и будто бы вся Финляндия (и шведы, и финны) уже тогда была непримиримо враждебна Руси. Когда в 1920-е гг. возникло сомнение по вопросу об участии в походе 1240 г. еми,⁹² реакционное крыло финской науки (как было уже показано) поторопилось любыми средствами опровергнуть это сомнение и показать, что все население Финляндии — и шведы, и оба финских племени — было едино в стремлении бороться с Русью. Экспедиция 1240 г., по словам Якколы, была результатом «давно леле-

von Sabina, s. 224, и др. — Трактровка Рейна проникла в предреволюционные годы и в русскую буржуазную историческую литературу: в «Очерках истории Финляндии» М. Лялиной (СПб., 1910, с. 19) и в «Истории финского народа» М. Головинского и Н. Ядрышева (СПб., 1901, с. 16) организация похода 1240 г. приписывается «епископу Фоме» (Томасу). Проникла эта концепция и в эстонскую буржуазную науку (Eesti ajalugu, II, s. 18).

⁹¹ Juvelius E. Suomen kansan aikakirjat. I. Helsinki, 1932, s. 244; Jaakkola J. 1) Suomen varhaiskeskiaika, s. 278—280; 2) Suomen historian ääriiivat, s. 72; Aminoff T. G. Karjalan Lännen etuvartiona. Helsinki, 1943, s. 69—70; Salomies J. Suomen kirkkon historia. I. Helsinki, 1944, s. 81—83, и др. — Высказывалось даже мнение, что для епископа Томаса с 1220-х гг. борьба с русскими была «делом его жизни» (Jaakkola J. Suomen varhaiskeskiaika, s. 246), а Невская битва — «кульминационным пунктом» его деятельности (ibid., s. 283).

⁹² См. выше, с. 162—163.

явшейся в Финляндии мечты»⁹³ о подобном походе; отряды финских племен не были насильно посланы в поход шведами, а сами будто бы рвались на борьбу с русскими; финны были почти что равноправными участниками похода и сыграли в походе почти такую же роль, как и шведы. А епископ Томас как руководитель похода выполнял волю не только шведских феодальных верхов, но и масс финского населения.

Подобная концепция у финского читателя 1920—1930-х гг. должна была создать представление о прямой аналогии между событиями 1240 г. и современностью; финский читатель подводился к выводу, что поход на Советскую Россию, усиленно подготовлявшийся финскими реакционерами в 20—30-е гг., должен был завершить то «великое» дело, которое не смогла выполнить Финляндия с епископом Томасом во главе 700 лет тому назад.

Концепция о «походе епископа Томаса» при ее ближайшем рассмотрении не выдерживает научной критики. Положенные Рейном в основу этой теории аргументы, доказывающие, что шведское правительство не могло своими силами организовать в 1240 г. поход на Русь, сейчас не могут приниматься всерьез. Полное молчание шведских источников о походе 1240 г. вполне объяснимо состоянием этих источников; в Швеции до конца XIII в. не имелось официальных повествовательных источников типа русских летописей и больших западноевропейских хроник и события текущей политической жизни нигде в официальном порядке не фиксировались; немногочисленные источники неофициального характера не восполняют этого пробела. Без сомнения, не только поход на Неву, но и многие другие мероприятия шведских властей XIII в. так и не были нигде отмечены в письменных памятниках. Несостоятелен и второй аргумент Рейна, заимствованный им из шведской научной литературы XVIII столетия; политическая обстановка в Швеции при короле Эрике Эрикссоне была действительно напряженной, но не в течение всего срока его царствования, продолжавшегося почти тридцать лет. Открытая борьба короля с враждебной группировкой шведских феодалов происходила в 1229—1234 гг. и в 1247—1248 гг.; в конце 30-х и начале 40-х гг., в течение тринадцати лет, политическая обстановка была сравнительно спокойной и ничто не мешало в это время шведскому правительству организовать завоевательный поход на русские земли.

Несостоятельным аргументом является и ссылка на наличие в шведском войске отрядов обоих финских племен — и суми, и еми. Набор войска и с суми, и с еми потребовал бы значительного времени, потребовал бы поднять для похода чуть ли не всю Финляндию. Но, как уже было показано, финское племя емь скорее

⁹³ Jaakkola J. Kuningas Maunu Eerikinpojan unionipolitikasta ynnäsen aikaisesta pohjoismais—saksalais—balttilais—venäläisistä suhteistä vuoteen 1348 ja Itämaan synnystä. Helsingfors, 1928, s. 33.

всего в походе участвовать не могло. Участвовало в походе лишь расселенное на ограниченной прибрежной территории и давно подчиненное шведам племя сумь; собрать с этого племени отряды воинов было гораздо проще, и много времени для сбора вовсе не требовалось. Отряды племени сумь вполне могли быть присоединены по пути к войску, перевозимому на кораблях из Швеции мимо юго-западной Финляндии к берегам Невы. А существовавшее якобы в 1240 г. стремление всего финского населения бороться против русских является фантазией Якколы.

Крайне тяжелая для шведов политическая обстановка в Финляндии в конце 30-х гг. XIII в. не давала возможности властям шведской колонии думать о новых завоеваниях. Как уже говорилось, в результате грандиозного восстания эми к концу 30-х гг. XIII в. шведская колония в Финляндии оказалась под угрозой гибели. В таких условиях властям колонии приходилось имевшиеся в наличии слабые силы сосредоточивать для защиты своих поселков и укреплений и, конечно, нельзя было и мечтать о каких-либо самостоятельных походах за море, для завоевания русских земель.

В свете приведенных фактов совершенно необоснованным оказывается принимавшееся в течении длительного времени значительной частью финских историков утверждение о руководящей роли епископа Томаса в организации и проведении похода.⁹⁴ Никакие источники, касающиеся похода, лично епископа Томаса не упоминают. Летопись сообщает, правда, что в составе шведского войска находились «пискупы»,⁹⁵ но и из первоначального известия летописи (Новгородской I), и из развернутого рассказа о Невской битве в Житии Александра Невского совершенно очевидно, что руководителем похода был не один из «пискупов», а представитель светской власти, «князь»,⁹⁶ лично участвовавший

⁹⁴ Учитывая, что концепция Рейна не опиралась на показания источников, финские ученые в послевоенные годы ее уже не поддерживают (Niitemaa V. Op. cit., s. 411; Gallén J. 1) Kring Birger jarl, s. 68; 2) Öst och väst i kamp om Finland, s. 46; 3) Synpunkter på Finlands äldsta historia, s. 44; Kirkinen H. Op. cit., s. 80; Juva E., Juva M., Op. cit., s. 140). В выдержавшей несколько изданий «Истории Финляндии» Ютиккала и Пиринена прямо говорится, что «епископ Томас очевидно не играл особенно выдающейся роли в Невской авантюре, как долго считалось в Финляндии» (Jutikkala E., Pirinen K. Op. cit., s. 40; см. также: Suomen historian käsikirja. I. Porvoo—Helsinki, 1949, s. 152). За последние десятилетия только автор одного научно-популярного сочинения назвал епископа Томаса руководителем Невского похода (Haganen T. E. Tuomas-piispan ristiretki Nevalle v. 1240. — Muistojen Karjala, 1959, № 5, s. 3—5; № 6, s. 5—7). На этом частном примере (на примере отказа от антирусской исторической концепции, поддерживавшейся ранее финскими историками из политических соображений) видны сдвиги, происшедшие в послевоенные десятилетия в финской исторической науке.

⁹⁵ И допустимо предположение, что Томас мог быть одним из епископов, участвовавших в походе (Jokipii M. Op. cit., s. 19; Gallén J. Kring Birger jarl, s. 68; Juva E., Juva M. Op. cit., s. 140).

⁹⁶ Новгородская I летопись, с. 77.

в сражении (и переделанный позднее составителями Жития в «короля»). Достоверность указания Новгородской I летописи о наличии в шведском войске в качестве предводителя «князя», т. е. представителя светской власти (в отличие от упомянутых на втором месте представителей духовной власти — «пискупов»), не подлежит сомнению, ибо участники сражения, давшие материал автору летописной статьи 1240 г., лично должны были видеть «князя» во время битвы.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные об устройстве военных сил в феодальной Европе того времени подтверждают, что базой для организации похода 1240 г. не могла быть Финляндия, а могла быть только Швеция. Швеция (как и другие европейские страны в ту эпоху) не имела постоянного войска,⁹⁷ оно набиралось лишь для похода. Постоянного войска не было и в шведских владениях в Финляндии; там находились лишь небольшие военные отряды в укрепленных пунктах, едва достаточные для обороны. Шведское население в Финляндии было еще весьма невелико. Набрать большое и сильное войско, достаточное для завоевания жизненно важных новгородских территорий, можно было только в самой Швеции. Только там мог быть собран и флот, способный перевезти значительное войско через море, — флот морского ополчения (ледунга).⁹⁸ Безусловно правы те авторы, которые считают Швецию основной базой подготовки похода 1240 г., а сам поход — предприятием не шведской колонии, а всего Шведского государства. Именно как большой поход Шведского государства на Русь изображают этот поход наши летописцы.

В русской дворянско-буржуазной историографии со времен Карамзина⁹⁹ укоренилось мнение, что организатором и предводителем шведского похода на Неву был Биргер.¹⁰⁰ Это мнение¹⁰¹ некритически восприняли многие советские авторы. Описание Невской битвы в нашей литературе начинается со ставшего уже традиционным рассказа о приходе ярла Биргера с войском и устье Невы и о посылке им надменного вызова князю Александру в Новгород. При описании хода сражения наши авторы также уже по традиции рассказывают о единоборстве Александра

⁹⁷ Hornborg E. *Finlands kristning*, s. 229.

⁹⁸ Carlgren W. M. *Op. cit.*, s. 281.

⁹⁹ Карамзин Н. М. Указ. соч., кн. I, т. IV, с. 17—18 и примеч. 24 (ссылка на «Рукописание Магнуша, короля Свейского»). — Русские историки XVIII в., говоря о Невской битве, Биргера еще не упоминали.

¹⁰⁰ Устрялов Н. Г. Указ. соч., ч. I, с. 222—223; Беляев И. Великий князь Александр Ярославич Невский. — *Временник Моск. о-ва ист. и древн. Росс.*, 1849, кн. 4, с. 6; Соловьев С. М. Указ. соч., т. III, с. 186; Костомаров Н. И. Указ. соч., ч. I, с. 357—360, и др.

¹⁰¹ Оно поддерживалось и некоторыми шведскими и финскими учеными (Schück H. *Op. cit.*, s. 396; Anthoni E. *Korstågstiden och dess innebörd*, s. 164; Suomen historian käsikirja, s. 152; Gallén J. 1) *Öst och väst i kamp om Finland*, s. 46; 2) *Kring en historia om det novgorodiska Karelen*. — *Historisk tidskrift för Finland*, 1964, h. I, s. 63; 3) *Synpunkter på Finlands äldsta historia*, s. 11).

п Биргера и о ране, нанесенной Александром шведскому правителю.

Имеются ли серьезные основания считать Биргера руководителем шведского похода 1240 г.?

В наиболее раннем тексте о Невской битве, содержащемся в Новгородской I летописи по Синодальному Харатейному списку, говорится, что шведы приплыли «с князем и с пискупы своими», без упоминания имен.¹⁰² Житие Александра Невского, содержащееся в различных редакциях в более поздних летописных текстах, называет предводителя похода «король части Римьския от полунощныя страны». И лишь в двух источниках — в Житии Александра Невского, помещенном в Новгородской IV летописи, и в «Рукописании Магнуша, короля Свейского» — упоминается собственное имя, по-видимому, произведенное от имени Биргера: «Бергель» (Новг. IV),¹⁰³ «Белгер» («Рукописание Магнуша» в Воскресенской, Ермолинской и Типографской летописях),¹⁰⁴ «Белгеръ» («Рукописание Магнуша» в летописи Аврамки и в Московском летописном своде конца XV в.).¹⁰⁵

Как могло попасть в эти памятники имя Биргера?

Житие Александра Невского содержится во многих летописях, но ни одна редакция Жития, кроме редакции Новг. IV, имени «Бергель» не упоминает; во всех остальных редакциях «король части Римьския» имени не имеет. Поскольку все тексты Жития Александра Невского имели один общий протограф, составленный, по имеющимся данным, в 70—80-е гг. XIII в.,¹⁰⁶ и поскольку имя «Бергель» содержится только в одном тексте, можно со всей очевидностью заключить, что в протографе (первоначальной редакции) Жития это имя не читалось.¹⁰⁷

Как же попало это имя в Новгородскую IV летопись?

Как установлено исследователями летописания, текст Новгородской IV летописи восходит к летописному своду 1448 г.¹⁰⁸ Но к тому же своду восходит и текст Софийской I летописи,¹⁰⁹ в которой (в помещенном в ней под 1240 г. Житии Александра Невского) имя Биргера отсутствует. Кроме того, из семи списков

¹⁰² Новгородская I летопись, с. 77.

¹⁰³ ПСРЛ, т. IV, ч. 2, вып. I, Пг., 1917, с. 262.

¹⁰⁴ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, с. 216; т. XVI. СПб., 1889, с. 110; т. 24. Пг., 1924, с. 120.

¹⁰⁵ ПСРЛ, т. XVI, с. 80; т. 25. М.—Л., 1949, с. 178.

¹⁰⁶ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965, с. 56—61.

¹⁰⁷ Невозможно предположить, чтобы, переписывая текст Жития, составители более поздних редакций почему-то опускали имя «короля части Римьския» и чтобы только составитель редакции трех поздних списков Новгородской IV летописи это имя переписал в свой текст.

¹⁰⁸ Лурье Я. С. Общерусские летописные своды XIV—XV вв. Л., 1976, гл. 2. См. также: Шахматов А. А. Летописи. — Новый энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, т. 25, с. 160—161; Лихачев Д. С. Русские летописи. М.—Л., 1947, с. 312—313, 446—449.

¹⁰⁹ Лурье Я. С. Указ. соч., с. 67—69.

Новгородской IV летописи имя Биргера упоминается лишь в трех более поздних списках: Академическом, Синодальном и Строевском, и в восходящем к Новгородской IV летописи списке Дубровского.¹¹⁰ Очевидно, что ни в своде 1448 г., ни в первоначальной редакции Новгородской IV летописи испорченное имя Биргера не читалось; оно внесено в поздние списки этой летописи из какого-то постороннего источника.

Группа списков Новгородской IV летописи позднего извода датируется концом XV и первой половиной XVI в.; Строевский — концом XV и началом XVI в.; Академический — первой половиной XVI в., Синодальный — 1544 г.,¹¹¹ список Дубровского содержит в себе Новгородский свод 1539 г. (являющийся дополненным текстом Новгородской IV летописи).¹¹² Остается выяснить, откуда могло попасть в позднюю редакцию Новгородской IV летописи испорченное имя Биргера?

Как уже было указано, имя Биргера упоминается только в «Рукописании Магнуша» и в поздней редакции Новгородской IV летописи; оба памятника являются произведениями новгородской письменности — первый XV в.,¹¹³ второй — конца XV и первой половины XVI в. Составители поздней редакции Новгородской IV летописи, работавшие в том же Новгороде, в узком кругу новгородских книжников, вряд ли могли не знать о существовании такого своеобразного литературного памятника, каким являлось написанное за 50—100 лет до них «Рукописание Магнуша». По всей видимости испорченное имя Биргера в Новгородской IV летописи заимствовано из «Рукописания Магнуша».

Летописные сводчики, стремившиеся всегда к возможно более точной передаче обстоятельств события, не могли не обратить внимания на то, что в летописях не указывается имя «короля части Римских от полунощных страны», возглавившего грозный поход на Русь 1240 г., хотя тексты создают впечатление, что этот «король» был знаменит в свое время. И когда составитель Новгородской IV летописи позднего извода обнаружил в «Рукописании Магнуша» имя этого «короля», он, естественно,

¹¹⁰ Мансикка В. Житие Александра Невского. СПб., 1913, с. 60; см. также: Лурье Я. С. Указ. соч., с. 76.

¹¹¹ Лихачев Д. С. Указ. соч., с. 145.

¹¹² Там же, с. 319 и 459; Лурье Я. С. Указ. соч., с. 135.

¹¹³ Такую датировку дал Д. С. Лихачев в написанной им главе о новгородской литературе в «Истории русской литературы», т. II, ч. I. М.—Л., 1946, с. 119. Со своей стороны добавим, что составление этого памятника надо относить ближе к началу XV столетия, ибо после 1411 г. и вплоть до конца новгородской самостоятельности между шведами и Новгородом существовали мирные отношения и в середине и во второй половине XV в. политические вопросы, затрагиваемые в «Рукописании Магнуша» (т. е. борьба со шведами), становились уже не актуальными. Нашу датировку принял Л. В. Черепнин (Черепнин Л. В. Отражение международной жизни XIV—начала XV в. в московском летописании. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 254).

захотел дополнить текст Жития Александра Невского указанием имени противника Александра.

«Рукописание Магнуша, короля Свейского» — апокрифическое произведение, написанное в начале XV в. анонимным новгородским книжником от имени шведского короля Магнуса, организатора неудачного «крестового похода» на Русь 1348 г. Памятник представляет собой вымышленное завещание Магнуса своим детям и потомкам; Магнус в этом произведении перечисляет все неудачные шведские походы на Русь, завещает своим детям и потомкам больше никогда не нападать на русские пределы.¹¹⁴ «Рукописание Магнуша» — произведение литературное, а не историческое, содержит много вымышленных подробностей и не может считаться сколько-нибудь серьезным источником, тем более что оно составлено почти через два столетия после Невской битвы.

Как могло попасть сюда имя Биргера?¹¹⁵ Для ответа на этот вопрос нужно обратиться к тексту «Рукописания» и попытаться выяснить, какими источниками пользовался автор.

Если откинуть явно фантастические подробности, являющиеся литературным вымыслом, то окажется, что в распоряжении автора было определенное количество сведений о действительно происшедших событиях. Эти сведения делятся на две группы. К первой относятся сведения, заимствованные из русских летописей, — описание похода Магнуса и известия о предшествующих шведских походах на Русь. Вторая группа охватывает откуда-то известные автору конкретные факты из биографии Магнуса после похода на Русь 1348 г. Так, автор откуда-то знает, что после похода Магнуса на Русь в Швеции был «мор» (эпидемия черной оспы, охватившая всю Европу и, в частности, затронувшая и Швецию), что там была «сеча между собой» (междоусобная борьба 1360-х гг.), что Магнус был отстранен от трона, что сына Магнуса звали «Сакун» (испорченное «Хакон»), что этот сын правил в «Мурманской земле» (в Норвегии) и что Магнус в конце жизни поехал в Норвегию к сыну; хотя описание

¹¹⁴ Отметим в качестве курьеза, что военный историк Б. Тельпуховский принял этот текст всерьез и сообщил своим читателям, что «после Невской битвы шведский король особой грамотой должен был дать торжественное обещание впредь не нападать на русские пределы» (далее идет цитата из «Рукописания», причем Магнус назван ласкательно «Магнули»); сей автор даже не обратил внимания на то, что Магнус жил через 100 лет после Невской битвы. См.: Тельпуховский Б. Невская битва. — Воен. вестн., 1946, № 13, с. 44; то же см.: Бочкарев В. Н. Александр Невский и его победы над шведами и немцами. — В кн.: Героическое прошлое русского народа. М., 1946, с. 16; Беляев Н. И. Александр Невский. М., 1951, с. 42.

¹¹⁵ Я. Галлэн полагал, что это имя попало сюда из «достоверной русской традиции» (Gallén J. Kring en historia om det novgorodiska Karelen, s. 63). Но такая традиция не могла внутри одного города (Новгорода) полтора столетия (или еще дольше) существовать в устной форме, не отразившись в письменных источниках, особенно в летописях.

смерти Магнуса снабжено рядом совсем фантастических деталей, автор явно знал, что смерть короля была как-то связана с кораблекрушением (Магнус действительно погиб при кораблекрушении).

Откуда могли быть получены эти сведения? В русских письменных источниках никаких известий о Магнусе после 1348 г. не было. В русской устной традиции подобные сведения также не могли сохраниться (ибо в те времена при большой разобщенности жизни в разных государствах в России вряд ли могли знать и долго помнить такие подробности о событиях, происшедших в далекой Скандинавии). Совершенно очевидно, что автор пользовался каким-то источником, исходящим из самой Швеции.

При внимательном рассмотрении всей второй группы сведений становится ясно, что источник этих сведений, имевшийся в распоряжении автора, не был письменным. Все перечисленные известия — это самые общие сведения о жизни Магнуса, знакомые каждому жителю Швеции и, конечно, сохранявшиеся в памяти шведского населения в течение нескольких десятилетий после смерти короля (т. е. после 1374 г.). Автор «Рукописания» не сообщает ни одной мелкой подробности из жизни Магнуса, которая могла бы быть заимствована из письменного памятника. По всей видимости, автор получил эти сведения из устного источника.

Подобная мысль подтверждается неясным, смутным характером некоторых известий. Автор что-то слышал о кораблекрушении, происшедшем во время последнего путешествия Магнуса, но ему неясно, как в действительности произошла гибель короля. При описании последнего путешествия Магнуса автор явно путает, говоря, что Магнуса вез из Швеции в Норвегию его сын Хакон. В действительности Магнус уехал из Швеции в Норвегию за три года до своего последнего путешествия (в 1371 г.), и в последнем путешествии Хакон не участвовал. Такая путаница могла возникнуть только в устной традиции (в устной традиции, видимо, помнили, что Магнус после свержения уехал с сыном в Норвегию, а затем там же, в Норвегии, погиб при кораблекрушении, и со временем связали эти два события в одну цепь). Наконец, и сам фантастический рассказ о том, что Магнус был выброшен после крушения на русский берег, крестился, постился и написал завещание, вряд ли является только плодом литературного творчества автора. Видимо, смерть Магнуса где-то далеко около Норвегии в морской пучине породила среди населения Швеции какие-то фантастические слухи (довольно обычные в феодальную эпоху после смерти монарха, если эта смерть произошла при неясных обстоятельствах) и эти слухи стали известны автору «Рукописания».

Итак, из изложенного следует, что автор «Рукописания Магнуса» имел какой-то устный источник, происходящий из Швеции. Автор «Рукописания», живший в крупнейшем центре бал-

тийской торговли, где постоянно находились на Готском дворе купцы со шведского Готланда и где бывали и купцы из материковой Швеции, задумав написать сочинение о недавно умершем шведском короле, ввиду скудости известий в русских источниках мог попытаться получить какие-либо сведения у находившихся в Новгороде готландцев и шведов. Поскольку «Рукописание» создавалось, по-видимому, в первые десятилетия XV в.,¹¹⁶ т. е. через несколько десятилетий после смерти Магнуса, в памяти рядовых шведских жителей должны были еще сохраниться как раз такие самые общие сведения о жизни короля, которые использованы в «Рукописании».

Теперь можно объяснить и появление в «Рукописании» испорченного имени Биргера. Автор «Рукописания», описывая в начале своего сочинения шведские походы на Русь, естественно должен был обратить внимание на то, что в то время как предводители последних крупных шведских походов в летописи названы по имени, почему-то неизвестно имя предводителя первого большого шведского похода, «короля части Римьския», разбитого на Неве Александром Невским. Собирая у приезжих шведов сведения о Магнусе, автор «Рукописания», по всей видимости, должен был для полноты своего произведения попытаться выяснить также и имя предводителя первого из описываемых им шведских походов.¹¹⁷ Поскольку самым крупным государственным деятелем Швеции XIII в. был Биргер и, вероятно, только его имя (из числа малопримечательных имен прочих шведских королей и ярлов XIII в.) могло сохраниться через 150—200 лет в памяти рядового населения, вполне естественно, что шведы, дававшие сведения автору «Рукописания», назвали именно это имя.¹¹⁸

Разумеется, такого рода сведения нами не могут быть приняты всерьез.¹¹⁹

¹¹⁶ См. выше, примеч. 113.

¹¹⁷ Вероятность этого предположения подтверждается тем обстоятельством, что здесь мы имеем единственный случай, когда может быть установлен факт сбора исторических сведений русским книжником у приезжих шведов. Составители новгородских летописей, как можно заключить из содержания летописных известий, касающихся отношений Новгорода со Швецией, к подобному источнику ни разу не обращались.

¹¹⁸ На мысль объяснить таким образом появление имени Биргера в «Рукописании Магнуса» навел нас Д. С. Лихачев, которому выражаем свою благодарность.

¹¹⁹ Нет никаких оснований полагать, чтобы среди населения Швеции могла в течение 150—180 лет, до начала XV в., сохраниться память о походе Биргера на Неву, даже если бы Биргер действительно ходил в такой поход. Еще на 100 лет ранее, в начале XIV в., когда писалась на основе устной традиции «Хроника Эрика», автор ее специально интересовался личностью Биргера и постарался зафиксировать в своем произведении все сведения об этом выдающемся государственном деятеле, которые он смог собрать в среде шведского правящего класса, причем одним из главных информаторов автора был близкий родственник Биргера Маттс Кеттильмундссон (см.: Beckman B. Matts Kettilmundsson och hans tid. II. Stockholm, 1954, s. 356); поскольку Хроника вообще молчит о походе на Неву,

Приведенные выше соображения являются, конечно, гипотезой. Но в своей основе эта гипотеза имеет более или менее определенные факты. Во всяком случае из всего сказанного, как нам кажется, можно заключить, что русские письменные источники не дают сколько-нибудь серьезных оснований говорить об участии Биргера в походе на Неву.¹²⁰

Шведские источники, как уже мы знаем, о походе 1240 г. вообще молчат. А биография Биргера дает нам сведения, подтверждающие законность наших сомнений.¹²¹ Оказывается, в 1240 г. Биргер еще не занимал должности ярла и не был еще правителем Швеции.¹²² Неоднократно цитировавшиеся русскими авторами слова шведского историка Гейера о том, что Биргер был фактическим правителем Швеции вместо короля, относятся к концу 40-х гг. XIII века.¹²³ До 1248 г. Биргер был просто крупным шведским феодалом. Ярлом и правителем Шведского государства с середины 1230-х гг. и до 1248 г. был родственник (двоюродный брат) Биргера Ульф Фаси. Лишь после смерти или смещения Ульфа с его поста в 1248 г. Биргер стал ярлом и сделался фактическим правителем Швеции.¹²⁴

Как уже говорилось, одной из главных обязанностей ярла в Швеции было руководство войсками во внешних и внутренних войнах, во время крупных походов, если во главе войск не мог встать сам король; в частности, на обязанности ярла было спе-

следовательно, в среде шведского дворянства (в среде, наиболее осведомленной о политической истории недавнего прошлого) уже в первые десятилетия XIV в. совсем ничего не помнили о Невском походе, не говоря уже об участии в походе Биргера.

¹²⁰ Аналогичное мнение давно уже высказывалось финскими историками: Rein G. Biscop Thomas..., s. 58, ann. 120; Forsström O. A. Op. cit., s. 109, etc.

¹²¹ Engström S. Birger (II) Magnusson. Svenskt biografiskt Lexicon, bd IV. Stockholm, 1924 (единственная научная биография Биргера), s. 419; Jokipii M. Op. cit., s. 19.

¹²² Биргер в 1240 г. был еще совсем молодым человеком, недавно (между 1235 и 1240 гг.) вступившим в брак с сестрой короля Эрика (Engström S. Op. cit., s. 419; Jokipii M. Op. cit., s. 19).

¹²³ Geyer E. G. Histoire de Suède. Paris, 1839, p. 66. — Наши авторы почему-то не замечали, что на той же странице книги Гейера, из которой они брали сведения, прямо указано, что Биргер стал ярлом лишь в 1248 г. К тому же работа Гейера как общее сочинение по истории Швеции давным давно устарела.

¹²⁴ Судя по документам того времени, вступление Биргера на пост ярла произошло в период между ноябрем 1247 и началом марта 1248 г. (Diplomatarium Svecanum. I. Stockholm, 1829, № 344, 360). Анналы францисканского монастыря в Стокгольме указывают время прихода Биргера к власти еще точнее — 18 февраля 1248 г. (Diarium fratrum minorum Stockholmensium. — In: Scriptorum rerum Svecicarum. I. Stockholm, 1818, p. 71). См. также: Strinholm A. Svenska Folkets Historia, Bd IV. Stockholm, 1852, s. 312, not. 744, s. 318, not. 759; Schück H. Op. cit., s. 327; Pipping R. Op. cit., s. 72—74; Engström S. Op. cit., s. 419; Tunberg S. Op. cit., s. 79—80; Donner G. Kardinal Wilhelm von Sabina, s. 363; Jokipii M. Op. cit., s. 19; Suvanto S. Birger jarls Livsverk. — In: Kring korstågen till Finland. Helsingfors, 1968, s. 220—222 и др.

циально возложено руководство морскими походами, осуществившимися морским ополчением Шведского государства — ледунгом. Столь крупный и ответственный поход, как поход на Неву, совершавшийся через море, по тогдашним шведским порядкам мог быть предпринят только силами ледунга, а поход ледунга должен был возглавляться ярлом.¹²⁵ Косвенно на наличие во главе шведского войска ярла указывает и современный событию текст Новгородской I летописи старшего извода, где говорится, что шведы пришли «с князем». Русское «князь» в данном случае скорее всего соответствует шведскому «ярл», ибо новгородцы в то время уже хорошо знали, что в шведской феодальной иерархии существует еще более высокое лицо — король.¹²⁶ Одним словом, во главе войска, пришедшего в 1240 г. на Неву, скорее всего стоял ярл;¹²⁷ но Биргер в то время еще не был ярлом.

Поскольку должность ярла в 1240 г. занимал Ульф Фаси, вполне законно было бы предположение,¹²⁸ что именно им возглавлялся поход на Неву в 1240 г.;¹²⁹ во всяком случае руководителем похода не был Биргер.¹³⁰

¹²⁵ О функциях ярла см.: Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977, с. 225—226.

¹²⁶ Лицо, стоящее в шведской феодальной иерархии ниже «князя», новгородский летописец в той же статье называет «воевода». Употребление слова «воевода» косвенно подтверждает нашу трактовку термина «князь»; «воевода» — это просто военачальник, не имеющий политической власти. «Князь» в понимании летописца — это лицо, сочетающее и военное руководство войском, и политическую власть; именно такое сочетание и военной, и политической власти было характерно для шведских ярлов XIII в., которые стояли во главе управления страной и в то же время должны были руководить шведскими военными силами.

¹²⁷ Ср.: Kirkinen H. Op. cit., s. 80.

¹²⁸ Подчеркиваем: это только предположение.

¹²⁹ См. также: Pipping R. Op. cit., s. 79; Jokipii M. Op. cit., s. 49.

¹³⁰ Этот вывод, содержащийся в изданной более четверти века тому назад нашей статье о шведском походе на Неву (Шаскольский И. П. Новые материалы о шведском походе 1240 г. на Русь. — Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1951, № 3, с. 274—276), получил неточную интерпретацию в ряде появившихся в последующие годы исторических сочинений, где при описании Невской битвы почему-то говорится (часто со ссылкой на указанную нашу работу), что пришедшее на Русь шведское войско находилось под предводительством ярла Ульфа Фаси и зятя короля Биргера (Очерки истории СССР. IX—XIII вв., с. 841; Пашуто В. Т. 4) Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век), с. 175; 2) Очерки истории СССР. XII—XIII вв. М., 1960, с. 148; 3) Внешняя политика Древней Руси, с. 293; 4) Борьба Руси и народов Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XII—XIII вв. — Вопросы истории, 1969, № 7, с. 109; 5) Александр Невский. М., 1974, с. 62—63; Всемирная история, т. III. М., 1957, с. 596; Рамм Б. Я. Указ. соч., с. 130; История СССР, ч. I. М., 1961, с. 120; т. I. М., 1964, с. 169; М., 1966, с. 128; см. также: Wilinbachow W. B. Ruś a niemiecki podbój Inflant. — Zapiski historyczne, Toruń, 1972, № 1, s. 8). В действительности, как это было выше показано, сведения об участии Биргера в походе 1240 г. впервые появились в апокрифическом произведении XV в. и явно недостоверны.

Вне зависимости от того, кто стоял во главе шведского войска, шведский поход 1240 г., сочетавшийся с одновременным походом немецких рыцарей из Ливонии, угрожал самому существованию Новгорода и Новгородского государства, ставил своей целью захват важнейшего для Руси выхода к морю.

3. Сражение на Неве

Теперь перейдем к непосредственному изучению битвы, происшедшей в 1240 г. на берегу Невы. При этом мы используем все ценные наблюдения и гипотезы, накопившиеся в научной литературе (особенно за последние четыре десятилетия),¹³¹ но прежде всего заново рассмотрим показания источников с учетом принципиально важных источниковедческих исследований, произведенных в 1960—1970-е гг.¹³²

Для изучения Невской битвы можно использовать два источника: известие Новгородской I летописи старшего извода и Житие Александра Невского. Источники эти не равноценны.

Известие Новгородской I летописи старшего извода¹³³ о Невской битве содержит ряд подробностей, свидетельствующих, что оно было составлено вскоре после самого события, скорее всего в тот же год, может быть, даже в ближайшие недели после возвращения русских воинов из похода; так, указываются и точная дата — 15 июля, и день недели — «неделя», т. е. воскресенье, и имена некоторых новгородцев, павших в бою, знатных и незнатных, в их числе сын простого ремесленника, кожевника, имя которого не стали бы долго помнить и фиксировать через год-два

Следует еще отметить, что некоторые авторы вообще не сочли нужным считаться со сделанным нами достаточно очевидным выводом и по-прежнему продолжали писать о Биргере, как о единственном руководителе шведского похода на Неву (Строков А. А. История военного искусства, ч. I. М., 1955, с. 255—258; История СССР. Под ред. А. М. Панкратовой. Учебник для средней школы, ч. I. Изд. 15-е. М., 1956, с. 91—92; Бушник Л. П. История СССР. Учебник для средней школы, ч. I. М., 1961, с. 82; Епифанов П. П. История СССР (для 7 кл.). М., 1966, с. 74—75; Нечкина М. В., Лейбенгруб П. С. История СССР (для 7 кл.). Изд. 13-е. М., 1978, с. 7, 9; Краткая история СССР, ч. I. М.—Л., 1963, с. 82; История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1975, с. 120; Ковалевский С. Д. Указ. соч., с. 226, и др.).

¹³¹ В основном о Невской битве писалось с середины 1930-х гг. в многочисленных популярных сочинениях об Александре Невском; научной ценности эти сочинения не представляют, в них повторялись одни и те же давно известные факты. Но вышел и ряд работ, написанных в научном плане, основанных на изучении источников: см. выше, с. 9, примеч. 3, а также цитируемые ниже работы С. С. Гадзяцкого, Н. Г. Порфиридова, В. Л. Янина.

¹³² Общую характеристику источников, освещающих деятельность Александра Невского, см.: Колотилова С. И. Русские источники XIII в. об Александре Невском. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 502. Псков, 1971, с. 99—107.

¹³³ Новгородская летопись старшего извода, сохранившаяся в Синодальном списке (Новгородская I летопись, с. 77).

после события.¹³⁴ Составитель летописного известия перед его записью опрашивал нескольких (или даже многих) участников битвы и прямо указывает на наличие различных мнений у разных его информаторов.¹³⁵ Правда, в известии почему-то не содержится сведений о самом ходе сражения, сообщается лишь об убитых шведских предводителях, воеводе и епископе, и о погибших русских воинах. Зато есть очень подробные сведения о поведении шведского войска после поражения — о том, как уцелевшие шведские воины заботились о телах своих павших соратников¹³⁶ и как шведское войско в ночь после боя отправилось обратно за море. В общем сведения данного известия подкупают своей свежестью и достоверностью.

К сожалению, данное известие о Невской битве дошло до нас не в первоначальном виде: оно на какой-то стадии подверглось литературному приукрашиванию — в первоначальный текст добавлены религиозные рассуждения о помощи бога, богородицы, святой Софии и т. д.¹³⁷ Но эти добавления легко отделяются от первоначального текста.

Иной характер носит Житие Александра Невского, помещаемое под 6748 (= 1240) г. во многих летописях,¹³⁸ начиная с той же Новгородской I летописи младшего извода.¹³⁹ Житие Александра Невского — литературное произведение в жанре княжеского жизнеописания, главная задача автора — прославление князя и подготовка его канонизации, исторические события служат лишь второстепенным фоном.¹⁴⁰

В последние десятилетия в нашей историографии об Александре Невском, особенно в научно-популярных сочинениях, широко распространилось некритическое использование текста Жития, его отдельных подробностей и изречений в качестве историче-

¹³⁴ Новгородская I летопись, с. 77.

¹³⁵ «И ту убиень бысть воевода ихъ, именовъ Спиридонъ; а нини творяху, яко и пискупъ убень бысть ту же», т. е. был убит шведский воевода, а по сведениям других участников боя (во множ. числе) убит также и епископ.

¹³⁶ «...и множество много ихъ паде; и накладше корабля два вятшихъ мужъ, преже себе пустиша и к морю; а прокъ ихъ, ископанне яму, вметаша в ню бецисла...»

¹³⁷ Текст Новгородской I летописи старшего извода сохранился в Синодальном списке, написанном почерками XIII—XIV вв.; летописная статья 1240 г. находится в той части Синодального списка (л. 126—127), которая написана почерком первой половины XIV в. (Насонов А. Н. Предисловие. — В кн.: Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 5—6). Благочестивые рассуждения могли быть добавлены в текст в период между 1240 г. и первой половиной XIV в. Помощь св. Софии — отражение новгородской официальной идеологии.

¹³⁸ А также отдельно от летописей, в древнерусских рукописных сборниках.

¹³⁹ Новгородская I летопись, с. 289—297, 303—306.

¹⁴⁰ Бегунов Ю. К., Клейнберг И. Э., Шаскольский И. П. Письменные источники о Ледовом побоище. — В кн.: Ледовое побоище 1242 г. М.—Л., 1966, с. 184.

ского источника; ¹⁴¹ многие авторы совершенно не учитывали, что Житие Александра — памятник художественной литературы, создававшийся по ее специфическим законам, и только путем серьезного источниковедческого и литературоведческого анализа можно в тексте Жития отделить реальные сведения от традиционных литературных формул (трафаретов) и литературного вымысла.¹⁴²

Автор Жития, по всей видимости, был духовным лицом — это явствует из его стремления придать всему рассказу возможно более религиозную интерпретацию.¹⁴³ Наиболее обоснованным

¹⁴¹ Подробнее об этом см. там же, с. 170—171. См. также: Тихомиров М. Н. Сражение на Неве, с. 99. Против потребительского использования произвольно выхваченных текстов из рассказа о Невской битве в Житии Александра Невского резко выступил Я. С. Лурье (Лурье Я. С. Критика источника и вероятность известия. — В кн.: Культура древней Руси. М., 1966, с. 123—125). Некритическое использование текста Жития Александра Невского особенно ярко выступает в сочинениях: Козаченко А. И. Ледовое побоище. М., 1938; Сутт Н. И. Александр Невский. Ярославль, 1940; Бочкарев В. Н. Александр Невский и его победы над шведами и немцами; Беляев Н. И. Указ. соч., и др.

¹⁴² Наиболее обстоятельное источниковедческое и литературоведческое исследование Жития Александра Невского дается в работах Ю. К. Бегунова, особенно в его монографии «Памятник русской литературы XIII в. „Слово о погибели русской земли“», с. 12—66; см. также: Бегунов Ю. К. 1) Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей. — В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. 9. Новгород, 1959, с. 229—238; 2) К вопросу об изучении жития Александра Невского. — Тр. Отд. древнерус. лит., М.—Л., 1961, т. XVII, с. 348—357; B e g u n o v J. Utwory literackie o Aleksandrze Newskim w skladzie latopisow ruskich. — Slavia Orientalis, 1969, № 3, s. 293—308; J. K. B e g u n o v. Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur des 15. Jahrhunderts. — Zeitschrift für Slawistik, 1971, № 1, S. 88—109. — В цитированной книге «Памятник русской литературы XIII в...» на с. 159—180 приводится текст Жития в наиболее ранней сохранившейся (в первой) редакции, а на с. 187—194 — выполненная Ю. К. Бегуновым реконструкция первоначального текста Жития, которой мы далее пользуемся. После опубликования указанных исследований распространено ранее произвольное пользование различными редакциями Жития, выхватывание отдельных цитат из его текста, в научных сочинениях недопустимо. Никаких новых достоверных исторических сведений, по сравнению с первой редакцией, все остальные более поздние редакции Жития (входящие в состав многих летописей и внелетописных памятников) не содержат.

¹⁴³ В науке неоднократно высказывалось предположение (Н. И. Серебрянский, В. Л. Комарович, А. С. Орлов, Д. С. Лихачев, И. У. Будовиц), что первоначально была составлена светская биография Александра Невского — воинская повесть о подвигах князя, и лишь на следующем этапе это сочинение было насыщено религиозными мотивами и переработано в Житие (см.: Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, с. 192—212); однако в результате углубленного изучения текстов Жития современными исследователями эта гипотеза не подтвердилась (Philipp W. 1) Über das Verhältnis des «Slovo o pogibeli Russkoj zemli» zum «Žitie Aleksandra Nevskogo». — In: Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte, Bd 5. Berlin, 1957, S. 26—27). 2) Heiligkeit und Herrschaft in der Vita Aleksandr Nevskijs. — Ibid., Bd 18. Berlin, 1973, S. 56—61; Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... с. 66—71; B e g u n o v J. K. Die Vita des Fürsten... S. 92—100; там же ссылки на работы И. П. Еремина и Н. К. Гудзия).

представляется мнение, согласно которому Житие было написано во Владимире, в Рождественском монастыре, где в 1263 г. был похоронен Александр Невский; автором скорее всего был монах этого монастыря.¹⁴⁴ Высказывалось также (В. Л. Яниным) мнение, что Житие первоначально возникло в Новгороде, поскольку оно содержит ряд важных сведений новгородского происхождения.¹⁴⁵ Мнение это в целом не представляется убедительным, ибо значительная часть текста Жития определенно связана с Владимиром, центром общерусской великокняжеской власти и резиденцией главы русской церкви — митрополита, автор смотрит на события глазами владимирского жителя.¹⁴⁶ Но приводимые В. Л. Яниным аргументы показывают, что при составлении Жития был использован и какой-то источник или источники, сложившиеся в Новгороде, о чем пойдет речь ниже.

Время написания Жития предположительно определяется 70—80-ми гг. XIII в.¹⁴⁷

В результате исследования первой редакции Жития был сделан важный вывод о том, что автор Жития совершенно не был знаком с текстом Новгородской I летописи (старшего извода),¹⁴⁸ с ее известиями о деятельности Александра Невского и, в частности, с летописной статьей 1240 г. о Невской битве.¹⁴⁹

¹⁴⁴ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы..., с. 58—63. — По данным, приведенным И. А. Шляпкиным, в Рождественском монастыре уже с конца XIII в. существовало местное почитание Александра Невского как святого (хотя официальная канонизация произошла лишь в 1547 г.); см.: Шляпкин И. А. Иконография святого благоверного князя Александра Невского. Пгр., 1915, с. 5—9.

¹⁴⁵ Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба в новгородском детинце. (О новгородском источнике «Жития Александра Невского»). — В кн.: Культура средневековой Руси (к 70-летию М. К. Каргера). Л., 1974, с. 92—93.

¹⁴⁶ Только коренной житель Владимиро-Суздальского края мог назвать Александра Невского «Солнце земли Суздальской»; значительная часть текста Жития описывает события, происходившие во Владимире, взаимоотношения Александра в качестве Владимирского великого князя с татарами и т. д. С Владимиром связывает Житие и принятое там сентябрьское летосчисление, тогда как в Новгороде было принято мартовское летосчисление (Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы..., с. 57). Житель далеких от Новгорода областей, весьма туманно представлявший себе врагов, напавших в 1240 г. на Новгородскую землю, виден в обозначении предводителя вражеского войска королем «части Римьския от полунощныя страны»; для новгородцев это были совершенно конкретные, хорошо знакомые враги — «свен».

¹⁴⁷ Житие явно было написано не сразу после смерти (1263 г.) Александра Невского (требовалось время, чтобы возникла легенда о чуде при погребении князя), но еще при жизни его младших современников, к числу которых относился и автор Жития. Была предложена и более точная дата — 1282—1283 гг. (Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы..., с. 60—61), но эта дата не бесспорна.

¹⁴⁸ Что вполне понятно, поскольку Житие составлялось вдали от Новгорода, в среде владимирских книжников.

¹⁴⁹ Бегунов Ю. К. 1) Житие Александра Невского..., с. 230—231; 2) Памятник русской литературы..., с. 57; см. также: Колотилова С. И. Указ. соч., с. 106.

Для изучения Невской битвы Житие (в его первоначальной редакции) — отдельный, совершенно самостоятельный источник.¹⁵⁰ И источник этот содержит важные сведения о Невском сражении, существенно дополняющие сведения Новгородской I летописи. В тексте этой летописи ничего не говорилось о самом сражении, тогда как, что особенно ценно, Житие дает много существенных данных о ходе битвы.

Автор Жития был младшим современником Александра Невского, был лично знаком с князем¹⁵¹ и собирал сведения о Невской битве у участников сражения и у самого князя, о чем прямо пишет в тексте Жития.¹⁵²

Поскольку Житие, по всей видимости, составлялось во Владимире, то надо полагать, что сведения о Невской битве были получены автором прежде всего от участников сражения, живших во Владимире. Но, как уже говорилось, в тексте о Невской битве есть и известия, определенно имеющие новгородское происхождение, — рассказ о Пелгусии-ижеряanine и часть рассказа о подвигах шести «храбрых мужей»; двое из шести героев прямо названы в тексте новгородцами — Сбыслав Якунович и Миша, скорее всего новгородцем был и третий герой — Гаврила Олексич,¹⁵³ имеются данные, что все трое принадлежали к новгородскому боярству, предположительно — к боярству Прусской улицы Новгорода; Сбыслав Якунович стал даже впоследствии посадником.¹⁵⁴ Сведе-

¹⁵⁰ Позднее оба источника были соединены. В состав Новгородской I летописи младшего извода, относящейся к середине XV в., уже было включено Житие Александра Невского, но не в качестве цельного памятника, а было разбито на отрывки и размещено по погодным статьям, как компиляция двух самостоятельных источников; текст статьи 1240 г. в Новгородской I летописи младшего извода для изучения Невской битвы не дает ничего нового (Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского..., с. 231—234).

¹⁵¹ «...и самовидец есмь възраста его» (Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы..., с. 187), т. е. жизнь Александра Невского проходила на глазах у автора; в двух списках Жития автор называет себя «домочадцем» князя (там же, с. 62).

¹⁵² После рассказа о Невской битве автор Жития говорит о произведенном им сборе воспоминаний: «Си вся слышахомъ от господина своего Олександра и от инехъ, иже в то время обретошася в той сечи» (Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы..., с. 190).

¹⁵³ Из остальных трех героев двое принадлежали к княжеской свите: княжеский ловчий Яков и слуга князя Ратмир. Яков был полочанином и, вероятно, прибыл ко двору князя в свите полоцкой княжны, ставшей незадолго до описываемых событий женой Александра Ярославича (Пашуто В. Т. Александр Невский, с. 59, 66). Княжеский слуга Ратмир мог приехать с Александром с его родины, из Переславля. Происхождение третьего героя, Саввы, неизвестно.

¹⁵⁴ Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба, с. 93. — Сбыслав Якунович и Олекса, вероятно, отец Гаврилы Олексича, упоминаются в летописи под 1215 г. как бояре с Прусской улицы (Новгородская I летопись, с. 54, 253); в той же летописной статье упомянут новгородский тысяцкий Якун, вероятно, отец Сбыслава. Сбыслав упоминается в списках новгородских посадников (там же, с. 164, 472), был избран посадником в 1243 г. (Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 21, 142, 160, 382). По

ния о подвигах новгородцев в Житии изложены наиболее подробно, они совершают чудеса храбрости (напротив, о действиях княжеских слуг Якова и Ратмира говорится совершенно неконкретно, в общих словах). Судя по характеру изложения в Житии, о подвигах новгородцев автор узнал из устных источников.

Рассказ о Пелгусии, видимо, происходит из другого устного источника (тоже новгородского), имевшего не военно-патристическую, а культовую направленность.¹⁵⁵ Каким образом оба новгородских предания попали в текст Жития, составлявшегося во Владимире, установить невозможно.¹⁵⁶

Фактические данные, содержащиеся в Житии, собирались уже спустя много времени после сражения на основе воспоминаний и, может быть, не сразу были письменно зафиксированы автором,

предположению А. В. Арциховского, Миша был родоначальником целой династии посадников Мишиничей—Онцыфоровичей, игравших видную роль в истории Новгорода XIII—XV вв. (Арциховский А. В. К истории Новгорода. — Ист. записки, 1938, № 2, с. 110); в таком случае его сыновьями были Михаил Мишинич, являвшийся новгородским посадником в 1272—1280 гг., и Юрий Мишинич, посадник в 1291—1316 гг. (о них см.: Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 21, 26, 155). С этим мнением не согласен В. Л. Янин (там же, с. 155, примеч. 98): боярская семья Мишиничей—Онцыфоровичей связана с Неревским концом Новгорода, тогда как Миша был, видимо, связан с другой территориальной группировкой боярства, с боярами Прусской улицы; по сведениям двух поздних новгородских источников, Миша был похоронен в родовой церкви на Прусской улице (Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба..., с. 93). В обоих случаях Миша должен был принадлежать к боярской знати (что соответствует его роли в войске Александра Невского на Неве — роли предводителя одной из главных частей войска). Таким образом, все трое были не просто дружинниками (как до последнего времени считалось авторами, писавшими о Невской битве), а виднейшими представителями правящего класса Новгорода. Видимо, после Невской победы сложилось предание, имевшее специальной целью прославление подвигов героев-воителей с Прусской улицы и тем самым — прославление боярства этой улицы; предание это и было использовано в Житии.

В свете изложенного отпадает предположение ряда авторов, что Миша был представителем простого люда Новгорода, поскольку он упомянут в Житии только по имени, без отчества.

¹⁵⁵ По мнению В. Л. Янина, рассказ о Пелгусии возник как церковная легенда, явившаяся началом складывания в Новгороде культа святых Бориса и Глеба: главным в этом рассказе было описание чудесного видения обоих святых. Возникновение культа Бориса и Глеба В. Л. Янин также связывает с Прусской улицей, вблизи которой стояла церковь Бориса и Глеба, и предполагает, что эта церковь была вечерним храмом для Прусской и прилегающих улиц (Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба..., с. 90—92).

¹⁵⁶ Поскольку тексты о Пелгусии и о подвигах шести «храбрых мужей» включают в себя наиболее важные сведения о Невской битве, имеющиеся в Житии (остальное — главным образом литературно-религиозная риторика), и поскольку автор Жития прямо ссылается на рассказы Александра Невского и других участников битвы, можно было бы предположить, что кто-то из участников сражения впоследствии вместе с Александром или с княжившим во Владимире (1276—1294 гг.) и Новгороде (80—90-е гг. XIII в.) сыном Александра Дмитрием переселился во Владимир и там сообщил автору Жития новгородские предания.

а потому в общем менее достоверны, чем сведения первоначального известия Новгородской I летописи.

Наиболее важный (для нашей темы) из всего текста Жития рассказ о шести героях включает почти все имеющиеся у нас конкретные сведения о самом ходе сражения.¹⁵⁷ Имеется достоверное зерно и в рассказе об ижорском старейшине Пелгусии; достоверны еще некоторые подробности — организация Александром похода «в мале дружине» ввиду невозможности ожидать сбора ополчения и получения подкреплений из Суздальской земли, поскольку шведское войско уже вторглось в русские земли; указание точного часа начала сражения («в 6 час дни»)¹⁵⁸. Все остальные дополнительные сведения, содержащиеся в Житии, никакого доверия не внушают, являются литературным вымыслом автора.

Так, в целом явно недостоверен помещенный в начале Жития (и уже упоминавшийся выше) рассказ о некоем рыцаре Андреяше, который отправился к Александру Невскому ради одного желания «видети дивный възраст его» и, вернувшись, заявил, что «прошел страны и языки», нигде не видел столь замечательного князя,¹⁵⁹ и что, услышав это сообщение, «король части Римьския от полуночьныя страны» решил пойти в поход на Русь. Подобный мотив для организации похода явно наивен и несерьезен.

Само обозначение предводителя вражеского похода «королем» — позднейший домысел, возможно, объясняемый тем, что участники битвы, спустя несколько десятилетий дававшие сведения автору Жития, уже не помнили, деятель какого ранга стоял во главе неприятельского войска (во время сражения, продолжавшегося считанные часы). Возможно, впрочем, что наименование предводителя неприятельского войска «королем», главой государства — просто литературный прием с целью значительно увеличить опасность, надвинувшуюся на Русь, и поднять значение победы, одержанной Александром.

Литературным вымыслом определенно является и сообщение о гордом вызове, посланном «королем» Александру в Новгород: «Аще можеши противитися мне, королеве, то се уже есмь зде

¹⁵⁷ Правда, следует оговориться: более или менее достоверны только сведения рассказа о подвигах шести «храбрых мужей», содержащиеся в первой редакции Жития (опубликованной Ю. К. Бегуновым: см. примеч. 142) и относящиеся к 80-м гг. XIII в. В составленной в середине XVI в., после канонизации Александра Невского, третьей редакции Жития текст рассказа о шести героях был расширен, снабжен дополнительными подробностями; в частности, было указано, уроженцами каких городов были три героя, происхождение которых не было отмечено в первой редакции (Бегунов Ю. К. К вопросу об изучении Жития Александра Невского, с. 352—353, 355); по своему характеру эти дополнения, внесенные в текст Жития спустя 3 столетия, явно недостоверны, являются позднейшими литературными домыслами.

¹⁵⁸ Т. е. 11-й час утра по современному счислению.

¹⁵⁹ Возможное наличие очень небольшого реального зерна в этом рассказе отмечалось выше (с. 155), но в целом рассказ — явный литературный вымысел.

и пленю землю твою».¹⁶⁰ И из известия Новгородской I летописи, и из текста Жития, напротив, видно, что шведское войско рассчитывало на неожиданность нападения; в летописном известии говорится, что в Новгороде было получено (от своих) сообщение о появлении вражеского войска;¹⁶¹ из Жития можно заключить, что сообщил князю о приходе врагов ижорский старейшина Пелгусий.

Определенно плодом литературного сочинительства является рассказ Жития о молитве Александра перед походом в Софийском соборе и об обращении князя с речью к дружине. Обильные плоды литературно-религиозной риторики содержатся и в рассказе о Пелгусии, который будто бы узрел на небе чудесное видение.¹⁶²

Наиболее излюбленное авторами популярных работ сообщение Жития о том, что в ходе боя Александр «самому королю възложи печать на лице острым своим копием» (в некоторых редакциях Жития — мечом),¹⁶³ возможно, является тоже продуктом литературного сочинительства ради увеличения заслуг (подвигов) героя произведения, ради усиления впечатления об ущербе, нанесенном врагам (тогда получается, что ущерб нанесен не только вражескому войску в целом, но и лично предводителю этого войска, главе вражеского государства).¹⁶⁴

Таковы имеющиеся в нашем распоряжении сведения источников.

Теперь попытаемся реконструировать ход самого сражения.

Шведское войско на кораблях (по данным Жития — на шнеках), в первой половине июля 1240 г.¹⁶⁵ вошло в устье Невы.

¹⁶⁰ Как о реальном факте об этом гордом вызове писали Н. М. Карамзин (Указ. соч., стб. 17), Н. И. Костомаров (Северно-русские народо-правства, ч. I, с. 57), а вслед за ними — многие авторы популярных брошюр и статей 1930—1940-х гг. и даже некоторых учебников и сводных трудов 50—60-х гг. На недостоверность этого известия указывал еще М. Н. Тихомиров: 1) Сражение на Неве, с. 99; 2) Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв. [Свердловск], 1942, с. 28).

¹⁶¹ «...приде бо вѣсть в Новгород, яко сѣи идуть к Ладозе».

¹⁶² Пелгусий, несший охрану взморья у устья Невы, услышал будто бы на рассвете «шюм страшен по морю», и увидел лодку (насад), на которой стояли святые князья Борис и Глеб «в одеждах чръвленых»; Пелгусий услышал будто бы и «глас» Бориса, говорившего Глебу о необходимости «грести» на помощь «сроднику своему Олександру». Для религиозно-назидательных задач житийного повествования весь эпизод с Пелгусием был нужен, чтобы показать, что Александр и его дружина получили перед боем небесное покровительство и поддержку.

¹⁶³ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... с. 166.

¹⁶⁴ По высказанному нам Ю. К. Бегуновым предположению, в этом тексте мог отразиться древний обряд клейнения раба: рабу обычно ставили клеймо господина на лицо. Наложенная Александром «печать на лице» — символ величайшего унижения вражеского предводителя.

¹⁶⁵ По расчету Н. Г. Порфиридова, от момента прихода шведов на Неву до дня сражения должно было пройти от одной до полутора недель (Порфиридов Н. Г. Древний Новгород. М.—Л., 1947, с. 141);

Здесь, у устья Невы, приближающийся вражеский флот увидел «старейшина в земли Ижерстей» Пелгусий.

Хотя, как уже отмечалось, рассказ о Пелгусии был нужен автору Жития для религиозно-литературных целей, в рассказе сохранились достоверные зерна. Сам Пелгусий — лицо безусловно историческое;¹⁶⁶ весьма правдоподобно утверждение Жития, что он был старейшиной Ижорской земли, т. е. высшим представителем ижорской племенной знати, возглавлявшим землю своего племени.¹⁶⁷ Поскольку из ряда источников известно, что ижорцы совместно с карелами и водью участвовали в обороне новгородских владений,¹⁶⁸ вполне вероятно, что старейшине Ижорской земли, лежавшей по обоим берегам Невы, была поручена охрана входа в Неву («поручена же бысть ему стража морская»), что под ру-

проезд конного гонца от Невы до Новгорода (180 км) с известием о появлении вражеского войска должен был занять около 1 дня, для сбора дружины требовались 1—2 дня, нужно было время и для движения конной и пешей дружины к Ладоге и затем к Неве (о маршруте движения см. примеч. 179, 180). Следовательно, шведские корабли подошли к Неве в середине или во второй половине первой декады июля, за 7—10 дней до битвы (происшедшей 15 июля).

¹⁶⁶ Имя его — Пелгусий, в одной редакции — Пелгуй, имеет бесспорно прибалтийско-финское происхождение (хотя ввиду близости всех прибалтийско-финских языков нельзя вывести его именно из ижорского языка); предполагается, что это имя должно было звучать на своем языке «Пелконен» (Kirkinen H. Op. cit., s. 80; Kuujo E. Inkerin vaiheita keskiajasta 1700-luvun loppuun. — In: Inkerin suomalaisten historiasta. Jyväskylä, 1969, s. 48); при переходе из прибалтийско-финских языков характерный для них глухой согласный звук «к» должен был в славянском языке дать звонкое «г». Придумать такое типичное для описываемой местности имя автор Жития, живший в далеком от прибалтийских земель Владимире, не мог. Подлинность имени Пелгусия, по указанию С. С. Гадзяцкого, подтверждается и тем обстоятельством, что в переписной книге Водской пятины 1500 г. в Дудоровском и Корбосельском погостах (т. е. как раз на территории Ижорской земли) существовали деревни, носившие название Пелгуевых или Пелкуевых (Гадзяцкий С. С. Водская и Ижорская земли..., с. 130; там ссыла на переписную книгу: Временник МОИДР, т. XI, 1851, с. 221, 318). Весьма вероятно также, что ижорцы не были еще в то время крещены, оставались еще язычниками (Пелгусий «...живяше посреди рода своего, погана суца»); жившие еще дальше от Новгорода карелы были крещены новгородцами в 1227 г. лишь ввиду чрезвычайных обстоятельств (см. с. 136—137). Менее достоверно, что Пелгусий сам был уже крещен и имел христианское имя Филипп; не для того ли в Житии Пелгусий сделан христианином, чтобы он мог сподобиться узреть чудесное небесное видение? Отметим еще в качестве курьеза, что А. И. Козаченко вопреки ясному указанию Жития почему-то решил, что Пелгусий принадлежал к племени водь (Козаченко А. И. Указ. соч., с. 27; то же: Вернер С. Александр Невский. Саранск, 1942, с. 9).

¹⁶⁷ Поскольку племенные земли в составе Новгородского государства обладали внутренней автономией, они, по всей видимости, возглавлялись собственными старейшинами, как Пелгусий. На этих местных нобилей опиралось господство Новгородской республики в племенных землях, местная знать поддерживала власть Новгорода.

¹⁶⁸ Гадзяцкий С. С. Водская и Ижорская земли..., с. 132—134 (ссылка на известия Новгородской I летописи 1228, 1240, 1241, 1292 гг.).

ководством старейшины находился постоянный морской дозор,¹⁶⁹ который был поставлен в очень ответственном пункте, где главный морской путь с Запада на Русь подходил к русской территории и входил в устье Невы, в пределы русских владений.¹⁷⁰ Морской дозор был здесь особенно необходим на случай приближения вражеских кораблей, собирающихся напасть на русские земли, — тогда он должен был немедленно извещать новгородские власти о возникшей опасности (которая с моря могла прийти совершенно неожиданно). По сведениям Жития, Пелгусий и его дозор охраняли «обою пути», т. е. оба фарватера, соединявшие Неву с морем — по Большой Неве и по Малой Неве.¹⁷¹

Как уже отмечалось выше, оба источника, Новгородская I летопись старшего извода и Житие, указывают, что Новгород сразу же получил извещение о появлении вражеских кораблей с войском в устье Невы; совпадение показаний двух независимых друг от друга источников делает их бесспорными. Есть все основания доверять сообщению Жития, что Александр Невский был извещен о приходе вражеских кораблей Пелгусием. В Житии говорится, что Пелгусий, «уведав силу ратных, иде против князя Александра, скажеть ему станы, обрете бо ихъ»;¹⁷² видимо, Пелгусий проследил за движением вражеских кораблей вдоль Невы и за высадкой шведов на берег, выяснил место расположения шведского лагеря и размеры вражеского войска и сообщил об этом князю Александру.¹⁷³

¹⁶⁹ Гадзяцкий С. С. Водская и Ижорская земли..., с. 130—131; Тихомиров М. Н. Борьба русского народа за выходы к морю в XIII—XV вв. — В кн.: Русское военно-морское искусство. М., 1951, с. 25. — Эти авторы предполагали, что дозор кроме наблюдений за приближением вражеских кораблей должен был давать лодманов для мирных купеческих судов (для проведения их по невшскому фарватеру). Подобная гипотеза допустима, но не вытекает из рассматриваемого нами источника.

¹⁷⁰ По справедливому мнению С. С. Гадзяцкого, то обстоятельство, что охрана такого исключительно важного пункта, как устье Невы, доверена была Новгородом ижорцам, показывает, что на надежность ижорцев вполне можно было положиться; это обстоятельство свидетельствует также, что ижорцы имели свою племенную военную организацию (Гадзяцкий С. С. Водская и Ижорская земли..., с. 130).

¹⁷¹ Фарватеры, огбающие с юга и с севера современный Васильевский остров (в Ленинграде).

¹⁷² Новгородская I летопись, с. 292. — Добавим, что в приведенной цитате из Комиссионного списка — младшего извода Новгородской I летописи — сохранилось наиболее понятное чтение последних трех слов данного текста Жития; в других списках Жития эти слова не были поняты переписчиками (см.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы..., с. 165, примеч. 37).

¹⁷³ В тексте Жития, где исторические сведения переплетены с литературными домыслами, сначала сообщается, что Пелгусий отправился к Александру и лично сообщил о прибытии вражеского войска («уведав силу ратных...» и т. д.), затем описывается чудесное видение Пелгусия, и далее Пелгусий вновь встречается с князем, прибывшим к Неве, и рассказывает ему о видении. Вторая встреча явно нужна была автору для развития литературного сюжета: узревший небесное чудо Пелгусий

Шведское воинство, уставшее от морского путешествия, длившегося на парусных судах много дней,¹⁷⁴ войдя в спокойные воды Невы, должно было отдохнуть и набраться сил для предстоящих военных действий. Местом для стоянки было избрано устье речки Ижоры. Обычно предполагается, что шведское войско высадилось и расположилось лагерем на правом берегу Ижоры у впадения ее в Неву.¹⁷⁵ Здесь стали на якорь шведские корабли, с них на берег были переброшены мостки (в Житии упоминаются «дски» — доски, переброшенные со шнек на сушу). На берегу были раскинуты шатры рыцарей, в середине — «шатеръ великий златоверхий»¹⁷⁶ предводителя войска.

Получив известие о приходе большой армии в устье Невы, Александр должен был срочно принимать решение. Движение вражеских сил внутрь страны следовало остановить как можно раньше, пока шведское войско не успело зайти далеко, не успело дойти до первого русского города на пути с моря к Новгороду — до Ладоги. Как правильно отмечается в Житии, нельзя было ждать сбора ополчения с Новгородской земли («мнози новгородци не совокупилися беша»), не было времени для отправки гонцов к отцу, великому князю Ярославу, за помощью из центральной Руси и для ожидания этой помощи («ни оному бысть когда послати весте к отцю своему»)¹⁷⁷. Нужно было немедленно выступить против врага; поэтому Александру пришлось отправиться в поход «в мале дружине». Впрочем, данное выражение Жития

должен был лично порадовать князя, предвещая ему покровительство святых угодников в предстоящей битве. Реальным зерном житийного текста является лишь указание на роль Пелгусия в доставке сведений о приходе врагов. Встречался ли в действительности Пелгусий с Александром, установить невозможно.

¹⁷⁴ В XVII в. путешествие на парусных судах от Невы до Стокгольма занимало 3—4 недели (возможно, это максимальная длительность пути при неблагоприятной погоде); Шаскольский И. П. Русское мореходство на Балтийском море в XVII в. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Сб. статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1971, с. 154.

¹⁷⁵ Так изображается место шведского лагеря и место сражения на всех военных схемах, имеющих в популярной литературе, в военно-исторических сочинениях и др. Пoblзости от этого места было в XIX в. сооружено мемориальное здание церкви; в 1953 г. вблизи этого места была установлена гранитная стела с памятной надписью. Против такой локализации говорит неровный, всхолмленный характер местности, не очень благоприятный для устройства лагеря.

Недавно высказано предположение, что устье Ижоры было избрано шведами для устройства укрепления, для закрепления на берегу Невы (Wilinbачow W. В. Op. cit., s. 8); мнение это не основывается на данных источников; из текстов источников можно лишь заключить, что шведы рассматривали устье Ижоры как место временной стоянки по дороге к Ладоге.

¹⁷⁶ Впрочем, как указал нам Ю. К. Бегунов, «шатер златоверхий» мог быть и просто литературным штампом.

¹⁷⁷ Карамзин Н. М. Указ. соч., стб. 17—18; Тихомиров М. Н. Борьба русского народа с немецкими интервентами, с. 28.

не следует понимать буквально — что Александр Ярославич двинулся против шведов только с княжеской дружиной, постоянно находившейся в боевой готовности при дворе новгородского князя (и специально предназначенной для действий в подобных экстраординарных случаях).¹⁷⁸ По отдельным указаниям источников видно, что в составе войска Александра были не только дружинники, но и поднявшиеся на борьбу с вторгшимся врагом рядовые новгородцы (упомянутый в летописи Дрочило Нездылов, сын кожевника); в состав войска вошло наскоро собранное ополчение ладожан.

Александр двинулся навстречу врагу не прямо по суше, а по Волхову через Ладогу, чтобы включить в свое войско ладожское ополчение; поскольку в составе русского войска упомянута (в Житии) и пешая дружина во главе с Мишей, скорее всего движение к Неве производилось на судах по Волхову и Ладоге (передвижение пешком происходило бы слишком медленно). Возможно, что конная дружина шла параллельно движению судов вдоль берега.¹⁷⁹

Поскольку шведские силы значительно превосходили по своей численности русские, очень важен был фактор внезапности нападения, который мог обеспечить успех.¹⁸⁰ Помогло, видимо, и то

¹⁷⁸ Дружина могла иметь 2—3 сотни воинов. Предполагается (в значительной мере на основании сведений все того же рассказа о подвигах шести мужей в Житии Александра Невского), что дружина в Новгороде состояла из двух частей — «старшая» и «младшая дружина». «Старшая дружина» — это «мужи», знатные воины (категория, соответствующая западноевропейскому рыцарству); «младшая дружина» — молодые воины, сыновья знатных бояр, княжеские слуги и т. д., в Невской битве это — княжеский ловчий Яков, слуга князя Ратмир, а также Савва, о котором прямо говорится, что он «от молодых людей». И «старшая», и «младшая дружина» состояли из конных воинов; в Невской битве и старшие воины, Сбыслав Якунович и Гаврила Олексич, и младшие воины, Яков и Савва, сражались на конях (Порфиридов Н. Г. Указ. соч., с. 122, 130). Имелась и пешая дружина, в Невской битве возглавленная Мишей. Впрочем, в свете приведенных выше (примеч. 154) данных о социальном статусе Сбыслава, Гаврилы Олексича и Миши не ясно, были ли они вообще дружинниками или боярами, в момент нападения врага взявшимися за оружие?

¹⁷⁹ Порфиридов Н. Г. (Указ. соч., с. 141) высказал мнение, что, поскольку княжеская дружина была конной, она могла двигаться к Неве не по воде (по Волхову и Ладожскому озеру около 350 км), а прямой и более короткой дорогой по суше (около 180 км); но при этом не было учтено, что в войске имелась и пешая дружина, и потому наиболее быстрым было как раз движение по водному пути.

¹⁸⁰ Военный историк Г. Н. Караев в одном научно-популярном издании высказал недавно интересное предположение о маршруте движения войска Александра Невского на подступах к месту сражения. Движение на судах по Неве не могло обеспечить внезапности нападения — русские суда были бы легко замечены шведами уже на дальнем расстоянии на широком плесе Невы. Поэтому Г. Н. Караев предполагает, что русские суда вошли в реку Тосну, впадавшую выше устья Ижоры, и по реке Тосне прошли вверх 6 километров до места наибольшего сближения с течением притока реки Ижоры, речки Большой Ижорки. Оттуда уже

обстоятельство, что ввиду временного характера стоянки шведское войско оказалось разъединенным: часть войска оставалась на шнеках, а наиболее боеспособная рыцарская часть находилась в лагере на берегу.¹⁸¹

Предполагается (В. Т. Пашуто) на основе сведений Жития (рассказа о подвигах шести «храбрых мужей»), что стратегический замысел Александра заключался в стремлении нанести двойной удар по вражескому расположению: конная дружина князя должна была нанести удар вдоль реки Ижоры на центр шведского лагеря, а пешая дружина новгородца Миши должна была наступать вдоль берега Невы, чтобы перерезать связь между рыцарским войском и судами и отрезать рыцарям путь к отступлению.¹⁸² Предположение это допустимо, но нуждается в поправках.

Шведские корабли скорее всего были поставлены не у берега Невы (широкий плес Невы подвержен ветрам и волнениям воды), а в более спокойном месте, у берега реки Ижоры. В таком случае удар пешей дружины должен был производиться вдоль Ижоры (с юга на север), а удар конной дружины — со стороны суши в направлении к берегу Ижоры.

Высказано также предположение, что в стратегический замысел Александра Невского входило сочетание нанесения главного удара по высадившейся части шведских войск со сковыванием шведов, остававшихся на судах.¹⁸³

Замысел молодого полководца в основных чертах был осуществлен. По всей видимости, фактор внезапности удалось использовать в полной мере. Русское нападение, произведенное 15 июля 1240 г., застигло шведское войско врасплох, и это предредило успех боя с численно превосходящим противником.

Воины конной дружины обрушились на шведский лагерь, где рыцари и оруженосцы должны были наскоро вооружаться и отражать русский натиск. Дружинник Савва пробился к златоверхому шатру шведского предводителя и подрубил поддерживавший его столб; падение шатра, находившегося, вероятно, в центре вражеского лагеря, было видно русским ратникам и обрадовало их, как важный военный успех («полцы же Александровы, видевшие падение шатерное, возрадовашася»). В Житии красочно описыва-

по суши русские отряды дошли до Большой Ижорки и вдоль ее правого извилистого и лесистого берега спустились к ее устью, находившемуся у места впадения реки Ижоры в Неву (Жараев Г., Потресов А. Путем Александра Невского. М., 1970, с. 115—117, 125—127).

¹⁸¹ Пашуто В. Т. Борьба Руси и народов Восточной Прибалтики. . . , с. 111.

¹⁸² Там же. Автор предполагает, что в ходе боя обе дружины по замыслу князя должны были соединиться и сбросить врага в воду. В более ранней работе (Пашуто В. Т. Александр Невский. — Учен. зап. ЛГУ, 1939, № 36, с. 69—70) тот же автор полагал, что по плану Александра Невского нужно было перерубить мостки, соединявшие суда с сушей, тем самым воспрепятствовать высадке на берег воинов, остававшихся на судах, и сбросить в реку врагов, находившихся на берегу.

¹⁸³ Беляев Н. И. Указ. соч., с. 44.

ются подвиги и других конных дружинников. Новгородец Збыслав (Сбыслав) Якунович, вооруженный одним топором, «многожды» врывается в гущу шведского войска и геройски бился, «не имея страха в сердце своем», сразив многих врагов, и «подвишася силе его и храбръству».¹⁸⁴ Княжеский ловчий Яков полочанин, ворвавшийся на коне в ряды шведского войска, столь же храбро разил врагов своим мечом, и его похвалил князь. Княжеский слуга Ратмир мужественно бился пешим, был окружен вражескими воинами, изранен и погиб.

Некоторые подробности рассказа о подвигах шести «храбрых мужей» позволяют думать, что русская конная дружина стала теснить шведское воинство к берегу реки.¹⁸⁵ Герой битвы Гаврила Олексич, преследуя на своем коне отступавших к реке шведов, погнался за шведским королевичем,¹⁸⁶ когда тот, спасаясь от преследования, бросился по сходням на корабль (шнеку), Гаврила Олексич проскакал за ним по тем же сходням на палубу судна.¹⁸⁷ Шведские воины сбросили храброго витязя и коня его с корабля в реку, но Олексич выбрался на берег, вновь бросился в гущу боя, схватился («бися крепко») со шведским воеводой,¹⁸⁸ находившимся в середине шведского войска;¹⁸⁹ из последнего сообщения можно сделать вывод, что к тому моменту боя шведское войско

¹⁸⁴ Согласно поздним спискам Жития, сам «князь Александр Ярославич» дивился силе и храбрости Сбыслава (Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы..., с. 167, примеч. 31).

¹⁸⁵ Это можно заключить из рассказа о подвигах Гаврилы Олексича: он гнался за «королевичем» у берега реки, и тут же у берега оказался шведский «воевода» с главными силами; видимо, не один Олексич, а русская конная дружина в целом прибилась к берегу реки и оттеснила к нему главные силы шведского воинства.

¹⁸⁶ В действительности у короля Эрика IX не было сыновей; это мог быть какой-нибудь знатный молодой воин, возможно, родственник короля.

¹⁸⁷ «... Гаврило Олексичъ. Съи наеха на шнек и, видев королевича мча подь руку, възеха по доске, по ней же възсхожаху, и до самого корабля» (Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы..., с. 189).

¹⁸⁸ Шведский «воевода» — какой-то военачальник меньшего ранга, чем предводитель войска, именуемый в летописи «князем», а в Житии «королем». «Воевода» упоминается в обоих источниках, в Новгородской I летописи сообщается о его смерти в бою. «Воевода» носит имя «Спиридон» в летописи, что явно ошибочно; видимо, при переписывании текста летописи кто-то из переписчиков спутал имя шведского воеводы с именем жившего в то время новгородского архиепископа Спиридона.

¹⁸⁹ По мнению Я. С. Лурье, из текста Жития буквально следует, что сброшенный со шведского корабля вместе с конем Гаврила Олексич «божиею волею» остался невредим и из реки верхом на коне упал на корабль, а это явно невероятно (Лурье Я. С. Критика источника..., с. 124). Однако в Житии говорится лишь о нападении Гаврилы Олексича на врагов («паки наеха»), но не подразумевается, что речь идет о врагах, пребывавших на корабле; далее прямо указано, что герой сразился с самим воеводой, находившимся посреди вражеского войска («и бися с самемъ воеводою посреди полку их»); войско могло сосредоточиться только на суше, следовательно, речь идет о действиях Олексича на берегу.

уже оправилось от внезапности русского нападения, как-то построилось или сгрудилось вокруг своего воеводы и подошло к берегу, чтобы сохранить связь с кораблями.

Одновременно с действиями конной дружины, наиболее важной ударной силы русского войска, участвовавшего в битве, развертывались действия пешей дружины во главе с новгородцем Мишей. О нем из Жития известно, что он с пешей дружиной напал на шведские корабли и потопил три вражеских судна. Видимо, он действовал с самого начала вдоль берега, скорее всего — вдоль берега реки Ижоры (где вероятнее всего можно предполагать стоянку шведского флота). В литературе существует мнение,¹⁹⁰ что Миша со своей дружиной рубил мостки, связывавшие шведские корабли с берегом, чтобы отрезать шведское войско от судов, от возможности спастись бегством на корабли; это мнение допустимо, но оно не исходит из показаний источников.

В результате сражения шведское войско понесло тяжелые потери. Был убит второй по значению военачальник, «воевода». По сведениям некоторых участников боя, погиб и один из бывших в шведском войске епископов. Много пало в бою знатных шведских воинов, рыцарей; видимо, все знатные воины находились на берегу, в лагере, были застигнуты неожиданным нападением врасплох, им было трудно успеть надеть рыцарские доспехи, и потому среди этой высшей социальной группы шведского воинства оказалось особенно много павших в сражении.¹⁹¹

По сведениям Жития, много павших шведских воинов было обнаружено на следующий день на другом берегу Ижоры, упоминаемом источниками как арена боя, и автор Жития приписывает эти жертвы результатам вмешательства «ангелов божьих», помогавших русскому воинству. В действительности, видимо, какая-то часть шведского войска стояла на другом берегу реки,¹⁹² и здесь тоже развернулся бой, кончившийся полным разгромом захватчиков.¹⁹³

Сражение кончилось скорее всего с наступлением темноты. Разбитое шведское воинство осталось на поле сражения, на берегу около кораблей; это явствует из сообщения летописи, что шведские воины стали хоронить в земле и грузить на суда тела своих

¹⁹⁰ Пашуто В. Т. Борьба Руси и народов Прибалтики, с. 111.

¹⁹¹ Это известно из сообщения источников о том, что после боя трупы «вятских мужей» были собраны шведами, и трупов набралось столько, что ими наполнили 2 (по Новгородской I летописи) или 3 (по Житию в составе Новгородской I летописи младшего извода) корабли.

¹⁹² Jaakkola J. Suomen varhaiskeskiaika, s. 283.

¹⁹³ С. С. Гадзяцкий предположил, что на другом берегу Ижоры, где не действовало войско Александра, шведы были истреблены местными жителями, ижорцами, а может быть, и жившими неподалеку от Невы карелами (Гадзяцкий С. С. 1) Водская и Ижорская земли..., с. 134; 2) Карелы и Карелия в новгородское время, с. 93). Гипотеза эта допустима (не в отношении карел, живших слишком далеко), но не может быть обоснована показаниями источников.

покойников.¹⁹⁴ Русские дружины, видимо, с наступлением темноты отошли от поля боя на отдых.

Ночью шведы собрали на поле боя и погрузили на корабли тела своих знатных воинов и пустили эти суда вниз по течению Невы. По предположению Жития, эти суда затем потонули в море и павшие воины нашли себе могилу в морской пучине. Для погребения погибших простых воинов была выкопана большая братская могила, куда было положено трупов «бещисла».¹⁹⁵

Видимо, ночью руководство шведского войска выяснило (и в результате сбора трупов, и путем подсчета живых и раненых воинов) очень значительные размеры потерь, понесенных во время битвы; стало ясно, что проиграно не только сражение, но и вся кампания, и остается один выход — спастись бегством. Завершив заботы о павших и не дожидаясь начала следующего дня, остатки шведского войска погрузились на корабли и бежали за море; «посрамлени отъидоша» — с удовольствием сообщил об этом летописец.

Мужественные русские люди в героической битве на берегу Невы отразили натиск врага, отстояли важнейший для Родины выход к морю, столь необходимый для дальнейшего развития Русского государства, для сохранения национальной независимости нашей страны. В тяжелые годы Батыева нашествия, когда Русская земля стала жертвой чудовищного разорения и опустошения, русский народ нашел в себе силы для успешной борьбы против вражеской агрессии на берегах Балтики.

Своевременно произведенная разведка размеров и расположения вражеского войска, внезапность нападения, мужество и доблесть русских воинов, удачное руководство молодого князя-полководца обеспечили победу в историческом сражении на Неве.¹⁹⁶ Победа над значительным по численности шведским воинством

¹⁹⁴ Новгородская I летопись, с. 77. — Некоторые наши авторы ошибочно считают, что погребением убитых шведских воинов занимались после бегства шведского войска победители; но из текста источников явствует, что похоронными делами занимались сами шведы. Я. С. Лурье ошибочно предположил, что речь идет здесь о захоронении трупов шведских воинов, убитых, по словам Жития, «от ангела божия» на другом берегу Ижоры (Лурье Я. С. Критика источника..., с. 124); о погребении трупов шведов говорится в летописном тексте, написанном еще до составления Жития.

¹⁹⁵ Финские историки используют факт (судя по данным источников) сохранения за шведами после сражения поля боя и захоронения там своих павших воинов как свидетельство, что понесенное шведским войском поражение не было столь полным и решительным, как это принято считать в русской историографии (Hornborg E. 1) *Finlands hävder*, s. 185; 2) *Kampen om Östersjön*, s. 48, и др.). Но здесь не учитывается, что русская победа была одержана значительно меньшими силами, чем шведское войско, и даже к концу боя у Александра Невского, видимо, не было численного превосходства, необходимого для полного разгрома и уничтожения вражеских сил.

¹⁹⁶ Тихомиров М. Н. Сражение на Неве, с. 101; Порфиридов Н. Г. Указ. соч., с. 141; Рыбаков Б. А. Военное искусство. — В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв., ч. I. М., 1969, с. 358—359.

была достигнута небольшими силами и ценой малой крови — новгородцев и ладожан пало всего 20 человек.¹⁹⁷

Разгром шведского похода на Новгородскую землю явился первым ударом по крестоносной коалиции, наступавшей на Северную Русь. Поражение на Неве заставило одного из союзников уйти с поля военных действий и отказаться от дальнейшего участия в борьбе. Силы немецкой Ливонии вынуждены были теперь выполнение завоевательных планов взять целиком на себя. Новгородская Русь теперь должна была иметь дело только с одним противником; поэтому победа на Неве в значительной мере подготовила разгром немецкой экспансии 1240—1242 гг., обеспечила победу над всей коалицией феодального рыцарства Северной Европы.

Походы 1240—1242 гг., как мы уже говорили, являлись наступлением объединенных сил католических государств Северной Европы на русские земли; по своим масштабам это наступление было наиболее крупным за весь период феодальной раздробленности на Руси. Тем большее значение имели победы Александра Невского над объединенными силами северноевропейского рыцарства. Это значение почувствовали уже ближайшие современники, составители биографии Александра. В дошедших до нас текстах Жития Александр представлен как борец не просто против шведов, а против сил римско-католической Европы (шведов Житие называет «римляны»).¹⁹⁸

¹⁹⁷ В числе погибших упоминаются в летописи два знатных (судя по наличию отчества) воина — «Костянтинъ Луготиниць, Гюрята Пинециничъ», а также два незнатных воина — «Намест, Дрочило Нездылов сынъ кожевника» (Новгородская I летопись, с. 77). Новгородских воинов, погибших в Невской битве, помнили и поминали во время церковных служб в родном городе более трех веков (возможно, и больше); в синодике новгородской церкви Бориса и Глеба в Плотниках (в Плотницком конце) говорится: «Покой, господи, избянных на Неве от немецъ при велицѣмъ князе Александре Ярославичи, и княжихъ воевод и новгородьскихъ воевод и всехъ избянныхъ братии нашеи...» (Шляпкин И. А. Синодик 1552—1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви. — В кн.: Сборник Новгородского общества любителей древности, вып. 5. Новгород, 1911, с. 6; см. также: Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба..., с. 91). В данном тексте церковная традиция сохранила представление о том, что в числе погибших были и княжеские, и новгородские воеводы; под княжескими подразумеваются пришедшие с Александром из Переславля. Церковная традиция, видимо, сохранила представление о том, что в числе погибших были и суздальцы, и новгородцы, но уже путала воевод и простых воинов; в тексте Новгородской I летописи воеводы в числе павших не упомянуты.

¹⁹⁸ По справедливому мнению И. У. Будовница, в Житии Александра Невского отразилось настроение народных масс Руси, недавно пережившей ужасы татарского нашествия. «В момент всеобщей подавленности и смятения... русский народ увидел в победах Александра Невского ответ былой славы и предзнаменование своего будущего освобождения от тяжелого ига. Житие, прославлявшее военные подвиги Александра Невского и его храбрых сподвижников, тем самым вселяло в русских людей бодрость и веру в свои силы» (Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль древней Руси. М., 1960, с. 314).

Имя Александра Невского, великого полководца, отразившего грозное наступление европейского рыцарства на русские земли, долго жило в народной памяти.¹⁹⁹

¹⁹⁹ Об этом свидетельствует, например, живучесть устного народного предания о Невской битве. 460 с лишним лет спустя, когда Петр был впервые на берегах Невы, русские люди, потомки древних новгородцев, жившие на Неве, указали ему место, где, согласно народному преданию, происходила битва Александра Невского со шведами. Правда, за сотни лет уже утратилось точное представление о географическом пункте, и было указано не устье реки Ижоры, а находившееся в нескольких верстах ниже по течению (но тоже на левом берегу Невы) устье речки Черной. Там Петр I основал первый в Петербурге монастырь и после окончания войны со Швецией туда, на предполагаемое место Невской битвы, перевез из Владимира (из Рождественского монастыря) гроб Александра Невского. С тех пор на протяжении более двух веков гробница князя-победителя хранилась в соборе Александро-Невской лавры, являясь одной из исторических реликвий города на Неве.

Г л а в а VIII

БОРЬБА ПРОТИВ ШВЕДСКОЙ АГРЕССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ФИНЛЯНДИИ В 40—50-е гг. XIII в.

1. Второй «крестовый поход» шведских рыцарей и завоевание центральной Финляндии

Главным, решающим событием в ходе длительной борьбы за обладание территорией центральной Финляндии, землей еми (тавастов), был так называемый второй «крестовый поход» шведских рыцарей под руководством Биргера ярла, завершившийся завоеванием и покорением этого края.

В шведской и финской историографии поход Биргера ярла до недавнего времени получал обычно одинаковое традиционное освещение, восходящее еще к средневековой шведской историографии XV—XVII вв. В частности, в соответствии с данными нескольких источников, было принято датировать этот поход 1249—1250 гг. Однако в последние десятилетия высказано мнение об ошибочности этой датировки и предложено отнести этот поход к более раннему времени — к концу 1230-х гг., считая поход прямым результатом рассмотренной нами выше папской буллы 1237 г. (призывавшей население Швеции к организации «крестового похода» против тавастов-еми); поскольку в русских летописях под 1240 г. упоминается отряд еми в составе шведского войска, пришедшего на Неву, было предложено отнести «крестовый поход» Биргера ярла к отрезку времени между концом 1237 г. и летом 1240 г., т. е. к 1238 или 1239 гг. Эта концепция была разработана видным финским историком Я. Галленом¹ и была затем поддержана некоторыми финскими учеными.² Но большинство финских исследователей не поддержало концепцию Галлена, она подверглась серьезной критике, и было дано более глубокое (чем это имело место ранее) обоснование

¹ Gallén J. Kring Birger jarl och andra korståget till Finland. — Historisk tidskrift för Finland, 1946, h. 2—4, s. 50—70.

² Suomen historian käsikirja. Porvoo—Helsinki, 1949, s. 146—147; Anttoni E. 1) Korstågstiden och dess innebörd. — In: Kring korstågen till Finland. Helsingfors, 1968, s. 163—165; 2) [Пер. на кн.: Hämeen historia. I]. — Historisk tidskrift för Finland, 1956, h. 2—3, s. 115—118; Suvanto S. Birger jarls livsverk. — In: Kring korstågen till Finland. Helsingfors, 1968, s. 225—230; допускается возможность данной концепции в книге: Juvva E., Juvva M. Suomen kansan historia. I. Helsinki, 1964, s. 136—139.

традиционного мнения о совершении похода Биргера ярла в 1249 г.³

Аргументация Галлена основывается прежде всего на том, что в шведских источниках не дается точной датировки «крестового похода» Биргера ярла в Тавастланд. Единственный шведский источник, дающий сведения о походе, — рифмованная Хроника Эрика, не содержит в своем тексте никаких дат, и принятая до сих пор датировка похода была основана на сообщении этой Хроники о том, что смерть короля Эрика Леспе и выборы нового короля происходили тогда, когда Биргер ярл находился в походе в Тавастланде; из шведских анналов известно, что смерть Эрика Леспе (тестя Биргера) произошла 2 февраля, избрание королем Вальдемара — 10 февраля 1250 г.,⁴ откуда следовало, что Биргер отправился в поход в предшествующем 1249 г., и, очевидно, летом, в период навигации, поскольку в Хронике его предприятие изображается как морской поход на кораблях. Однако Галлен привел сведения очень подробной норвежской саги о Хаконе Старом, написанной его современником, в которой сообщается, что король Эрик и Биргер ярл летом 1249 г. находились с войском у Гёта-эльв около границы с Норвегией, где возникла напряженная обстановка и угроза войны; следовательно, по мнению Галлена, Биргер не мог в то лето отправиться в поход в Финляндию. Приводится Галленом и известие той же саги о королевских выборах 1250 г. в Швеции; согласно этому известию. Биргер присутствовал при выборах, ни о ка-

³ Niitemaa V. Hämeen keskiaika. — In: Hämeen historia. I. Hämeenlinna, 1955, s. 411—414; Jaakkola J. Suomen varhaiskeskiaika. Helsinki, 1958, s. 264—270, 463 (см. также рецензию К. Пиринена на эту книгу: Oma maa, 1958, I, s. 196); Jokipii M. Hämeen ristiretki. — In: Suomen kirkkohistoriallisen seuran vuosikirja, 52—53. 1962—1963. Helsinki, 1965, s. 19—32; Jutikkala E., Pirinen K. Finlands historia. Stockholm, 1968, s. 39—40. См. также: Kirkinen H., Kuujo E. Baltiassa ja suomessa asuneiden heimojen osallistuminen Itämeren alueen kysymysten ratkaisun 1100- ja 1200-luvulla. — In: Historiallinen arkisto. 69. Helsinki, 1975, s. 42; Kirkinen H. 1) Karjala idän kulttuuripiirissä. Helsinki, 1963, s. 82; 2) Karjala taistelulentänä. Helsinki, 1976, s. 14.

Недавно появившееся дилетантское построение архитектора К. Нордлинга о походе Биргера ярла в Тавастланд (Nordling C. O. 1) Vadgorde Birger jarl i Finland. — Horisont, 1975, № 3/4; 2) Gätorna kring Birger jarl, Ösel och Borgå. Borgå, 1976) мы не сочли возможным рассматривать как стоящее вне науки; резкая и убедительная критика этой «концепции» дается в рецензиях: Pirinen K., Kaukiainen J., Granlund A., Kiviniemi E. Toinen ristiretki ja Uudenmaan varhaiskeskiaikainen asutus. — Historiallinen aikakauskirja, 1975, № 4, s. 343—355; Gallén J. Birger jarl och Tavastland. — Historisk tidskrift för Finland, 1975, № 3, s. 223—224. — Приходится только пожалеть, что наше столь солидное научное издание, как «Скандинавский сборник», сочло возможным опубликовать статью этого сочинителя с изложением его «теории» (Нордлинг К. О. К вопросу о целях и задачах крестового похода Биргера ярла в Финляндию в 1240 г. — В кн.: Скандинавский сборник. XXII. Таллин, 1972).

⁴ Gallén J. Kring Birger jarl., s. 60.

ком походе Биргера в Финляндию сага ничего не сообщает. Галлэн указал также на наличие в Хронике Эрика в ряде мест ошибок в хронологической последовательности описываемых событий и сделал вывод, что принятая до сих пор датировка похода Биргера ярла неверна и что в действительности поход происходил в 1238 или 1239 г., будучи прямым результатом палской буллы 1237 г.⁵

Йокипии, Ниитемаа и другие исследователи не сочли аргументацию Галлэна достаточно убедительной и привели ряд контраргументов. Было указано прежде всего, что Биргер в 1238—1239 гг. еще не был ярлом, был еще молодым и недостаточно влиятельным человеком и не мог возглавить столь крупный и ответственный поход (который по существовавшему тогда в Швеции положению должен был возглавляться ярлом). Было показано, что в течение лета 1249 г. Биргер мог совместить и пребывание у границ Норвегии, и участие в предпринятом позднее (когда опасность возникновения конфликта с Норвегией миновала) «крестовом походе» в землю еми. Отмечалась недостаточная убедительность и других аргументов Галлэна.⁶ В целом работа Галлэна принесла определенную пользу, заставив ученых глубже изучить данный вопрос, однако построение этого автора осталось гипотезой и имеет в основном историографическое значение. Более вероятным представляется традиционное мнение о датировке второго «крестового похода» 1249—1250 гг.

⁵ Некоторые аргументы Галлэна (основанные на сведениях саги о Хаконе) еще на сто лет ранее были выдвинуты норвежским историком П. А. Мунком, по мнению которого оба шведских похода на восток, связываемые с именем Биргера и датируемые источниками разными годами (1240 и 1249), являлись в действительности одним и тем же походом, ошибочно получившим в русских и шведских источниках различную датировку (Munch P. A. *Det norske Folks Historie*. Deel IV, bd I. Christiania, 1858, s. 54—55, 88). Поскольку дата, сообщенная русскими летописями, представлялась вполне достоверной (дата содержится во многих летописях), была подвергнута сомнению дата похода Биргера на тавастов — 1249 г. По мнению Мунка, поход Биргера происходил в действительности в 1240 г., причем сначала шведское войско завоевало и покорило Тавастланд (землю еми), а затем двинулось на Русь и было разбито на Неве. Однако совершенно невозможно допустить, чтобы два таких сложных военно-политических предприятия, как завоевание центральной Финляндии и попытка завоевания Невы и Новгородских земель, шведы могли совершить в течение одного и того же похода. Завоевание страны еми-тавастов, расположенной в глубине Финляндии, вдали от моря, требовало большого напряжения сил и значительного времени, особенно если учесть энергичное сопротивление, оказанное тавастами; такое предприятие не могло быть совершено мимоходом, по пути на Неву.

⁶ Предположение о неточной хронологической последовательности событий в Хронике Эрика было отвергнуто критиками Галлэна, поскольку среди слушателей Хроники (в числе их должны были быть и потомки Биргера) следовало предполагать людей, хорошо помнящих по рассказам отцов последовательность событий (которая запоминается прочнее, чем даты). Оказалось возможным согласовать и сведения Хроники Эрика и саги о Хаконе о королевских выборах 1250 г. (Niitemaa V. *Op. cit.*, s. 411—414; Jokipii M. *Op. cit.*, s. 28—32).

Теперь необходимо изучить политическую обстановку, подготовившую «крестовый поход» Биргера ярла.

На политической ситуации в Финляндии в 1240-х гг. не могло не отразиться крупнейшее событие, происшедшее в 1240 г. вблизи финских берегов,— разгром шведского крестоносного войска на Неве. Как мы знаем, шведские завоеватели рассчитывали в результате похода на Неву отрезать Финляндию от русских земель и таким образом подготовить условия для покорения еми, сильного финского племени, занимавшего центральную часть страны. Провал «крестового похода» на Русь подрывал престиж военного могущества шведов и ободряюще действовал на финские племена, боровшиеся против шведской экспансии. Уже из буллы 1237 г. было видно, что натиск еми на узкую прибрежную полосу шведских владений создал реальную опасность для самого пребывания шведских захватчиков в Финляндии. После разгрома «крестового похода» 1240 г. на Неве эта опасность еще усилилась. О политической обстановке в Финляндии недвусмысленно свидетельствует следующее известие «Хроники» Юстена:⁷ епископ Томас, с большим мужеством и энергией в течение более 20 лет руководивший шведской колонией и направлявший все агрессивные действия шведов в финских землях, покинув в 1245 г. свой пост, счел слишком опасным оставаться жить в Финляндии и отправился доживать свои дни на остров Готланд «из страха перед русскими и карелами».⁸

Итак, в 40-е гг. XIII в. натиск еми, поддержанный русскими и карелами, создал реальную угрозу полного изгнания шведских захватчиков из Финляндии.⁹

⁷ «Хроника» Юстена в издании: H. G. Porthan. Opera selecta. Pars I. Helsingfors, 1859, p. 126 (епископ Томас «... умер в 1248 г. в Висбю на Готланде, куда удалился из страха перед русскими и карелами...»). Здесь не упомянут главный враг шведов, от которого в тот момент исходила основная опасность,— емь (тавасты), не упомянут потому, что автор «Хроники» не хотел признавать враждебность основной массы населения Финляндии к шведам в годы завоевания.

⁸ Rein G. Biskop Thomas och Finland i hans tid. — In: Kring korstågen till Finland. Helsingfors, 1968, s. 44—45; Forsström O. A. Suomen keskiajan historia. Jyväskylä, 1898, s. 109; Ailio J. Hämeenlinnan esi- ja rakennushistoria. — In: Hämeenlinnan kaupungin historia. I. Hämeenlinna, 1917, s. 49; v. Törne P. O. Medeltidsstudier. III. — Historisk tidskrift för Finland, 1920, h. 3—4, s. 146—147; Pipping R. Kommentar till Erikskrönikan. Helsingfors, 1926, s. 99; Juva E., Juva M. Op. cit., s. 140—142; Jutikkala E., Pirinen K. Op. cit., s. 40, etc. Добавим также: если предполагать (как считали в 1858 г. П. Мунк и в 1946 г. Я. Галлэн), что «крестовый поход» на емь и подчинение этого племени были совершены до Невской битвы 1240 г., будет непонятно бегство епископа Томаса в 1245 г. из Финляндии (Ignatius K. E. F. Ett ytterligare inlägg om Birger jarls tåg emot tavasterne. — In: Historiallinen arkisto. IX. Helsingissä, 1886, s. 97—100); если положение шведской колонии в Финляндии было упрочено, епископу незачем было бежать.

⁹ Tunberg S. Äldre medeltiden. — In: Sveriges historia till våra dagar. II. Stockholm, 1926, s. 84.

После двух сокрушительных поражений на Неве и на Чудском озере только к концу 1240-х гг. в феодально-католических кругах возникает мысль о возобновлении крестоносной агрессии к востоку от Балтики. И на этот раз, как и в предшествующий период, во время подготовки агрессии ясно прослеживается организующая и направляющая рука папской курии.

Память о событиях 1240 и 1242 гг. была еще слишком свежа, поэтому агрессивные силы запада не решились напасть на коренные русские владения. Для удара была избрана дальняя периферия Новгородского государства — земля еми. Поход против еми, планировавшийся шведскими правящими кругами и римской курией еще в конце 1230-х гг., десять лет спустя стал для шведов еще более необходим: в обстановке, создавшейся к тому времени в Финляндии, шведские завоеватели могли удержаться на финской земле только в том случае, если им удастся победить и покорить сильное и резко враждебно настроенное против них племя емь.

Внутренняя обстановка в Швеции как раз к этому времени создала возможность для организации большого похода в Финляндию. В середине 40-х гг. Швеция вновь стала ареной междоусобной войны, явившейся последней вспышкой столетней борьбы между династиями Сверкера и Эрика. Но в 1248 г. последний претендент на трон был побежден и казнен, в Швеции стало восстанавливаться внутреннее спокойствие. Для похода в глубь Финляндии нужно было собрать войско.

Уже довольно давно у историков возникла мысль, что походу на емь, происшедшему в 1249 г., не случайно предшествовало весьма продолжительное пребывание в Швеции папского легата в Прибалтийских странах Вильгельма (к тому времени получившего сан кардинала Сабинского), игравшего в предшествующее время (как уже было отмечено в своем месте) ведущую роль в подготовке крестоносной агрессии против Руси 1240—1242 гг.¹⁰

Есть все основания думать, что этот крупнейший деятель католической церкви в Прибалтике, потративший так много энергии для организации борьбы феодальных сил Запада против Руси в 1220-х и 1230-х гг., не оставил своих стремлений к организации крестоносной агрессии и после событий 1240—1242 гг.

Вильгельм Сабинский прибыл в Швецию в октябре 1247 г. для того, чтобы в качестве представителя папского престола разрешить ряд коренных вопросов шведской церковной жизни. Для выполнения этой задачи Вильгельм в феврале 1248 г. созвал церковный собор в г. Шенинге.¹¹ И во время подготовки собора, и после его окончания папский легат побывал во многих местах

¹⁰ См. выше, с. 140, 153—156.

¹¹ Donner G. A. Kardinal Wilhelm von Sabina. Helsingfors, 1929, S. 361, 367.

Швеции¹² и хорошо ознакомился с внутренним и внешним положением страны. За десять месяцев своего пребывания в Швеции Вильгельм неоднократно встречался и с королем Эриком, и с пришедшим как раз в это время (в начале 1248 г.) к власти фактическим правителем страны Биргером ярлом.¹³

И во время переговоров с Биргером и королем, и в беседах с церковниками, собравшимися на церковный собор в Шенинге со всех концов Шведского государства, в том числе, вероятно, и из шведских владений в Финляндии, папский легат должен был получить ясное представление о положении дел в Финляндии. Больше того, легат должен был убедиться, что политическая обстановка, сложившаяся в Финляндии, создавала удобную возможность под предлогом спасения шведской церкви в Финляндии от угрозы со стороны язычников поднять население Швеции на новый большой агрессивный поход в земли, зависимые от Руси. Эту возможность Вильгельм, по-видимому, решил использовать. Есть все основания полагать, что вопрос о походе для покорения еми был решен во время переговоров Вильгельма с Биргером ярлом и королем и что именно Вильгельм был инициатором похода.¹⁴

За участие Вильгельма в решении вопроса о походе на емь говорит то обстоятельство, что поход носил характер «крестового». Призыв к «крестовому походу» мог быть объявлен только с разрешения папы или действовавшего от его имени легата Вильгельма; своей властью объявить призыв к «крестовому походу» ни шведский король, ни архиепископ были не вправе.

Косвенное указание на участие Вильгельма в организации похода на емь можно найти и в тексте сочинения римского церковного историка XVII в. Циакониуса. Там говорится, что когда Вильгельм «находился в Швеции, король шведов Эрик, по прозвищу Картавый, счастливейшим образом воевал против тавастов», т. е. поход на тавастов (емь), по-видимому, ставится в связь с пребыванием Вильгельма в Швеции.¹⁵ Если учесть к тому же

¹² Ibid., S. 361, 363—367, 392, 395—396.

¹³ Ibid., S. 361—362, 392—393.

¹⁴ Такого мнения придерживались многие финские исследователи, касавшиеся этой темы (Rein G. Föreläsningar öfver Finlands historia. I. Helsingfors, 1870, s. 113; Yrjö-Koskinen G. Z. Finnische Geschichte. Leipzig, 1874, S. 37; Ignatius K. E. F. Op. cit., s. 96—97; Forström O. A. Op. cit., s. 117; Berggroth E. Suomen kirkko. I. Porvoo, 1901, s. 41—44; v. Törne P. O. Op. cit., s. 146—147; Pipping R. Op. cit., s. 101; Donner G. A. Op. cit., s. 394; Salomies J. A. Suomen kirkon historia. I. Helsinki, 1944, s. 88, и др.), но эти авторы не дали детального обоснования своего мнения.

¹⁵ Ciacconius-Oldoinus. Vitae et res gestae pontificum romanorum et S. R. E. Cardinalium. II. Roma, 1677, p. 116. — Это известие находится в сочинении Циакониуса в главе, посвященной деятельности кардинала Вильгельма Сабинского. Из всех событий истории Швеции в этой главе отражены только те факты, которые были как-либо связаны с деятельностью кардинала. Поэтому включение в текст главы приведенного выше

все, что известно о деятельности легата Вильгельма в северных странах и о его участии в организации почти всех агрессивных акций против «язычников» на берегах Балтийского моря, то предположение об инициативной роли Вильгельма в организации «крестового похода» в конце 1240-х гг. станет еще более вероятным.¹⁶

Придавая захватнической экспедиции против еми форму «крестового похода», папский легат и правящие круги Швеции в значительной мере обеспечивали успех предстоящей операции. В Швеции, как и в других европейских странах того времени, как уже отмечалось, не было постоянного войска, оно набиралось лишь на время похода. Для того чтобы сломить сопротивление еми и покорить центральную Финляндию, должны были потребоваться весьма значительные военные силы; обычным путем, действуя только через аппарат власти, собрать столь крупные силы было бы слишком трудно. Когда же подготавливаемая экспедиция была объявлена «крестовым походом», для сбора войска, кроме органов правительственной власти, мог быть привлечен и весь могущественный аппарат католической церкви; с помощью церкви можно было поднять для участия в походе основные силы шведского рыцарства.¹⁷

известия о походе на тавастов, видимо, говорит о том, что по представлению автора этот поход находился в связи с пребыванием в Швеции кардинала Вильгельма. Правда, Циакониус — автор довольно поздний, но возможно, что он заимствовал это известие из какого-либо источника, восходящего к XIII в. Во всяком случае в сочинении шведского историка XVI в. Иоанна Магнуса, из которого Циакониус заимствовал основные сведения о деятельности Вильгельма в Швеции, этого известия нет (Donner G. A. Op. cit., S. 394, anm. 4).

¹⁶ В этой связи может быть объяснено и одно из наиболее крупных мероприятий, проведенных Вильгельмом во время его пребывания в Швеции, — примирение борющихся феодальных группировок и прекращение междоусобной войны. Осенью 1247 г., когда Вильгельм прибыл в Швецию, он застал страну «в состоянии всеобщего восстания» (Tunberg S. Op. cit., s. 77). Это была последняя вспышка столетней борьбы между династиями Сверкера и Эрика и между двумя поддерживавшими династии группировками правящего класса. Используя свой авторитет представителя папского престола, Вильгельм в первые месяцы своего пребывания в Швеции занялся примирением борющихся сторон и после долгих переговоров добился успеха (Donner G. A. Op. cit., S. 361—363): к началу 1248 г. междоусобная борьба в Швеции прекратилась, было восстановлено внутреннее спокойствие и укреплена власть короля. Очевидно, Вильгельм добивался примирения борющихся феодальных группировок для того, чтобы направить их силы на захватнические действия на восточных берегах Балтийского моря. Как известно, именно такую политическую линию за десять лет до описываемых событий Вильгельм проводил в Ливонии, когда он примирял борющихся между собой немецких рыцарей и датчан для того, чтобы объединить их силы и направить их энергию на агрессию против Руси (См. выше, с. 153—154).

¹⁷ В. Ниитемаа высказал мнение, что в 1249 г. был совершен не «крестовый поход», а обычный для Швеции X—XIII вв. поход морского ополчения (ледунга), и приводит сохранившееся в Хронике Эрика описание подробностей подготовки похода 1249 г., типичное для подготовки ледунга

Таким образом, в конце 1240-х гг. папская курия организует новую крестоносную агрессию на восток, против подвластной Руси земли еми.

К середине 1249 г. военные приготовления в Швеции были закончены. Осенью 1249 г. состоялся возглавленный Биргером второй «крестовый поход» шведских рыцарей в Финляндию, явившийся решающим этапом завоевания этой страны.¹⁸

Подробности этого похода нам почти неизвестны. Мы знаем лишь, что шведское крестоносное войско высадилось на побережье Финляндии и двинулось во внутренние области страны, к центральным финляндским озерам, где в течение нескольких месяцев велось борьбу с емью. Об этой борьбе, ее ходе и результатах единственный источник для похода 1249 г. — рифмованная Хроника Эрика — сообщает с предельной краткостью, в одной строчке: «Язычники потерпели поражение, а христиане победили».¹⁹

Плохо вооруженные и не имевшие строгой военной организации финны не могли долго сопротивляться организованному наступлению закованных в железо рыцарей. Зимой 1250 г. центральная Финляндия была покорена.

Одновременно с подавлением сопротивления еми происходило массовое принудительное крещение этого племени в католическую веру; побежденным тавастам предлагалось на выбор: крещение или смерть.²⁰

Для закрепления завоеванной страны Биргер ярл проводит и постоянную оккупацию, и колонизацию. В центре земли еми и всей Финляндии он заложил сильную крепость.²¹ Одновременно

(Nitte m a a V. Op. cit., s. 413). Однако нужно учитывать, что, по данным исследователей Хроники, ее автор был сугубо светским человеком, воином, церковные вопросы его совершенно не интересовали (Jokirii M. Op. cit., s. 24) и, напротив, для него было особенно важно прославление походов и воинских подвигов. К тому же крестоносный характер похода был лишь ширмой для завоевательной операции и внешне мог быть не особенно заметен, тем более мог не сохраниться в памяти шведского населения (описание похода в Хронике основывалось на устной традиции, сохранявшейся в течение 70 лет после события). И поскольку Шведское государство не имело регулярного флота, перевезти войско крестоносцев из Швеции в Финляндию могли только корабли морского ополчения (ледунга), поэтому сбор морского ополчения перед походом был необходим и неизбежен. См. также: Anthoni E. [Рец на кн.: Hämeen historia. I], s. 116—117.

¹⁸ В одном финском обобщающем сочинении это откровенно захватническое предприятие, направленное на завоевание чужой страны и народа, представлено... как акт обороны, защиты данной страны от возможного распространения «вредного» русского влияния (Suomen historian käsikirja, s. 147).

¹⁹ Finlands medeltidsurkunder. I. Helsingfors, 1940, № 97; Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978, с. 108.

²⁰ Jaakkola J. Op. cit., s. 267; Pirinen K. Den kyrkliga organisationen av det finska missionsområdet. — In: Kring korstågen till Finland. Helsingfors, 1968, s. 180.

²¹ Учеными XIX в. предполагалось, что этой крепостью был доньше сохранившийся шведский каменный замок в административном центре

Биргер посадил «в стране той» (вероятно, в основных стратегических пунктах) шведских колонистов,²² которые смогли бы в случае восстания финнов немедленно выступить с оружием в руках на его подавление, не дожидаясь прибытия подкреплений из Швеции. Колонистам и церкви отвели лучшие земли, отнятые у местного населения.

Поход Биргера ярла 1249 г. был крупным успехом шведских захватчиков, в результате похода основная часть Финляндии оказалась в их руках. Для шведских захватчиков завоевание земли эми было важно не только само по себе; с покорением племени эми была ликвидирована постоянная угроза, длительное время висевшая над землями, ранее захваченными и заселенными шведами, — над шведской колонией в юго-западной Финляндии.

И во время похода, и три четверти века спустя (в 1320-х гг., когда писалась Хроника Эрика) шведы ясно сознавали, что завоевание земли эми-тавастов было вместе с тем ударом по Новгородскому государству. Это значение похода Биргера прямо имел в виду автор Хроники Эрика, который заключает рассказ о походе Биргера словами:

Тавастланда (области эми), городе Тавастхусе (ныне Хямеенлинна). Однако в начале XX в. видный финский археолог Ю. Ринне установил, что наиболее древняя крепость в земле эми (более древняя, чем замок Тавастхус) находилась в 15 км южнее этого города, на городище Хакойстенлинна в приходе Янаккала. Археологические доказательства нашли позднее подтверждение и в письменных источниках: оказалось, что в одном документе 1625 г. усадьба Хакойстен, включающая в себя городище, была названа «старый Тавастхус», т. е. в начале XVII в. еще сохранялось представление о том, что первоначально замок Тавастхус находился на холме Хакойсет, там, где находится городище Хакойстенлинна. Поэтому в финской науке утвердилось мнение, что замок, построенный Биргером, — это Хакойстенлинна (Rinne J. Suomen keskiaikaiset mäkilinnat. Helsinki, 1914, s. 129—185, 267—289; v. Törne P. O. Op. cit., s. 152—153; Pipping R. Op. cit., s. 82—84 (там же ссылки на работы XIX в.); Jaakkola J. Op. cit., s. 268—270; Gallén J. Öst och väst i kamp om Finland. — In: Härrestes kristi kors. Helsingfors, 1955, s. 46; Niitemaa V. Op. cit., s. 415; Jokipii M. Op. cit., s. 37—42; Juva E., Juva M. Op. cit., s. 138, и др. См также: Рыздзевская Е. А. Указ. соч., с. 108). Ю. Айлио стал отстаивать старую точку зрения о том, что Биргером был построен сохранившийся замок Тавастхус (Ailio J. Op. cit., s. 72, 82—87 etc.); к той же точке зрения склоняется и последний исследователь истории замка К. Драке (Drake K. 1) Die Burg Hämeenlinna im Mittelalter. Helsinki, 1968, s. 10—11; 2) Mikä oli Vanain linna. — Arx Tavastica. I. Hämeenlinna, 1967, s. 24—38). Айлио высказал предположение, что замок Хакойстенлинна, от которого сохранились каменные фундаменты явно западноевропейской постройки и который по местному преданию существовал раньше, чем замок Тавастхус, мог быть сооружен еще в 1220—1230-е гг. епископом Томасом (Ailio J. Op. cit., s. 102—103). Гипотеза эта не подтверждается письменными источниками, но допустима; в таком случае епископ Томас не только добился в 1220-е гг. господства над емью мирным путем, но и стал закреплять достигнутое господство сооружением замка, что могло ускорить восстание эми 1230-х гг.

²² Хроника Эрика после рассказа о походе Биргера в Тавастию говорит, что шведские завоеватели «посадили в стране той христиан». Под именем «христиан» подразумеваются, конечно, шведские колонисты.

«Ту страну, которая была вся крещена,²³
русский князь, как я думаю, потерял».²⁴

Иными словами, сами шведы после похода Биргера ярла считали, что в результате завоевания Тавастланда они захватили в свои руки страну, до того принадлежавшую Новгородскому государству.²⁵

Успех завоевателей в 1249 г. объясняется, по нашему мнению, не только численным военным превосходством и лучшим вооружением крестоносцев. Емь в борьбе против шведского завоевания была лишена могущественной поддержки Новгорода. В первые годы после татарского нашествия, в связи с общим ослаблением нашей страны, новгородцы, видимо, не могли продолжать борьбу за центральную Финляндию.

Сыграло, конечно, значительную роль в данном случае и отсутствие Александра Невского в Новгороде. В 1247 г. Александр должен был отправиться в Монголию, к великому хану, и вернулся в Новгород лишь в 1250 г., когда земля еми была уже покорена шведами.

Новгородская внешняя политика осталась без руководителя как раз в тот момент, когда на область новгородских государственных интересов в центральной Финляндии был направлен решающий удар шведского феодального рыцарства. Видимо, в Новгороде тогда некому было взять на себя организацию отпора шведской агрессии в Финляндии, организацию помощи еми в ее борьбе против шведов.

Завоевание Биргером земли еми явилось в конечном итоге ударом по государственным интересам Новгорода. Владения шведских захватчиков приблизились к коренным русским землям.

2. Борьба Руси против шведской агрессии 50-х гг. XIII в. Финляндский поход Александра Невского

Завоевание шведскими рыцарями центральной Финляндии укрепило позиции феодально-католических сил в Восточной Прибалтике. В середине 1250-х гг. в феодально-католических кругах возникает мысль об организации наступления уже непосред-

²³ Т. е. Тавастланд или страну, завоеванную Биргером.

²⁴ Finlands medeltidsurkund, I, № 97. Тот же текст в русском переводе в кн.: Рыдзевская Е. А. Указ. соч., с. 107—108.

²⁵ Рыдзевская Е. А. Указ. соч., с. 109. — По вероятному предположению Э. Антони, антирусская направленность шведского похода 1249 г. и завоевания Тавастланда чувствуются и в строке Хроники Эрика, где говорится (в настоящем времени, — Хроника писалась в 1320-е гг.), что сооруженный Биргером в 1249 г. замок Тавастборг приносит горе язычникам; здесь подразумеваются русские (Anthoni E. Цит. рец., с. 117, примеч. 1), которые и в 20-е гг. XIV в., по мнению автора Хроники, ощущали ущерб, понесенный в результате постройки замка и укрепления шведов в Тавастланде.

ственно на русские земли.²⁶ В роли главного организатора антирусской агрессии, как и в начале и конце 1240-х гг., вновь выступила папская курия.

Идею организации агрессивных выступлений против Руси первыми выдвинули два немецких феодала из датской Эстонии:²⁷ Дитрих фон Кивель и Отто фон Люнебург;²⁸ они отправили (по-видимому, в конце 1254 г.) письмо папе с известием, что «язычники», живущие вблизи их земель, будто бы изъявили желание принять католичество.²⁹ Поскольку земли Дитриха фон Кивель были в основном расположены в северо-восточной Эстонии (в области Вирония) и поскольку население Эстонии в то время считалось уже полностью христианизированным, под живущими рядом язычниками явно подразумевалось прежде всего население соседних Водской и Ижорской земель.³⁰ Из последовавшей затем переписки³¹ явствует, что в данном случае под «язычниками» подразумевалось не только население Вотландии (Водской земли) и Ингрии (Ижорской земли), но и лежавшей далее за Ижорской землей Карелии. Разумеется, стремление води, ижоры и карел креститься и принять крещение именно от католических священников было фантазией обоих авторов письма.³² Но это мнимое желание язычников принять христианство было изобретено для того, чтобы иметь формальное основание для захвата и покорения

²⁶ О подготовке наступления на русские прибалтийские владения, происходившей в 1254—1256 гг., см.: Лерберг А. X. О жилищах емп. — В кн.: Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819, с. 134—135; Rein G. Föreläsningar., s. 120—121; Aminoff T. G. Mellan svärdet och kroksabeln, Helsingfors, 1943, s. 72—73; Suomen historian käsikirja, s. 156—157.

²⁷ Когда датскому королю удалось с помощью папы в 1238 г. вновь приобрести северную Эстонию, захваченную в 1219 г. датчанами и отбитую у них в 1225—1227 гг. немецкими рыцарями, ему пришлось сохранить в неприкосновенности на всей этой территории землевладение немецких рыцарей. Поэтому в течение всего последующего периода датского господства в северной Эстонии (до 1347 г.) феодальный класс в этой области состоял в основном не из датских, а из немецких рыцарей (см.: Шакольский И. Папская курия — главный организатор крестоносной агрессии..., с. 182).

²⁸ О них см.: Johansen P. Die Estlandliste des «Liber census Daniae». Kopenhagen—Reval, 1933, S. 800—804, 823. — На основе не вполне ясных указаний источников предполагают, что эти два рыцаря были сводными братьями (Transche-Roseneck A. Die ritterliche Livlandfahrer in Heinrichs Chronicon Livoniae.— In: Mitteilungen aus der Livländischen Geschichte. XXI. Riga, 1928, S. 336; Johansen P. Op. cit., s. 803). В этом случае их совместное участие в обращении к папе объясняется родственными узами. Но и вне зависимости от их родства оба рыцаря имели земли в Эстонии и стремились к расширению своих владений за рекой Наровой.

²⁹ Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch (далее: LUB), I, № 281.

³⁰ Aminoff T. G. Op. cit., s. 73.

³¹ LUB, III, № 283b.

³² Водь, ижора и особенно карелы в то время в значительной мере были уже крещены в православную веру.

ния Водской, Ижорской и Корельской земель. Поскольку оба феодала своими силами осуществить задуманные ими захваты не могли, они обратились к папе, чтобы привести в движение силы католической церкви.

Выбор Водской, Ижорской и Корельской земель в качестве объекта для захвата был сделан не случайно. Эти земли намечались в качестве ближайшей цели для захватнических действий уже во время антирусской крестоносной агрессии 1240—1242 гг. Уже тогда шведские феодалы направили свой первый удар на Ижорскую землю — на берега Невы, а немецкие рыцари тогда же даже успели на один год захватить Водскую землю и претендовали также на Ижорскую землю и Карелию.³³ Все эти три области имели в то время очень большое экономическое и стратегическое значение. Через Ижорскую землю по реке Неве проходил важнейший торговый путь, являвшийся единственным для Руси XIII в. выходом в Балтийское море. Водская и Корельская земли прикрывали подступы к невшскому пути с севера и запада. Шведские и немецкие рыцари стремились к захвату Водской, Ижорской и Корельской земель, ибо в этом случае они получили бы контроль над всей торговлей и вообще над всеми сношениями Новгорода с Западной Европой.

Папский престол, получив письма Кивеля и Люнебурга, сразу же решил поддержать инициативу своих «верных сынов» и принялся за подготовку антирусской агрессии. Папа Александр IV в булле от 19 марта 1255 г. предписал рижскому архиепископу Альберту фон Зуербеер принять меры для обращения упомянутых «язычников» в христианство.³⁴ Через несколько месяцев архиепископ Альберт в своем письме к папе подтвердил известие о «желании» «язычников» креститься, при этом впервые прямо указав, что речь идет о «язычниках» Вотландии, Ингрии и Карелии, и просил разрешения поставить епископа для этих областей. Получив письмо от архиепископа Альберта, папа Александр IV предписал ему назначить епископа для Вотландии, Ингрии и Карелии.³⁵ Архиепископ назначил гамбургского каноника Фридриха Газельдорфа «епископом Карельским».³⁶

³³ Это явствует из договора, заключенного в апреле 1241 г. эзельским епископом с рыцарями Ливонского ордена (LUB, III, № 169a). В этом договоре говорится, что есть надежда на «обращение» (т. е. подчинение католицизму) населения в Вотландии, Нове (Неве), Ингрии и Карелии и что эти земли будто бы уже завоеваны немецкими рыцарями. В действительности, в тот момент была захвачена немцами только Водская земля; но это преувеличение весьма показательно, ибо оно раскрывало ближайшие цели захватчиков.

³⁴ LUB, I, № 281.

³⁵ LUB, III, № 283b.

³⁶ Чешин Е. В. История Ливонии с древнейших времен, т. I. Рига, 1884, с. 382. — По мнению Т. Аминова, Фридрих Газельдорф стал «епископом Карельским» позднее, между мартом 1258 г. и маем 1268 г. (Аминов Т. Г. *Op. cit.*, s. 76). Во всяком случае для нас важно отметить, что вследствие неудачи крестоносной агрессии 1256 г. «епископу Карель-

Но Водская, Ижорская и Корельская земли были исконными владениями Великого Новгорода и в церковном отношении не подчинялись папе. Назначение католического епископа в исконные русские области было фактически призывом к захвату этих областей и отторжению их от русского государства.

Вскоре последовал и прямой призыв к «крестовому походу». Буллой от 11 марта 1256 г. папа Александр IV, задумав подготовить общий большой «крестовый поход» против «язычников» Восточной Европы, предписал начать проповедь с призывом к крестовому походу во всей Северной и Средней Европе — в Швеции, Норвегии, Дании, на Готланде, в Пруссии, во всей восточной Германии и в Польше.³⁷

Замысел папы не увенчался успехом; на призыв к участию в «крестовом походе» отозвалась только одна страна — Швеция. Остальные феодальные земли, призванные к «крестовому походу», не захотели участвовать в папской затее; в их числе была и немецкая Ливония — рыцарское государство, непосредственно граничившее с Русью и в предшествующие десятилетия многократно совершавшее нападения на русские земли. Без сомнения, неудача новой попытки папской курии организовать широкое наступление на Русь была вызвана тем, что рыцарству Северной и Восточной Европы был слишком памятен суровый урок, который был получен им в 1240—1242 гг.

Урок, полученный во время Невского побоища, помнили и шведские рыцари. Поэтому и они не рискнули в 1256 г. наносить удар на главном стратегическом направлении — невском. Шведские правящие круги избрали для удара второстепенное направление — устье Наровы.

Это решение было, по-видимому, принято под влиянием уже упомянувшегося Дитриха фон Кивель, инициатора крестоносной агрессии 1256 г. Участие Дитриха фон Кивель в этом предприятии зафиксировано русской летописью (там, где говорится о составе вражеских сил, пришедших на Нарову); летописец называет его «Дидман».³⁸

Наши историки давно уже высказывали недоумение, почему летописец считал нужным рядом с войском Шведского государства упомянуть имя простого немецкого феодала, участвующего в по-

скому» Фридриху Газельдорфу так и не пришлось увидеть своей епархии. Тем не менее, он еще до конца 1268 или до начала 1269 г. без всякого стеснения носил несуществующий титул «епископа Карельского» (Чешин и Е. В. Указ. соч., с. 392—393; ср.: LUB, I, № 408 и, по-видимому, № 409; Aminoff T. G. Op. cit., s. 78; K ä h ö n e n E. Vanha Åyräpää. I. Helsinki, 1959, s. 53; Pirinen K. Op. cit., s. 202—203).

³⁷ Ammann A. M. Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski's. Roma, 1936, S. 298—299.

³⁸ Тождество Дитриха фон Кивель западных источников и «Дидмана» («Дитмана») русских летописей установлено и доказано (Goetze P. Albert von Suerbeer, Erzbischof von Preussen, Livland und Estland. SPb., 1854, S. 145—157; см. также: Aminoff T. G. Op. cit., s. 73).

ходе (словно Швеция и «Дитман» — явления одного порядка). Теперь, когда феодальное землевладение в датской Эстонии XIII в. глубоко изучено, фигура «Дитмана» — Дитриха фон Кивель стала совершенно ясна.³⁹ Установлено, что Дитрих фон Кивель (или по-латински Tidericus de Kiuael), в начале своей карьеры являвшийся мелким немецким феодалом, в 1220—1240-е гг. различными путями захватил большое количество земель в датской Эстонии и к началу 1250-х г. стал там самым крупным феодальным владельцем.⁴⁰ При этом почти все феодальные владения Дитриха фон Кивель находились в северо-восточной эстонской области Вирония (Вирумаа), граничившей по реке Нарове с территорией Новгородского государства.⁴¹ Существует, кроме того, предположение, что в 1250-е гг. Дитрих имел (или приобрел) и владения непосредственно на самой русской границе, на западном берегу Наровы.⁴²

В свете всех этих данных становится ясным, почему Дитрих фон Кивель играл столь видную роль в подготовке и осуществлении агрессии 1256 г. Захватив к середине 1250-х гг. на территории Виронии все, что можно было отобрать у более слабых феодалов, Дитрих решил теперь дальнейшее расширение своих феодальных владений произвести военным путем на русской тер-

³⁹ Для изучения феодального землевладения в датской Эстонии середины XIII в. сохранился исключительно богатый по содержанию источник — составленная в 1240-х гг. опись земельных владений на этой территории, включенная в поземельную книгу Датского королевства (*Liber census Daniae*).

⁴⁰ Johansen P. *Op. cit.*, s. 237.

⁴¹ Дитрих фон Кивель имел здесь 424 гагена земли и всего лишь 18 гаканов — в другой части датской Эстонии (см.: там же, с. 679). Поскольку в то время в Ливонии во главе каждой области стоял назначенный государственной властью фогт и поскольку в руках Дитриха фон Кивель находилось фактическое господство в Виронии, Иохансен предполагает, что Дитрих занимал в Виронии должность фогта, т. е. имел в своих руках и официальное управление этой областью (там же, с. 803). Здесь же отметим, что в «Очерках истории СССР. IX—XIII вв.» (М., 1953, с. 887) содержится ошибочное утверждение, что Дитрих фон Кивель был «датским вассалом, правившим в Ревеле». Ревель находился в другой части Эстонии.

⁴² Johansen P. *Op. cit.*, s. 803. — В Новгородской I летописи в известии о борьбе сына «Дидмана» («Титмановича») с новгородцами в 1294 г. на реке Нарове упоминается «село его великое», стоявшее на берегу этой реки (Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1960, с. 328). Из летописного текста неясно, на каком берегу Наровы стояло «село великое» сына «Дидмана», и нельзя с полной определенностью сказать, как это делают Гётце и Иохансен (*Goetze P. Op. cit.*, S. 156; Johansen P. *Op. cit.*, s. 138, 510, 801) и С. С. Гадзяцкий в статье «Водская и Ижорская земли Новгородского государства» (Ист. записки, 1940, № 6, с. 107), что это феодальное владение уже принадлежало «Дидману» за 40 лет до того, как оно было в 1294 г. упомянуто летописью. Поэтому С. С. Гадзяцкий напрасно утверждает, что на русском берегу Наровы и в соседней части Водской земли находилась во второй половине XIII в. «крупная феодальная вотчина» «Дидмана». Источники не дают оснований для такого утверждения.

ритории, лежащей за рекой Наровой. Поскольку датские власти северной Эстонии были слишком слабы для того, чтобы организовать наступление на Русь, Дитрих через их голову обратился прямо к папе. Являясь фактически господином Виронии и одним из наиболее крупных феодальных владетелей Прибалтики, Дитрих был известен и в Швеции (с которой он вступил в союз), и в Новгороде и участвовал со своим отрядом в походе 1256 г. как союзник Швеции, но как самостоятельная военная сила.⁴³

Общий план агрессоров может быть установлен, если сопоставить их действия с ранее упоминавшимися документами, ставившими своей целью подготовку нападения. Из этих документов мы уже знаем, что целью агрессоров был захват Водской, Ижорской и Корельской земель. Конкретные действия начались с того, что «придоша Свей и Емь и Сумь и Дидман со своею волостью и множество [рати], и начаша чинити город на Нарове».⁴⁴ Не отваживаясь сразу начать завоевание Водской, Ижорской и Корельской земель (помня уроки 1240—1242 гг.), шведские рыцари и «Дидман» (Дитрих), видимо, решили сначала создать прочный опорный пункт на границе Водской земли и лишь затем, опираясь на построенную ими крепость, приступить к постепенному покорению води, ижоры, карел.

Место, избранное агрессорами для постройки опорного пункта,— на реке Нарове — имело важное стратегическое значение. Здесь перекрещивались водный путь из Пскова в Финский залив (единственный для Пскова выход к морю) и торговый путь из Новгорода в Таллин по суше (путь «горой»). Вблизи устья Наровы по Финскому заливу проходил основной торговый путь из Новгорода (через устье Невы) на Запад. Таким образом, уже само укрепление шведов на Нарове было опасно для Новгорода, ибо вражеская крепость должна была держать под своим контролем оба торговых пути, пересекавшихся на Нарове, и должна была поставить важнейшую жизненную артерию повгородской торговли — путь по Неве и Финскому заливу — под постоянную угрозу вражеского нападения.

⁴³ Для полноты характеристики этого инициатора крестоносной агрессии, столь заботившегося о распространении «света христианства» среди «язычников», нужно еще добавить, что он, будучи наиболее богатым человеком датской Эстонии, не брезговал заниматься при случае и самым обыкновенным грабежом. Так, из одного документа известно, что он однажды ограбил потерпевший кораблекрушение у его прибрежных владений торговый корабль любекских купцов. Ограбленные купцы пожаловались датской королеве, но, конечно, ничего не добились (Goetze P. Op. cit., S. 155).

⁴⁴ Новгородская I летопись, с. 81 и с. 308. Упоминание еми в составе шведского войска в данном случае скорее всего является ошибкой летописца. Емь была покорена шведами после сильного сопротивления всего шесть лет назад; и уже через несколько месяцев после описываемых здесь событий емь (как будет дальше показано) вновь поднялась против шведов. Вряд ли при таком настроении еми шведы стали бы брать ее воинов в опасный заморский поход.

Откуда был предпринят шведский поход — из Швеции или из шведских владений в Финляндии? Зафиксированное в летописи участие в шведском войске отрядов покоренных финских племен, суми и еми, могло говорить в пользу второго возможного решения этого вопроса. Однако далеко идущие цели предпринятой со шведской стороны захватнической операции все же свидетельствуют, что поход был скорее всего организован из самой Швеции. Трудно предполагать, чтобы шведская колония в Финляндии, не обладавшая значительными людскими и материальными ресурсами и к тому же всего шесть лет тому назад расширившаяся за счет завоеванного Тавастланда (земли еми) и имевшая прежде всего задачу закрепления и упрочения шведской власти в этой только что покоренной (но, как показали последующие события 1256 г., лишь внешне покорившейся) области, могла планировать в такое время какие-то внешние завоевания,⁴⁵ тем более завоевание и закрепление под своей властью стратегически важной заморской территории, которая не была особенно пужна с точки зрения непосредственных интересов шведской колонии в Финляндии.⁴⁶

Предпринятая в 1256 г. большая захватническая операция, ставящая целью овладение одним из главных русских выходов к Балтике, становится понятной, лишь если ее рассматривать как часть широкой экспансионистской политики самого Шведского государства середины XIII в., если видеть в этой операции прямое продолжение политики экспансии, начатой с проникновения в землю еми в 1220-е гг. и наиболее ярко выразившейся в невском походе 1240 г. и в походе на емь 1249 г. Завоевательная акция 1256 г. — новый шаг в политике шведской феодальной экспансии, направленной на захват русских прибалтийских владений, на установление шведского господства на северных и восточных берегах Финского залива.

Следовательно, поход на Нарову был, по всей видимости, организован правительством Швеции⁴⁷ (в союзе с фактическим пра-

⁴⁵ Шведская колония была разве что способна на организацию кратковременных военных операций — набегов с целью нанесения вреда (ущерба) вражеским владениям; но и такие набеги начали производиться (по данным русских источников) лишь три десятилетия спустя, в 80-е гг. XIII в. (см. ниже, с. 229).

⁴⁶ Притом ведь можно было заведомо предполагать, что если и удастся захватить берега Наровы (или всю Водскую землю), то сильный и могущественный владелец данной территории, Новгород, не примирится с этим захватом и шведской колонии в Финляндии будет крайне трудно удержать от натиска новгородских войск захваченную землю, лежащую за морем, а зимой, на время замерзания Финского залива, вообще лишавшуюся всякой связи со шведскими владениями.

⁴⁷ Исследователь деятельности Биргера С. Энгстрём высказал предположение, что идея организации похода 1256 г. на Нарову принадлежала Биргеру (Engström S. Birger (II) Magnusson. Svenskt biografiskt Lexicon, bd IV. Stockholm, 1924, s. 422). Поскольку в то время Биргер ярял был фактическим правителем Швеции, данное предположение весьма вероятно.

вителем северо-восточной Эстонии Дитрихом фон Кивель) и начат на побережье Швеции (где-нибудь в районе стокгольмских шхер). Шведский флот, перевозивший войско для нападения на Нарову, по дороге на восток, видимо, проходил по обычному пути вдоль финляндского побережья и там захватил с собой вспомогательные отряды финских племен (а может быть, только одного племени, суми, поскольку, как выше отмечалось, участие еми в этом предприятии сомнительно).

Дитрих фон Кивель («Дидман»), по словам летописи, пришел на берег Наровы «съ своею волостью», т. е., видимо, с большим отрядом, набранным в его эстонских владениях; в отряде могло быть несколько немецких рыцарей, но основную массу воинов должны были составлять находившиеся в феодальной зависимости от «Дидмана» жившие на его землях эстонские крестьяне.

Объединение шведского войска с отрядом «Дидмана» произошло где-то до подхода этих военных сил к берегам Наровы, поскольку летопись сообщает, что шведы и «Дидман» вторглись на Нарову одновременно, как единое войско. Возможно, что это объединение произошло где-то на побережье области Вирония, западнее устья Наровы, и нападение объединенных сил было произведено с моря, через устье реки Наровы.

Момент для нападения оказался избранным весьма удачно.⁴⁸ В предшествующем 1255 г. произошел острый конфликт между новгородцами и Александром Невским⁴⁹ (с 1252 г. являвшимся главой русской феодальной иерархии, великим князем Владимирским и в то же время с 1236 г. князем Новгородским, где в качестве его наместника постоянно находился его сын Василий); правда, Александр Невский путем вооруженного давления в том же году заставил выступившие против него круги новгородского боярства вновь признать его власть. Однако примирение произошло еще не полностью, в конце 1255 г. и в течение большей части 1256 г. сын Александра Василий еще не вернулся в Новгород;⁵⁰ летопись специально отмечает, что в момент нападения войск шведов и «Дидмана» на Нарову в Новгороде «не бяше князя», т. е. Новгородское государство не имело военного руководителя, не могло сразу же организовать оборону своих владений, сразу дать отпор вторгшимся вражеским силам.

Постройка войском шведов и «Дидманом» крепости на берегу Наровы сама по себе уже была агрессивным актом против Нов-

⁴⁸ Aminoff T. G. Op. cit., s. 73; правда, неизвестно, было ли это сделано сознательно, знали ли организаторы нападения об обострении внутренней обстановки в Новгороде.

⁴⁹ Новгородская I летопись, с. 80—81; Пашуто В. Т. Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII в. М., 1951, с. 110—111.

⁵⁰ Согласно Новгородской I летописи (с. 81), Александр Невский вновь посадил Василия на новгородский стол лишь после возвращения из похода в Финляндию, т. е. только в конце 1256 или в начале 1257 г.

городского государства, ибо крепость была, по-видимому, заложена на восточном берегу реки,⁵¹ на новгородской территории. Новгородские власти разгадали планы захватчиков и стали принимать свои меры. К Александру Невскому «на низ», в Суздальскую землю, послали гонцов с просьбой прийти и привести «низовские» полки; в Новгородской земле (и в русских, и в нерусских областях) был развернут сбор ополчения.⁵² Военные приготовления в Новгородском государстве приняли такие широкие размеры, что захватчики испугались и решили не дожидаться столкновения; в данном случае, вероятно, опять же сыграло свою роль свежее воспоминание о Невской битве. Кроме того, отряды покоренных племен — финнов и чуди-эстов, составлявшие более половины войска, были, вероятно, не особенно надежны. В случае серьезного столкновения с русскими финны и эсты не стали бы долго бороться за интересы своих угнетателей, шведских и датских феодалов. Сыграло роль, вероятно, и приближение зимы, когда море должно было замерзнуть, а шведские войска должны были лишиться связи с метрополией, а также возможности бегства морским путем, если не удастся устоять против русского натиска. Поэтому шведское войско и «Дидман» бросили постройку и бежали восояси, не дожидаясь подхода русских войск.⁵³

⁵¹ В уже упоминавшемся летописном известии о попытке сына «Дидмана» в 1294 г. осуществить давний план своего отца и построить крепость на Нарове указано, что сын «Дидмана» стал строить «отий городок», т. е. отчий, начатый еще его отцом или на месте, где строил его отец; при этом точно указано, что крепость сын «Дидмана» начал строить «на сей стороне» реки, т. е. на восточном, новгородском берегу (Новгородская I летопись, с. 328; см. также: Goetze P. Op. cit., S. 155—156; Гадзяцкий С. С. Водская и Ижорская земли..., с. 107). Авторы «Истории Эстонской ССР», т. I (Таллин, 1961, с. 218) ошибочно предполагают, что строительство крепости было предпринято на западном берегу Наровы, на месте будущего города Нарвы. Постройка крепости на западном берегу реки, на территории, официально принадлежавшей Дании (владевшей тогда северной Эстонией), не была бы прямым актом агрессии, нарушением прав Новгородского государства и потому не могла вызвать немедленных ответных мер с русской стороны.

⁵² «Послаша новгородци в Низъ ко князю по полкы, а сами розослаша по своей волости, такоже копяще полкы» (Новгородская I летопись, с. 309).

⁵³ «Они же, оканнии, услышавше, побегоша за море» (Новгородская I летопись, с. 81); «услышавше», т. е. узнав о сборе войск новгородцами. Из этого текста совершенно очевидно, что «город» (крепость), которую шведы и «Дидман» начали строить на восточном берегу Наровы, была брошена недостроенной, что это строительство не было завершено, когда строители бежали восояси. Правда, в летописи не говорится, как поступили новгородцы с брошенной врагами крепостью, не указано, взяли ли ее новгородцы, разрушили ли ее или оставили стоять в том виде, в каком она была к моменту бегства ее строителей. Это молчание летописи попытался использовать Т. Аминов (для общих целей своей антирусской книги везде стремившийся доказать, что враги Руси имели хоть какой-то успех); поскольку в летописи не сказано о разрушении новгородцами крепости на Нарове, Аминов высказал предположение, что крепость все же была построена, что после событий 1256 г. она осталась неразрушен-

Таким образом, широко задуманная крестоносная агрессия не имела никаких практических результатов⁵⁴ и быстро кончилась провалом.⁵⁵

Когда Александр зимой с «низовскими» полками прибыл в Новгород, врагов на Нарове уже не было. Александр решил все же не отпускать обратно приведенное из Центральной Руси войско и использовать его для борьбы против шведов. С «низовскими» полками и с новгородцами князь двинулся к Копорью; цель похода он хранил в тайне. Только в Копорье Александр объявил, куда двинется его рать. Через замерзший Финский залив он повел русские полки в землю еми, семь лет назад захваченную шведами.

Поход Александра Невского в землю еми в 1256 г.⁵⁶ должен рассматриваться в связи с многолетней борьбой Руси и Швеции

ной и что от нее ведет начало город Нарва (Aminoff T. G. Op. cit., s. 74—75).

Вне зависимости от Т. Аминова такая же точка зрения (хотя с совершенно иных позиций) высказывалась местными краеведами в прошлом и нынешнем веке; в 1856 и 1956 г. в Нарве отмечались 600-летний и 700-летний юбилей города (Кривошеев Е. Нарва. Путеводитель. Таллин, 1960, с. 8; Кривошеев Е., Михайлов К. Нарва. Путеводитель. Таллин, 1972, с. 58). Мнение это совершенно ошибочно, основывается на неверном понимании летописного текста. Из приведенных выше данных видно, что в 1256 г. попытка постройки крепости производилась не на западном (нарвском), а на восточном (ныне ивангородском) берегу реки, принадлежавшем в XIII в. Руси, и уже потому эта крепость не могла иметь никакого отношения к городу Нарве, возникшему через несколько десятилетий на другом берегу Наровы, там, где этот город стоит с тех пор до настоящего времени. Кроме того, из текста летописи видно, что шведы и немцы бросили в 1256 г. свою крепость и после 1256 г. она если и существовала, то оставалась необитаемой (видимо, на месте крепости оставались до 90-х гг. XIII в. какие-то ее остатки, потому что сын «Дидмана» в 1294 г., согласно летописи, на ее месте «постави... отий городок», т. е. попытался восстановить крепость своего отца; см.: Новгородская I летопись, с. 328).

⁵⁴ Авторы коллективного «Руководства по финской истории», сочувственно относившиеся ко всем западным агрессорам, нападавшим на Русь, считают, что «Дидман» и шведы во время постройки крепости подчинили себе воду и ее землю, т. е. хотят показать, что захватнический поход шведов и «Дидмана» хотя бы на короткое время имел какой-то конкретный результат (Suomen historian käsikirja, I, s. 157). Однако это утверждение не подтверждается сведениями источников и поэтому не может быть принято.

⁵⁵ Бегство войска завоевателей, без боя признавших свое поражение, — факт сам по себе примечательный. При этом, правда, остается неясным, бежали ли обе части войска завоевателей вместе за море, в шведские владения в Финляндии, или же «Дидман» со своим отрядом на море отделился от шведов и отправился в свои эстонские владения. Во всяком случае, судя по сведениям летописи, «Дидман» побоялся отделиться от шведов и сразу уйти в свои земли, лежавшие на другом берегу Наровы и к западу от этой реки (вероятно, опасаясь преследования со стороны приближающейся русской рати), и, судя по буквальному смыслу летописного текста, отправился из устья Наровы в море вместе со шведским войском.

⁵⁶ Этот поход до недавнего времени освещался в историографии лишь весьма кратко, чаще всего в нескольких строках, преимущественно пу-

за землю еми в предшествовавшие десятилетия. Русский поход 1256 г. был ответом на завоевание в 1249 г. шведами центральной Финляндии, до тех пор находившейся длительное время под властью Древней Руси. Начиная поход, Александр Невский, по всей вероятности, ставил своей задачей восстановить русское влияние в земле еми.

При этом примечательно, что решение Александра Невского совершить поход в недавно захваченную Швецией землю еми не встретило поддержки со стороны значительной части новгородцев, видимо, какой-то части новгородского боярства.⁵⁷ Летописец сообщает, что когда у Копорья Александр Невский объявил войску о намеченном им направлении похода, сопровождавший войско митрополит⁵⁸ «и инии мнози новгородци» отказались от дальнейшего участия в походе и вернулись в Новгород.⁵⁹ Правда, отказались идти дальше в поход не все новгородцы; в дальнейшем тексте летописного рассказа о военных событиях 1256 г. упомянуты новгородцы, прошедшие весь поход вместе с войском Александра Невского. Но все же уклонилась от участия в предстоящей операции, видимо, достаточно значительная (если не бóльшая) часть новгородцев, входивших в состав войска Александра Невского. Чем это было вызвано, можно только гадать. По мнению В. Т. Пашуто, новгородское боярство сочло русские позиции в земле еми уже безвозвратно потерянными или же опасалось, что в случае успеха похода вновь подчиненная емь будет приносить доходы

тем цитирования или пересказа текста летописи: Лерберг А. X. Указ. соч., с. 140—142; Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц, ч. I. СПб., 1909, с. 97—98; Rein G. Föreläsningar öfver Finlands historia, I, s. 120—121; Yrjö-Koskinen G. Z. Op. cit., s. 40; Ailio J. Op. cit., s. 68—69; Jaakkola J. Op. cit., 1938, s. 314; Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941, с. 95; Aminoff T. G. Op. cit., s. 75—76; Hornborg E. Finlands hävder. I. Helsingfors, 1944, s. 206—207; Suomen historian käsikirja, s. 157; Niitemaa V. Op. cit., s. 420; Kirkinen H. Karjala idän kultuuripiirissä, s. 84—85; Juva E., Juva M. Op. cit., s. 144—145.

⁵⁷ Пашуто В. Т. 1) Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII в., с. 119; 2) Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956, с. 227; 3) Очерки истории СССР. XII—XIII вв. М., 1960, с. 205; 4) Борьба Руси и народов Восточной Прибалтики с агрессивней немецких, шведских и датских феодалов в XIII—XV вв. — Вопросы истории, 1969, № 7, с. 418; 5) Александр Невский. М., 1974, с. 125; см. также: Очерки истории СССР. IX—XIII вв., с. 887.

⁵⁸ Подразумевается митрополит Кирилл, глава русской церкви, постоянно живший в резиденции великих князей — во Владимире. Митрополит сопровождал великокняжеское войско, пока предполагалось, что военные действия ограничатся обороной от захватчиков коренных русских владений; в далекой и опасной военной операции за пределами коренных русских земель, в заморской стране, митрополит участвовать не мог.

⁵⁹ «И дошед Копорья, поиде Александр на емь, а митрополит поиде в Новъгород, а инии мнози новгородци въспятшася от Копорья» (Новгородская I летопись, с. 81, 309).

князю, а не Новгороду; ⁶⁰ последнее предположение маловероятно. Можно во всяком случае полагать, что в данном случае чувствовался отголосок острого конфликта Александра с определенной группой бояр, происшедшего в предшествующем году; скорее всего та же группа боярства, которая боролась с Александром Невским в 1255 г., отказалась поддерживать его внешнеполитическую акцию зимой 1256 г.

И в данном случае нельзя не отметить, что князь Александр проявил большую государственную мудрость, более глубокое понимание внешнеполитических нужд и интересов Новгородского государства, чем значительная часть правящего класса этого государства. ⁶¹

Направление предпринятого Александром Невским похода и со стратегической, и с политической точек зрения было избрано весьма удачно. Удар был направлен не на давние шведские владения (юго-западная Финляндия), где шведские завоеватели уже прочно укрепили свою власть, а на область, где шведское владычество было установлено недавно и еще не упрочилось; удар был рассчитан в наиболее уязвимое для противника место.

До недавнего времени русские историки основывали свои сведения об этом походе только на текстах русских летописей. Наши летописи (Новгородская I и Софийская I) описывают этот поход в обычных тонах, в каких изображалось всякое победоносное военное предприятие новгородского князя. Из этих описаний мы можем узнать о трудностях пути, ⁶² об успешном характере военных действий. ⁶³ Но авторы данных летописных текстов (во всяком случае текста Соф. I) описывают события с чужих слов; ⁶⁴ поэтому летописные тексты дают весьма одностороннюю картину похода.

Между тем поход Александра Невского в землю еми отражен и в одном нерусском источнике, до недавнего времени не привлекавшемся русскими учеными, ⁶⁵ но содержащем исключительно ценные сведения о военно-политических событиях, которыми сопровождался поход.

Заслуга открытия этого источника принадлежит неоднократно

⁶⁰ См. работы, названные в примеч. 57.

⁶¹ И на этот раз бросается в глаза, что и Александр Невский, и его отец Ярослав играли главную роль в проведении политики Новгородского государства в Финляндии, именно они отстаивали государственные интересы Новгорода в этой стране.

⁶² «Бысть золь путь, якоже не видаша ни дни, ни нощи, и многымъ шестыником бысть пагуба...» (Новгородская I летопись, с. 309); «и проидоша горы непроходимыя...» (Софийская I летопись — ПСРЛ, т. V, с. 189). Возможно, в зимнем походе русские воины передвигались на лыжах (Рыбаков Б. А. Военное искусство. — В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв. ч. I. М., 1969, с. 364).

⁶³ «Повоеваша поморие все» (Софийская I летопись, с. 189).

⁶⁴ Об этом свидетельствует указание Софийской I летописи на «горы непроходимые». Как известно, никаких гор в южной Финляндии нет, и эти горы являются, безусловно, плодом фантазии летописца.

⁶⁵ За исключением А. Х. Лерберга.

упоминавшемуся академику Лербергу. Ему и следовавшему за ним в этом вопросе передовому финскому буржуазному историку Г. Рейну удалось определить дату одной из папских булл XIII в., не имевшей ее в своем тексте. Сопоставляя данные русских, скандинавских и ватиканских источников, Лерберг датировал эту буллу 1256—1257 гг. — временем, непосредственно следующим за походом Александра Невского 1256 г.; булла, по мнению Лерберга и Рейна, описывает поход 1256 г.⁶⁶

Установленная Лербергом и Рейном датировка буллы была тогда же принята историками и с тех пор ни разу не подвергалась сомнению; мы со своей стороны считаем, что более вероятно прямо датировать буллу 1257 г., поскольку отраженный в ней русский поход произошел в последние месяцы 1256 г. и должно было потребоваться время (несколько месяцев) для того, чтобы вести об этом событии дошли до Упсалы и оттуда до Рима.

Таким образом, булла 1257 г. представляет собой источник, содержащий сведения о Финляндском походе Александра Невского. Эти сведения, как будет показано дальше, дают весьма существенное дополнение к материалам летописи.

Хотя булла в качестве источника для изучения Финляндского похода Александра Невского была, как мы видели, впервые введена в научный оборот еще Лербергом в 1819 г., с тех пор и до недавнего времени никто из исследователей не занимался всерьез анализом этого документа и не попытался извлечь из него сведения о походе 1256 г.

⁶⁶ Установленная Лербергом и Рейном датировка буллы 1256—1257 гг. основывается на следующих соображениях.

а) Булла является ответом на письмо шведского короля Вальдемара папе и послана в том же году, когда происходили описанные в ней события («...племя карел... в этом году... вторглось...»). Время правления единственного шведского короля по имени Вальдемар хорошо известно: это 1250—1275 гг.

б) Известно, что за эти 25 лет произошло только одно крупное нападение на шведские владения, в котором могли принимать участие карелы. Это поход Александра Невского в землю еми в 1256 г. Войско Александра Невского по пути в землю еми должно было пройти через территорию Карелии.

в) К той же дате нас приводит и текст буллы. Булла обращена не к *archiepiscopo Upsalensi*, как обычно, а к *electo Upsalensi* («избраннику Упсалы»). Из других источников (*Scriptores rerum Suecicarum*, t. I, pars I, p. 24) известно, что избранный в конце 1256 г. архиепископом Упсальским францисканский монах Лаврентий был посвящен в этот сан лишь в 1257 г. Следовательно, в течение нескольких месяцев Лаврентий занимал архиепископскую кафедру, не имея сана архиепископа; этому положению соответствует титул *electus Upsalensi* — «избранник Упсалы». Совершенство указанных соображений делает датировку буллы 1256—1257 гг. безусловной (Лерберг А. X. Указ. соч., с. 140—142; специально посвящена этому вопросу статья: Rein G. *Disquisitio chronologica annum quo verbum crucis contra Carelis praedicari iusserit ecclesiae catholicae pontifex*. Helsingfors, 1836; в сокращенном виде их аргументацию излагает Рюдберг: Rydberg O. S. *Sverges traktater med främmande magter*, bd I. Stockholm, 1877, s. 213).

Невнимание русских историков XIX и начала XX в. к этому документу не должно нас особенно удивлять, ибо русская дворянско-буржуазная историография вообще почти не занималась русско-шведскими отношениями XII—XV вв. В отличие от русских историков финской буржуазной науке эта булла была хорошо известна уже почти 140 лет, но ни один из финских авторов не взял на себя труд проанализировать ее содержание. Даже в сочинениях, очень подробно освещающих историю Финляндии XIII в. и уделяющих много места действиям шведских завоевателей (например, в книгах Я. Якколы «Раннее средневековье Финляндии»,⁶⁷ Э. Хурнборга «Летописи Финляндии»⁶⁸ или в «Руководстве по истории Финляндии» под ред. А. Корхонена⁶⁹), булла 1256—1257 гг. только упоминается в 1—2 фразах. Финские буржуазные историки умышленно не хотели заниматься содержанием буллы, ибо там имелись сведения, коренным образом противоречившие буржуазно-националистической концепции о якобы «исконной» враждебности финнов к России.

Автором этих строк в статьях, опубликованных в 1940 и 1953 гг., были даны выдержки из буллы и разбор имеющихся в ней сведений.⁷⁰ С тех пор булла стала использоваться в советской историографии как один из важнейших источников по истории русско-шведской борьбы XII—XIV вв.⁷¹ Однако в появившихся в 1950-х и 1960-х гг. произведениях финской историографии основное содержание буллы (имеющее большую ценность особенно для истории Финляндии) по-прежнему обходится молчаливым.

Приводим здесь ту часть буллы, которая говорит о походе 1256 г.:

«...Из писем дражайшего во Христе сына нашего Вальдемара, прославленного короля Швеции, стало известно неприятнейшее для нашего слуха и души сообщение о тягчайших и жестоких нападениях, которые очень часто переносят верноподданные этого королевства от врагов Христа, называемых обыкновенно карелами, и от язычников других близлежащих областей. Действительно,

⁶⁷ Jaakkola J. Suomen varhaiskeskiaika. Porvoo—Helsinki, 1938, s. 311—315.

⁶⁸ Hornborg E. Finlands hävder, s. 206—207.

⁶⁹ Suomen historian käsikirja, s. 157.

⁷⁰ Шаскольский И. П. 1) Борьба шведских крестоносцев против Финляндии (XII—XIV вв.).—Ист. журн., 1940, № 4—5, с. 109; 2) Борьба Александра Невского против крестоносной агрессии конца 40-х—50-х гг. XIII в.—Ист. записки, 1953, № 43, с. 196—200.

⁷¹ Бычков Л. Невская битва.—Ист. журн., 1940, № 7, с. 39; Бочкарев В. Александр Невский и его победы над шведами и немцами.—В кн.: Героическое прошлое русского народа. М., 1946, с. 29; Беляев Н. И. Александр Невский. М., 1951, с. 75; Пашуто В. Т. (работы, цитированные в примеч. 57); Очерки истории СССР. IX—XIII вв., с. 887—888; Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв. М.—Л., 1959, с. 178 и др.

среди всех прочих опасностей, которые причинили названному государству коварства и жестокость этого племени, особенно в этом году, когда оно, неистово вторгнувшись в некоторые части данного государства, свирепо убило многих из его верноподданных, пролило множество крови, много усадеб и земель предало огню,⁷² подвергло также поруганию святыни и различные места, предназначенные для богослужения, многих возрожденных благодатью священного источника прискорбным образом привлекло на свою сторону,⁷³ восстановило их, к несчастью, в языческих обычаях и тягчайшим и предосудительным образом подчинило себе...»⁷⁴

Прежде всего установим, о *чем* нападении повествует булла. Главное внимание папа обращает на карел, но в булле говорится не только о них. Булла упоминает вначале наряду с карелами и «язычников других близлежащих областей», указывая, что и те и другие постоянно нападают на шведские владения. Под неясным определением «язычников других близлежащих областей», да еще в сочетании с карелами могли в приведенном тексте скрываться, разумеется, только русские.⁷⁵ Ни один из прибалтийских народов, кроме русских, не мог совершить этот поход, ибо для середины XIII в. нам неизвестны какие бы то ни было нападения на Финляндию со стороны этих народов, прочно подчиненных немецкими и датскими завоевателями. Сочетание «язычников близлежащих областей» с карелами, старыми вассалами Руси и верными и постоянными участниками борьбы Русского государства против шведской агрессии, делает отождествление «язычников» с русскими бесспорным.⁷⁶

Из числа врагов, напавших на шведские владения, папа Александр IV называет по имени только карел, но из этого не следует, что карелы играли основную роль в походе; напротив, в составе войска, совершившего описанное нападение, карелы занимали скорее всего подчиненное место. Исключительное внимание, уделяемое в папском послании карелам, вполне объяснимо. Булла — не летопись и не хроника, ее составители не ставили себе задачей дать сколько-нибудь объективное описание происшедших событий; булла — агитационный документ, она писалась с опреде-

⁷² Буквально: «истребило пожаром» (*consumpsit incendio*).

⁷³ Или: «привлекло к себе» (*secum adductis*).

⁷⁴ *Finlands medeltidsurkunder*, I, № 113. — Дальше в тексте буллы следует призыв к «крестовому походу» и дается обещание приравнять участников будущего «крестового похода» на карел к участникам крестового похода в Святую землю, т. е. дать им отпущение грехов.

⁷⁵ Читателя, как неоднократно уже отмечалось, не должно в данном случае смущать, что папа называет русских в XIII в. «язычниками». Русские именуются «язычниками» в целом ряде папских булл, написанных обычно в приподнятом полемическом тоне.

⁷⁶ В источниках (как русских, так и западных) мы находим для этого периода только такое сочетание — сочетание карел только с русскими. Совместные действия карел с каким-либо другим народом в XII—XIII вв. нам неизвестны.

ленной практической целью. После завоевания земли эми у шведского правительства и покровительствующей ему римской церкви возникла идея о дальнейшем продвижении на восток. Далее на восток лежала земля карел, верных подданных Новгорода. Уже тогда, в середине 50-х гг. XIII в., почти за 40 лет до похода Тюргильса Кнутсона,⁷⁷ в правящих кругах Швеции был поднят вопрос о продолжении экспансии, о захвате лежащей рядом с землей эми Карелии.

Для захвата языческой территории в то время обычно объявлялся крестовый поход; к этому средству решили прибегнуть и в данном случае. Шведский король обратился к папе с просьбой объявить «крестовый поход» против «язычников»-карел, якобы представляющих угрозу для католической церкви. Римский папа выполнил эту просьбу и в разбираемом нами послании (которое должно было зачитываться священниками во всех церквях Шведского государства) обратился с призывом к населению Швеции выступить в «крестовый поход» против «врагов христианства». Враги в булле должны были быть точно и конкретно названы по имени; поскольку в данный момент шведские правящие круги и покровительствовавшая им римская курия намечали поход только на карел, а не на коренные русские земли, в булле названы были только карелы и специально не были названы по имени главные действующие лица похода 1256 г.— русские (чтобы не отвлекать внимания будущих слушателей буллы от единственного объекта подготовляемого похода — карел).⁷⁸

В связи с этим папа Александр IV обращал в своей булле все внимание на карел, красочно описывал их жестокости и причиняемый ими вред, чтобы вызвать негодование против них «верных католиков» Шведского государства. Все длинные рассуждения в булле о жестокостях карел служат одной практической цели: подготовить будущего слушателя этого послания к последней фразе, где содержится призыв к «крестовому походу» против карел. Этой практической задачей и объясняется, почему в булле говорится только о карелах и лишь упоминаются (и то в форме прозрачного намека) главные действующие лица похода 1256 г. — русские.

В русских летописях нет прямых указаний на участие карел в походе, но есть некоторые косвенные указания. Обращает на себя внимание фраза: «И бысть золь путь, якоже не видаша ни дни,

⁷⁷ Поход Тюргильса Кнутсона 1293 г., приведший к завоеванию шведскими рыцарями западной Карелии.

⁷⁸ Булла папы Александра IV, написанная по просьбе шведского правительства, содержала открытый призыв к походу для захвата соседней чужой территории — Карелии. Однако Яккола умудрился представить планируемый поход как оборонительное (!) мероприятие (Jaakkola J. Suomen varhaiskeskiaika, 1938, s. 313), ставящее целью защитить от вражеских нападений шведские владения (т. е. только что захваченную землю эми).

ни ноци, и многымъ шестъникомъ бысть пагуба, а новгородцов бог соблюде».⁷⁹ Под словом «шестники» здесь подразумевается «совершающие поход».⁸⁰ Из их числа особо упоминаются новгородцы, менее пострадавшие во время похода. Такое выделение новгородцев из общего числа воинов, совершающих поход, показывает, что войско состояло из двух частей: из новгородцев и из не новгородцев. Среди последних были владимирцы и суздальцы, приведенные Александром «с низу»; в числе не новгородцев подразумевались, вероятно, и карелы. Карелы были настолько обычными и постоянными участниками новгородских походов (вероятно, ни один поход в Финляндию, Швецию и Норвегию не обходился без них), что их вполне могли не упоминать специально, считая их участие в походе в Финляндию само собой разумеющимся.⁸¹

Переходим теперь к самому содержанию буллы. Описание поджогов и кровопролитий, составляющие основное содержание буллы, представляют для нас сравнительно мало интереса. Вполне понятно, что такой поход в XIII в. сопровождался жестокостями и кровопролитием. Исключительную ценность булле 1256—1257 гг. как историческому источнику придает то место, где говорится, что нападающее войско «многих, возрожденных благодатью священного источника, прискорбным образом привлекло на свою сторону, восстановило, к несчастью, в языческих обычаях и жестоким и предосудительным образом подчинило себе...» Под именем «возрожденных благодатью священного источника» папа понимает емь, крещенную за несколько лет до этого в католическую веру.

Папские буллы — источник глубоко тенденциозный; папа Александр IV писал свое послание по сведениям, полученным

⁷⁹ Новгородская I летопись под 1256 г.

⁸⁰ «Шестники» — древнерусское слово, кроме данного текста встречающееся еще только в нескольких источниках и всюду в разном значении (ср.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, с. 1605—1606). Поэтому значение слова «шестники» многим авторам казалось неясным и вызывало догадки, доходящие до курьеза. Под этим словом подразумевали и проводников из местного населения (Лурье А. Я. Александр Невский. М., 1939, с. 46), и даже особого рода проводников с шестами, которые, опираясь на шест, «перепрыгивали через опасные трясины болот, предлагая делать то же и воинам Александра» (Сутт Н. И. Александр Невский. Ярославль, 1940, с. 101). В действительности семантика этого слова гораздо проще. Оно происходит от того же корня, что и современные слова «шествие», «шествовать». «Шестник» — человек идущий, шествующий, в данном случае — совершающий поход.

⁸¹ Нужно учитывать также, что карельские отряды присоединились к войску Александра Невского скорее всего тогда, когда русское войско, перейдя по льду Финский залив, двигалось через Карельский перешеек в глубь Финляндии. Поэтому при выступлении Александра Невского из Новгорода карел в составе русского войска еще не было, а о присоединении карел к войску по пути в Финляндию летописец, живший в Новгороде, мог и не знать.

из третьих рук, по сведениям из письма шведских церковных властей, которые, в свою очередь, описывали события на основе данных, поступивших из шведской колонии в Финляндии. Поэтому в данном случае нет оснований буквально доверять каждому слову.

В приведенном известии нужно различать две стороны — безусловный факт и его освещение. Бесспорным является здесь лишь самый факт выступления еми на помощь русским и карелам. Все остальное относится к освещению данного факта в папской булле, написанной с определенными агитационными целями. Все относящееся к освещению нужно считать весьма сомнительным.

По словам папы, еми принадлежит чисто пассивная роль в событиях: нападающие силой заставили емь помогать им. Шведские власти, писавшие письмо папе, именно так, разумеется, и должны были изобразить ход событий. Шведским завоевателям нужна была помощь Рима не против восстававшей, но вновь покоренной еми, а против напавших на шведские владения русских и карел. Поэтому именно на последних шведы и жаловались в своем письме. Мы же считаем весьма маловероятным, что емь была принуждена к участию в борьбе, и можем привести следующие соображения. Русское войско, не особенно многочисленное,⁸² вынуждено было действовать в крайне тяжелых климатических и природных условиях. Вряд ли в такой обстановке русские могли думать о принуждении местного населения к помощи против врагов. При этом Александр Невский совершал не завоевание (не оккупацию страны), а поход; его войско все время переходило с места на место, нигде не останавливаясь надолго и не имея ни времени,⁸³ ни возможности заниматься принуждением местных жителей к участию в борьбе со шведами. Скорее всего емь сама включилась в борьбу против шведов при вступлении русских войск на ее землю.

Самым существенным аргументом в пользу этого мнения является предшествовавшая совместная многолетняя борьба русских и еми против шведской экспансии. За шесть лет, протекших со времени завоевания, финны племени емь не могли еще стать верными католиками и верными подданными шведской короны. Но этот срок был вполне достаточен для того, чтобы ясно почувствовать разницу между шведской властью и зависимостью от Новгорода. Именно в эти первые шесть лет было произведено

⁸² Вспомним, что дело было зимой и Александр не мог взять с собой в такое время много воинов в дальний поход во вражескую страну, ибо их там нечем было бы кормить. Кроме того, нам известно из летописи, что от Копорья значительная часть новгородцев вернулась обратно в Новгород.

⁸³ А времени как раз потребовалось бы много, чтобы заставить крепких финнов выступить против своих властителей, если считать финнов верными подданными Швеции.

насильственное поголовное крещение еми, ее обложили податью, на ее землях поселили колонистов. Вполне естественно, что русских в земле еми встречали как избавителей и с их приходом емь начала подниматься против шведских завоевателей. Борьба, прекратившаяся шесть лет назад, вспыхнула с новой силой.⁸⁴

Покорение земли еми в 1249—1250 гг. проводилось шведскими крестоносцами под лозунгом крещения местного языческого населения в католическую веру. Под этим же лозунгом шведские захватчики стремились к подчинению земли еми в предшествующие тридцать лет. В 30-е гг. XIII в. емь начала решительную борьбу против католицизма и сурово расправлялась с католическими миссионерами. Вполне понятно, что и теперь восставшая емь обратила особое внимание на католическую церковь и ее служителей. С огромной ненавистью и ожесточением восставшие разоряли nasкоро построенные церкви и «различные места, предназначенные для богослужения».

Согласно тексту буллы, восстановление язычества в земле еми насильственно производилось вторгшимся войском, прежде всего карелами. Утверждение это совершенно неправдоподобно: русским и подвластным им карелам важно было бороться против шведской политической власти, поддерживаемой католической церковью; но ни русские, принявшие христианство в конце X в., ни карелы, крещенные за 30 лет до рассматриваемых событий, не были непосредственно заинтересованы в восстановлении древних племенных верований еми; больше того, русские вообще не могли быть знакомы с этими верованиями, а карелы как жители соседней территории могли иметь лишь слабое представление о древней религии еми. Восстанавливать неизвестное им по содержанию племенную религию еми ни русские, ни карелы просто не могли, реставрация племенных верований могла производиться только в форме движения снизу, по инициативе и желанию самого племени емь.

Активная роль еми в борьбе за восстановление язычества — еще одно доказательство того, что во время прихода русского войска емь сама выступила на борьбу против шведской власти.

Чрезвычайно характерно и в данном случае отношение новгородцев к вопросу о религии. Казалось бы, по обычным воззрениям того времени христиане-новгородцы должны были или поддерживать католическое христианство у еми, или взамен его навязывать еми христианство православное. Между тем новго-

⁸⁴ Восстание еми против шведов в 1256 г. опровергает традиционное утверждение финских историков о «мирном» характере шведского владычества и об отсутствии каких-либо восстаний в тех «местностях, где однажды христианская церковь и шведская власть стали твердой ногой» (Hornborg E. Finlands kristning. — In: Kyrkohistorisk årsskrift, 1930. Uppsala, 1931, s. 229; Donner G. A. Om missionsmetoderna vid tavaster-nas kristning. — In: Kring korstågen till Finland. Helsingfors, 1968, s. 80).

родцы в 1256 г. вопреки тогдашней религиозной морали открыто поддерживали реставрацию язычества. Здесь особенно ярко проявилась специфическая черта новгородской политики: не вмешиваться во внутреннюю жизнь подчиненных племен, в том числе и в их религию. В длительную эпоху зависимости эми от Новгорода русские власти не навязывали эми своего христианства. И теперь, когда русские войска вновь пришли в центральную Финляндию, эми стала восставать, рассчитывая, что русские несут ей восстановление всех старых условий жизни, в том числе и восстановление старой религии. Александр Невский и его военачальники понимали это и, ставя политические интересы своего государства выше абстрактной религиозной морали, поддерживали изгнание католического христианства из земли эми и реставрацию язычества.⁸⁵

Несмотря на поддержку эми, Александр Невский не смог в 1256 г. вернуть эту область под власть Новгорода. Причины этого для нас вполне ясны. Эми не в состоянии была оказать решающей помощи: прошло всего шесть лет после крестового похода Биргера, когда большая часть людей, способных носить оружие, была перебита в борьбе с завоевателями; поэтому эми была совершенно обескровлена. В распоряжении Александра Невского, как говорилось, было ограниченное по численности войско, предназначавшееся для глубокого набега (и достаточное для этой цели), но совершенно недостаточное для завоевания большой заморской области. Наконец, русским приходилось вести военные действия (это подчеркивают летописи) в крайне неблагоприятных условиях. Суровая зима, короткие дни, метели и снежные заносы, полное бездорожье, бесконечные леса, редкие бедные селения — все это чрезвычайно затрудняло боевые операции. В таких условиях с небольшими силами нельзя было думать об изгнании шведских завоевателей из земли эми. Александру пришлось ограничиться разгромом опорных пунктов шведских захватчиков и повернуть обратно. В конце зимы победоносный князь и его войско со славой возвратились в Новгород.

Восстание эми зимой 1256 г. против шведских захватчиков при вступлении войск Александра Невского на финляндскую территорию является одним из наиболее крупных событий внутренней истории Финляндии XIII в. Это событие опровергает традиционные утверждения финских буржуазных националистов о якобы исконной враждебности финнов к России и якобы исконной дружбе финского народа со шведами. Это событие опровергает также и традиционную концепцию финской буржу-

⁸⁵ Аналогичную политику проводили новгородцы во время восстания эстов против немцев и датчан в 1222—1223 гг. (Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938, с. 224—227) и во время восстания эми против шведов в 30-х гг. XIII в. (см. выше, с. 145—146), которое также происходило под лозунгом реставрации язычества.

азной науки, согласно которой финский народ был пассивным зрителем во время борьбы за Финляндию между Швецией и Русью в XII—XIII вв. Восстание еми 1256 г. свидетельствует, напротив, что финны весьма активно боролись против шведских завоевателей, а в русских войнах видели избавителей от иноземного гнета. Восстание еми 1256 г. является одним из наиболее ярких примеров древних дружественных связей финнов с русским народом.

В событиях 1256 г. Александр Невский еще раз проявил себя как выдающийся полководец и политический деятель. Несмотря на исключительные трудности, стоявшие на пути движения его войска, Александр Невский совершил успешный победоносный поход и нанес сокрушительный удар вражескому государству в наиболее уязвимом для него месте. И хотя этот удар не дал практических результатов, он все же имел определенное значение в общем ходе борьбы Руси против шведской экспансии на востоке Балтики. Русская государственность показала этим походом, что она не сломлена татаро-монгольским нашествием и по-прежнему готова решительно отстаивать свои государственные интересы на берегах Балтийского моря. Собравшееся сгоряча после известий о русском походе 1256 г. ринуться на завоевание Карелии (и уже обратившееся за помощью к папской курии) шведское правительство (видимо, по зрелом размышлении) вскоре отказалось от попытки организации новой завоевательной экспедиции на востоке Балтики; призыв папы Александра IV к населению Швеции подняться на «крестовый поход» против карел не получил реального воплощения, повис в воздухе.

После похода Александра Невского 1256 г. более четверти века правящие круги феодальной Швеции опасались предпринимать новые агрессивные акции против русских владений.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

После завоевания шведами земли эми шведская крестоносная экспансия на несколько десятилетий была приостановлена. До начала 80-х гг. XIII в. источники не зафиксировали русско-шведских столкновений, а серьезные наступательные операции со шведской стороны возобновились лишь в начале 90-х гг.

Никакого официального соглашения между государствами после 1249 г. заключено не было. Но с момента завоевания шведскими крестоносцами земли эми шведские владения вошли в прямое соприкосновение с русскими владениями, с западнокарельскими погостами — частью основной территории Новгородского государства. И земля эми, и Корельская земля имели уже в XIII в. свои достаточно определенные географические границы, в частности общую границу, издавна разделявшую обе племенные территории. Со времени завоевания шведами земли эми граница земель эми и карел стала фактической границей владений двух государств — Швеции и Новгорода. Граница эта не была юридически оформлена каким-либо договором или соглашением, но она стала существовать на практике и в таком виде не менялась в течение четырех десятилетий.

Географическая линия этой границы была установлена в исследованиях финских ученых первых десятилетий XX в. — И. В. Руута, Я. Яккола и др. И. В. Руут обнаружил в источниках сведения о том, что еще в XV в. сохранялись устные предания, согласно которым река Кюмийоки, разделявшая земли эми и карел, была некогда русской границей, и напоминанием об этом был большой пограничный камень *Rysselsten* («Русский камень») в устье реки; это мнение получило дальнейшее развитие в капитальном исследовании Я. Яккола о древнейших государственных границах на территории Финляндии¹ и прочно вошло в финскую науку.² По всей видимости, фактическая русско-

¹ Jaakkola J. Suomen muinaiset valtarajat vuoteen 1323. Helsinki, 1926, s. 270—273.

² Kähönen E. Vanha Äyräpää. I. Helsinki, 1959, s. 53; Jokipii M. Hämeen ristiretki. — In: Suomen kirkkohistoriallisen seuran vuosikirja, 52—53. Helsinki, 1965, s. 45—46, etc.

шведская граница проходила в 1250—1293 гг. по реке Кюмийоки и далее на север до пересечения с будущей линией границы Ореховецкого мира, направлявшейся с юго-востока на северо-запад Финляндии, от Карельского перешейка к Ботническому заливу.

После завоевания центральной Финляндии — земли еми — правящие круги феодальной Швеции стали думать о дальнейшем развитии своей экспансии в восточном направлении. К завоеванным шведами областям средней Финляндии с востока прилежала территория карел — западнокарельская область Саволак и основные земли карельского племени, располагавшиеся на Карельском перешейке.

Официальной причиной подготавливаемой новой волны шведской экспансии и на этот раз изображалось стремление к обращению язычников в христианскую веру; таковы были официально объявленные задачи и шведских походов 1256 и 1293 гг.; при этом, как отмечалось, никого не смущало, что карельское население еще в 20-е гг. того же столетия *было уже крещено* в христианскую веру русскими властями. В действительности же побудительные причины шведской экспансии были совершенно иными (гораздо более прозаичными).

Планируя завоевание основных карельских земель, шведские феодалы преследовали прежде всего политико-стратегические цели, связанные с общим ходом шведского *Drang nach Osten*, основной задачей которого уже в течение ста с лишним лет было завоевание и прочное покорение Финляндии. До середины XIII в. единственной серьезной политической силой на берегах Балтики, активно препятствовавшей шведскому завоеванию Финляндии и поддерживавшей финские племена в их борьбе против шведской агрессии, была Русь, Новгородское государство; поэтому уже со времени невосского похода 1240 г. шведские правящие круги стали стремиться к завоеванию берегов Невы и Карельского перешейка для того, чтобы отрезать финские племена от прямого контакта с Новгородским государством, считая, что финские племена, лишённые русской помощи, не смогут уже далее сопротивляться завоевателям и в Финляндии окончательно укоренится шведская власть. В этой связи было особенно важно завоевание и подчинение шведам Карелии, ибо карельские военные отряды, будучи частью военных формирований Новгородской республики, играли весьма крупную роль в борьбе Новгорода против шведской агрессии в Финляндии; планируя завоевание Карелии, правящие круги Швеции рассчитывали покорить своей власти одну из главных сил, до тех пор действовавшей против шведской экспансии.

Захват Карельского перешейка был важен в стратегическом плане и сам по себе; Карельский перешеек имел большое стратегическое значение как ближайший подступ к устью Невы, являвшемуся единственным для Древней Руси выходом к морю.

Вторым объектом притязаний Швеции конца XIII—начала XIV в. была Ижорская земля, включавшая в себя берега Невы вместе с южной частью Карельского перешейка и территорией к югу от Невы (а также юго-западное Приладожье почти до реки Волхова). В стратегическом, политическом и экономическом отношении берега Невы имели несравненно большее значение, чем Карельский перешеек.

Река Нева была важнейшей жизненной артерией русской внешней торговли; поскольку Нарва до конца XIII в. еще не существовала (город возник на рубеже XIII—XIV вв.),³ основная часть внешней торговли Новгорода с Западом проходила по водному пути через Неву. Поэтому захват Невы должен был представить Шведскому феодальному государству возможность взять под свой контроль внешнюю торговлю Новгорода и основной путь связи Новгорода с заморскими странами.

В начале 1280-х гг. шведы совершают первые акты вооруженной агрессии в Карелии. В 1283 г. шведские суда прошли через Неву в Ладожское озеро и напали на озере на новгородских купцов, направлявшихся в Обонежье. В 1284 г. шведский предводитель по имени Трунда с отрядом прошел на судах (на лодках и шнеках) через Неву в Ладожское озеро и сделал неудачную попытку собрать дань с карел. В 1292 г. шведский отряд из 800 человек напал с моря на новгородские владения, на земли карел и ижоры, но получил сильный отпор со стороны местного населения.

В 1293 г. происходит третий «крестовый поход» шведских рыцарей, имевший своей целью завоевание и покорение Карелии. Правитель Швеции маршал Тюргильтс Кнутсон направил большое войско на кораблях через Балтику и Финский залив в Карелию. Для высадки шведского рыцарского войска был избран берег Выборгского залива у впадения западного рукава реки Вуоксы. На небольшом островке шведы приступили к постройке каменной крепости, названной ими Выборг. Когда строительные работы были в основном закончены, шведское войско возвратилось на родину, оставив в Выборге сильный гарнизон.

С постройкой Выборгского замка шведы закрепились в основном стратегическом центре западной части Карелии у выхода к морю важнейшего для всей Карелии вуоксинского водного пути;⁴ в результате вуоксинский путь попал под шведский контроль.

Опираясь на Выборгский замок, шведы установили свою власть над тремя западнокарельскими погостами: Яскис, Эврепя

³ Ш [аскольский] И. Нарва. — Военно-ист. журн., 1941, № 1, с. 127.

⁴ До XVI в. река Вуокса на Карельском перешейке распадалась на два рукава — восточный, впадавший в Ладожское озеро у города Корела, и западный, впадавший в Финский залив около Выборга. Благодаря этому по Вуоксе через северную часть Карельского перешейка проходил прямой водный путь из Ладожского озера в Финский залив.

и Саволакс. Подчинение этих погостов прошло, по-видимому, сравнительно легко.

Захват шведами западных районов Карелии, появление вражеских войск на Карельском перешейке, на ближайших подступах к Неве, представляло серьезную угрозу для Новгорода. Нева, важнейшая торговая артерия, в любой момент могла оказаться под ударом. Новгородцы не могли помешать постройке Выборгской крепости, ибо как раз в это время они были втянуты в междоусобную войну внутри русских земель. Лишь зимой 1294 г. новгородцы совершили поход на Выборг, но не добились успеха; шведы уже успели прочно укрепиться в этом пункте.

Спустя два года шведы приступили к дальнейшему развитию своей экспансии, обратив теперь главное внимание на основную, наиболее населенную часть Карелии — карельское Приладожье. В 1295 г. они попытались утвердиться в стратегическом центре восточной части Карельского перешейка, во втором устье реки Вуоксы у Ладожского озера, у восточной оконечности Вуоксинского водного пути. Здесь шведы захватили древний карельский город Корелу, значительно его укрепили и стали принуждать карельское население к покорности. Но новгородцы, наученные горьким опытом, немедленно выслали рать и взяли крепость, перебив весь гарнизон. Восточная часть Карельского перешейка осталась в русских руках.

В 1300 г. Тюргильс Кнутсон попытался одним ударом закончить войну в пользу Швеции. С огромным войском он высадился на берегу Невы и в короткое время выстроил при впадении в Неву речки Охты мощную каменную крепость Ландскрона — «Венец земли». Этим сразу преследовались две цели: захват Невы навсегда закрыл бы русским доступ в Финляндию и западные районы Карелии, и обе страны закреплялись в шведских руках; кроме того, вся внешняя торговля Новгорода переходила под контроль шведов. На практике это означало паралич новгородской торговли.

Осенью, по окончании постройки крепости, Тюргильс Кнутсон вернулся в Швецию. А весной снова пришли новгородцы, взяли неприступную Ландскрону и не оставили здесь камня на камне. Нева осталась в русских руках.

После провала невского похода Тюргильса Кнутсона военные действия продолжались еще свыше 20 лет, но Швеция больше не предпринимала крупных операций по захвату русских владений.

Основным объектом борьбы был Карельский перешеек. Сохранение в шведских руках западной части Карельского перешейка с Выборгом представляло постоянную угрозу для Невского пути. Поэтому Русь стремилась изгнать шведских захватчиков из западных погостов Корельской земли. С другой стороны, шведские завоеватели, овладев западными, наименее населенными и экономически менее развитыми погостами Корельской земли, стремились подчинить своей власти основную часть Карельской

земли — карельское Приладожье, где жила главная масса карельского населения. Захват восточной половины Карельского перешейка готовился шведами и по стратегическим соображениям, чтобы обезопасить недавно построенный на завоеванной земле Выборг от военных действий из лежащего совсем рядом и сохранявшегося в руках Руси карельского Приладожья.

Для русско-шведской борьбы первых десятилетий XIV в. (в отличие от 80-х и 90-х гг. XIII в.) характерна также большая активность русской стороны. Если в 80-е и 90-е гг. XIII в. Русь преимущественно отбивалась, отражая вражеские нападения на русскую территорию, то в 1310-е и в начале 1320-х гг. с русской стороны неоднократно предпринимались активные операции на территории противника.

В 1311 г. новгородское войско со служилым князем Дмитрием Романовичем во главе совершило морской поход через Неву и Финский залив в подвластную шведам землю еми. Русский поход прошел успешно, шведским владениям был нанесен серьезный ущерб, но этим поход и ограничился. Никаких завоевательных целей организаторы похода не преследовали.

В 1318 г. Новгородом была предпринята более крупный морской поход. Русским войском, высадившимся на берег, был взят Або-ский замок, главный оплот шведской власти в Финляндии. И в данном случае поход не преследовал завоевательных целей, по должен был лишь нанести серьезный удар по важнейшим позициям шведов в Финляндии. И когда задача была выполнена, победоносное войско с почетом вернулось на родину («и придоша в Новгород вси здорови»).

Со своей стороны шведы также совершали набеги на Приладожье. В 1313 г. шведский отряд, пройдя водным путем через Неву и Ладожское озеро, неожиданно напал на Ладогу и сжег город. В 1317 г. «немцы» (очевидно, «свейские» немцы) пришли в Ладожское озеро и перебили многих обонежских купцов.

В начале 1320-х гг. борьба вступила в решающую фазу. С обеих сторон была сделана попытка одним ударом решить в свою пользу затянувшийся спор из-за обладания Карельским перешейком.

В 1322 г. шведское войско (видимо, из Выборга) подошло к «Карельскому городку» (к Кореле) и попыталось взять его. Но защитники города, русские и карелы, отбили нападение. Поход кончился полным провалом.

В том же году в Новгород прибыл стоявший тогда во главе Новгородского княжества великий князь Московский Юрий Данилович. Уже на протяжении многих лет он вел напряженную борьбу с тверскими князьями за великое княжение и главенство в Русской земле. Временно одержав победу при поддержке Новгорода над своими тверскими соперниками, Юрий стремился закрепить свой союз с Новгородом, оказав республике помощь в решении наиболее острой проблемы новгородской внешней по-

лигики — вопроса о судьбе Карельского перешейка. Для этого Юрий организовал большой поход на главную шведскую твердыню на Карельском перешейке — Выборг.

Вторая русская осада Выборга продолжалась целый месяц, была более длительной, упорной, ожесточенной, чем первая. Русские стенобитные машины засыпали замок каменными ядрами, нанесли серьезный урон гарнизону замка. Однако прочные каменные стены устояли, штурм окончился неудачей. Юрию Даниловичу пришлось снять осаду и вернуться в Новгород.

Неудача Выборгского похода убедительно показала, что в сложившейся на Руси сложной внутривосточной обстановке, порожденной ожесточенной борьбой Москвы с Тверью за главную роль в стране (в этой борьбе большое участие принимал и Новгород), Новгородское государство было не в состоянии своими силами вести активную внешнюю политику, направленную против Швеции. Лишенный помощи основных русских земель и сам вовлеченный во внутривосточную борьбу на Руси, Новгород не мог рассчитывать на успех в борьбе со Швецией, не в состоянии был изгнать шведские силы из западных погостов Карельской земли, отдалив таким образом вражескую угрозу от Невы. Но и другая сторона оказалась в аналогичном положении. Ослабленное многолетними внутренними смутами, Шведское государство не было способно к крупным наступательным действиям на востоке Балтики.

Сложилось равновесие сил, при котором ни одна сторона не была в состоянии добиться успеха. Пришлось соглашаться на мирные переговоры.

12 сентября 1323 г. в только что построенной Юрием Даниловичем крепости Орешек, или Ореховец, на Ореховом острове в истоке Невы был в результате переговоров заключен мирный договор — первый официальный мирный договор Руси со Швецией.

Договор отразил сложившееся соотношение сил и явился компромиссным решением спора. Договаривающиеся стороны согласно договору сохранили за собой те территории, которыми они фактически владели к моменту окончания военных действий. Новгород вынужден был уступить Швеции захваченные в 1293 г. шведами и фактически находившиеся с тех пор в их руках три западнокарельских погоста — Яскис, Эврепя и Саволак. Швеция, соглашаясь установить свою границу вдоль восточной окраины этих погостов, тем самым признавала неудачу своих попыток овладеть восточной половиной Карельского перешейка. Восточная половина Карельского перешейка — основная часть Карельской земли — и берега Невы остались под властью Русского государства.

* * *

В предложенной вниманию читателей книге освещены важные события внешнеполитической истории нашей страны в эпоху феодализма — борьба Руси против наступления феодальной Шве-

ции к северу от Финского залива, на берегах Невы и в Приладожье. Феодалная раздробленность, татарское нашествие и последовавшее за ним установление татарского ига ослабили русскую государственность. В этой крайне неблагоприятной обстановке было неизбежно, что на Балтике Русь вынуждена была отступать, уступать под натиском агрессивных сил Запада свои важные позиции на берегах Финского залива. Однако в решающих сражениях середины XIII в. русский народ сумел остановить натиск шведских крестоносных сил и сохранить в своих руках балтийское побережье у устья Невы — необходимый для дальнейшего развития нашей страны, для сохранения национальной независимости выход к морю.

* * *

Знаменитое сражение на Неве и другие, описанные в нашей книге события занимают заметное место в героической истории нашей Родины, в истории борьбы русского народа за независимость и национально-государственное существование. Однако нельзя упускать из вида, что события эти относятся к далекому прошлому нашей страны и не имеют прямых связей с современностью. Шведское феодальное государство, столетиями ведущее наступательные войны с восточным соседом — Россией, давно отошло в область истории. С 1809 г. между Россией и Швецией установились мирные и добрососедские отношения, а с 1815 г. Швеция стала нейтральной страной и уже более 160 лет не участвует в войнах, военных союзах и коалициях, пользуясь всеми благами длительного государственного нейтралитета.

После Великой Октябрьской социалистической революции Швеция стала одним из первых государств, признавших Советскую республику (сначала де-факто, а затем — де-юре). Шесть десятилетий развиваются мирные экономические, политические и культурные связи между Швецией и Советским Союзом.

Финляндия до 1917 г. находилась под властью сначала Швеции (до 1809 г.), затем России (в 1809—1917 гг.) и только в результате Великой Октябрьской социалистической революции стала самостоятельным государством. Декрет о предоставлении Финляндии независимости был подписан лично В. И. Лениным, главой советского правительства. Первые десятилетия существования независимой Финляндии были омрачены враждебными отношениями тогдашних правителей страны к СССР. Однако после второй мировой войны между Финляндией и Советским Союзом установились и успешно развиваются мирные и дружественные отношения, закрепленные в ряде межгосударственных соглашений.

Балтийское море, столетиями являвшееся ареной вражды, соперничества и длительных войн прибрежных держав, должно стать зоной мира и мирного сотрудничества — за это борются передовые общественные силы всех Прибалтийских стран.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адриан IV, папа 50
Ако, ливский старейшина 17
Александр Невский, князь 9, 19, 123, 155, 170—174, 176, 179—186, 188—196, 206, 213—218, 222, 223, 225, 226
Александр III, папа 53, 54
Александр IV, папа 208, 209, 220—222, 226
Альберт, епископ 123
Альберт фон Зуербеер, архиепископ 208
Андреас Сунессон, архиепископ 108, 109
Андрейш, рыцарь 155, 185
Балдуин Альнский, папский легат 152
Балк Герман, магистр 154
Батый, хан 194
Бернард Клервосский, церковный деятель 50
Биргер-ярл 36, 81, 88, 89, 125, 127—129, 161, 167, 171—174, 176—179, 197—200, 202, 206, 212, 225
Борис, князь 184, 186
Бурислев, принц 79
Валериус, архиепископ 132
Валит Корелянин 17
Вальдемар II, король 153, 154
Вальдемар Биргерссон, король 198
Василий Александрович, князь 213
Вильгельм Моденский (Сабинский), папский легат 140, 146, 153, 154, 156, 159, 201—203
Всеволод Юрьевич, князь 123
Вячко, князь 124
Гаврила Олексич, новгородец 183, 190, 192
Гаральд Гардрада, король 76
Генрих Лев, герцог 50
Генрих, епископ 47, 51—53, 56, 113, 117
Герман, епископ 156
Глеб, князь 184, 186
Гонорий III, папа 130, 131, 149, 151, 153
Григорий IX, папа 132, 133, 135, 140, 149—153, 159, 165
Гутторм, ярл 53, 54
Гюрята Пинецинич, новгородец, 195
Делагарди Я., военачальник 93
Дидман см. фон Кивель, Дитрих
Дмитрий Александрович, князь 184
Дмитрий Романович, князь 231
Дрочило Нездылов, новгородец 190, 195
Захария, посадник 62, 63
Ильмаринен, персонаж из «Калевалы» 21
Иннокентий III, папа 109, 117, 148
Иннокентий IV, папа 36
Иоанн, архиепископ 79—82, 84, 86, 100
Иоанн Сверкерссон, король 129
Ион, ярл 42, 82, 83, 100
Карл Сверкерссон, король 49, 65
фон Кивель, Дитрих, рыцарь 207—211, 213—215
Кирилл, митрополит 216
Коль, принц 79
Константин Луготинич, новгородец 195
Кнут VI, король 108
Кнут Эрикссон, король 79, 148
Лаврентий, архиепископ 218
Лалли, финский крестьянин 57
Лембиту, эстонский старейшина 17

- Лемминкяйнен, персонаж из «Калевалы» 21
 Ленин В. И. 233
 Лоухи, персонаж из «Калевалы» 21
 фон Люнебург, Отто, рыцарь 207, 208
 Магнус Олофсон, принц 76
 Магнус Эрикссон («Магнуш»), король 171—176
 Маттс Кеттильмундссон, рыцарь 128, 176
 Миндовг, князь 99
 Михаил Мишинич, посадник 184
 Миша, новгородец 183, 184, 190, 191, 193
 Мишиничи, боярская семья 184
 Намест, новгородец 195
 Нежата, посадник 62
 Николай Альбано, папский легат 50, 53
 Один, название бога 76
 Оксеншерна А., канцлер 93
 Олекса, новгородец 183
 Олоф Басатёмер, архиепископ 132
 Олоф, король 76
 Ольга, княгиня 24
 Онцыфоровичи, боярская семья 184
 Павел, посадник 63
 Пелгусий, ижорец 17, 183—188
 Петр I, царь 196
 Ратмир, новгородец 183, 184, 190, 192
 Родульф (Рудольф), епископ 67, 117
 Рожер II, король 77
 Сава, новгородец 183, 190, 191
 Саладин, король 80, 81
 Сбыслав Якунович, новгородец 183, 190, 192
 Сверкер Старший, король 40, 42, 48, 53, 54, 119, 201, 203
 Святослав Ольгович, князь 23
 Святослав Ростиславич, князь 62, 63
 Семен Емин, тысяцкий 17, 24, 25
 Спиридон, архиепископ 192
 Спиридон, воевода 180, 192
 Стефан, архиепископ 55
 Томас, епископ 69, 130—133, 135, 136, 142, 149, 152, 167—170, 200
 Трунда, военачальник 229
 Тюрхильс Кнутссон, военачальник 18, 221, 229, 230
 Ульф Фаси, ярл 177, 178
 Унтамойнен, персонаж из «Калевалы» 21
 Фольквин, епископ 110, 112—117, 130
 Фридрих Газельдорф, епископ 208, 209
 Фулько, епископ 114
 Хакон Магнуссон, король 174, 175
 Хакон Старый, король 161, 162, 198, 199
 Чудин Микула, боярин 17
 Эрик Кнутссон, король 148
 Эрик св., король 47—49, 51—56, 119, 148, 201, 203
 Эрик Эрикссон (Эрик Леспе), король 167, 169, 192, 198, 202
 Юрий Всеволодович, князь 123
 Юрий Данилович, князь 231, 232
 Юрий Мишинич, посадник 184
 Яков полочанин 183, 184, 190, 192
 Якун, тысяцкий 183
 Ярлер, архиепископ 131, 132, 140
 Ярослав Всеволодович, князь 19, 123, 124, 134—137, 139, 144, 145, 189, 217

**УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ,
ЦИТИРУЕМЫХ В КНИГЕ**

- Аделунг Ф. 72, 78, 87, 96
Альмгрен О. 93, 97
Андрюшина Н. И. 98
Анисимов А. И. 97
Арциховский А. В. 184
- Бегунов Ю. К. 172, 180—182, 185,
186, 188, 189, 192
Белавенец П. И. 74
Беляев И. Д. 74
Беляев Н. И. 174, 174, 181, 191, 219
Бернадский В. Н. 102, 135, 137
Бочкарев В. Н. 174, 181, 219
Бранденбург Н. Е. 64
Бубрих Д. В. 20
Будовниц И. У. 181, 195
Бущик Л. П. 179
Бычков Л. 219
- Валк С. Н. 3
Вернер С. 187
Веселаго Ф. Ф. 74
Вирранкоски П. 4
Висковатов А. 95
- Гадзяцкий С. С. 29, 41, 82, 107, 137,
154, 159, 179, 187, 188, 193, 210,
214, 216
Генрих Латвийский 16, 68, 118, 129,
136, 142, 225
Гиппинг А. И. 8, 9, 22, 27, 41, 64, 74,
87, 107, 111, 135, 140, 151, 154, 216
Головинский М. В. 168
Гудзий Н. К. 181
- Далин О. 95
- Егоров В. А. 95, 137
Елисеев А. В. 78, 87, 94
Епифанов П. П. 179
Еремин И. П. 181
- Зутис Я. Я. 95, 96
- Казакова Н. А. 3, 16, 69, 136, 145
Караев Г. Н. 190, 191
Карамзин Н. М. 64, 95, 102, 166, 167,
171, 186, 189
Каргер М. К. 98, 182
Кипарский В. 60
Кирпичников А. Н. 63
Клейнберг И. Э. 180
Ковалевский С. Д. 35, 41, 42, 178, 179
Козаченко А. И. 181, 187
Колотилова С. И. 179, 182
Комарович В. Л. 181
Кондаков Н. П. 97
Константинова Т. М. 98
Костомаров Н. И. 22, 28, 41, 148, 152,
153, 155, 171, 186
Кочин Г. Е. 23
Кривошеев Е. 215
Крохин В. 74, 82
Круус Х. 3
- Лейбенгруб П. С. 179
Лерберг А. X. 8, 9, 22, 23, 27, 64, 74,
75, 102, 107, 111, 116, 154, 207,
216—218
Лихачев Д. С. 172, 173, 176, 181
Лурье А. Я. 222
Лурье Я. С. 172, 173, 181, 194
Лялина М. А. 168
- Мавродин В. В. 3, 9, 22, 41, 58, 64,
70, 72, 98, 102, 103, 111, 118, 189
Мансыка В. 173
Маньков А. Г. 3
Маслова-Лашанская С. С. 82, 89
Михайлов К. 215
Моора Х. А. 45
Мюллер Р. Б. 87, 95, 107, 136, 137
- Насонов А. Н. 180
Нечкина М. В. 179
- Орлов А. С. 181
Орлов С. Н. 64

- Панкратова А. М. 179
 Пашуто В. Т. 3, 9, 22, 64, 70, 72, 98,
 103, 111, 147, 148, 155, 159, 178,
 191, 193, 213, 216, 219
 Петренко В. П. 63
 Погодин М. П. 22
 Поппе А. 98, 99
 Порфиридов Н. Г. 179, 186, 190, 194
 Потресов А. С. 191

 Рамм Б. Я. 64, 144, 148, 152, 153,
 155, 178, 219
 Рыбаков Б. А. 9, 194, 217
 Рыдзевская Е. А. 3, 14, 23, 36, 83, 94,
 204—206

 Семенов А. И. 98
 Серебрянский Н. И. 181
 Соловьев С. М. 148, 171
 Срезневский А. И. 222
 Строков А. А. 179
 Сутт Н. И. 222

 Тельпуховский Б. С. 174
 Твандер К. Ф. 75, 77, 93
 Тихомиров М. Н. 3, 9, 151, 154, 155,
 158, 159, 181, 186, 188, 189, 194
 Толстой И. И. 97
 Томсен В. 24

 Устрялов Н. Г. 22, 147, 155, 171

 Харузин Н. Н. 32

 Черепнин Л. В. 173
 Чешихин Е. В. 208, 209

 Шаскольский И. П. 9, 16, 20, 22, 23,
 28, 29, 33, 69, 70, 96, 103, 107, 136,
 142, 145, 148, 153, 154, 164, 178,
 180, 189, 207, 219, 229
 Шахматов А. А. 172
 Шёгрэн И. А. 20, 27, 107
 Шляпкин И. А. 182, 195

 Энгельман А. 155

 Ядрышев Н. К. 168
 Янин В. Л. 179, 182, 184, 195

 Ahlbäck O. 44
 Ahlqvist A. 25
 Ahnfelt O. 55
 Ahrenberg J. 98
 Ahtia E. 70, 167
 Ailio J. 27, 57, 100, 132, 136, 143,
 149, 154, 158, 159, 200, 205, 216
 Almgren O. 97

 Alnpeke von, Ditleb 156
 Aminoff T. G. 11, 168, 207—209,
 213—216
 Ammann A. M. 124, 136, 143, 145,
 147, 154, 209
 Anderbjörk J. E. 77
 Andersson J. 83, 84
 Anthoni E. 46, 47, 51—53, 58, 60, 64,
 116, 126, 132, 137, 139, 140, 142,
 143, 148, 149, 159, 171, 197, 204,
 206
 Appelgren H. 43
 Arbman H. 77
 Arne T. J. 31
 Aschaneus Martin 87, 88, 93
 Askanas K. 98
 Attman A. 35

 Beckman B. 176
 Begunov (Bjeginow) J. 181
 Berggroth E. 202
 Bolin S. 82, 83, 103
 Borenus T. 57
 Bunge F. 152

 Carlgren W. M. 35, 129—132, 134,
 136, 140, 143, 148, 149, 151, 171
 Carlsson S. 49
 Chojnacki J. 98
 Giacconius — Oldoinus 202, 203
 Cleve N. 46

 Danielson-Kalmari J. R. 108
 Donner G. A. 132, 133, 143, 147, 152—
 156, 158, 162—165, 167, 177, 201—
 203, 224
 Drake K. 205

 Engelhardt H. 156
 Engström S. 177, 212
 Ericus Olai 85—88, 91, 92

 Falck W. 31
 Fant E. M. 96
 Forsström O. A. 74, 102, 143, 154,
 155, 167, 177, 200, 202
 Friesen von O. 75—77

 Gallén J. 41, 46, 48, 49—51, 53, 56, 67,
 70, 93, 109, 111—115, 119, 149,
 155, 161, 165, 166, 170, 171, 174,
 197—200, 205
 Gardberg C. J. 68, 70, 103
 Geyer E. G. 177
 Goetze P. 209—211, 214
 Goldschmidt A. 98
 Granlund A. 198
 Grotenfelt K. 48, 50—53, 55, 64

- Hackman A.** 45
Hafström G. 41, 42, 64
Haranen T. J. 170
Hausen R. 167
Heikel A. 138
Hildebrand H. 32, 74
Holmberg K. A. 75
Hornborg E. 37, 41, 42, 45, 52, 55—58, 65, 70, 83, 90, 103, 109, 111, 115, 117, 162—164, 171, 194, 216, 219, 224
Hultman O. F. 44
Ignatius K. E. F. 200, 202
Jaakkola J. 10—12, 20, 28, 49—51, 53, 64, 71, 103, 109, 114—116, 129, 132, 134, 136, 140, 149, 150, 158, 164, 165, 168—170, 193, 198, 204, 205, 216, 219, 221, 227
Janse O. 49, 53, 55, 76
Johansen P. 71, 207, 210
Jokipii M. 20, 27, 125—128, 132, 133, 139, 140, 142, 144, 155, 165, 166, 170, 177, 178, 198, 199, 205, 227
Jutikkala E. 28, 41, 42, 46, 50, 53, 59, 65, 125, 155, 170, 198, 200
Juusten P. 66, 67, 110, 111, 114, 115, 200
Juva E. (Juvelius E.) 11, 12, 17, 28, 37, 47, 52, 56, 59, 60, 71, 74, 94, 102, 103, 111, 115, 134, 136, 139, 140, 142, 155, 158, 159, 165, 168, 170, 197, 200, 205, 216
Juva M. 12, 17, 28, 52, 56, 71, 74, 102, 103, 111, 115, 134, 136, 139, 140, 142, 155, 158, 159, 170, 197, 200, 205, 216
Juvelius E. cm. — Juva E.
Kähönen E. 209, 227
Kalima J. 25
Karsten T. E. 44
Kaukiainen I. 198
Kerkkonen G. 108, 109
Kerkkonen M. 126—129
Kirkinen H. 4, 6, 12, 20, 25, 27, 60, 66, 70, 72, 82, 92, 93, 97, 99, 101, 103, 111, 134, 136—139, 143, 155, 170, 178, 187, 198, 216
Kivikoski E. 46, 56, 60, 68, 70, 103, 116, 125
Kiviniemi E. 198
Kjellberg K. M. 53, 55, 58, 65, 83
Klemming G. E. 13, 82
Korhonen A. 11
Krause N. J. 97
Kruus H. 28, 93, 94, 148
Kuujo E. 4, 6, 27, 60, 101, 137, 139, 187, 198
Lagerbring S. 167
Lehtinen E. 67
Leinberg K. G. 37, 56, 57
Liljeholm A. F. 42
Lind J. 20
Lindqvist K. O. 70, 167
Lindström K. 31
Loccenius Johannes 87, 88, 93
Lundén T. 41, 74
Magnus Johannes 86, 88, 92, 203
Messenius Johannes 23, 25, 87, 88, 92
Mikkola J. J. 11, 20, 25, 27, 41, 102, 103, 107, 167
Montelius O. 43
Munch P. A. 160, 161, 199, 200
Neovius A. 108
Niitemaa V. 4, 27, 28, 60, 103, 125, 126, 128, 132—134, 139—143, 146, 155, 159, 170, 198, 199, 203—205, 216
Norborg A. 13
Nordling C. O. 198
Nordman C. A. 138, 139
Nordman P. 45
Opperman J. 130
Osten-Sacken P. 155, 156
Östman N. 81, 85
Pentti S. J. 142
Petri Laurentius 86, 88, 92
Petri Olaus 86, 88, 92
Philipp W. 181
Pipping R. 27, 28, 41, 75, 81, 83, 96, 109, 132, 134, 148, 167, 177, 178, 200, 202, 205
Pirinen K. 28, 41, 42, 46, 50, 52, 53, 59, 65, 125, 126, 133, 137, 139, 146, 149, 155, 170, 198, 200, 204, 209
Poppe A. 98
Porthan H. G. 14, 67, 110, 115, 200
Posti L. 52, 60, 103, 104
Rein G. 9, 10, 64, 65, 69, 70, 74, 111, 116, 117, 130, 131, 134, 135, 136, 143, 149, 151, 152, 154, 155, 158, 167, 168, 177, 200, 202, 207, 216, 218
Renvall F. F. 167
Renvall P. 11
Rinne J. 56, 68, 70, 108, 116, 137, 205
Rosén J. 48
Rosén R. 74
Ruuth J. 108—110, 152, 227

- Ruuth M. 137
Rydberg O. S. 135, 151, 152, 218
- Salenius J. M. 167
Salomies J. 46, 49—52, 56, 70, 114, 168, 202
Salu H. 93
Šaskolski I. 6, 16, 106, 107
Schmidt W. 67, 71, 114
Schubert E. 97
Schück A. 72, 78, 79, 82, 83, 93, 98, 100, 102
Schück H. 37, 74, 167, 171, 177
Schwindt Th. 138, 139
Schybergson M. G. 64, 65, 70, 74, 143
Sjögren Y. A. 20
Stade A. 41, 42, 83
Stjerna A. 48, 55, 57, 58
Stomberg A. 94
Strinnholm A. 177
Suvanto S. 128, 129, 133, 139, 140, 142, 177, 197
- Tallgren A. M. 45, 77
Tallgren-Tuulio O. J. 77
Tarvel E. 6
- Thordemann B. 76
von Törne P. 110, 115, 140, 142, 143, 153, 164, 167, 200, 202, 205
Transehe-Roseneck A. 207
Tunberg S. 41, 42, 48, 49, 55, 83, 167, 177, 200, 203
- Vassar A. 6
Vest E. 167
Vilkuna K. 25, 101
Voionmaa V. 17, 56, 74
- Wallin G. 76, 87, 95
Wallin W. 43
Weibull L. 48, 49, 53
Wiklund K. B. 25, 26, 44, 45
Wilinbachow W. B. 178, 189
Wuorinen J. 46, 50, 51, 52, 58, 149
- Yrjö-Koskinen G. Z. 10, 28, 58, 64, 65, 70, 74, 92, 102, 111, 116, 117, 131, 136, 140, 149, 154, 155, 167, 202, 216
- Ziegler J. 23, 25

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Або, г. 32, 40, 56, 59, 60, 68, 98, 103, 104, 110—116, 231
- Аландские острова 33, 43, 44, 45, 59
- Альмарстек (Альмарнум) 78, 79, 80, 81, 86
- Англия 140
- Аренсбург см. Курессааре
- Асканесс 82
- Аура (Аурайоки), р. 59, 60, 65, 68, 115
- Балтийское море 3, 4, 12, 30, 32, 33, 35, 38, 42, 43, 50, 59, 63, 68, 75, 78, 90, 92, 100, 104, 105, 122, 140, 150, 161, 203, 208, 226
- Балтика 3, 4, 6, 12, 22, 31—33, 35, 63, 65, 78, 83, 90—92, 94, 95, 100, 113, 118, 121, 140, 194, 201, 212, 226, 228, 229, 232, 233
- Беломорье 137
- Бирка, г. 75
- Ближний Восток 30
- Большая Ижорка — см. Ижорка
- Большая Борго, г. 108
- Ботнический залив 20, 21, 49, 100, 129, 228
- Бьюроклубб 129
- Ванхалинна 68
- Варнхем 49
- Васильевский остров 188
- Ватикан 123
- Вермеланд 161
- Вестерботния 49
- Вестергётланд 67
- Византия 13, 97
- Вик 129
- Вирония (Вирумаа) 118, 207, 210, 211, 213
- Висбю, г. 31, 80, 82, 151
- Витебск, г. 151
- Владимир, г. 182—184, 216
- Владими́ро-Сузда́льское княжество 137, 182
- Водская земля (Вотландия) 4, 122, 207—211
- Волга, р. 17
- Волхов, р. 32, 35, 63, 157, 190, 229
- Воронай (Воронья), р. 62—64
- Восточная Прибалтика — см. Прибалтика
- Вуокса, р. 100, 229, 230
- Вуоксинский водный путь 229, 230
- Выборг, г. 100, 230—232
- Выборгский залив 137, 229
- Выборгский замок 229
- Гамла Карлебю, г. 44
- Ганза 29, 151
- Гарда, г. 31
- Гельсингфорс — см. Хельсинки
- Германия 35, 140
- Гёталанд 49
- Гёта-Эльв 198
- Готланд, о-в 30—32, 43, 59, 68, 69, 100, 102—106, 112, 149, 151, 176, 200
- Дания, Датское королевство 30—33, 35, 49, 123, 140, 153—156, 210, 214
- Дерпт (Юрьев) г., 98, 106, 124
- Древнерусское государство, Древняя Русь 8, 22—25, 27, 28, 63, 69, 93, 105, 125, 127, 147, 216, 228
- Дудоровский погост 187
- Дюнамюнде, г. 150
- Еми земля (Тавастланд) 8, 11, 13, 18, 20, 23, 24, 27—29, 33, 79, 107, 125—129, 131—136, 139, 140, 143, 145, 146, 166, 197, 199, 201, 204—206, 212, 215, 224, 227, 231
- Заволочье 39, 107, 118
- Зауралье 22

- Иерусалим, г. 80, 81
 Ижора, р. 189—191, 193, 196
 Ижорка Большая, р. 189
 Ижорская земля (Ингрия) 4, 122, 187, 207—209, 211, 229
 Карелия 6, 8, 12, 16, 18, 29, 30, 34, 39, 72, 90, 94, 136—138, 207, 208, 218, 221, 226, 228—230
 Карельская АССР 30
 Карельский перешеек 30, 94, 100, 137, 222, 228—232
 Кекомьяки 138
 Кексгольм — см. Корела
 Кемийоки, р. 100
 Кнев, г. 16, 17
 Киевская Русь 24
 Кильпола 139
 Кингисепп, г., см. Курессааре
 Кокемяенийоки, р. 56
 Кольский полуостров 18
 Копорье, г. 215, 216, 223
 Корбосельский погост 187
 Корела, г. 94, 138, 229—231
 Корельская земля 4, 208, 209, 227, 230, 232
 Короис (Коройнен, Коройстен, Коройское Або) 68, 103, 104, 115
 Котлин, о-в 32
 Кумо, р. 60
 Кушиттаа 60
 Курессааре, г. 71
 Курляндия (Курония) 67—69, 140, 149, 150
 Кюмийоки, р. 21, 30, 126, 227, 228
 Лаака 161
 Ладога, г. 55, 58, 62, 63, 65, 66, 71, 119, 157, 158, 186, 189, 190, 231
 Ладожка, р. 63
 Ладожское озеро 30, 62, 63, 65, 94, 100, 190, 229—231
 Ландскрона 230
 Лапинлахти 138
 Ледовитый океан 17
 Ливония 34, 70, 123, 124, 148—150, 153, 155—157, 179, 195
 Линданисса (Кольвань), г. 32
 Линчепинг, г. 83
 Литва 112, 140
 Лотарингия 114
 Любек, г. 31, 32, 151
 Магдебург, г. 97
 Малая Нева, р. 188
 Медвежья голова (Отеля) 106, 136
 Меларен, оз. 75, 78, 81—83, 85, 87—89, 93, 96, 100
 Монголия 206
 Москва, г. 6, 93
 Мурманская земля см. Норвегия
 Нарва, г. 214, 215, 229
 Нарова, р. 124, 207, 209—215
 Нева, р. 4, 6, 18, 32, 33, 35, 40—42, 62, 63, 146, 153, 156—160, 165, 166, 168, 170, 171, 176—179, 184, 186—191, 193—197, 199—201, 208, 211, 228—233
 Неревский конец Новгорода 184
 Новгород, г. 5, 9, 15—18, 20, 24—33, 39, 40, 59, 62, 63, 65, 66, 69, 70, 74, 93, 95—99, 102, 104—109, 112, 118—120, 122—125, 131, 132, 134—137, 139, 144—146, 150—152, 154, 155, 157, 158, 163, 171, 173, 176, 179, 182—184, 186—189, 206, 208, 209, 211—213, 215—217, 223, 225, 227—232
 Новгородское государство (Новгородская республика, Новгородская земля, Новгородская Русь) 4, 6, 10, 13, 16, 19, 23, 28, 29, 33, 38, 39, 57—59, 65, 66, 69—71, 73, 74, 76, 78, 90, 91, 99, 101, 104, 105, 112, 113, 116—122, 124, 131, 137, 139, 143—146, 152, 154, 157, 158, 162, 182, 187, 195, 206, 210, 213, 214, 217, 228, 231, 232
 Новое Турку (Новое Або) 103
 Новоторжец 102, 103
 Норвегия, Норвежское государство 160—162, 174, 175, 198, 199, 222
 Ноуси 56, 60, 65, 67, 68
 Нюланд 44, 45, 108, 109, 126
 Нючепинг, г. 102
 Обонежье 229
 Обь, р. 17
 Онежское озеро 30
 Ореховецкий остров 232
 Орешек (Ореховец) 232
 Ориенлахти 21
 Ориенсаари 21
 Осло, г. 161
 Остерботния 44, 45
 Охта, р. 230
 Пааскунта 60
 Палестина 50, 146
 Паша, р. 63
 Пелгуевы (Пелкуевы) деревни 187
 Переяславль-Залесский 123, 195
 Перхон-йоки, р. 129
 Петербург 196
 Плотницкий конец Новгорода 195
 Плоцк, г. 98, 99
 Подвиные 69
 Полоцк, г. 69, 151

- Полоцкая земля, Полоцкое княжество 69
 Поморье 30, 34
 Порккала-удд 33, 59
 Прибалтика, Прибалтийские земли 4, 6, 15, 17, 42, 72, 73, 92—94, 120, 122—124, 140, 147, 150, 152, 153, 156, 159, 201, 206, 211, 233
 Приботния 100
 Приладожье 4, 6, 27, 30, 41—43, 137, 229—231, 233
 Приуралье 22
 Пруссия, Прусская земля 34, 153
 Прусская улица в Новгороде 183, 184
 Псков, г. 123, 124, 145, 151, 154, 211

 Ревель (Таллин), г. 32, 140, 210, 211
 Рентемяки 111
 Рига, г. 122, 124
 Рижский залив 151
 Рим 53, 130, 146, 150, 218, 222
 Рождественский монастырь (в г. Владимире) 182
 Россия, Русь, Русское государство 4, 6—10, 12, 13, 15, 17, 22, 23, 25—29, 35, 38, 65, 66, 69, 72—74, 87, 120, 128, 131, 146, 148, 150—160, 162—169, 171, 173—176, 178, 179, 185, 188, 189, 194, 195, 199—202, 204, 207, 209, 211, 214, 215, 219, 220, 226, 230—233

 Rysseån («русская граница») 129
 Ryssesten («русский камень») 227
 Rysseviken («русский залив») 96
 Rysseudden («русский мыс») 96

 Саамов земля 16
 Саарема, о-в 32, 58, 71, 94, 95, 123, 140
 Саволак 137, 228, 229, 232
 Сатакунта 129
 Саула, р. 140
 Свеаланд 45, 49, 53, 55
 Северная Двина 20, 27
 Семигаллия 140, 149
 Сеппеис 138
 Сиббо 108
 Сигтуна 31—33, 39, 40, 59, 72—102, 104, 105
 Сихтуна 100
 Скандинавия 30, 136, 175
 Смоленск 151
 Советская страна, СССР 11, 169, 233
 Старая Ладога — см. Ладога
 Стенберга 56
 Стенби 154

 Стокгольм, г. 33, 81, 82, 85, 86, 88, 89, 91, 177, 189
 Суздальская земля 137, 182, 185
 Суотнъями 138
 Сясь, р. 63

 Тавастборг 206
 Тавастланд 36, 107, 126—128, 131—133, 140, 141, 143, 145, 157, 198, 199, 205, 206, 212
 Тавастхус, г. 205
 Тверь 232
 Thorsharg 103
 Торжок 102
 Торсхэлла 103
 Тосна, р. 190
 Грандхейм 161
 Турку см. Або
 Тускулум 53

 Уганди (Унгавния) 136
 Упланд 53
 Упсала 53, 79, 80, 93, 218
 Урал 22, 118
 Уусимаа — см. Нюланд

 Финляндия 5, 6—12, 14—16, 19, 20, 25—27, 30, 33, 34, 36, 37, 39, 43—45, 47, 51, 52, 54—59, 64—70, 72, 74, 90, 94, 100, 106—121, 125, 127, 128, 130—133, 135—137, 140—142, 144, 146, 148—153, 158, 160, 163, 165—171, 198—202, 204—206, 212, 213, 215, 217, 219, 222, 225—228, 231, 233
 Финляндия юго-западная 4, 20, 32, 33, 35, 36, 38, 41—47, 51, 52, 53, 57—62, 64, 65, 68, 70, 71, 107, 112—120, 126, 127, 130, 132, 133, 161, 163, 217
 Финляндия центральная (земля еми) 4, 13, 23, 26, 27, 28, 29, 41, 79, 107, 118, 125, 131, 140, 143, 144, 197, 203—206, 216, 228
 Финмаркен 18
 Финский залив 5, 6, 20, 21, 27, 30, 32, 40, 41, 59, 60, 62, 65, 78, 94, 100, 109, 120, 124, 134, 145, 151, 157, 161, 211, 214, 215, 222, 229, 233
 Франция 35

 Хакойстенлинна, Хакойстен 132, 205
 Хельсинки, г. 6, 26
 Ховинсаари 138
 Хоружек 102—104
 Хямеенлинна см. Тавастхус

 Черная р. 196
 Чудское оз. 106, 124, 201

Швеция, Шведское государство 4—7,
12, 13, 15, 30—~~36~~, 38, 39, 40, 43,
45—~~54~~, 56, 58, 62, 64—68, 72—79,
82, 84—96, 99—105, 117—119, 122,
125, 127—129, 131, 146, 149, 151,
152, 156—159, 161, 164—167, 169—
171, 174—178, 197—199, 201—205,
209—213, 215, 216, 219, 221—223,
226—230, 232, 233

Шеллефтео, р. 129

Шенинге, г. 201, 202

Эврепя 229, 232

Эзель — см. Саарема

Эсташхер 82, 83

Эстергётланд 42

Эстония 4, 15, 16, 18, 28, 32, 33, 35,
42, 58, 94, 95, 106, 107, 114, 118,
120, 122—125, 129, 145, 149, 153,
154, 156, 207, 210, 211, 214

Юрьев см. Дерпт

Янаккала 205

Яскис 229, 232

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От автора	3
Введение	4
Глава I. Историография и источники	7
1. Обзор литературы вопроса	7
2. Обзор источников	13
Глава II. Некоторые особенности внешней политики северо-западной Руси и Швеции в XII—XIII вв.	15
1. Взаимоотношения Новгорода с подвластными племенами	15
2. Взаимоотношения Новгорода с емью	20
3. Новгород и карелы	29
4. О связи внешней политики и внешней торговли Новгорода	30
5. Характерные черты внешней и колониальной политики раннефеодальной Швеции	33
Глава III. Первый «крестовый поход» шведских рыцарей и Новгородское государство	38
1. Первый «крестовый поход» шведских рыцарей и борьба со шведской агрессией в юго-западной Финляндии	38
2. Нападение шведских рыцарей на Ладугу	62
3. Поход против шведских владений в Финляндии в 1178 г.	66
Глава IV. Сигтунский поход 1187 г.	72
1. Обзор литературы вопроса	72
2. Город Сигтуна в XII в.	75
3. Сведения письменных источников о взятии Сигтуны	79
4. Кем был предпринят поход?	87
5. Последствия Сигтунского похода	101

Глава V. Русско-шведская борьба в Финляндии в конце XII в.	106
Глава VI. Борьба против шведской экспансии в центральной Финляндии в 20—30-х гг. XIII в.	122
1. Политическая обстановка на востоке Балтики в первые десятилетия XIII в.	122
2. Русско-шведская борьба в Финляндии в 20-е гг. XIII в.	129
3. Восстание еми против шведов в 30-е гг. XIII в.	139
Глава VII. Невская битва	147
1. Организация шведско-немецко-датской агрессии против Руси и роль папской курии	147
2. Шведский поход на Русь 1240 г.	157
3. Сражение на Неве	179
Глава VIII. Борьба против шведской агрессии в центральной Финляндии в 40—50-е гг. XIII в.	197
1. Второй «крестовый поход» шведских рыцарей и завоевание центральной Финляндии	197
2. Борьба Руси против шведской агрессии 50-х гг. XIII в. Финляндский поход Александра Невского	206
Послесловие	227
Именной указатель	234
Указатель авторов, цитируемых в книге	236
Географический указатель	240

Шаскольский Игорь Павлович
БОРЬБА РУСИ
ПРОТИВ КРЕСТОНОСНОЙ АГРЕССИИ
НА БЕРЕГАХ БАЛТИКИ В XII—XIII вв.

Утверждено к печати
Ленинградским отделением Института истории СССР
Академии наук СССР

Редактор издательства Е. Г. Дагин
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор Г. А. Смирнова
Корректоры Н. П. Кизим, Э. Н. Липпа
и Т. Г. Эдельман

ИБ № 8559

Сдано в набор 04.07.78. Подписано к печати
31.10.78. М-18683. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага ти-
пографская № 2. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Печ. л. 15¹/₂ = 15,5 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 19.12. Тираж 5650. Изд. № 6765.
Тип. вак. № 554. Цена 1 р. 40 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»**

АДРЕСА И ПОЧТОВЫЕ ИНДЕКСЫ МАГАЗИНОВ:

- 480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13
320005 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95
375009 Ереван, ул. Туманяна, 31
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 303
252030 Киев, ул. Ленина, 42
277001 Кишинев, ул. Пирогова, 28
343900 Краматорск, ул. Марата, 1
443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2
192104 Ленинград, Литейный пр., 57
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2
199004 Ленинград, 9 линия, 16
220072 Минск, Ленинский пр., 72
103009 Москва, ул. Горького, 8
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
630076 Новосибирск, Красный пр., 51
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18
450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10
720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42
310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ ПОЧТОЙ
ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

117464 Москва, В-464, Мичуринский пр., 12
Магазин «*Книга — почтой*» Центральной конторы «*Академкнига*»

197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7
Магазин «*Книга — почтой*» Северо-Западной конторы
«*Академкнига*»

1р. 40к.